

Марат Кабиров

ИМЯ ТВОЕГО АНГЕЛА

Вы любите художественную литературу, вы любите ужасающих истории? Вам нравится Стивен Кинг, Рей Брэдбери, Габриель Маркес? Читайте Марата Кабирова — это то что надо!!

Романы и повести Марата Кабирова заставят вас шагнуть в бездну собственных страхов и кошмаров. Вы почувствуете ужас и восхищение. Вы почувствуете боль. Но останетесь довольны.

Цепь загадочных событияи приводит четырех мужчин на таинственный остров. Остров, который превращается в источник кошмаров...

Марат Кабиров

Имя твоего ангела

*Женщины –
божественны. Женщины –
творения. Женщины даруют
счастье. О, Богиня, все, что есть
в этом мире, пребывает в форме
женщины. Каждая женщина
должна почитаться всем миром.*

Шактисангама-тантре Кали-кханда 3.142-143

*Ид не терпит
неудовлетворения. Ид всегда
ощущает напряжение
нереализованного желания.*

Зигмунд Фрейд

*Сначала это было выдумкой,
потом суеверием, а потом
непоколебимой верой. Это была...
блуждающая фантазия. Но
кончилось все это плохо. Очень
плохо...*

Стивен Кинг

1. Пригласительный билет

Казань. Татарстан

Старушка Фатима привычным движением положила монетки в карман и принялась читать молитву:

— Раббана фатина хасанатан...

Вдруг краем глаза увидела его. На какое-то мгновение, забыв обо всем, старушка повернулась в его сторону. Да, это был он. Как и прежде, в черной кожаной куртке и джинсах. Коротко стриженные волосы зачесаны вперед, черные очки. Движения спокойны, мужественны, весь его облик напоминает льва, готового в любую минуту броситься на врага. Мужчина остановился. И, встав у газетного киоска, стал тихонько наблюдать за старушкой.

— Пусть Всевышний дарует тебе здоровье и долголетие, — продолжила Фатима свою молитву. — Пусть доведется тебе жить, радуя родителей и чувствуя заботу своих детей. Аминь!

Сделав привычное движение руками по лицу, она снова взглянула в сторону киоска, но мужчины там уже не было.

— Боже, неужели мне уже мерещится, — пробормотала старуха и поморгала глазами.

В это время какая-то женщина подала ей деньги.

— Спасибо, дочка, живи, окруженная вниманием детей, — сказала она, но молитву читать не стала. Сама, не замечая того, она глазами искала мужчину, даже несколько раз повернулась на месте, но его нигде не было.

Неожиданно в ее руки положили еще деньги. Старушка застыла в оцепенении: деньги были бумажные. Фатима не верила своим глазам: ей подали целых тысячу рублей! Не зная, что сказать, она повернулась в сторону подавшего. Однако рядом никого не было.

Старушка увидела лишь спину отдалявшегося от нее мужчины. Черная кожаная куртка. Это был он.

Выйдя из оцепенения, Фатима метнулась за ним. Но догнать было невозможно.

— Сынок, подожди... Давай я прочитаю тебе молитву, — обратилась она к нему. Но голос ее был очень тих. Мужчина все больше отдалялся. Фатима долго всматривалась, стараясь найти в нем знакомые черты. Даже тогда, когда тот скрылся за углом дома, она мысленно продолжала искать в нем что-то родное. Но все было бесполезно. Среднего роста, с красивой мужской осанкой, в черных очках, в такого же цвета кожаной куртке он ей был совершенно незнаком. Он был не тот, кого она так долго ждала.

Старушка опять посмотрела на деньги. Этого мужчину Фатима заметила неделю назад. Тогда он не дал ей денег, но наблюдал за ней с какой-то осторожностью и упрямством. Она вначале не обратила на это внимания: что ни говори, в Казани много любопытных. Возможно, некоторые из них находят удовлетворение, наблюдая за теми, кто просит подаяния. Но когда мужчина появился на второй и третий день, старушка не на шутку испугалась. Ведь, говорят, есть бандиты, которые грабят даже бедных. Как бы этот не оказался одним из тех злодеев. Не зря же, наверное, этот здоровяк бродит по улицам?

Современная молодежь ничего не делает просто так. Даже первое произнесенное ими слово сейчас — «деньги».

Но то, что мужчина подал ей тысячу рублей, в корне уничтожило все ее подозрения. Разве может человек, желающий тебя ограбить, подать столько?! Как бы не так! Если он, конечно, не твой родственник. Но Фатима не признала в нем своего. Он не мог быть ее родственником. Это был совершенно чужой ей человек.

Не первый день просит старуха милостыню. Одной пенсии не хватает, вот она и подалась просить на улицу. Второй год уже пошел.

Некоторые стали узнавать ее, кого-то знает она. Есть и такие, кто здоровается с ней, расспрашивает о жите-быте. Так как она здесь единственная татарка, просящая милостыню, все татары подходят именно к ней. Некоторые приходят в день зарплаты и подают ей даже по 100 рублей. Фатима не ленится посвятить каждому молитву. Все этому только рады. «Бабушка, если я перед гастролями прихожу к тебе, — говорит приноровившаяся ходить к ней известная артистка, — они всегда проходят удачно.» Но до сих пор никто из них ни разу не подал ей тысячу, хотя за день набирается немало: на хлеб-молоко хватает.

Если б она жила одна, то подавания ей хватало бы на все: и на еду, и на одежду, и на оплату комнаты общежития. Хватало бы!

Но у нее есть непутевый сын — Радик. Из-за него она не выходит из долгов. Целый год уже не платила и за комнату в общежитии.

Комендант каждый раз грозит выселить ее. Вот только в последнее время почему-то молчит.

Старуха положила в карман тысячу и поспешила на остановку.

На сегодня хватит. Пока есть деньги, надо расплатиться с долгами.

Благо вчера и пенсию принесли. Небольшая, но все же прибавка.

Только долг за комнату достиг уже двадцати тысяч. Как расплатиться?

В трамвае было немногочисленно. Старушка села на свободное место у двери. Она не любила ездить в трамвае. Но на маршрутку уходит много денег, поэтому выбирать не приходится.

Если уж на то пошло, Фатима и городскую жизнь недолюбливает. Казань не для тех, кто родился и прожил всю жизнь в деревне. Даже воздух здесь другой. Единственная причина ее переезда сюда — это желание помочь Радик. В последние годы младшенький стал много пить. Из-за зеленого змия забыл обо всем. Жена его сначала терпела, но потом, не выдержав, забрала детей и ушла. Но обвинять ее грех. Немало пришлось пережить невестке, сколько водила она Радика по врачам. Пыталась и по-хорошему, и по-плохому, но когда поняла, что все бесполезно, ушла. Ничего хорошего от мужа она не видела: под глазом у нее никогда не сходил синяк. Сколько можно терпеть такие издевательства?! Ведь она еще женщина во цвете лет. Да и детей надо поднимать. Нет, никак не может она обвинять невестку. Слышала, вроде та уехала в Набережные Челны, вышла замуж. Пусть будет счастлива.

Когда сына бросила жена, Фатима привезла его в деревню.

Ровно неделю выдержал здесь Радик. Не пил. Правда, и на работу не пошел, но это уже были мелочи. Водкой и в деревне не брезгают.

«Если выйдет на работу, опять начнет пить», — думала она, поэтому и не торопила его. Но однажды сын заявил о своем нежелании жить в деревне.

— Уеду в город и устроюсь на работу, — сказал он. — И денег здесь мало, и не всем я пришелся ко двору.

Конечно, были и в деревне те, кто жил очень хорошо. Держали в большом количестве

домашний скот, продавали мясо, молоко, пополняя тем самым семейный бюджет. Имели личные трактора, грузовые машины. О легковых автомобилях и говорить нечего. И об этом пыталась говорить сыну Фатима, но все бесполезно.

— Нет, мама, Казань — это Казань, привычное место.

Фатима думала, что сын получил урок из пережитого, поумнел.

Ведь нелегко терять семью, детей. Хотя и не подает вида, но в душе у него, наверное, кошки скребут. Возможно, в Казани хочет возобновить свои отношения с женой. Не плохой ведь парень, если бросит пить. Да и жена, наверное, не будет против начать жизнь сначала. Так думала старушка, поэтому не стала сильно перечить желанию сына. Но Радик, вернувшись в знакомые места, возобновил старые привычки. И старуха, желая все же поставить сына на правильный путь, сама переехала в Казань. Главное, заставить его бросить пить. А если он бросит...

Перепробовала все: заговоры, кодирование, уколы. Но тщетно. В конце — концов, она была вынуждена пойти на улицу просить милостыню. Да и те деньги Радик то воровал у нее, то отбирал.

Короче... Врагу не пожелаешь такой жизни.

Трамвай остановился. Фатима посмотрела в окно и оцепенела от неожиданности, однако, быстро взяв себя в руки, бросилась к дверям.

Она сразу узнала человека на остановке. Это был он. Спотыкаясь на ходу, Фатима подошла к киоску и остановилась перевести дыхание.

— Спасибо, — мужчина в черной куртке положил сдачу в карман и собрался уже уходить.

— Поймай, сынок!

— А-а-а, и Вы здесь, — улыбнулся мужчина.

Старушка ожидала, что он растеряется или хотя бы удивится.

Но, заметив спокойствие мужчины, пришла в замешательство сама.

Что же ему сказать?

— Сынок, ты почему за мной следишь? — Она говорила шутливо, но в то же время с укором. И, поблагодарив в душе Всевышнего, что помог ей найти слова, продолжила, — уж не приглянулась ли я тебе?

Старуха надеялась, что он улыбнется, а, может, даже засмеется.

Однако мужчина оставался серьезным.

— Я, бабушка, за вами не слежу, — он не сказал ей ни одного грубого слова, не изменился в лице. Но то ли в облике, то ли в его голосе чувствовалась какая-то неудовлетворенность. — Вы меня с кем-то путаете.

Старуха растерялась. Голос мужчины был способен убедить даже мертвого.

— Но эти деньги дали мне Вы, — сказала она, показывая ему 1000 рублей.

— Извините меня, я не хотел Вас обидеть.

— Ты меня не обидел, но мне хотелось бы прочитать молитву за упокой души твоих близких.

— У меня нет близких.

— Но родители-то у тебя есть?

— Я детдомовец.

— Но ты...

— Извините меня... — Мужчина поспешил к автомобилю, что стоял неподалеку. Не

успела старуха сделать и двух шагов в его сторону, как он сел, и машина тронулась с места. В ушах осталась звучать только песня, которая звучала из магнитолы машины:

Вернетесь однажды, вернетесь все равно,
Если у вас есть сердце
И не каменное оно...[\[1\]](#)

С какой стороны ни возьми, но выходило, что мужчина не имел дурных мыслей. В этом не осталось сомнений. Во всяком случае, следил за ней не с целью ограбления. Но тогда зачем? С какой целью?

Почему дал столько денег? До самых дверей общежития Фатима искала ответы на эти вопросы.

Дверь в комнату коменданта была открыта. Стараясь не попасться ему на глаза, старушка прошмыгнула мимо. И со стариком — вахтером поздоровалась только кивком. «Сейчас, даст Бог, принесу деньги, — думала она, поднимаясь по лестнице. — Хоть ненамного, но долг уменьшится». Войдя в комнату, Фатима сразу же сморщилась от неприятного запаха, ударившего в нос. Посмотрев по сторонам, прошла в глубь комнаты и потянулась к старым книгам в шкафу. Радик спал. Он опять пьян. Деньги должны быть на месте. Сын не имел привычки трогать книги. Он мог перетрясти все: карманы, посуду, даже обувь, но к книгам не притрагивался никогда. Но сегодня Фатима не нашла своих денег. Исчезла и вчерашняя пенсия и около трех тысяч, собранных ею.

Она не верила своим глазам. Еще раз перебрала все книги. Затем взглянула на храпевшего во сне сына. Ей захотелось избить и даже убить его. Оторвать бы ему голову. Но она сумела только промолвить:

«Сволочь», и бессильно опустилась на стул. Перед глазами промелькнули картины одна страшнее другой.

Немного успокоившись, она выложила на стол из кармана мелочь и принялась их считать. Слава Всевышнему, набралось 180 рублей! Плюс тысяча.

Пока они не попали в руки этому окаянному, надо расплатиться с комендантом.

Старушка еще раз перелистала книги и пошла к коменданту.

Хотя она и была довольна сегодняшней выручкой, но очень переживала за потерянные деньги:

— И почему я сразу не отдала их коменданту, ведь знала, что сын непутевый. Поздно! Сама виновата...

— Фатима, забыл тебе сказать, — встретил ее вахтер, — тут письмо есть.

Старушка была погружена в свои мысли и поэтому не придавала его словам значения и лишь в комнате коменданта вздрогнула:

письмо?! Много лет назад письма она ждала с нетерпением. Каждый день выходила навстречу почтальону:

— Дочка, нет ли мне письма?

— К сожалению, апа[\[2\]](#), нет.

— И сегодня нет, да?

— Нет.

— Ну почему никто не пишет хотя бы строчку?

Если случалось, что не видела почтальона с утра, не ленилась, шла к ней домой. Иногда ей даже казалось, что дети ей пишут, а вот девушка-почтальон забывает отдать ей письма или делает это нарочно. Даже иногда ругалась с ней из-за этого.

Но со временем Фатима потеряла всякую надежду. «Наверное, сыновей уже нет в живых, — думала она. — Были бы живы, неужели бы не подали весточки? Только бессердечные могут так поступать. Нет, их нет в живых». Вот младший так ее не мучил. Писал ей из армии. А когда женился и стал жить в Казани, регулярно приезжал, интересовался ее здоровьем, невестка раз в неделю обязательно звонила, хотя бы раз в месяц писала. Да, невестка у нее была очень хорошая. Жаль, сын не сумел оценить ее. Как только она уехала, некому стало писать ей, интересоваться ее здоровьем. И она, как прежде, уже не ждала писем. Да и не от кого было их ждать!

Только сейчас, когда дошел до нее смысл слов вахтера, ее сердце вздрогнуло. Письмо! От кого оно может быть? А, может, от детей?

Нет... Наверное, нет...

— Вот хочу часть долга заплатить, остальную верну попозже.

Но комендант почему-то не торопился брать у нее деньги, а лишь загадочно улыбнулся. Старуха не на шутку испугалась. Неужели решили ее выселить?

— Не волнуйтесь, за вас уже заплатили, — сказал он, улыбнувшись.

— Позавчера еще заплатили. Вы можете еще полгода жить и не платить ни копейки.

У нее подкосились ноги. Она буквально рухнула на стул, стоявший поблизости и, думая, не шутит ли, пристально посмотрела на коменданта.

— Ты правду говоришь, сынок?

— Конечно, правду, разве этим шутят?

— Да как же это, кто мог заплатить?

— Не знаю, имени не сказал.

— Мужчина или женщина спрашиваю?

— Мужчина.

— Кто это интересно? А он ничего не сказал?

— Нет.

— Какой хоть он? Как хоть выглядит?

— Как сказать, мужчина лет сорока.

— Ты встречал его раньше?

Комендант пожал плечами.

— Похож он чем-нибудь на Радика?

— На Радика, — усмехнулся комендант. — Нет, на него совсем не похож.

Старуха встала и без слов направилась к двери. Зря она задала последний вопрос. Комендант Радика за человека не считал. Вон ведь как усмехнулся. Ей вдруг стало стыдно. Стыдно, а ведь она просто хотела узнать, не ищет ли ее кто-нибудь из детей. И хотя Фатима давно уже смирилась с мыслью, что сыновей нет в живых, но сейчас почему-то вспомнила именно о них. Она ведь не видела их мертвые тела, не знает их могил. А такие большие деньги могут перевести только свои дети. Он ведь не только долг заплатил, но еще и рассчитался за предстоящий год. А это почти 30 тысяч! Сказать только легко.

— Фатима, тебе письмо.

— А?

— Тебе пришло письмо.

— От кого?

— Адрес непонятен. Сама прочитаешь.

Старуха взяла письмо и, по пути разглядывая его, направилась в свою комнату. У нее перепутались все мысли. Может, и вправду жив кто-то из сыновей? И деньги, наверное, он перечислил, и письмо написал. Войдя в комнату и посмотрев по сторонам, она разорвала уголок письма. Но вдруг резко остановилась. Ей было хорошо. Она захотела продлить это ощущение. Ей показалось, что она вскрыет письмо и столкнется с какой-то неожиданной плохой вестью. Но любопытство оказалось сильнее.

— Радик! Сынок!

Однако пьяница ее не услышал. Старушка дрожащими руками начала открывать конверт. Взглянув на письмо, поняла, что это не то, что ждала. Оно написано не от руки. Это был печатный текст.

Немного сморщив брови, она прочитала его и поморгала глазами. Сначала Фатима не поняла, что прочитала. А когда поняла, не могла поверить. Письмо было на имя Радика. Она еще раз взглянула на строки, заставившие учащенно биться сердце:

— Приняв участие в розыгрыше лотереи, проведенной спиртзаводом «Золотые колосья», Вы выиграли 100 тысяч рублей.

100 тысяч! До сих пор даже в руках таких денег не держали. Да и сейчас не хочется верить, что все это правда. Но ведь черным по белому написано. Указано, куда нужно подойти и за выигрышем. В Петербург! Сказано, что дорога, проживание и питание оплачиваются за счет завода. Если то, что написано, правда, это огромное счастье, но сердце Фатимы пронзило какое-то чувство зависти. Она всю жизнь работала в поте лица, но не заработала столько, а тут какой-то пьяница... Нет, нельзя так думать: ведь это ее сын.

Старушка снова обратилась к спящему сыну:

— Радик, сынок!.. Просыпайся!.. Вставай!

Радик не просыпался. Старуха погрузилась в свои мысли.

Одного его отправлять нельзя, все деньги пропьет. Кого же отправить с ним?

Ново — Михайловка. Московская область.

— До свидания, Михаил, да поможет тебе Бог!

— До свидания, братья!

Выйдя из железных ворот церкви, еще раз оглянулся назад.

Нелегко было покидать места, где когда-то нашел душевное успокоение. Но и дальше оставаться здесь уже не мог. Что-то изменилось в нем, появились сомнения в правильности избранного им самим пути, и это превратило его жизнь здесь в ад.

Церковь — святое место. А прошлое Михаила не позволяло ему жить среди святых. Он стал изучать религиозные каноны, был в хороших отношениях с духовными братьями, да и прихожане считали его своим. Все здесь было хорошо, все свято. Только вот эта святость не давала ему жить, тревожила его душу, день превратила в ночь.

Дойдя до конца улицы, еще раз взглянул на купол церкви и повернул направо. Здесь его

знал почти каждый. А сейчас приходится уйти не только из церкви, но и из этого городишка. Проведет здесь еще несколько дней и тронется в дорогу. На случай ухода из церкви он заранее снял для проживания однокомнатную квартиру.

Хозяйка квартиры Татьяна Сергеевна ждала его у подъезда.

Вернее, она ждала не его, а мужчину, который за два дня до этого по телефону заказал квартиру и назначил место встречи. А сейчас, увидев духовное лицо, шагающее прямо к ней, растерялась.

— Татьяна Сергеевна? — обратился он к женщине.

— Михаил? — казалось, весь ее облик противился увиденному.

Михаил кивнул. Женщина, желая скрыть свое смятение, резко шагнула в подъезд. Михаил молча последовал за ней.

Квартира была на первом этаже, они вошли в дверь.

— Отец Михаил, Вы будете одни? — спросила женщина, и сама же смутилась своего вопроса. — И посуда, и постельные принадлежности приготовлены только для одного. Если у Вас будут гости, посуда вот в этом шкафу. А постель я сейчас принесу.

Михаил покачал головой. Это была обычная квартира. Есть все необходимое и ничего лишнего.

— Хорошо, сказал Михаил, взглянув на шкаф, а про костюм Вы не забыли?

Женщина прошла в зал.

— Нет, сказать про это забыла, вот он. — Татьяна Сергеевна, достала из платяного шкафа костюм и протянула Михаилу. — Оденете, а потом, если что, позвоните, я здесь недалеко живу.

— Хорошо.

— Ладно, отец Михаил, располагайтесь. Если что потребуется, телефон мой знаете.

Когда Татьяна Сергеевна ушла, Михаил какое-то время в оцепенении стоял посередине комнаты, а потом подошел к окну. Вид из окна был неплохой. Но внимание его привлекло совсем другое. Он!

Сначала Михаил не поверил своим глазам. Он увидел человека в черной кожаной куртке, синих джинсах и черных очках. Поняв состояние Михаила, тот стоял перед ним, улыбаясь. Но это была не доброжелательная, а какая-то ядовитая улыбка. Михаила словно холодной водой окатили. Он вздрогнул. Кто же этот человек? Что ему нужно? Михаил бросился к дверям и как-то очень быстро вышел к подъезду. Посмотрел туда, где стоял незнакомец и остолбенел: там никого не было.

Вернувшись в квартиру, он взглядом измерил оставленный Татьяной Сергеевной костюм и снял свою одежду. Затем, взяв из котомки все необходимое, направился в ванну.

Какое-то время постоял у зеркала, поглаживая свою черную бороду. В глазах — безграничная тоска. Приняв решение, он взял в руки ножницы. «Если бы можно было вот так же отрезать прошлое», — подумал он, отстригая первый клочок. И, испугавшись, что передумает, начал быстро работать ножницами.

Он, конечно, был грешен.

Нет, не только потому, что душой стал отходить от церкви. Он, естественно, поступил правильно, когда после тюрьмы, не найдя нигде работы, пришел именно сюда. Этим он спас себя от более страшных ошибок. Душа его нашла здесь определенное успокоение. Казалось, что духовные служители простят ему прежние грехи. Во всяком случае, они смотрели на него, как на равного. Но именно это равноправие выводило его из себя. В глубине души его

терзали известные только ему переживания, пережитые им события. О них он никогда, ни при каких условиях не расскажет ни одному из своих духовных братьев. Эти переживания и порождали в нем бесконечные раздумья. А размышления привели к сомнениям в правдивости церкви.

Нет, грех его заключался не только в том, что он ставил под сомнение религию. Если на то пошло, то церковь- сама очаг греха. Сейчас он это хорошо понимает. И поэтому нет необходимости разглагольствовать:

«Живем в тяжелое время. Не осталось ничего святого». Время никогда не было легким. Да и церковь не всегда была такой. Она сама противостояла Слову Христа. И Михаил повторил про себя: «Господу Богу поклоняйся и Ему одному служи». По привычке вспомнил и откуда это изречение: «Евангелие от Луки 4:8». Здесь же не сказано поклоняться церкви, духовным лицам. И не сказано, что путь к Богу лежит только через церковь. Следовательно, можно и вне церкви остаться преданным Богу. Однако церковь не хочет это признать, запугивает отошедших от нее различными наказаниями. А тем, кто ей предан, обещает отпущение совершенных, совершаемых и тех, что совершат, грехов. А ведь человеческие грехи может отпустить только Бог. Так что такое церковь? Неужели это сам Бог?! Какое право имеют простые смертные брать на себя функции самого Бога?! Если смотреть с этой точки зрения, оказывается, что церковь сама противоречит Всевышнему... И не только это. Она является мошенником, который, опираясь на доверчивость населения, используя их душевные переживания, гребет от них же деньги. Вот так! И это невозможно объяснить лишь тяготами современной жизни. Так было испокон веков.

Он не считал себя виновным из-за того, что его мысли пришли в противоречие с религией. Особо не беспокоился и по поводу того, что являлся полноправным членом этой организации мошенников. Он уже не ребенок и хорошо понимает, что в этой жизни нельзя прожить без обмана. Не придавал он большого значения и тому, что по обвинению в убийстве человека попал в тюрьму. Хотя, конечно, это для него было большим потрясением. Оно перевернуло всю его судьбу, перечеркнуло все планы. Но парень отсидел весь положенный срок и постарался забыть об этом. Только Бог и он сам знают, что он не убийца. За всю свою жизнь он не прерывал ничьей жизни. Он просто оказался не в том месте и не в то время и не смог доказать своей невиновности. Если подумать, смешная эта штука жизнь. Не достаточно только жить честно, надо еще свою честность доказывать.

Но все прошло. Теперь уже ничего не вернуть. Да это и не нужно.

Теперь он совершенно другой человек.

Бороду он не сбрил до конца. Испугался, что станет похожим не понятно на что, поэтому оставил ее толщиной в палец. А ведь была борода до самой груди! А сейчас стала такой аккуратной. Даже не чувствуется, что есть она. Почувствовал какое-то облегчение.

Поворачивал голову то вправо, то влево- он никак не мог привыкнуть к своему помолодевшему лицу. Почему-то ему захотелось засмеяться.

Заполнив комнату громким смехом, он вдруг резко остановился. Глаза наполнились тоской. На них навернулись слезы. Казалось, они вот-вот закапают. Он опустил глаза и застыл, глядя на кучу, что раньше была его бородой. «Вот бы и от грехов так же избавиться», — подумал он еще раз.

Он был грешен. К раздумьям о грехах, оказывается, подтолкнул его мужчина в черной куртке, которого он увидел из окна. С первой встречи с ним он потерял спокойствие. Черная куртка пришел в тот день на исповедь. Рассказав обо всех совершенных грехах, он попросил

их отпущения. Отец Михаил должен был отпустить его грехи. Но по мере рассказа этого человека он чувствовал, что теряет силы. А в конце еле-еле смог произнести слова, которые до этого повторял по тысячу раз, и побрел в свою келью. Он был бледен; долго сидел без движения, уставившись в одну точку. Очень долго. И с тех пор начал страдать бессонницей. Ночами вспоминал свое прошлое, детство, родную деревню. Душу обуяла безграничная тоска. В нем зародилось недовольство его сегодняшним состоянием. Именно этот мужчина в черной куртке и заставил его оставить церковь. Конечно, в жизни бывают и случайные совпадения. Но появление мужчины в черной куртке и его просьба об отпущении грехов не были случайными. Его приход на исповедь именно в день службы отца Михаила не мог быть случайным. Даже если все это было бы случайным, вся его жизнь... Нет, он ведь рассказывал не о своей судьбе. Он рассказал о том, что пережил отец Михаил. За это и попросил отпущения грехов. Он даже знал про Анну...

Устав от своих раздумий, Михаил принялся подметать пол.

Подобрал с пола волосы, аккуратно их завернул и положил в мусорное ведро, а затем пошел принимать ванну.

Выйдя из ванны, аккуратно свернул церковную одежду и сложил ее в мешок. Затем надел нижнее белье. А когда надел и футболку с трико, встал возле зеркала и некоторое время, улыбаясь, смотрел на себя. Казалось, одежда повседневной жизни ему очень идет. Затем все содержимое котомки выложил на стол. Хотя у него всего осталось и не так много. Документы, толстая тетрадь, нижнее сменное белье в полиэтиленовом мешке, довольно толстый кошелек. Он не был бедным человеком, да и в сберегательном банке у было достаточно денег. Толстый кошелек был нужен для того, чтобы не растеряться перед неожиданностями новой жизни. Затем, положив и котомку в мешок, понес его на улицу. Вернулся через некоторое время. Виновато улыбнулся. Если бы кто-нибудь сказал, что отец Михаил бросил церковную одежду на мусорку, этому никто не поверил бы. Да если бы это сказали ему самому месяц назад, и он бы не поверил, а только снисходительно улыбнулся бы. Но сегодня... Пошел на кухню, поставил чайник и тут зазвонил сотовый телефон. Это была Настя.

Парикмахер.

— Я подъехала, какая у Вас квартира?

Через некоторое время показалась и она сама. Это была полная невысокого роста, обаятельная женщина. Она попыталась вначале вспомнить хозяина.

— Вы, вроде, не из нашего города, — сказала она и тут же, достав все необходимое, добавила, — давайте начнем.

Михаил молча сел в кресло напротив зеркала. Настя положила ему на плечи покрывало и приступила к работе.

— Какую прическу хотите?

Михаил только пожал плечами.

— Вы же не рокер, наверное?

Михаил покачал головой.

— Просто волосы отрастили, — оправдывалась женщина, — по телевизору ведь показывают. Как будем стричь? Подкоротим?

— По-спортивному. Коротко.

— Правильно, — улыбнулась женщина. — Летом нужно носить короткую прическу. Пусть голова тоже чувствует солнце.

Некоторое время спустя волосы клоками стали падать на пол.

— Какими ветрами в наши края?

— Командировка.

— Неужели не было места в гостинице? Здесь же, наверное, дорого?

Михаил только пожал плечами.

— Работа с командировками — хорошая работа, — сказала женщина мечтательно. —

Во многих местах бываешь, с новыми людьми встречаешься. Вот я из этого городишка уже 15 лет никуда не выезжала.

Михаил молчал. Женщина пыталась еще что-то говорить, но, поняв, что клиент неразговорчив, тоже замолчала. Только в конце работы спросила:

— Нравится самому-то? — и тут же добавила, — совсем другим человеком стал.

Михаил в ответ кивнул и улыбнулся. Ему нравилось.

— Мулла... — улыбнулась Настя.

— Что?

— Когда еще училась, ездила в гости к сокурснице, в татарскую деревню. Вот у них там был мулла. Увидев тебя, вспомнила его. Если обидела, извини.

Михаил улыбнулся, но в глазах его вдруг появилась тоска.

— В какую деревню? — спросил он неожиданно даже для себя. — В какую деревню ездили?

— Название теперь уже не помню. Это было недалеко от Казани.

Михаил ничего не сказал.

Настя собрала свои вещи и вышла.

Он же остался сидеть на месте, продолжая глядеть в зеркало.

— Мулла, — горько усмехнувшись, произнес он. — Мулла...

Он, действительно, преобразился. Хотя это и радовало, но его волновал вопрос: как к этому отнесется Анна и узнает ли она его.

Представив их встречу, он улыбнулся. Анна, конечно, удивится, увидев человека, похожего на муллу. Сначала не узнает, а потом по привычке громко засмеется и обнимет его. А что будет делать Сергей?

Этот двухгодовалый карапуз какое-то время будет сторониться его. А потом, как мать, громко засмеется. Приятно было Михаилу представлять эти моменты. Воспоминания о них доставляли ему безграничное удовольствие. Даже во время своего «заточения» в глухих стенах церкви, даже во время богослужения он не мог не вспоминать их. В начале, когда он встал на скользкий путь разврата и еще чувствовал неловкость за свои грехи, он уже благодарил судьбу за встречу с Анной. Хорошо еще, что она есть в его жизни. Хорошо, что есть Сергей. Конечно, об их связи в этом городишке знают немногие.

Но скоро, совсем скоро они начнут жить по-человечески, одной семьей. Да и Сергей не будет относиться к нему как к появившемуся откуда-то хорошему дяденьке.

Михаил опять уставился в зеркало. Нет, он не похож на муллу.

Сейчас так выглядят бизнесмены. И еще некоторые...

Он набрал номер Анны.

— Как дела, дорогая?

— Хорошо, — улыбнулась женщина. Михаилу даже показалось, что видит ее улыбку. — Мы готовы. Ты когда приедешь? Тут на твое имя письмо принесли.

— Какое письмо? Как на мое имя?

— Не знаю, Миша. Не вскрывала. Думала, придешь и сам согласишься.

— Подожди. Как это письмо передали тебе? Подумай сама.

— И я удивилась.

— Кто тебе его дал?

— Я подумала, что это кто-нибудь из твоих близких. Думала, письмо от тебя, а оно адресовано тебе. Адреса нет, написано только имя и фамилия.

— Какой мужчина?

— Обыкновенный. Где-то около сорока лет. Красив. В черных очках, да и одежда, вроде, черного цвета. Да-да, черная куртка, джинсы. Я еще подумала, почему он в летнюю жару в черной куртке.

Среднего роста. У тебя есть такой знакомый?

Михаил на какое-то время замолчал. Как бы ища что-то, пробежался взглядом по комнате. И вдруг резко посмотрел в окно.

Нет, этого не может быть. Но глаза не обманывали его.

— Коротко остриженные волосы зачесаны вперед, черная футболка, черная куртка, голубые джинсы, а на ногах... На ногах...

Сейчас скажу...

— Ты его знаешь что ли?

— Он стоит сейчас перед моим окном. — Михаил поспешил к двери. — Я тебе перезвоню. А сейчас поспешу познакомиться с таинственным гостем. До свидания.

Нацепив на ноги, что попало, он выбежал на улицу. Прошло не более минуты. Но человека на месте не было. Он куда-то скрылся.

Михаил посмотрел вокруг, но его не увидел. Недалеко от подъезда есть арка, ведущая в соседний двор. Он скрылся, скорее всего, там.

Иначе и быть не может. Михаил побежал к арке. Но и там никого не было. Он походил еще какое-то время, пристально осматривая все вокруг. Заглянул во все потаенные уголки, посмотрел все подъезды.

Но мужчины в черной куртке не было. Он исчез за какую-то минуту.

Так не может быть! Не разверзлась же под ним земля?

Стремясь не оставить без внимания ни одно движение, ни один эпизод, он пошел обратно. Тихо вошел в свою квартиру. Ничего подозрительного не увидел. Прошелся взглядом по комнате. Ему показалось, что что-то изменилось. Возвращаясь, он заметил, что забыл закрыть дверь, поэтому, наверное, и засомневался теперь.

Изменений никаких не было. Однако... Михаил осторожно вошел в кухню. Бросил взгляд на шкафы, раковину, посуду. Только после этого заметил на столе конверт. Но взять его он не торопился. Выйдя в зал, еще раз проверил комнату. Посмотрел в окно. Хотел увидеть в нем силуэт мужчины в черной куртке. Но там никого не было. Через некоторое время он вернулся в кухню и взял конверт. Взял и вздрогнул. По спине пробежал холодок.

Это было обыкновенное письмо, в обычном конверте.

Вздрогнуть Михаила заставил адресат. В строчке «кому» стояло постороннее имя. Но письмо это было ему, Михаилу. А имя ему было знакомо, очень знакомо.

Хамит проснулся, но какое-то время не мог ничего понять.

Осмотрелся. В доме было тихо, слышалось только дружное похрапывание. В падающем из окна лунном свете он увидел спящих на полу детей и, стараясь не наступить на них, подошел к кровати, где спала жена. Мозолистыми пальцами погладил ее волосы, поцеловал в щеку. Женщина, что-то ласково пробормотав, повернулась на другой бок. Не проснулась. Пусть спит. Хамит, боясь даже дышать, какое-то время еще постоял возле нее. Ему показалось, что он слышит сердцебиение ребенка в утробе матери. Улыбнулся. Ему захотелось положить руки на живот жены и «поговорить» с ним, но он сдержал себя. Ребенка в утробе уже не было. Три недели назад у жены случился выкидыш. А Хамит до сих пор не мог примириться с этим.

Ему все еще казалось, что Лена беременна.

Он снял с гвоздя у двери стеганку, калоши взял в руки и, стараясь не скрипеть дверью, вышел из дома. Включил свет, надел стеганку. Достал из кармана папиросы и закурил.

Проснулся он из-за странного сна. Ему приснилась их корова.

Будто бы сильно устав за день, он заснул. Проснулся на скрип двери и, увидев, кто входит, еле сдержался, чтобы не закричать от страха. В двери входила их стельная корова.

— Пошла! Мать твою!

Хамит хотел вскочить и выгнать корову, но она вдруг заговорила человеческим голосом:

— Не гони ты меня. Я ведь пришла к тебе с просьбой.

— Ты?.. — Хамит от удивления даже открыл рот.

— Извини, — сказала корова с таким видом, словно пришла для серьезного разговора. — Я не хотела тебя напугать. Но возникло неотложное дело. Нам необходимо поговорить.

Затем она достала две папиросы, одну протянула Хамиту, другую, взяв с полога печи спички, прикурила сама. И как будто всю жизнь курила, затянувшись, пустила дым в Хамита.

— Здесь поговорим или во дворе?

Хамит посмотрел на кровать, где спала жена. К счастью, она не проснулась. Повернулся к корове:

— Затуши папиросу, не видишь что ли?

— Тогда выйдем, поговорим. — Корова повернулась к двери, — Дома, наверное, нельзя курить.

— Тебе вообще нельзя курить, — сказал Хамит, указывая на ее живот. — Что хочешь лишиться теленка?

Корова громко засмеялась.

— Я как раз пришла поговорить об этом.

При выходе из дома Хамит споткнулся о порог, чуть не упал и, вздрогнув, проснулся. Открыл глаза, но в темноте ничего разобрать не мог и поэтому лежал, думая, во сне все это или наяву. Кроме тихого похрапывания детей и жены ничего не было слышно...

Он не знал, как истолковать этот сон. Хотя, что его толковать: в хлеву лежит его стельная корова. Надо выйти и посмотреть. Отел коровы для сельчанина — это святое дело. Ему приходилось холодной зимой просыпаться среди ночи, услышав: «Ваша корова

отелилась».

Он выходил и видел, что корова, действительно, отелилась. А если бы не вышел, теленок замерз бы от холода. Вот и гадай, какой это голос был. Такое в жизни сельчанина случается часто. Но дело не только в этом. Люди привыкли к таким «весточкам», они воспринимают их не как чудо, а как природное явление.

Хамит затушил папиросу и вошел в хлев. От мысли, что вот сейчас включит свет и увидит курящую корову, его бросило в дрожь.

Но ничего этого не было. Корова лежала тихо и жевала. При виде хозяина она приветливо замычала. Хамит подошел к ней, ласково почесал ее за шею и, пожелав счастливого отела, вышел. Та проводила его долгим взглядом.

Душа Хамита переполнилась какой-то безграничной теплотой и любовью ко всему живому. Рождение новой жизни, даже независимо от кого, ласкало душу, заставляя смотреть на жизнь светлыми глазами, любить ее.

Хамит снова закурил. Говорят, над деревней висит какое-то проклятие. Он стоял и смотрел на звезды. Они сияли очень ярко. На небе не было ни тучки, ни облака. Ничто не говорило о проклятии.

Вдруг за хлевом послышались звуки, похожие на стон. Хамит прислушался. Звуков больше не было слышно. Он было, уже потянулся к ручке двери, как опять ему что-то послышалось. В этот раз это был шепот. Хамит прислушался. Потянулся опять к ручке двери, но желание заходить в дом пропало. Как бы корова не отелилась. Хотя, вроде, до утра должна дотерпеть. Но разве можно предугадать состояние скотины, ведь они не могут говорить. Хамит опять направился к хлеву. Вдруг его осенило: звуки-то идут не изнутри, а снаружи, за хлевом со стороны переулка. Не уснул ли кто пьяным? Хамит направился в ту сторону.

С каждым шагом звуки становились все слышнее. Он отчетливо слышал стоны. «Что бы это значило? — думал он. — Может, пытаются что-нибудь своровать? Посреди ночи могут только воры ходить». Но когда понял, что один голос принадлежит женщине, остановился. Они лежали в скирде соломы, что в углу за хлевом. Поняв, в чем дело, он улыбнулся, вошел внутрь хлева и, открыв немного ворота, ведущие к скирде, стал наблюдать, желая узнать, кто же там. Но самое интересное уже, вроде, прошло: они уже не стонали. Мужчина, сверкнув при свете луны своими ягодицами, сделал еще два ленивых движения и остановился. Через некоторое время он встал на колени и одел брюки. Женщина схватила его за руки.

— Не торопись, — прошептала она, — мне хочется еще.

Мужчина грубо отбросил ее руку:

— Мне нужно идти.

— Женщина, прикинувшись обиженной, продолжала ласкаться к нему:

— Не уходи...

Но когда поняла, что ее слова не имеют действия, взяла бутылку, стоящую в сторонке и глотнула прямо из горлышка.

— Фу, блин... — вытерев тыльной стороной ладони рот, она повернулась к мужчине, — а ты настоящий мужчина, Насим.

Мужчина уже встал.

— Я не Насим, — сказал он грубовато. — Осталось там еще?

— А ты кто?

— Какая разница? Давай.

— Здесь больше нет. Выпили. Пролили. Ха-ха-ха...

— До свидания.

— А разве ты меня не проводишь?

— Что?

— Ха-ха-ха... Попользовался и ушел... А мне не хватило.

Мужчина не стал ее больше слушать. Он постарался без шума перебраться через забор и пошел в направлении соседней улицы. Он не был пьяным. Хамит узнал его по походке.

— Иди ты на... — выругалась женщина и еще раз отпила из бутылки. — Не осталось хороших мужиков. Ни туда, ни сюда... А мне не хватило. Не хватило.

И, уткнувшись в солому, она заплакала.

Хамит был зол на мужчину. Напоить женщину до такого состояния и бросить у кого-то на скирде. Но долго он злиться не смог, его обуяли другие мысли. Хамит был «голоден». Он давно уже не имел близости с женой. Нельзя. Но он ведь мужчина! А блестящие при свете луны голые ягодички женщины были обольстительны. Даже то, что она была пьяна и вопреки всем нормам говорила о своей неудовлетворенности, будоражило его кровь.

Хамит тихо пошел в ее направлении. Женщина даже не заметила его приближения. Это еще больше подзадорило его. Сняв брюки и тихо опустившись на колени, он встал позади нее. Ласково, но сильно обхватил ее за талию. Женщина от неожиданности вздрогнула, попыталась оказать сопротивление, но когда поняла, что ей ничего не угрожает, играя ягодичками, сама стала прижиматься к Хамиту.

Он узнал ее. Это была Ляйля, которая два года назад приехала в деревню, чтобы учить детишек рисованию. А когда школу закрыли, она осталась без работы. Сколько людей осчастливила Ляйля, нарисовав их портреты. Руки у нее были золотые. Говорят, выпивать она начала тогда, когда ее любимый уехал в Уфу и стал сожителем с женщиной старше его на 10 лет.

Но Хамиту все это сейчас было неважно. Хотя Ляйля была пьяна и только что вышла из объятий другого мужчины, ее молодое тело излучало необъяснимую свежую энергию, заставляя от нежности биться сердце. Ее сладкое постанывание, умение в мгновение переходить в различные позы, нежные потягивания улаживали душу, заставляя представлять все не как разврат, а как святое дело, танец ангелов.

Как бы не старался Хамит думать о постороннем, протягивая наслаждение, не получилось. Впав в экстаз, он растворился в нем.

Тяжело дыша, обмякнув и телом, и душой, он растянулся на соломе.

Почувствовал себя виноватым. Ему показалось, что Ляйля снова скажет: «Еще». Но женщина ничего не сказала. Она, издав стон, заставляющий содрогнуться душу, нежно легла на грудь Хамита. Оба замерли. Казалось, прошло очень много времени. Нежные пальцы женщины стали теребить волосы Хамита.

— Спасибо тебе!

Этот ласковый шепот окунул все вокруг в нежность любви.

Хамит сильнее прижал женщину к своей груди. Возбужденные, они вновь, забыв обо всем, окунулись в вулкан любовных страстей.

Обессиленный от любовных утех, Хамит по-иному взглянул на то, что произошло. Сегодняшнее ночное похождение уже не казалось ему светлым, окрыляющим душу мгновением жизни. Это было развратом, необъяснимым безобразием. Он перешел какую-то невидимую черту, окунулся в какую-то невидимую грязь. И причиной этого была Ляйля.

Обессилившая от разврата и спиртного молодая распутная женщина лежала на скирде соломы.

Хамит взял бутылку и отпил из горлышка. Показалось, что спиртное приглушило огонь внутри. А потом, налив спиртное на ладонь, начал все отмывать. Жгучая боль охватила тело, но он выдержал и это. Ему казалось, что таким образом происходит его очищение. Следовательно, спирт делал свое дело. Не дай Бог, свяжешься с такой развратной девицей и заработаешь болезнь. При мысли об этом сердце у него екнуло и он, сгоряча, отхлебнул еще раз из бутылки и поставил ее на землю. Застегнул брюки.

— Сожалеешь? — спросила Ляйля. Она уже встала с места и начала одеваться. Хамит не ответил. Ляйля, не спеша, оделась и принялась причесывать волосы.

— Извини, — Ляйля пошла за скирду.

Хамит вроде как пришел в себя.

— Подожди! Не уходи, — сказал он, следуя за ней, — подожди немного.

Ляйля остановилась.

— Что?

Хамит не ответил.

— Я не больная, — сказала Ляйля с чувством неприязни. — Я никому о тебе не скажу. А ты думай, что хочешь, и говори, что пожелаешь. Мне пофиг. Пока.

Голос женщины вздрогнул. Она, резко повернувшись, собралась уходить.

— Ляйля! Подожди.

Хамит схватил ее за руку.

— Я...Гм... Я тебя... — Он вдруг замолчал, с какой-то яростью прижал ее к груди и, безудержно целуя, прошептал, — Спасибо тебе!

Враждебно настроенная было женщина, постепенно смягчилась и вдруг охваченная безграничной лаской прижалась к Хамиту и задрожала от страсти.

— Я совершил грех, перешел черту дозволенного, — прошептал Хамит, — но я, я не каюсь... Вернее, я каюсь, но не потому, что был с тобой....

Он сам удивился тому, что сказал. Но он говорил правду. Хотя Хамит и сожалел очень по поводу того, что совершил грех, изменил жене, но был безгранично доволен тем, что провел время с этой женщиной. Казалось, в Ляйле было что-то освежающее, не связанная с чистотой тела душевная чистота.

— Сегодня день моего рождения... — прошептала Ляйля. — Я... я уже больше года не имела близости с мужчиной. А сегодня... Сегодня я дала всем... Всем, кто встретился. Я поиздевалась над мужчинами, как могла... Бедные... Знаешь, что... Мужики нас за людей не считают... Сделал дело и пошел...

Хамит молчал. Девушка, которая только-только вступила на путь любви, но уже успела искалечить душу, вроде, была права. Да и он не смотрел ли на нее, как на удовлетворение собственных потребностей? Даже в своей распушенности он хотел обвинить Ляйлю.

— Ты не такой, — сказала она, немного успокоившись. — Ты не думаешь только о себе. Счастливая твоя жена!

Разве может быть счастливой женщина, у которой муж, уйдя из дома среди ночи, развратничает с кем-то? Хамит даже вздрогнул от этой мысли. Это, вроде бы, даже Ляйля заметила.

— Нет, она действительно счастливая, — сказала она. — То, что было сегодня, не считается. Эта ночь — случайное явление.

Но мужчина чувствовал, что его ночные похождения выходят за границы случайности.

— Сегодня день моего рождения, — вновь повторила Ляйля. — Ты стал самым большим подарком для меня.

Она крепко поцеловала Хамита в губы и, резко повернувшись, ушла. Он остался стоять на месте не в состоянии сказать или сделать что-то. Даже придя в себя, Хамит не торопился домой. Ему казалось, что его одежда и тело пропитались чужим женским запахом, и стоит ему войти в дом, как он распространится вокруг. Нужно было немного проветриться во дворе. Хамит закурил. Руки его немного дрожали. Так у него бывает всегда, когда он чувствует свою мягкотелость и бессилие. Ну почему он не вышел немного позже?! Почему не сдержался?! Да, легко только перейти за греховную черту. Стоит только сделать шаг — обратного хода уже нет. Это тебе не в соседний сад сходить. Вот и приходится жить, скрывая свое бессилие и ничтожество.

Как бы желая освободиться от нахлынувших мыслей, Хамит резко зашагал в сторону ворот. Взялся, было, уже за ручку, но выйти на улицу не хватило смелости. Осмотрелся по сторонам: искал, за что бы зацепиться взглядом, о чем бы подумать. Перед глазами, мучая его, стояли лишь эпизоды ночи. От безысходности он вышел на улицу.

Было темно. Людей не видно. Хоть бы кто-нибудь показался.

Перекинуться бы хоть с кем-нибудь словечком. Тогда поверил бы, что жизнь идет своим чередом и ничего сверхъестественного не происходит.

Но никто не появился. Хамит посмотрел на столбы ворот, желая хоть за что-то зацепиться взглядом. Но придраться было не к чему. Да и восхищаться собственно было нечем. Красиво-то красиво, конечно.

Но в такое время восхищаться не хочется. Ничто не радует глаз.

Посмотрел на почтовый ящик, и душу вдруг обуяла радость. Забыли взять вчерашние газеты! А когда из почтового ящика достал и журнал «Тулпар»^[3], счастьем его не было предела. Вот что отвлечет его, заставит забыть!

Было еще темно. Хамит включил на веранде свет, закурил и сел на крыльцо. Но только он открыл первую страницу журнала, как оттуда выпало письмо. Хамит даже вздрогнул. Сам он не любил писать письма. И вообще они ни с кем не переписывались. Но Хамит пугался каждый раз, когда изредка от кого-либо приходили письма. Чувствовал себя безмерно виноватым. Ему почему-то казалось, что в письме содержится весть, которая обречет его на вечное страдание. И сейчас он почувствовал то же. «Уеду завтра же! Завтра же, — подумал он, как только увидел письмо. — Нет, сегодня! Не задержусь ни на минуту!» Но, вскрыв его, немного успокоился. Никакой страшной весточки в нем не было. Хамит прочитал письмо, но ничего не понял.

Он уловил только то, что не из-за чего беспокоиться. От радости сидел, уставившись взглядом в калоши на полу. После этого опять потянулся к письму. В этот раз прочитал его с большим вниманием.

Но чем больше он его читал, тем сильнее растягивался его рот в улыбке. В приподнятом настроении он пошел в дом.

В этот момент он совершенно забыл о том, что произошло на скирде за хлебом.

Он поднялся на верхнюю палубу. Катер, пересекая волны, взял направление на Манхеттен. А Халиль, смотря на здания, увеличивающиеся с каждым мгновением, глубоко вздохнул. И он, пересекая жизненные волны, мечтал найти свое счастье. Ради этого решился даже покинуть родину. Кем бы был он сегодня, если бы остался в России? Неизвестно. Но он не захотел остаться там. Ему захотелось жить свободным, не нуждающимся ни в чем человеком. И он, вроде, добился своего. Во всяком случае, жаловаться ему не на что.

Он может делать все, что захочет. А это неплохо для мужчины старше пятидесяти пяти. Так, почему же его душу что-то гложет? С палубы отчетливо бросались в глаза и нижний Манхеттен, и Нью-Джерси, что в южной части Бруклина, Сайт-Айленд и далекий мост Верразано.

Халиль стоял какое-то время, не отрывая от них взгляд. Это было удивительным зрелищем. Неожиданно он обратил внимание на плывущий навстречу торговый корабль. Корабль, казалось, не плыл, а увеличивался на глазах. Халиль даже вздрогнул. И его иногда охватывает какое-то неприятное состояние, и все то, что оставил он в прошлой жизни и постарался забыть, оставить в тумане лет, всплывало вдруг в памяти какой-то точкой, которая, как этот корабль постепенно увеличивалась, заполняя все вокруг. И сейчас случилось то же самое.

Показалось, что тень от корабля закрыла все вокруг. Но он прошел.

После него все стало еще ярче. Но тяжелое впечатление в душе осталось.

Может, тоска заставляет так сходить с ума?! Или чувство вины не дает жить спокойно? Возможно, и то, и другое. Возможно, до этого он не замечал всего по молодости и желанию наладить свою жизнь. А сейчас, когда жизнь уже сложилась, да и возраст берет свое, мысленно возвращается в прошлое и корит себя за содеянные ошибки. Хотя он и не желает, открыто признавать это, но душу обмануть невозможно.

С самого начала он поступил неправильно. Никому ничего не сказав, уехал за границу. Да и время тогда было такое, что об этом нельзя было громко говорить. Хотя была же возможность раскрыть свой секрет самым близким. Но Халиль не сделал этого. И потом не подал никакой весточки. Сначала боялся навредить семье, усложнить их жизнь, а потом уже чувствовал себя неловко. Его давно уже, наверное, вычеркнули из списка живых. Смирились с его потерей.

Поэтому думал, что не стоит ворошить старое.

Конечно, его внезапное исчезновение не могло повернуть жизнь семьи в худшую сторону. Что ни говори, он у родителей не единственный, чтобы позаботиться о них в старости, у Халиля на родине осталось еще три брата. В этом плане душа у него спокойна, но...

Сойдя с катера, он пошел по забитой машинами и людьми улице. Не думал, вроде, ни о чем. Только в душе какая-то пустота.

Дойдя до конца Бродвея, остановился, оглянулся по сторонам.

Остановил взор на убогой церкви. В первые дни за границей единственным знакомым местом была церковь. Их было много и в Казани. Не потому ли, всегда, когда проходил мимо нее, душу охватывало какое-то смутное чувство. Тогда ему казалось, что он никуда не уехал, а просто ходит по улицам Казани. Сейчас такого ощущения не было. Он уже привык к жизни

здесь. Но, все же, проходя по улицам, мечтал, чтобы хоть раз встретить кого-либо, говорящего на татарском языке. Вот уже пять лет эта мысль живет в его душе неосуществимой мечтой. Однажды ему даже показалось, что у магазина он услышал, как две женщины говорили по-татарски. Речь была настолько знакомой и родной. Но оказалось, что это были турчанки. И все же было приятно. А в другой раз вздрогнул от голоса мужчины, кричащего на татарском языке:

— Унбер алла! Унбер алла!^[4]

— Каких одиннадцать богов! Бог ведь один! — подумал он, слушая знакомые звуки. А когда подошел поближе и увидел старика — пакистанца, продающего дешевые зонтики, чуть не чертыхнулся:

— Umbrella! Umbrella!^[5]

И таких разочарований было немало. Поэтому и мечта услышать родную речь стала казаться неосуществимой. Денег у него было достаточно. Иногда он даже был уверен, что, если встретит на улице человека, говорящего на татарском языке, без всякого сомнения, выпишет ему чек. «Соглашусь на все, что пожелает этот человек», — решил Халиль позднее, когда понял, как далека от осуществления его мечта. Но такой человек ему не встретился. Конечно, татар здесь было немало. Они хорошо знали друг друга, частенько встречались. В такие моменты говорили по-татарски. Но это не считалось. Встреча на улице — совсем другое дело.

Сейчас он хорошо начал понимать то, к чему в начале относился снисходительно. Первый встретившийся ему татарин был Габдулла Хамит. Попав в плен во время Великой Отечественной войны, не желая гнить в сталинских тюрьмах, он жил сначала в Западной Германии, затем переехал в Америку. Этот старик показался Халилю очень интересным человеком. Он не мог слушать татарские песни спокойно, без слез. Об истории татар, их искусстве, литературе мог говорить часами. Иногда казалось, что его, кроме этого, больше ничто по-настоящему и не волнует. Он заказывал знакомым, которые часто ездили в Казань, книги и любил читать их вслух. Читал не стихи. Если были бы стихи, еще было бы понятно. Но это были не стихи. Он вслух читал прозу. И всегда при этом плакал. Именно это и удивляло Халиля. Как можно вслух читать прозу?! И как при этом можно плакать?! Странно! А сейчас начал понимать: на Габдулла бабая действовали не только события и герои, но и звучание родной речи, ее мелодичность и красота. Тогда мистери Хамиту было восемьдесят лет.

А сколько лет Халилю? Если так пойдет и дальше, то он станет таким же, как Габдулла бабай.

Но, оказывается, жизнь не бывает без приключений. Вчера Халиль взял отпуск. Не из-за того, конечно, что уж очень устал.

Свободным было время и у сына Роберта. Решили, что вместе съездят отдохнуть. Вот решат, куда поедут и сразу начнут собираться в дорогу. Если честно, Халилю было все равно, куда ехать. После потери жены уже около пяти лет он не отдыхал, стараясь забыться в работе. Вот Роберт только выбирает долго: ему то Рим, то Париж нравится.

Выйдя с работы, Халиль собирался поймать такси. Вдруг в уши ударила какая-то приятная волна, от неожиданности он даже замер на месте. Замерло не только тело, а все его существо. Каждая клеточка его тела и души не хотела мириться с тем, что слышала. Этого не могло быть. Нет, да это и не должно быть. Но это было, и это заставило его окаменеть на месте. Знакомые звуки проникали в него, проходя через каждую клеточку, заполняя душу.

Он почувствовал себя младенцем, лежащим в люльке, подвешенной к потолку деревенского дома. Казалось, еще мгновение и покажется милое лицо матери... Было так хорошо... Волна, ласкающая душу, усиливалась и Халиль начал различать слова. Кто-то пел приятным голосом:

Не забудутся никогда. Вспомнятся еще
Ваши родные края.

На какое-то мгновение Халиль даже засомневался, что стоит на улице Нью-Йорка, все ему показалось каким-то сном. Но даже если это был сон, он был очень приятным. Халиль, как бы боясь проснуться, слушал песню без единого движения.

Вернетесь, вернетесь однажды,
Если не каменные ваши сердца.

Комок подступил к горлу. Он начал чаще дышать. Дрожь пробежала по телу. И Халиль, желая убедиться, что все это происходит наяву и певец находится рядом, повернулся в его сторону.

Движение его оказалось настолько резким, что тот от неожиданности даже замолчал. Поющий замер на какое-то мгновение, в упор посмотрел на него, а потом улыбнулся.

— Что, буржуй, — шутил он по татарский, — испугался нашей песни?

У Халиля не было сил ответить, а певец улыбнулся еще шире:

— Не бойся, это хорошая песня. Хочешь, и тебя научу?

Халиль ничего не смог ответить. Человек в черной футболке, черной куртке и джинсах был моложе его лет на пятнадцать.

Зачесанные вперед волосы и черные очки делали его еще моложе. Он напоминал кого-то из знакомых. А улыбка! Америка — страна улыбающихся людей. Но такой искренней, душевной улыбки, кроме как у татар, казалось, нет больше ни у кого. Халиль захотел что-то сказать, но пропал голос и он поспешил кивнуть головой. Мужчина громко засмеялся:

— Споем вдвоем громко, ладно? А ты, мистер, умеешь петь?

— Халиль... — наконец-то он обрел дар речи, — Халиль я...

Теперь удивился мужчина. Он в упор посмотрел на Халиля, даже потрепал его за плечи:

— Ты татарин? Ах ты, мать твою!!!

— Брат! — Халиль обнял его. — Родной!

Когда прошла опьяняющая от неожиданной встречи радость, Халиль вспомнил обещание, которое постоянно повторял в душе.

— Я решил, что если встречу на улице человека, говорящего на татарском языке, — сказал он, — исполню любое его желание. Ты вроде здесь недавно. Чем помочь, проси, не стесняйся.

Черная куртка задумался.

— Исполнишь любое мое желание?

— Пусть оно будет такое, чтоб я смог, — улыбнулся Халиль, — исполню, конечно.

Черная куртка расцвел на глазах.

— У меня лишь одно желание. И я скажу его тебе, если только ты его исполнишь.

— Хорошо, договорились.

Черная куртка на какое-то мгновение замолчал, затем посмотрел на Халиля сомневающимся взглядом и, наконец, решился:

— Ты приезжай к нам в гости. С семьей.

Халиль не ожидал такого. Он был в недоумении, но потом, словно груз с плеч сбросил, улыбнулся:

— Договорились.

— Обещаешь?

— Обещаю, — ответил, улыбаясь, Халиль и уставился на мужчину. — А где Вы живете?

— В Казани.

Халиль на какое-то время даже растерялся. Он думал, что мужчина живет в Нью-Йорке, во всяком случае в Америке. Его смятение заметил и черная куртка.

— Есть проблема? — улыбнулся он.

— Нет, нет, — поторопился Халиль. — Но я не думал, что Вы живете в Казани.

— Так, значит, наша договоренность остается в силе?

— Конечно.

— Очень хорошо. Когда приедете?

— Не знаю. Мы с сыном собрались отдохнуть. Возможно, съездим и в Россию. Тогда и к вам...

— Хорошо. Тогда договоримся так. Вы сегодня посоветуетесь с женой и позвоните мне.

— Очень хорошо, — ответил Халиль, улыбнувшись, и, стесняясь того, что стал отходить от татарских традиций, добавил, — Может, сначала погостите у меня, я как раз шел домой?

— Нет, — улыбнулся черная куртка, — спасибо. Как-нибудь в другой раз.

После встречи Халиля не покидало приятное ощущение.

Только дома он вспомнил, что не спросил имени мужчины. Но сожаление по этому поводу длилось недолго. Роберт, услышав его предложение, даже запрыгал от радости:

— Как хорошо! И Казань увидим!

Впечатления от этой неожиданной встречи были очень сильными. Халиль не мог уснуть всю ночь. Перед глазами стояли отец-мать, родственники, деревня. Все вокруг было охвачено ностальгией и каким-то светом. Было хорошо и тяжело одновременно.

А впечатления, полученные на катере, были продолжением этого.

Впавший в раздумья Халиль вздрогнул от неожиданного к нему обращения. Увидев улыбающуюся молодую приятную женщину, поспешил и сам улыбнуться.

— Извините, мистер Халиль, — сказала женщина, протягивая ему конверт. — Ваш друг не смог прийти сам и просил извиниться. Здесь все необходимое. Завтра отправитесь в дорогу. Прошу еще раз извинить, что задержала. До свидания.

Халиль не успел ничего ответить, как она ушла.

— Спасибо, — прошептал Халиль, убирая письмо в нагрудный карман, — спасибо, родная.

Несмотря на то, что он немного расстроился из-за невозможности встречи с парнем-татаринном, он был все же рад.

Наконец-то, он вернется к себе на родину. Вернется после тридцати трех лет с семнадцатилетним сыном. Живы ли родители? Только бы были живы. Обрадовались бы, увидев внука, родившегося и выросшего в Америке. Ведь и он их кровиночка. Халиль

улыбнулся.

Ему хотелось улыбаться, смеяться...

Он снял черную куртку и бросил ее на стул, а сам развалился в кресле. По-американски положил ноги на журнальный столик. Это он часто видел в кино. Но это для него было непривычно. Как можно грязные ботинки класть на стол? Лишь в Америке он разгадал секрет.

Все оказывается очень просто. Здесь очень чистые улицы: к обуви грязь не прилипает. Только россиянин может подумать о том, что ботинки на столе могут быть грязными. Но через некоторое время он все же спустил ноги на пол: ему было неудобно.

Он не мог и предположить, что так быстро поймает Халиля. Уж очень быстро поймался тот на обман. Хотя, вроде, они все такие. Не зря же, наверное, Михаил Задорнов смеется над ними: «Лохи они все».

Здесь очень доверяют людям. На каждого смотрят с доверием. Так оно и лучше. Только в обществе, основанном на доверии, можно жить и работать со спокойной душой. Только доверия терять не надо. А у нас по-другому. Даже если кто-то начинает хвалить тебя, думаешь: «Чего это он? Что ему нужно?» Все задуманное прошло удачно. Но это не слишком обрадовало его. Он начал сожалеть, что взялся за это дело. Не надо было. Живи себе спокойно в Америке, наблюдай, общайся с новыми людьми.

Этого было бы достаточно. Нет, он так не может. Ему обязательно нужно совершить какую-нибудь глупость.

Началось все легко, а вот чем все закончится, представить было трудно. Если произойдет что-то трагическое, он себе этого никогда не простит. Да и другие его не простят. Просто так, по необъяснимой прихоти его судьба теперь висела на волоске. Ладно, если б от этого зависела только его судьба. Он получает только удовлетворение, подвергая себя опасности. Плохо, что опасности он подверг судьбы других людей.

Может, остановиться?

К тому же об острове у Солнечного озера, действительно, ходили разные слухи. Да и он сам распространил немало слухов об этом. Но одно дело, его сплетни и совсем другое слова людей, живущих здесь из поколения в поколение. Местное население называет его «Остров смерти» и не то что бы близко подходить, даже упоминать о нем боится. Рыбаки, которые измерили это озеро вдоль и поперек, могут часами рассказывать о произошедших здесь неприятных случаях. Кто-то считает его логовом чертей, кто-то думает, что здесь находятся двери в параллельный мир, а кто-то утверждает даже, что здесь временная бездна. Но он не очень верит всему этому. Недавно, готовя это путешествие, он семь дней провел один на этом острове. Там находится двухэтажный дом, построенный кем-то много лет назад. Но ничего странного он там не увидел.

Конечно, это ни о чем не говорит. Не каждый день возникают чудеса и случаются неприятности. Он вернулся тогда с убеждением, что все пройдет хорошо. Но сегодня опять в душу закралось сомнение. Даже если это самый обыкновенный остров, невозможно предугадать, как поступят люди.

Может, и вправду лучше остановиться?

Остановиться еще не поздно. Можно все незаметно уладить. Но даже если заметят, если объяснить, почему затеяна вся эта суматоха, никто не осудит. Как говорится, все под контролем. Но ему не хотелось останавливаться. Было интересно, чем все это закончится. И страшно. Но он старался не думать о последствиях.

Санкт Петербург. Россия

Наконец, они добрались до речного вокзала. Стоило выйти из такси, как к ним подошла приятная женщина. Роберт облегченно вздохнул. Она была первым человеком, кто в России им приветливо улыбнулся. Но и эта женщина исчезла куда-то, как только проводила их до других туристов. Желающих совершить путешествие на остров у Солнечного озера было 30–40 человек. Роберт окинул взглядом все вокруг. Таких, как они, приехавших семьями, здесь было мало.

Остальные объединились в группы по пять-десять человек, одни держат в руках спиртное, другие курят. Громко что-то рассказывают, смеются. Молодые парни между собой шутят, резвятся. С ними его отец, наверное, не сможет найти общий язык.

— Отец, а того твоего друга разве нет?

— Не знаю. Не видно пока.

Халиль, возможно, и сам уже каялся, что, послушавшись незнакомого встреченного на улице человека, тронулся в путь. Роберт постарался больше не надоедать ему вопросами.

Он в России еще никогда не был и с радостью согласился на предложение отца. Ему казалось, что в этой стране его ждет невероятное приключение. Увидит места, где родился и вырос отец, встретится с его родственниками. Побывают и в исторических местах.

Так он предполагал. Но стоило ему ступить на эту землю, в голову пришла совершенно другая мысль, и он начал было уже каяться, что согласился. Все показались ему какими-то чужими, неприветливыми.

Не было у них времени и любоваться красотами окружающей природы, все куда-то спешили. К тому же, случилось непредвиденное.

Он думал, что прямо поедут в Татарстан, а там все будут говорить по-татарски. Но они приехали в Санкт Петербург, а потом долго на такси добирались до какого-то поселка. Невозможно было запомнить даже название его. Со времени вступления на российскую землю он не услышал ни одного слова ни на английском, ни на татарском языках.

А русский язык он не знал. Поэтому чувствовал себя неуютно, будто оказался в какой-то чужой холодной стране. К тому же и лица людей были здесь какие-то злые, неприветливые.

Понаблюдав за ними, он понял, что у них на лицах не столько злость выражена, сколько слабость, бессилие. На их лицах было выражение того, будто они чего-то очень ждали и не дождались.

Может, они просто устали оттого, что долго ждали теплоход? Вон на той скамейке бородатый мужчина с женщиной положили маленького ребенка к себе на колени поперек, склонили друг к другу головы и замерли, уставившись широко раскрытыми глазами в одну

точку. Так сидят они уже долго, без единого движения. Роберт уже начал думать, живы ли они, как вдруг женщина, двигая только губами, что-то сказала. Парень понял только, что она сказала «Михаил». Но муж улыбнулся. Стало как-то хорошо: это была вторая улыбка в этой стране. Недалеко от них, опустив голову на грудь, спит небрежно одетый мужчина. Рядом с ним, наверное, дочь, примерно одного возраста с Робертом. Она, как будто стесняясь внешнего вида отца, отвернулась в сторону, стараясь не смотреть ни на кого. Рыжие спускающиеся до плеч волосы. Черные брови. Пухлые красные губы.

Если бы на лице у нее не было выражения неловкости, стеснения, она была бы довольно привлекательной. Хотя и так от нее невозможно отвести глаз. Почему-то некоторым идет печальное выражение, делает их более привлекательными, появляется желание их утешить. Далее стоят четверо, поставив свои чемоданы в центр. Это, наверное, мать- отец и брат с сестренкой. Они, как другие, и не печальны, и не возбуждены. Ждут спокойно, изредка о чем-то переговариваясь. Слов их не слышно. Но движения похожи на то. Дети оба примерно, одного возраста с Робертом. Они стоят спиной, их лиц не видно, но по внешнему виду примерно должно быть так. Вот с ними Роберт мог бы общаться. Девушка выглядит очень симпатичной, распущенные волосы. Да, здесь есть три человека, с кем мог бы подружиться Роберт.

Неожиданно девушка оглянулась, и ее взгляд встретился с его взглядом. Они оба на какое-то мгновение замерли, забыв обо всем.

Первой в себя пришла девушка, виновато улыбнувшись, она отвернулась. Роберт не верил в действительность происходящего. Он не мог отвести от нее взгляд. Но, почувствовав неловкость от того, что стоит в ожидании ее улыбки, отвел взгляд. Краем глаза он успел увидеть, что как раз в этот момент девушка еще раз посмотрела в его сторону. Всего лишь на мгновение, но посмотрела. Какое-то приятное ощущение овладело Робертом. Чтобы не выдать себя, он стал наблюдать за шумной группой. Их было около десяти человек в возрасте двадцати-тридцати лет. Возможно, давние знакомые, друзья.

Возможно, сослуживцы, а возможно... Да, это были несколько пар, решивших провести свой отдых вместе. Детей нет, вроде это и не супруги...

— Роберт, ты еще не устал? — голос отца прервал его мысли. — Может, а ну его это путешествие? Поедем сразу в Казань?

Парень мгновенно взглянул в сторону девушки. Та, найдя удобное положение, встала возле отца. И теперь она стояла лицом к Роберту. Девушка увидела, что парень повернулся в ее сторону, и незаметно улыбнулась. Роберт улыбнулся ей. Он, стараясь не испортить впечатления, повернулся к отцу:

— Сам-то как хочешь, папа? Я не против поездки в Казань, но не будет лишним, если мы посмотрим этот остров. Время-то еще есть.

Отец нежно улыбнулся.

— Как бы тебе не было скучно. Мне показалось, что ты начал тосковать.

— А здесь все такие. Я не увидел ни одного довольного лица.

Улыбаются только пьяные. Наверное, здесь нельзя быть счастливым без спиртного.

Халиль громко засмеялся.

— Нет, у нас в Америке улыбаются чаще — это правда. Но улыбки в России совершенно другие. Если здесь кто-то посмотрел на тебя с улыбкой, значит, он тебя считает близким человеком. Улыбка здесь звучит, как «ты мне очень близок», а такие слова всем не говорят. В Америке же улыбка — это просто привычка. Повернулся к тебе — улыбнулся, а через

мгновение забыл о твоём существовании.

— Интересно.

— Россия — интересная страна, она тебе, сынок, понравится.

Оба замолчали.

Через некоторое время Роберт повернулся в сторону той девушки. Она следила за ним. Он улыбнулся ей широкой доброй улыбкой. Она, не ожидавшая этого, смутилась на какое-то мгновение, а потом улыбнулась сама. Но, желая скрыть все от своих близких, быстро отвернулась. Те же то ли не заметили, то ли сделали вид, что не заметили ее состояния, но не придали этому значения.

Лишь через некоторое время в сторону Роберта повернулся парень, стоящий рядом с девушкой. Посмотрел на него придирчивым взглядом и, оставшись довольным, улыбнулся. Улыбнулся и Роберт.

— Ляйсан, ты уже начала переглядываться с парнями? — прошептал Лаис, когда отец с матерью отошли к киоску. — Смотри мне...

— На себя смотри. Глаз от той рыженькой не отводишь! — Но, заметив растерянность Лаиса, Ляйсан громко засмеялась и, не желая обидеть брата, добавила, — выглядит ничего!

Лаис кивнул в сторону Роберта:

— Про него говоришь? Сойдет.

— Нет, — улыбнулась Ляйсан, — твою рыженькую имею ввиду, красивая девушка.

Желая убедиться в том, что сестра говорит правду, он какое-то время смотрел изучающее на девушку, а потом улыбнулся:

— Да, на всех глаз не кладет. Вот сделаю ее твоей снохой.

— Снохой она мне быть не может: ты меня на полчаса младше.

— Подумаешь, полчаса.

— Крылатые ракеты долетают до Америки ровно за 10 минут. А за полчаса можно уничтожить всю планету. Следовательно, ты родился позже меня на время, за которое можно мир снести с лица земли. Вот так то, братишка!

— Ну, хорошо, будешь звать ее невесткой.

— Буду, только ты сначала познакомься с ней. Поспорим: ты до конца путешествия не сможешь сказать ей ни одного слова.

— Я?! Да если нужно, я подойду и познакомлюсь с ней прямо сейчас.

— Не сможешь! Давай поспорим. Отдам свой сотовый телефон.

— Больно мне нужен твой сотовый...

— Боишься. Всю жизнь тушевался перед девушками. Если хочешь знать, девушки любят смелых парней. Если бы я была на твоём месте, подошла бы к ней уже сейчас и заговорила.

— Это же ты...

Лаис еще раз посмотрел на рыженькую. Хоть бы голову подняла.

В это самое время среди отдыхающих началось какое-то движение. Притихли те, кто говорил громко, спавшие открыли глаза.

Лаис быстро нашел причину этого. Среди них появилась миловидная женщина из туристического агентства. «Ей бы в индийских фильмах сниматься, а не здесь ходить», —

подумал Лаис, глядя на нее.

— Как, друзья, не устали еще ждать? — сказала она громким, но приветливым голосом. — Только вы не спешите опускать головы.

Кто-то из стоящих близко пробубнил что-то под нос, выражая недовольство. Но женщина не рассердилась.

— Я понимаю вас. Все вы проделали долгий путь, устали, наверное, немного, — сказала она приветливым голосом. — Но не торопитесь разочаровываться. Наше путешествие еще не началось.

Сегодня на теплоходе вы сможете хорошенько отдохнуть. А завтра с утра вас ждут интересные приключения. Конечно, вы видели немало красивых мест, но то, что вы увидите здесь, доставит вам истинное наслаждение.

— «Путешествие на Солнечное озеро», я ничего не понял. Куда мы пойдём, на какое озеро, — слышался опять тот же пьяный голос.

— Озеро, куда мы с вами собрались, считается самым большим в Европе. Но дело не только в этом. Кристально чистая вода, хорошо виден весь подводный мир. А подводное царство здесь очень богато.

Каких только животных и растений нет в нем. По желанию можно будет в специальных снаряжениях совершить путешествие и в подводный мир.

— Напиться до предела, а затем спуститься под воду, чтобы протрезветь. Во, блин, кайф! — в группе молодых раздался смешок. Но женщина не обратила на это внимания:

— Озеро богато и на небольшие райские уголки. Некоторые, кто живет близко от этих мест, проводят здесь свой медовый месяц. Если среди вас есть влюбленные, и им можно будет остаться в этих райских уголках один на один. Есть там и специальные коттеджи, наши служащие готовы исполнить любые ваши желания.

Лаис краем глаза заметил, что сестра незаметно посмотрела на того парня. Да и парень не отводил от нее взгляда. Вот опять встретились взглядами и улыбнулись. Лаис посмотрел на рыженькую.

Ее отец уже открыл глаза и с полным безразличием наблюдает за выпивающей группой молодежи. А дочь, кажется, на что-то сердится.

Нет, даже не это, вроде, она сердится на то, что оказалась здесь. Как будто кто-то отправил ее насильно. Эх, что бы сделать такое, чтоб поднять ее настроение!

Женщина все еще рассказывала:

— Остров, куда мы поедём, называется островом Полумесяца.

Понятно, что он и по виду напоминает полумесяц. Но я назвала бы его райским островом. Там у вас будут возможности претворить все ваши мечты в жизнь. Я уж не говорю о благоустроенных коттеджах, ресторанах, саунах, бассейнах, игровых залах. Для желающих поплавать, совершить путешествие в подводный мир есть специальные места. Особенно интересно будет для тех, кто любит рыбу. Вы не будете сидеть с удочкой или ловить сетью. У вас будет возможность поплавать с крупной рыбой в обнимку или сняться с ними в кино, сфотографироваться. А также прыжки с парашюта в воду, катание на водных лыжах, соревнования на скоростных водных мотоциклах... Это все то, что связано с озером. А для тех, кто любит сушу, есть специальный парк отдыха. Чего только нет там! Короче, невозможно перечислить всего. Там есть все, чего душа пожелает!

Это маленький сказочный городок. У вас была мечта совершить путешествие в сказочную страну? Думайте, что вы на пороге свершения вашей мечты...

Последние слова женщины запали в душу Лаиса: «Вы на пороге свершения вашей мечты... На пороге свершения... Свершения мечты...» Парень больше не стал ее слушать. Он не мог оторвать глаз от девушки, впавшей в бесконечную тоску. Как поднять ей настроение? Как вывести ее из этого состояния? Сестра права, он всегда тушевался перед девушками. Но до этого Лаис и не встречал той, которая бы завоевала все его внимание. Надо быть смелее, подойти к ней и что-нибудь сказать. Что сказать? Не скажешь ведь ей:

«Не сиди такой грустной, подними голову, веселись, я влюбился в тебя!» Что нужно говорить, чтобы познакомиться с девушкой? Черт его знает! Но что-нибудь ведь надо сказать. Хорошо тому парню:

посмотрел на его сестру, улыбнулся — и готово. Сейчас он может хоть что ей говорить. А Лаис... Нет, всю жизнь он был таким невезучим.

Хоть бы голову подняла эта рыженькая. Посмотрела бы на Лаиса, улыбнулись бы хоть друг другу. Так, нет!

Лаис, как бы желая услышать какой-нибудь совет, посмотрел на сестру. Но Ляйсан было не до него, она переглядывалась со своим парнем. «Я твоя сестра», — любит хвалиться она. Раз сестра, пойдя, познакомься с ней. Девушке с девушкой познакомиться ведь намного легче. Сама познакомься и подведи ее к братишке. Познакомь. Но нет.

Надеяться на нее нечего.

Желая найти хоть какую-нибудь поддержку, Лаис посмотрел по сторонам. Не было видно и отца с матерью. Надо воспользоваться этим моментом. Но что он может сделать? Вдруг его взгляд упал на киоск, где продавали газеты и журналы. Да, надо сделать именно так.

Купить какую-нибудь книгу и подарить ее девушке. Надо купить интересную книгу, чтобы она могла с удовольствием читать и смеяться. Девушка начнет читать ее и, забыв про все свои горести, будет от души смеяться. И каждый раз с улыбкой будет смотреть и на Лаиса.

Парень пошел к киоску. Бросил взгляд на книги. Но не увидел ничего, что можно было бы подарить любимой девушке. Детектив интересен, наверное, только парням. Есть, правда, книги и о любви, только названия у них какие-то странные. Брошюры о сексе. Захочешь подарить книгу, а девушка ее не возьмет: «Спасибо. Я только вчера ее прочитала. Не понравилась». Нет, незнакомому человеку книгу не подаришь. И вдруг он замер. Журнал о цветах! Вот что ей нужно. Он посмотрел вокруг и, увидев магазин цветов, стараясь сдерживать себя, поспешил в том направлении. И выбрал самый красивый букет.

Дороговато, правда. Ну и пусть! Деньги приходят и уходят, а прекрасные мгновения жизни остаются навечно.

Девушка сидела все в том же состоянии. Она даже не заметила, как к ней подошел незнакомый парень. Ее отец посмотрел на него равнодушным взглядом и снова погрузился в свой мир. От него несло спиртным. Вот, оказывается, в чем причина. Лаис встал перед девушкой.

— Извините...

Та была вынуждена посмотреть на него. Лаис положил букет ей на колени.

— Это Вам, — сказал он и поспешил прочь.

— Но зачем?

— Парень не смог ничего ответить. На лице девушки было выражение удивления и благодарности. И заинтересованности. Лаис ничего сказать не смог, он только от души ей

улыбнулся.

Лаис улыбался и тогда, когда подошел к Ляйсан. Она же, вроде, даже не заметила его отсутствия. Лаис с улыбкой посмотрел на ее парня и сказал сестре:

— Давай телефон.

Девушка не услышала его. Да это было и хорошо. На него, улыбаясь, смотрела рыженькая. Заметив Ляйсан, она немного изменилась в лице, но это длилось лишь мгновение. Даже невооруженным глазом можно было определить, что они близнецы.

Лаис тоже улыбнулся девушке. Вскоре к ней обратился отец, она, нехотя, ответила ему.

Айгуль в это путешествие поехала не по собственному желанию. Когда пришла бабушка и объяснила, в чем дело, пришлось согласиться. Другого выхода не было: и мать, и неродной (не известно еще, кто нероднее) отец на работе, а родного отца Радика одного отправлять страшно.

— Написали ведь сто тысяч рублей, — сказала бабушка, — грех просто так оставить. Если бы дали нам с Радиком тысяч двадцать, остальное бы вам было. Ради детей... Ведь им еще поступать надо.

Какая никакая помощь была бы.

Никто не стал этому противиться. Да и без денег никто бы не стал возражать. Что ни говори, а бабушку все уважали.

Не стала противиться и Айгуль. Но она не думала, что будет так.

Ей казалось, что они приедут, заберут деньги и вернутся обратно. А стоило им приехать сюда, как начали говорить о путешествии на остров. Наверное, премию собираются там выдать. Девушке было неудобно, расспросить обо всем подробно, а отцу было все равно. Он, кажется, до конца не понимал, зачем он вообще сюда приехал.

Вначале, может, из-за того, что долго не виделись, встреча с отцом казалась ей каким-то приятным событием. Но на деле вышло все не так. Мужчина не придавал ей никакого значения. И приятные ожидания, только-только зарождающиеся в душе девушки, ушли в небытие.

Вспомнилось, как он постоянно приходил домой пьяным, избивал мать. Тяжелые воспоминания детства пробудили в ней ненависть к нему. Но она была вынуждена провести с ним еще несколько дней. Да и среди тех, кто собрался в путешествие, Айгуль не видела никого, с кем можно было бы подружиться. Да она собственно и не искала их.

Когда на душе тошно, не хочется с кем-то разговаривать. А для того, чтобы кто-то сам подошел и познакомился с ней, надо, чтоб от того, кто рядом, так не несло спиртным. Хотя перед дорогой отец и обещал не пить, но слова своего не сдержал. Стоило сесть в поезд, как сразу взялся за водку. Девушка пыталась говорить ему и по-хорошему, и даже ругала его, но все было бесполезно. «Ладно, доченька, больше не буду», — обещает он ей, а сам тут же украдкой брался за старое. Из-за этих мытарств Айгуль сейчас и сто тысяч показались мелочью. Будь ее воля, она бы бросила все и уехала домой. Но девушка боялась обидеть бабушку. Хотя мать и сделала вид, что согласилась со свекровью, но она отдаст ей деньги все до копейки. А бабушка даст их Айгуль, ее братишке. А если не возьмут, обидится. Не успокоится, пока не отдаст.

Только тогда она будет чувствовать себя счастливой, будет довольна тем, что хоть так выполнила свой долг перед внуками. Если Айгуль вернется обратно, то самой обиженной будет бабушка. И не оттого, что не хватает денег, а потому, что не смогла претворить свою мечту в жизнь. Вот ведь как выходит, если подумать.

Вот именно тогда, когда Айгуль сидела погруженная в свои грустные мысли, случилось чудо: незнакомый парень подарил ей цветы. Да какой букет! Даже самым известным артистам такие букеты дарят, наверное, только близкие друзья. А тут совершенно незнакомой девчонке. Дочке алкаша. Девушка готова была расплакаться. Поэтому, получив цветы, какое-то время не могла прийти в себя. К горлу подступил комок. Перед глазами стояло лицо искренне улыбающегося парня. Наверное, только из-за того, что думала о нем, и не заплакала.

При мысли о нем становилось так легко, что хотелось улыбаться.

И, желая хотя бы еще раз увидеть его, она повернулась в сторону парня. Парень, не отрывая от нее ласковых глаз, наблюдал за ней.

Айгуль улыбнулась, и первый раз после того, как отправилась в дорогу, почувствовала себя хорошо. До этих пор она чувствовала себя униженной, стеснялась того, что не только находится рядом с этим пьяницей, но и приходится ему дочерью. А сейчас почувствовала себя совершенно по-иному. Если даже в таком состоянии она еще может привлекать чье-то внимание — это совсем неплохо.

— Ну и кто этот парень? — спросил немного погодя отец.

— А тебе разве не все равно?

И сама расстроилась оттого, что ответила так грубо. Сейчас ей совсем не хотелось грубить.

Есть что-то странное в людях, говоришь им раз, два, три...

Иногда сто раз повторишь, а до человека не доходит, он находится в каком-то странном состоянии, способен понять только тогда, когда повторишь ему в тысячу первый раз. И с Радиком произошло то же самое. Грубый ответ дочери произвел на него необъяснимо тяжелое впечатление. Он почувствовал, как низко он опустился, что не нужен уже не только никому, но даже собственной дочери.

Оглянулся по сторонам. Все здесь были парами. Кто-то с женой, кто-то с любимой, а кто-то со своим ребенком, но это не важно. Они были парами. У них чувствовалась взаимная любовь. Вон те двое на скамейке, что сидят, взяв в середину маленького сына. Вон подвыпившая группа. Везде чувствуется, что они нужны друг другу.

Вон там, невдалеке, отец с сыном. Толком и не разговаривают, смотрят в разные стороны, думают каждый о своем. Но из движений уже понятно, что они очень близки друг другу. А Радик... И он ведь сидит рядом с дочерью. Говорят, что девочки сильнее отцов любят.

Но... Это он почувствовал только сейчас. Может, поводом этому послужило то, что этот парнишка подарил его дочери цветы? Ведь как расцвела Айгуль, которая до этого сидела, проклиная все на свете.

Она даже улыбаться начала. Но ведь и Радик мог поднять настроение дочери. Тогда он

мог бы быть сегодня одним из самых любимых ею людей. Так должно было быть, но вышло все наоборот. Ладно, что было, то было. Этого уже не вернешь. Надо сохранить то, что имеем.

Не надо отстраняться от Айгуль. Это же его ребенок. Если уж не любовь, может быть, сможет заслужить ее уважение? Ведь еще не поздно. Не поздно. Лишь бы не потерять самоуважение — Дочка, схожу, умоюсь, — сказал он, вставая со своего места, — пора приобретать человеческий вид Айгуль удивленно посмотрела на него, но ничего не сказала.

Она опять подумала, что он пошел пить. Зная, что говорить в таком случае что-либо бесполезно, промолчала.

Женщина, одетая в форму турагентства, вроде, уже закончила говорить о прелестях, которые ждут всех на острове. Она отвечала на вопросы. Неожиданно к ней подошел мужчина и протянул какую-то бумагу. Они пошептались о чем-то, и женщина громко обратилась к туристам:

Дорогие гости! Приближаются долгожданные минуты. Но для вас есть одна новость. На остров мы пойдем несколькими группами. А сейчас назову номера путевок. Вы внимательно послушайте. Те, кого назову, отправятся в дорогу уже сейчас. А для остальных теплоход прибудет немножко попозже. Итак, слушайте внимательно!

До этого гудевшая группа в мгновение замолчала. Те, кто оказался в списке, взяв сумки, направились за мужчиной, который пришел с бумагой. Остальные загудели, выражая недовольство. Кто-то закурил папиросу, а кто-то открыл банку пива.

— Друзья, немного внимания, — успокоила их женщина, — они, конечно, отправились пораньше. Но ваш теплоход намного комфортабельнее. Вы сможете на нем хорошо отдохнуть. И он скоро уже прибудет.

Народ немного успокоился. Ведь есть люди, которым всегда легче осознавать, что кому-то тяжелее, чем им. Эта мысль их успокаивает, утешает и поднимает настроение. Немного погодя туристы опять стали оживленными.

Казань. Татарстан

Фатима сошла с трамвая и, пройдя через небольшой базар, повернулась к переулку. Осмотрелась по сторонам: как бы кто не привязался. Но людей с дурными намерениями видно не было.

Успокоившись, она пошла дальше. Осталось пройти этот переулок, повернуться направо и, зайдя в третий подъезд первого дома, подняться на седьмой этаж. И хотя в движениях не было видно спешки, душа ее стремилась вперед. Хотелось скорее все узнать.

Осталось совсем немного. Хадича должна быть дома. Только бы не было большой очереди.

Сто тысяч, конечно, деньги немалые. Фатима их даже в руках никогда не держала. Из-за такого богатства можно, наверное, пойти и на риск. Но она не ожидала, что все так обернется, надеялась, что сопровождать Радика поедет сноха или они поедут вместе с мужем.

Хотя... она не очень сопротивлялась и тому, что решили отправить Айгуль. Семнадцатилетние девушки в свое время и на фронт уходили.

А девочка едет за деньгами с собственным отцом. Сначала Фатима успокаивала себя так. Но со временем в душу запало сомнение. Ей даже стало казаться, что уж лучше идти на войну, чем сопровождать горького пьяницу, который ни с кем не считается. Айгуль же семнадцатилетняя девушка! А Радик — алкаш! Если выпьет, то может и своровать, и набедокурить. Ему доверия нет! Когда его глаза застит водка, может совершить все, не посмотреть, что выросшая Айгуль его собственная дочь. От него все станется. Даже если не будет и так, она все равно не сможет заставить его бросить пить. А пьянице нигде нет почета, деньги могут и отобрать, и не дать, и обмануть. Где деньги — там и опасность. Неправильно подвергать семнадцатилетнюю внучку такой опасности.

Фатима потеряла всякий покой.

Хотя вначале Айгуль и звонила, но уже на второй день поездки замолчала. Когда ни позвонишь, один ответ: «Абонент находится вне зоны действия». Кто знает, может, просто телефон потеряла, а может...

Но не только по этому поводу тревожилась старушка. Она свое пожила, многое повидала в этой жизни. Вначале она, конечно, обрадовалась, но потом, когда немного успокоилась, поняла, что такие деньги просто так не дают. Если бы было хотя бы десять тысяч — куда ни шло. А тут целых сто тысяч! Это десять раз по десять тысяч! Это про бизнесменов говорят, что они работают ночи напролет, не зная отдыха и спокойствия. Это же они делают для обогащения, для того, чтобы накопить богатство. Если бы они были готовы отдать такие деньги обыкновенному алкашу, наверное, так не поступали бы. Даже если бы они захотели привлечь внимание, заинтересовать кого-то, то и тогда выбрали бы другого человека, а не такую пьяницу, как Радик.

Человека, который мог бы быть им полезен. А Радика даже по телевизору нельзя показывать. Стоит ему три дня не пить, становится таким жалким, а когда наоборот, не может и трех слов связать. Надо быть полным идиотом, чтобы отдать ему такие деньги.

Мысли ее были правильными. Неожиданный выигрыш не соответствовал никаким нормам. Но выигрыш был, и его нужно было забрать — это было правдой. Противоречие этих правд не давало ей успокоиться. Если выигрыш не действителен, зачем тогда написали письмо с приглашением?! Ведь у деловых людей и так туго со временем. Даже родителям они не могут отправить письма. А эти написали. Но, наверное, не только из-за того, что руки чесались? Тогда зачем?

Когда даже после долгих раздумий, она не сумела найти ответ, забеспокоилась не на шутку. Тогда она и вспомнила старушку Хадичу.

С ней она познакомилась в прошлом году на углу базара. Фатима тогда неделю, как мечтала купить и поесть красные пряники. В детстве они ели их с подружками. Да и сейчас стоило ей их увидеть на прилавке, как вспоминалось детство. Но у нее не хватало денег.

Конечно, если бы все проблемы состояли только в этих пряниках, можно было бы и купить. Но долги за комнату... Да и многое другое.

Около недели ходила она около того места. Стоило ей увидеть эти пряники и душа,

вроде бы, успокаивалась. В тот день у нее собралось милостыни немало. Поэтому она наконец-то решилась. Возьмет всего полкило или двести грамм и попробует. Улыбаясь сама себе, она шла к магазину на углу базара. Неожиданно услышала чей-то голос:

— Не трать зря деньги. Эти пряники не по нашим зубам.

Фатима даже испугалась. Она никому не раскрывала своих мыслей. Наверное, ей это послышалось. Хотя Фатима и пыталась себя успокоить, но все же посмотрела по сторонам, Почти следом за ней шла старуха. Увидев удивленное лицо Фатимы, та виновато улыбнулась.

— Я тебя совсем не хотела напугать, не сердись, — сказала она, стараясь своим охрипшим голосом говорить как можно приятнее. — Просто не хотелось, чтобы ты зря потратила деньги.

— А ты... ты откуда узнала?

— То, что ты захотела купить пряники? — Старуха еще раз улыбнулась своим беззубым ртом. — Не знаю. У меня так иногда бывает. Узнаю то, что мне вообще не нужно и накликаю на себя беду.

— Надо же... — Фатима не знала, что и сказать. — Ладно, что бы ни было, спасибо.

— Тебе спасибо, за твое спасибо. Иначе на меня чаще всего обижаются. Уходишь уже? Если уж очень хочешь, можешь купить эти пряники. Их ведь и в чае можно размочить.

— Ты живешь в этих краях? — спросила Фатима, поворачивая разговор в другую сторону. — А я тебя до этого здесь не встречала.

— Нет, я живу совсем в другом месте... — Старушка назвала свой адрес. — Сюда я приехала полечить женщину. Но, чувствую, не поможет: уж очень она плоха.

— Ты знахарка?

— Что-то вроде. Меня зовут Хадича. Может, слышала?

Фатима только пожала плечами.

— А я живу недалеко. Зайдешь, чаю попьем? — сказала Фатима и тут же пожалела. Если уж она узнала про пряники, вдруг догадается, что Фатима на самом деле думает: «Только бы не зашла»? Обидеться ведь может. Но и просто так уходить было как-то неудобно. Ведь они представители старшего поколения, их остается не так уж много.

Поэтому нужно жить, уважая друг друга и проявляя внимание.

Фатима добавила:

— Правда, с угощением у меня не густо, но хоть посидим, поговорим.

— В другой раз, Фатима, — сказала старушка, приветливо взглянув на нее. — Сегодня у тебя и без меня забот хватает. В следующий раз.

Как-нибудь встретимся. Адрес мой знаешь, приходи, поговорим.

— Спасибо за приглашение. Даст Бог, свидимся еще.

— Ладно, Фатима, до свидания.

С тех пор они не встречались. Одна знакомая, ходившая лечиться к Хадиче, очень ее расхвалила. Но сказала, что попасть к ней трудно: у нее постоянно люди.

Вспомнив об этом, Фатима ускорила шаги. Хоть одного человека да опередит. Не долго уж осталось идти. Только бы была дома. Только бы была. Дома, должна быть дома. Сердце чувствует, что дома. Пока дошла до двери, запыхалась. Облокотившись о перила, перевела дыхание. Немного успокоившись, потянулась к звонку. За дверями послышалось шарканье ног, и через некоторое время открылась дверь.

— Проходи, Фатима, проходи.

Хадича даже не поздоровалась. Беспомощно волоча ногами, она прошла в комнату и легла на разобранную постель.

— Что-то приболела я в последнее время. Вот лежу. Сил нет.

Старость — не радость, — затараторила она. — Ты не стесняйся, возьми вон тот стул и садись поближе. Вот так. Дай мне правую руку. А ты еще ничего, не поддаешься. Такая же, как в прошлом году. Тебя ведь ко мне не болезнь привела. Ты беспокоишься о детях?

Фатима не смогла ничего ответить. Стоило ей подать руку Хадиче, какое-то смутное чувство охватило ее. Показалось, что всколыхнулось все ее тело, каждая клеточка. Все куда-то исчезло:

окружающие предметы, и даже сама Хадича. Она слышала только ее голос. Все тело охватила какая-то легкость.

— Только помочь тебе, как положено, я не смогу. Что-то в последнее время сдавать стала. Как раньше уже не вижу: ослабли глаза души. Я вот воду вижу. Воду без конца и края. Только определить не могу: море это или озеро. А может, это вовсе и не вода. Возможно, это космос или временная бездна. В середине вижу какой-то круг. Я не могу сказать, что это за круг. Но дети твои остались запертыми в нем.

Твои дети — в центре этого круга. Тебя должно волновать, не где они, а то — живы ли. Пока они живы. Живы. Пока. Но их ожидает серьезное испытание. Серьезное испытание Они...

Неожиданно старушка замолчала. Сделала глубокий вдох и только после этого продолжила:

— Вот так, Фатима. Говорю все, что вижу. Если что не так, не вини меня. Я не соврала. Больше ничего не вижу. Теперь я уже не та.

Раньше я была сильнее. А ты... Ты, Фатима, раньше не верила моим способностям. Сомневалась. Обо мне вспомнила только недавно.

Ладно, спасибо за доверие. Спасибо. Раньше я тебе о многом могла бы рассказать. А сейчас мне очень плохо. Фатима, если тебе не трудно, принеси, пожалуйста, из кухни воды стакан. Воду, пожалуйста, налей из медного чайника, хорошо?

Фатима исполнила ее желание и вышла. Состояние Хадичи было действительно очень плохим. Она сама попрощалась с Фатимой:

— Не обижайся... Мне нужно немного полежать. Я не могу сегодня с тобой говорить. Если чем помогла тебе, я рада; не смогла, извини, не таи обиду. Будь здорова, подруга.

Выйдя на улицу, Фатима пожалела о том, что пришла сюда.

Ничего хорошего она от нее не услышала. Она не сказала ничего такого, что могло бы рассеять ее тяжелые мысли. Путанные слова старухи лишь добавили смятение в душу. Трактуй их, как хочешь. Но бесспорным было то, что у Айгуль с Радиком трудная дорога и они в опасности. Слова Хадичи до сих пор четко слышатся в ушах:

— Дети заперты в этом круге. В центре этого круга — твои дети.

Тебе важно знать не то, где они, а куда важнее — живы ли. Пока они живы. Живы. Пока. Но их ждет серьезное испытание. Большое испытание.

Они ждали теплоход со всеми удобствами. А то, что должно было отвезти их до острова, оказалось маленьким катером. Нечего было даже думать о том, что здесь можно будет помыться, поесть и выспаться. Все удобства — голые скамейки да небольшая площадка на корме катера.

— И мы всю ночь должны ехать на нем?! — возмутилась русская женщина с ребенком на руках. — Отдохнете, понимаете ли, выспитесь...

Так думали многие пассажиры, но они не торопились поддержать разговор. Только в глазах сверкнул лучик солидарности.

— Не удивлюсь, если нас забросят на необитаемый остров, — женщина повернулась к мужу, — Слушай, Миша, а вдруг нас действительно забросят на такой остров, а?

Муж ничего ей не ответил, лишь едва заметно улыбнулся.

— А если там на нас нападет орда диких татар?

На какое-то мгновение установилась тишина. Можно было даже услышать, как пролетела муха.

Муж свободной рукой обнял женщину за шею и поцеловал в лоб.

— Успокойся, Анна, все будет в порядке.

Анна успокоилась. Больше ее слышно не было. Но слова женщины не прошли бесследно. Услышав выражение «дикие татары», Лена посмотрела на мужа и детей и стала им быстро нашептывать:

— Не говорите по-татарски. И так бросается в глаза, что мы из деревни. Не хочу, чтобы плюс ко всему над нами еще и смеялись, называя нас «дикие татары».

— А зачем...

Хамит хотел возразить, но жена тут же закрыла ему рот:

— Не противься, дорогой. Одно дело мы, но у нас ведь есть еще и дети.

Хамит улыбнулся.

— Хорошо, пусть будет по-твоему.

— И имена будем говорить по-русски.

— Твое и без того русское. Елена. А вот что должны делать мы. В русском языке нет имени на «х», кроме мата, конечно.

— Папа, мы тебя будем Митя звать. — Настроение Ляйсан было приподнятым. — Подходит ведь- Ха-Мить...

— Не морочьте мне голову...

Слова Анны заставили задуматься и Халиля. Какие бы перевероты не происходили, Россия сильно не меняется. Не изменились взгляды и на татар. И хотя шовинизм уже не проявляется, но вот так, невзначай... Ладно... Роберт все равно не знает по-русски.

Значит, будут говорить только по-английски. Что ни говори, они ведь все-таки американцы. А к американцам в России отношение совсем другое. И он повернулся к сыну:

— Роберт, подойди сюда. Мне нужно тебе что-то сказать.

Катер тронулся от берега. Слова женщины встретившей и проводившей их на вокзале не соответствовали действительности. Во-первых, их не ждал комфортабельный теплоход; во-вторых, это старое корыто не дало им возможности наблюдать за красотами на берегу Невы. Стоило им немного отойти от берега, как он на большой скорости ринулся вперед и, даже войдя в большие воды, когда вокруг на все четыре стороны простиралась лишь водная гладь, не снизил скорости. С входом в озеро уже трудно было понять, куда держат путь.

Некоторые из пассажиров даже сомневались, знают ли направление рулевые, не

сбились ли они с пути. Но, боясь, что их засмеют, вслух свои мысли выражать не стали. Однако причина была не только в этом. Пока никто между собой не общался, все наблюдали друг за другом со стороны. Дорога длинная, надо будет — познакомятся, а пока...

Это касалось старших. Молодежь же с зарождающимися в них ростками любви так думать не могла. Она только рада была тому, что на их долю выпало это старое корыто. В-первых, здесь не было кают.

Не уединенные по своим каютам, они имели возможность видеть друг друга и общаться хотя бы взглядами. Во-вторых, катер шел очень быстро. И, возможно, до темноты они смогут добраться до райского острова. А там уж и найдутся места, куда можно будет уединиться с теми, кто приглянулся.

Говорят ведь, что красота острова неопишима.

Хотя пока плыли по реке, скорость катера казалась большой, в больших водах скорость ее не чувствовалась. Под надоедливое монотонное гудение мотора время шло очень медленно. Иногда им даже казалось, что они никогда не смогут выбраться и обречены навечно остаться в этой воде. Вдохновленные в начале пути лица постепенно стали сникать.

Халиль взял телефон, он решил позвонить человеку, которого встретил в Нью-Йорке. Но у телефона кончилась зарядка. Он все же попытался набрать номер. Бесполезно. Он положил телефон в карман и уставился в окно.

Хамит посмотрел на своих домочадцев. Жена, склонив голову ему на плечо, закрыла глаза. Ляйсан и Лаис замерли, устремив свои взгляды в разные стороны. Все чего-то ждали. Он хотел что-то сказать детям, но не сказал.

Неожиданно Хамит почувствовал, что кто-то смотрит на них.

Повернулся в ту сторону. Девушка на скамейке совсем не смотрела на них. А мужчина рядом с ней спал, опустив голову на грудь. Вроде больше в салоне не осталось бодрствующих пассажиров. Хотя нет.

Вон та женщина что-то рассказывает мужу. По ее виду не скажешь, что она устала или разочарована. О чем-то шепотом переговаривается и пара возле них.

Через некоторое время Анна громким, способным разбудить всех голосом обратилась ко всем.

— Дамы и господа, — сказала она и, когда пассажиры повернули головы в ее сторону, улыбнулась. — Вы едете отдыхать или умирать?

Не чувствую приподнятого настроения. Может быть, кто-то для сокращения дороги расскажет что-нибудь интересное?

Конечно, это было бы совсем неплохо. Но, хотя и были желающие послушать, готовых что-либо рассказать не нашлось.

— Сами и расскажите, — сказал кто-то тихо, — что уж мы...

— Среди нас есть заядлый путешественник, исколесивший земной шар вдоль и поперек Андрей Николаевич. — Анна повернулась к мужчине, который находился по соседству. — Может, он захочет поделиться с нами своими впечатлениями.

— Не знаю, о чем вам рассказать? — пожал плечами Андрей Николаевич, — во многих местах пришлось побывать.

— Расскажите про Индию, — крикнула Ляйсан, желая услышать о любви.

— Да, самую страшную историю! — подхватила ее Анна, — чтоб не спали вот так, а боялись даже глаза закрыть.

Кто-то из пассажиров улыбнулся, а кто-то даже зааплодировал.

Андрей Николаевич, смущаясь, вышел в центр и затих. Это был подтянутый, среднего роста мужчина. Хотя на первый взгляд он и казался лет тридцати пяти, но что-то в его облике говорило об опытности. Может, все, кто многое видел, испытал и пережил, выглядят именно так?

— Страшное, говорите, — начал он, откашлявшись. — Страшного я видел много. Но одно из них в памяти осталось навечно. В Непале мне пришлось побывать в храме богини Кали. Бывать там разрешается только индусам, а для остальных можно сказать наложен запрет. Там, сняв обувь, нужно идти по реке крови. Очередь туда с утра до вечера.

Посетители приносят с собой пожертвования. Например, приходишь с козой. У двери обрызгиваешь ее водой и спрашиваешь ее согласия.

Только если она встряхнется, давая согласие, передаешь ее духовному лицу. Тот ее режет и ее кровью моет стены. Отрезанную голову сажают тут же на кол. Недалеко от храма у священного огня можно отведать священного мяса. За день здесь в жертву приносится несколько тысяч животных. В воздухе запах крови и смерти. Я пошел туда, как там принято, в белой одежде. Вдруг за мной неожиданно что-то промчалось и окатило меня — закололи чью-то жертву. Местное население на это смотрит спокойно. Все ходят в крови, на стенах храма — кровь, к тому же, если посмотреть на него со стороны, он стоит в парах крови. Кровь застывает на стенах толщиной в ладонь.

Вечером его смывают водой. Культ богини Кали — тысячелетия.

Раньше в этом храме в жертву приносили и людей. Если хочешь в чем-то важном достигнуть больших успехов, не отделаешься только быком, нужно жертвоприношение побольше. Принесение в жертву человека давало возможность попросить у богини, чего душа пожелает. После второй мировой принесение в жертву человека строго запрещается.

В Непале я прожил достаточно долго. Так как я был хорошо знаком с основами буддизма и индуизма, постепенно стал у них одним из тех, кому они доверяли. Однажды в разговоре с одним парнем я выразил свое желание участвовать в церемонии большого жертвоприношения. Он сначала испугался. Участие иностранца в этой церемонии недопустимо. Если бы догадались, уничтожили бы и меня, и его. Но когда я пообещал за это три тысячи долларов, он обещал подумать. Это для них очень большие деньги и ради них можно было и рискнуть. Прошла неделя, одна, другая. Я уже стал забывать о нашем разговоре, как парень пришел сам и сказал:

— Есть возможность удовлетворить твоё желание. Если покажешь деньги, начнем готовиться.

Слюнявя пальцы, очень тщательно он пересчитал деньги и вернул их обратно. Я даже представить не мог, как все будет. Мне казалось, что пойдем, как в театр или зоопарк, и посмотрим. Парень посмотрел на меня, как на школьника, и начал подробно объяснять:

— Надо изменить твою внешность. Три четыре дня не брейся, обрастешь бородой, станешь темнее. А чалму и другую одежду принесу сам.

Примерно через неделю в назначенном месте меня ждала очень старая машина. Парень даже не стал пересчитывать деньги, а дрожащими руками убрал их в карман. Мы остановились лишь тогда, когда доехали до гор. Он остался доволен моим видом. Небритый, невымытый, пропыленный, к тому же и немного похудевший. Через полчаса дороги мы добрались до полуразрушенного храма. Только там парень прошептал мне:

— Если нас разоблачат, меня убьют.

Я уже раскаивался, что взялся за это дело. В храме полутемнота.

Светло только в центре, там огонь горит, сверху падает свет.

Остальное уже и не помню. Был в каком-то странном состоянии, словно находился под гипнозом. Поблизости кто-то держал в руках ребенка. Это была укутанная в тряпки голая девочка. Она спокойно спала, руки свесились, волосы зачесаны назад. Девочке можно было дать и шесть, и двенадцать лет. Для принесения в жертву Кали алихе более удобными считаются девочки. Их выкупают в младенчестве и растят до определенного возраста. До четырнадцати не доводят, страшно...

Я словно раздвоился. Мне хотелось увидеть то, что, естественно, до этого никогда не видел. А с другой стороны хорошо понимал, что это убийство и мне хотелось воспротивиться этому. Но не было сил даже пошевелить пальцем. Как прошел обряд, теперь уж точно и не помню. Сначала читали молитву, затем где-то сверкнул очень красивый кинжал. Горло девочки перерезали так аккуратно, что не было ни крика, ни судорог и кровь не разбрызгалась, а была собрана в специальный сосуд. Посеребренный сосуд был изготовлен из черепа младенца. Отрезанную голову девочки подняли вверх и унесли в сторону. Полную до краев чашу пустили по кругу. Послышался чей-то голос, похоже читали молитву. Наверное, говорили и о своих пожеланиях. Вскоре чаша дошла до меня. Я, конечно, пить не стал.

Приблизив чашу к губам, сделал как будто бы глоток и отправил ее дальше. И не выразил никаких пожеланий. У меня было тогда единственное желание: вырваться отсюда поскорей и больше никогда не возвращаться.

Когда чаша сделала круг, унесли тело девочки. Меня же тошнило. Встал, раздвинув ноги, а они дрожали. Тогда до меня дотронулся мой спутник: пора было уходить.

Пассажиры слушали, забыв обо всем на свете. И хотя рассказчик был не очень хороший, но сам сюжет был устрашающим. Поэтому они слушали, представляя, будто сами являются участниками этих событий. Даже тогда, когда Андрей Николаевич окончил свое повествование, никто не осмелился нарушить создавшуюся тишину. — Все, — улыбнулся Андрей Николаевич, от радости, что закончил рассказывать такую страшную историю, — все.

— Неужели нельзя было рассказать что-нибудь более веселое, — укоризненно сказала ему жена. — Потревожил сердца людей, которые и без того плывут в неизвестности.

— Ты права, жена, — улыбнулся путешественник, — простите уж...

— А Кали, кто это, — спросил Радик. Он еще полностью не отошел от похмелья, ему и без того было страшно. Но этому путешественнику он был благодарен. Зародив страх среди пассажиров, Андрей Николаевич спас Радика от одиночества. Если бы не было Николаевича, он бы был вынужден один находиться в состоянии страха. А сейчас все боятся, значит, все на равных. Радик не хотел выходить из этого состояния, и он решил продолжить тему страха.

— Богиня Кали?! — Андрей Николаевич больше не хотел рассказывать страшные истории, но и не нашел слов, чтобы объяснить все кратко. — Кали... Ну-ка, кто сможет объяснить?

Лена подалась немного вперед:

— Сейчас... — она посмотрела на мужа, как бы спрашивая у него разрешения, — совсем недавно мне пришлось интересоваться индуизмом. Как известно, в индийской мифологии изображается, как в древности боролись добро и зло. Эта борьба была очень жестокой и требовала с обеих сторон тысячи воинов. Об этом подробно рассказывается в книге «Деви Махатмья». В этом же трактате говорится и про алиху. У богини,

уничтожающей все зло на свете, не одно имя: Шакти, Лолита, Деви... Даже слово «аллах» объясняет его имя. Возможности Всевышнего безграничны и он может управлять и злом, и добром. Он всемогущ. Чтобы понять это, достаточно вспомнить день страшного суда из «Корана» или конец света из «Библии». Вот так раскрываются множество имен богини. Его можно назвать источником ненависти, проклятием вселенной и одновременно морем радости, дарующим счастье. Все это будет верно. Кали — одно из отражений разрушительной силы Бога. К сожалению, есть люди, которые и религию пытаются использовать в своих корыстных целях.

Они и являются причиной возникновения культа Кали.

Воспользовавшись темнотой сельского населения, они толкнули их на человеческие жертвоприношения. Конечно, не новость, что духовные служители оправдывают человеческие жертвы ради Всевышнего.

Достаточно вспомнить мусульман и христиан. Но все же членов культа Кали можно сравнить лишь с сатанистами.

Хамит посмотрел на жену и улыбнулся из-под усов.

Учительница. Болезнь проходит, а привычки нет — это про нее.

Привыкшая всегда быть на высоте, жена была довольна. Она стояла с таким выражением, будто говорила: «Хотя мы и из деревни, но вот что даже знаем». Возможно, Лена рассказала и правильно. Хамит столько не знает. Но ему почему-то ее стало жаль. Это чувство у него появляется всегда, когда она хочет показать свое превосходство.

— Спасибо, — сказал Радик, радуясь, что тема продолжена, — но почему мы все о чужих странах говорим, черт возьми. Ведь и здесь происходят такие события, что душу холодит.

Андрей Николаевич посмотрел на него с благодарностью. И ему необходим был разговор о страшных событиях.

— А вы слышали про «Остров смерти»? — спросил он, немного улыбаясь. — Нам представитель турагентства рассказала и об «Острове любви», много говорила она и о «Райском острове». Но ведь на этой реке есть где-то и остров смерти....

— Там, наверное, место всяких нечистей, чертей...

Это опять был Радик. Айгуль не одобрила то, что отец находит удовольствие в страшных историях. Она тихонько встала с места и вышла на палубу. Радик хотел что-то сказать ей, но передумал.

— Это интересный остров. Там есть все, что необходимо человеку: и еда, и жилище. Полно там и всяких драгоценностей. Но, оказывается, с острова нельзя ничего выносить. Каждый раз, когда кто-нибудь пытался это сделать, попадал в трагическую ситуацию.

В душе Лаис давно уже был не с пассажирами. Он встал с места и тихонько направился к двери. Ляйсан, догадавшаяся, куда пошел брат, умоляюще посмотрела на Роберта. Когда их взгляды встретились, она пошла за Лаисом. Роберт вовсе не понимал по-русски. Он тоже посмотрел на отца и, когда тот кивнул, пошел к дверям.

— Вы и там бывали? — спросила Анна, едва улыбнувшись. Она, вроде, была рада тому, что смогла внести оживление в среду уже заснувших, было, пассажиров. Казалось, что только Михаилу этот разговор не очень нравится.

— Нет, я там не был. И не дай Бог побывать. Но говорят, что в последние годы там происходят очень страшные события. Попавшие туда по разным причинам обратно не возвращаются, они все куда-то исчезают. А раньше так не было. А сейчас... Мне в гостинице

вот рассказывали. Семья, которая решила совершить путешествие по реке, из-за поломки катера оказалась на этом острове. С ними были и дети.

Пятеро детей. Каждый вечер у них пропадало по одному ребенку. За пять дней у них не осталось ни одного ребенка. Как бы они ни искали, найти никого не смогли. А когда потерялись все дети, неожиданно стал исправным и катер. Сила, которая завела их сюда, заставила их и вернуться обратно...

— Боже мой!

— А если и мы туда попадем?

Андрей Николаевич, кажется, даже был доволен, что смог напугать пассажиров.

— Кто знает?! Все в руках божьих...

Анна, вроде, уже каялась, что разговор, затеянный ею, заканчивается в таких тонах. Как бы ища поддержки, она посмотрела на Михаила.

— Мы ведь туда не попадем, Михаил? Не попадем?

— Нет, дорогая... — Михаил попытался улыбнуться, но это ему плохо удалось. Он, чтобы не показать выражение своего лица, был вынужден обнять жену. — Нет, мы в такую историю не попадем.

Но Анна не успокоилась.

— Ты изменился, Миша. Ты взволнован. Я знаю, ты что-то чувствуешь. Ты всегда все чувствуешь заранее.

Михаил хотел возразить ей, но не нашел нужных слов. Жена была права. Душа у Михаила была беспокойна, что-то тревожило его.

Но этого нельзя показывать жене, нужно найти слова, чтобы убедить ее, что все будет хорошо.

— Нет, дорогая. Просто мне не нравится, что вы богохульствуете, Бог ведь не позволяет говорить такое...

Все слышали их слова, и в души каждого закрался страх. Лена посмотрела на Хамита, — Надо присмотреть за детьми.

— Они ведь молодые, — возразил ей муж, — пусть поговорят со своими сверстниками. Ты что хочешь, чтоб они здесь слушали всякую чушь?!

Хамит, конечно, волновался. Когда он спокоен, не говорит так длинно. Лена ничего не сказала. Она была вынуждена согласиться с мужем. Так будет лучше.

Халиль посмотрел на дверь, но уйти было неудобно. Лишь когда увидел, что дети стоят вчетвером и разговаривают, немного успокоился.

И Радик не знал, куда девать глаза. Он боялся. Хотя сам не знал чего. Так с ним было всегда после похмелья. А сейчас к этому прибавилось еще что-то. Даже когда делал вдох, холод проникал внутрь, заставляя покрываться гусиной кожей. Он неправильно сделал, что заставил углубить эту тему. Если бы боялся только он, это продолжалось бы недолго. А теперь бояться все, и кажется, что все вокруг погружено в один большой страх.

Казалось, что спокойными остаются только Андрей Николаевич с женой. Во всяком случае, на их лицах не было выражения страха. Но оставаться в спокойствии в комнате, полной страхом, казалось весьма странным.

Пассажиры на какое-то время замолчали.

Слышался только шум мотора и голоса молодых, которые о чем-то говорили, желая перекрыть этот шум.

— Привет!

Айгуль вздрогнула от раздавшегося у самого уха голоса, но, увидев, кто стоит за ее спиной, улыбнулась.

— Спасибо тебе...

— Леон... — Лаис улыбнулся от собственных слов, — я Леон.

— Спасибо тебе, Леон. А меня зовут Ай...Аида я.

Девушка, приятно улыбаясь, протянула ему руку. Лаис, не отрывая от девушки взгляда, поцеловал ее руку.

— Наконец-то, — сказал он вздохнув.

— Что «наконец-то»?

— Я уже потерял надежду познакомиться с тобой. И вот наконец...

— И я очень рада, — улыбнулась девушка.

— Смотрите вы на них! Жених и невеста! — Сказанные в шутку эти слова оба встретили с улыбкой. А Ляйсан подошла к ним и восхищенно посмотрела на обоих. — Какая счастливая пара. В добрый час!

Айгуль-Аида немного смутилась.

— А я Люда, — сказала девушка, — родная сестра вот этого товарища.

— У этого товарища есть имя. Ты по-старчески запомнила, наверное. Я твой брат Леон, а это Аида.

В это время из дверей показалась голова Роберта. Лаис-Леон, посмотрев на сестру, подмигнул. Айгуль-Аида, поняв все, тоже улыбнулась. Люда-Ляйсан, посмотрев на парня, махнула ему рукой:

— Иди сюда.

Роберт, улыбнулся и зашагал к ним. Подойдя, с улыбкой посмотрел на девушек и протянул руку Леону:

— how do you do! My name is Robert.

На какое-то время все замерли от удивления.

— Леон, — сказал парень, не зная что говорить дальше, — Ле-он...

— А я Люда, — протянула руку Ляйсан, — рада познакомиться.

— Аида...

— Excuse me but I do not talk on Russian — This bad, — улыбнулась Ляйсан, — My English simply terribly...

— You are an American? — улыбнулся Лаис, — Never saw the alive American! Dead too...

— You all speak in English?

— Yes! Signifies all shall talk in english...

Интересно, стоило им отойти от родителей, как все превратились в русских. А стоило им увидеть Роберта-все перешли на английский и продолжили свое знакомство....

— Плохо. Я не очень хорошо знаю по-английски.

— Вы американец? Никогда не видел живого американца.

Умереть можно...

Через некоторое время пришли в себя и застывшие от страха взрослые. Вернее, их из этого состояния вывел Радик. Он боялся больше всех. Ему было как-то особенно тяжело. Ему казалось, что он попадет в какую-то беду и умрет, а на земле никто и не будет знать, что он жил когда-то. А ему не хотелось бесследно исчезнуть. То ли поэтому он резко встал и громко, чтобы все услышали, сказал:

— Меня зовут Роман! — нет, он не играл и не обманывал. Радиком он был только для

матери. А остальные с восемнадцать лет кличут его Романом. Да и сам он уже свыкся с этим.

Лишь на мгновение установилась тишина, а затем все стали называть свои имена.

— Меня зовут Лена, супруга — Николай, сына — Леон, а дочь — Люда.

— Меня зовут Хэнк. Из Нью-Йорка, Сын Роберт, говорит только по-английски.

— Андрей, супруга — Ольга.

Вдруг, оглушая все вокруг, с улицы раздался крик. Через некоторое время открылась дверь и в ней показалась молодежь. Они радостно кричали:

— The Land! The Island!

Непонимающие ничего взрослые стояли в растерянности.

Лишь Халиль-Хэнк, посмотрев в окно, улыбнулся, а потом перевел остальным:

— Земля! Остров!

Все, как один, выбежали на палубу.

— Земля! — закричали все в один голос, — Остров!

Только Михаил ничего не сказал. Показавшийся в начале маленькой точкой остров приближался со стремительной скоростью.

Сейчас уже были видны и горы, и предгорья, и даже деревья на них.

Остров был не очень большим. Однако там не было ни комфортабельных коттеджей, ни комплексов для отдыха, ни парков.

Лишь невдалеке был виден одинокий съездившийся двухэтажный дом.

На него пока никто не обратил внимания. Только Михаил все примечал, на душе у него было беспокойно.

Он вспомнил слова той обаятельной женщины на речном вокзале:

— Остров, куда мы поедem, называется островом Полумесяца, но я бы назвала его райским уголком. Там будет возможность претворить в жизнь все ваши мечты. Комфортабельные коттеджи, рестораны, сауны-бассейны, а про игровые залы и не говорю. Вы мечтали когда-нибудь побывать в сказочной стране? Думайте, что вы на пороге осуществления своей мечты...

Лишь на мгновение все очень зримо встало перед глазами. Но это был не обещанный остров, это было что-то совсем другое.

Хотя...

Почему он поддается таким тревожным мыслям?! Эта женщина рассказывала ведь и о маленьких островах. Возможно, это один из них?! Конечно, так. И он опять представил провожавшую их женщину:

— Озеро так же богато на маленькие райские островки.

Население, живущее невдалеке, проводит здесь свой медовый месяц.

Если среди вас есть влюбленные, желающие остаться наедине, им будет предоставлена такая возможность. Там есть специальные коттеджи, и наши служащие будут готовы выполнить любое ваше желание.

То, что он до сих пор вспоминает эту женщину, связано, наверное, с тем, что внешне он спокоен. А ведь с первого раза она напомнила ему кого-то...

Михаил посмотрел на всех. Все застыли, устремив взгляды на остров. Остров, несомненно, был красивым. Если не принимать во внимание съездившийся в стороне дом, то здесь мало того, чего коснулась бы рука человека, и поэтому остров напоминал начало зарождения жизни на Земле. Издалека и сам остров казался полукругом. Было ощущение

того, что Земной шар ушел под воду, и на поверхности осталась только лучшая ее часть. Остров небольшой, размером с тюбетейку. Неопиcуемая красота этого маленького острова поражает, наполняя душу какими-то необъяснимыми чувствами. Возникает даже ощущение, что находишься не на земле, а в космосе и, перемещаясь с одного места на другое, открываешь новые планеты. От этой неопиcуемой красоты происходит и самоочищение.

Это не понять и не объяснить, это нужно увидеть и прочувствовать самому. Происходит переход в совершенно другое измерение.

Но Михаил не смог успокоиться до конца.

Хотя не было ни одной причины, чувствовать себя обманутым, поддаваться панике. Все подходит. Провожающая женщина говорила же, что только на утро будем в положенном месте. А этот — лишь встретившийся на пути один из мелких островов. Должно быть так.

Поэтому совсем не нужно беспокоиться.

Но на душе у него все же было тревожно. Хотя все и было логично, но что-то не давало ему покоя.

Пассажиры, взяв чемоданы стали готовиться к спуску на остров.

Настроение у всех было приподнятое. Катер стал замедлять ход, и вскоре левым боком причалил к берегу.

— Выходите на остров с вещами! — послышался зычный голос. — Приехали.

Все зашагали к трапу. Только Михаил подошел к капитану:

— Но это не тот остров, что нам обещали... — сказал он, как бы извиняясь, — мы и вправду приехали правильно?

— Мы приехали правильно, — как бы передразнивая его, ответил капитан. — Возьмите свои вещи и выходите на остров. Скоро наступит темнота. До этого вам нужно вон в том доме занять комнаты и расположиться в них. Здесь нет ни электричества, ни ничего другого.

— Как это так?

— Так. А завтра спозаранку опять тронетесь в дорогу. Вас заберет другой теплоход. Мы дальше идти не можем, корыто в плохом состоянии. За непредвиденные неудобства просим прощения.

Почти насильно он вывел Михаила на остров и снова поднялся на катер. В тот же момент убрали трап. Усилился гул моторов, катер тронулся.

— А что нас никто не встречает?! — сказала Анна так, чтобы слышно было всем. — Должны же быть встречающие.

Никто ничего не ответил. Как бы ожидая возвращения катера, все смотрели на озеро. Даже тогда, когда катер превратился в маленькую точку, никто не сдвинулся с места. В души поселилась тревога.

— А Сережа до сих пор не просыпается, — сказала Анна, прислоняясь к мужу, — спит себе...

Санкт Петербург. Россия.

Мужчина, взяв из кармана черной куртки письмо, протянул женщине:

— Все, как договорились. Пересчитайте.

— Спасибо, — Лолита, даже не считая, положила конверт в портфель. Улыбнулась. Встала из-за стола. Она была уже не в форме турагентства. Распущенные черные длинные волосы, подчеркивающая всю ее женскую красоту кофта, короткая юбка. А шоколадного цвета кожа придавала ее облику какую-то сладость, так и хотелось ее попробовать. А привлекательный лучистый взгляд из-под черных бровей заставлял каждого беспрекословно подчиняться ей. Пухлые, словно спелая вишня, губы, придавали ей особую нежность, за счастье почиталось даже возможность постоять рядом с ней. Сделав два шага в сторону выхода из номера, она вдруг остановилась и вернулась к не успевшему еще встать с места мужчине:

— Можно еще спросить?

Мужчина насторожился. Как будто в первый раз, осмотрел женщину с ног до головы. Улыбнулся. Весь его облик как бы говорил:

«Я вас не нанимал, чтобы вы беспокоили меня ничемными вопросами. Но ради вашей красоты уступаю...» — Что еще, Лолита?

Женщина на какое-то мгновение засомневалась, но потом все же решила спросить.

— А вы не боитесь? — сказала она, вкладывая в свои слова понятный только им двоим смысл, — не боитесь, или ничего не знаете?

— Чего? — хотя эти слова и были сказаны напрямую, но в них чувствовалось, что мужчина хорошо знает, чего нужно опасаться. Но женщина решила не играть в прятки. Она достала из портфеля небольшой файл и кивком головы указала мужчине, что нужно его прочитать.

Мужчина, взглянув на файл, улыбнулся.

— Предлагаешь почитать газеты, — сказал он, отодвигая файл обратно, — спасибо, но я вовремя знакомлюсь с нужной мне информацией.

Женщина достала из файла несколько газет и положила их перед мужчиной. Названия статей она обвела красными кругами.

— *«После пребывания на острове смерти у женщины исчезла трехмесячная беременность»*, — прочитал он первую попавшуюся ему на глаза газету, — Ну и что? Это о вас что ли?

Лолита оставила без внимания его попытку пошутить.

— Вы только что отправили туда группу людей.

— А при чем тут остров?

— А вас не смущает то, что беременность исчезла?

— Нисколько. Ничего нет странного в том, что в утробе матери исчезает зародыш. Ученые объясняют это тем, что он не созрел и снова как бы «впитался» в организм. Причина только в этом.

Женщина не ожидала такого ответа. На какое-то время она даже растерялась. Но быстро взяла себя в руки:

— Но... Но исчез ведь трехмесячный ребенок... И это не единичный случай. Вы взгляните и на другие статьи.

Мужчина посмотрел на нее с сожалением, как на человека, который тронулся умом.

— Не смейтесь надо мной. Вот о чем пишут: *«Группа рыбаков, у которых сломалась лодка, были вынуждены остановиться на острове смерти. Здесь они пробыли несколько*

дней. Первый день прошел спокойно. А со второго дня стали исчезать люди...» Мужчина громко засмеялся.

— А вы знаете, чем славится эта комната гостиницы? Конечно, об этом громко не говорят. Но именно в этой комнате ночами летают сердца. А если здесь одну ночь проведут всякие мужчины, после ночи проведенной здесь они превращаются в насильников и маньяков-убийц.

— Вы смеетесь надо мной.

— Нет, Лолита. Вы думаете, об этом ничего не писали в газетах?

Завтра же отнесу в редакцию, и буквально через неделю выйдет устрашающая статья.

— Хватит.

— Извините, но если начнешь верить всему, о чем пишут в газетах, можно сойти с ума. Думающие только о деньгах и тиражах журналисты сейчас готовы выдумать все. А вы полностью верите их словам.

Женщина на какое-то мгновение осталась без слов. Ей было обидно, что мужчина совсем не обратил внимания на ее слова.

— Вы не наш человек. Поэтому на все смотрите с улыбкой... — сказала она безнадежным голосом. — Если бы вы знали, что здесь происходит, слышали разговоры про остров, то так бы не поступали.

— Я вас понимаю, Лолита. Спасибо за предупреждение.

— Спасибо, — сказала, как бы передразнивая Лолита, — вы ничего так и не поняли.

Мужчине стало жаль ее.

— Прежде чем пойти на это, я неделю один жил на этом острове.

И ничего сверхъестественного там не заметил. Ничего не случится и с моими гостями. Не переживайте Вы ни о чем.

— Остается молиться только Богу. А для чего все это нужно?!

Что вам это дает?

Мужчина замер. Об этом и он много думал. Но не смог найти достойного ответа.

— Не знаю, я так хочу.

— А если случится что-то непредвиденное?

— Не случится, не должно.

— Хорошо, — женщина опять повернулась к двери.

Именно в этот момент мужчина понял: он не хотел, чтобы эта красивая женщина уходила. Мужчина и сам хотел во всем разобраться.

Он и сам сомневался в своей правоте, его пугала ночь в одиночестве.

— Мне нужно уходить.

Женщина, устремив на него тоскливый взгляд, на мгновение замерла. И она не хотела уходить.

— А почему вы мне все это рассказали? — спросила она после некоторого смущения, — достаточно ведь было сказать, кого встретить и куда проводить.

— Не знаю, Лолита. — Мужчина встал с места, — Вы никуда не торопитесь?

Женщина устремила на него.

— Есть еще какая-то работа?

Мужчина встал прямо перед ней. Какое-то время они смотрели друг на друга.

— До свидания, — сказала она, сама не веря себе.

— До свидания, — сказал он хриплым голосом, — Лолита.

И тихонько погладил ее за волосы, а потом ласково притянул к себе и поцеловал в губы. Она не сопротивлялась...

2. Ночь кошмаров

Тишину нарушил Андрей Николаевич.

— Всякое в жизни случается... Давайте войдем в дом и устроимся там. До темноты осталось совсем ничего.

— Неужели здесь нас никто не встречает? — опять о своем заговорила Анна. — На таком острове... Мы совсем одни. Ужас.

— Идем, дорогая, — Михаил взял сумки и зашагал к дому.

Остальные последовали за ним.

Стали подниматься по одному по узкой тропинке. То ли из-за крутого склона, то ли из-за тяжелых вещей, но желающих поговорить не было.

Неопределенность всегда вызывает тяжелые чувства. Все мечтали попасть в райский уголок, отдохнуть так, чтоб запомнить на всю жизнь и вдруг вместо всего — необитаемый остров.

Хотя остров был небольшим, но наличие на нем густых лесов само уже вызывало определенные сомнения. Напоминающий сплошную гору остров навевал тяжелые мысли. Казалось, что в них проживают какие-то страшные существа.

Очень красивый на первый взгляд остров через некоторое время поменял свой вид. Казалось, он почувствовал присутствие чужаков и старался от них избавиться, напугать. Хотя пока не произошло ничего, что бы заставило думать именно так. Остров, каким был, таким и остался. Но это было только внешне... Нет, сам остров не менялся, но он изменял отношение людей к себе: они чувствовали себя здесь совершенно чужими, одинокими.

Возможно, так показалось только Михаилу. Хотя, наверное, не только ему. Вон ведь все какие-то съежившиеся, подавленные. Никто ничего не говорит.

Может, виной всему совсем не остров. Просто люди устали с дороги. Причиной тоски, возможно, стало и то, что не добрались до нужного места и поэтому не смогут как следует отдохнуть. Вот разместятся все по комнатам, отдохнут, перекусят и опять остров покажется удивительно красивым уголком.

Поднявшись до дома, все остановились в удивлении, глядя на открытые двери. Это был старый деревянный двухэтажный дом.

Несмотря на старость, гордо стоит полноправным членом этого мира.

— Интересно, а кто построил здесь дом?! — сказал Лаис-Леон, — а ведь совсем неплохой...

Никто не ответил, лишь пожали плечами.

— А почему интересно его бросили? — тревожно улыбнулся Андрей Николаевич, — А ведь здесь красивые места!

— А может, и не бросил, — посмотрела Ольга на мужа. — Возможно, он изредка приезжает сюда, ведь не близко.

— Андрей Николаевич, вы же много повидали, — обратилась к нему Елена, — не скажете, как называется этот остров?

— Нет, сегодня не скажу, завтра тронемся в дорогу тогда...

— А что будет, если сейчас скажете?

— Нельзя, давайте не будем стоять здесь, а войдем в дом.

Все, как будто того только и ждали, зашагали вперед.

Дом только с наружи выглядел таким компактным, а изнутри он был очень просторным. Всем хватило и комнат. Каждый выбрал себе по душе, оставил вещи и вышел обратно. Хотя и казалось, что здесь не ступала нога человека, остров был очень удобным: вода, газовая плита, даже туалет внутри здания. Это вызвало неподдельную детскую радость у всех, они бурно делились впечатлениями друг с другом.

— Смотри, газовая плита! Работает!

— Даже вода есть!

— Туалет! В жизни не поверить, он в доме!

— Был бы еще телевизор!

— Или радио...

— Но здесь нет электричества...

— Девочки, нужно будет накрыть стол.

— А что приготовим?

— Пока выложим только то, что привезли с собой. Перекусим, а там посмотрим. Вон мужчин отправим ловить рыбу.

Действительно, когда разместились, остров уже не казался плохим местом. Во всяком случае, здесь можно было жить и отдохнуть от повседневной суеты. Жизнь уже не казалась такой мрачной и холодной.

Приподнятое настроение за столом продлилось недолго. Хотя и распределились, кто пойдет ловить рыбу, кто по ягоды, но вскоре отошли от этих мыслей. Решили сначала изучить остров, но потом, походив около дома, и не почувствовав облегчения, пошли немного отдохнуть. Наступила темнота. Но это никого не расстроило. Обрадовавшись, что не нужно больше волочиться по острову, каждый пошел в свою комнату. Для Роберта и Ляйсан не могло быть удобнее момента. Они с самого начала, когда другие ходили около дома, как-то встретились и отделились от остальных. Это произошло у них непроизвольно. На глазах у всех невозможно было и разговаривать. А так хотелось о многом поговорить, рассказать друг другу многое. А среди остальных поговорить по душам было невозможно, бросать же пустые фразы было не интересно. Поэтому они и искали уединения, но на глазах у родителей в первый же день уединиться в лесу, было неудобно. К счастью, с наступлением темноты все поспешили в дом.

Елена шла самой последней, она лишь выразительно посмотрела на дочь и ничего не сказала. Мать в отношении парней придерживалась строгих правил, а в этот раз то ли Роберт понравился, то ли была другая причина, не понятно.

Но стоило им остаться вдвоем, как стало не о чем разговаривать.

О пустяках же говорить не хотелось. А чтобы высказать то, что хотелось, казалось, не хватит смелости и словарного запаса. И они застыли, прислонившись к деревьям. Но им не было трудно. Они стояли вдвоем и ничего не говорили, но им не хотелось уходить, это уже о чем-то говорило. Лишь мысль: «Не скучно ли ему стоять вот так со мной, не уйдет ли в дом?» — заставило ее сказать что-то. Но все равно она не нашла нужных слов. Хотя не важно было, что говорить.

— А я в России в первый раз, — сказал, наконец, Роберт, — до этого я здесь ни разу не

был.

Ляйсан ничего не ответила. Голос его был настолько приятным, что казалось, он не говорит, а ласкает.

Они помолчали.

— Я даже не знаю ни одного слова по-русски, — сказал парень, — Ты меня научишь?

— Научу, — вдохновилась девушка, — Давай прямо сейчас и начнем.

— Начнем.

— Я тебя люблю, — сказала девушка, прямо взглянув в глаза парня.

— Я тебя так сильно люблю!

Парень ни слова не понял. Но почувствовал, что девушка сказала что-то очень хорошее.

— Я тэбэ льюбью! — повторил он старательно. — А что это значит?

Девушка громко засмеялась. Смеялась от души. Роберт тоже присоединился к ней. Он смеялся, а когда немного успокоился, снова повторил: «Я тэбэ льюбью!» Перестав смеяться, девушка посерьезнела и, посмотрев полными ласки глазами на Роберта, произнесла:

— I love you!

Не ожидавший этого парень, не веря своим ушам, замер от удивления. А, поверив, сразу стал более серьезным и кончиками пальцев дотронулся до волос девушки:

— And I love you...

Ласковые пальцы Роберта нежно дотрагивались до волос девушки и притягивали ее к себе. Ляйсан было хорошо и одновременно неудобно. Девушка должна быть гордой. Нельзя с первой встречи сразу вот так растаять. Но горячее дыхание парня уже ласкало ее. Горячая волна охватила ее всю. Хочется губами прикоснуться к полным губам Роберта. Но нельзя. Нет.

Когда их лица должны были вот-вот соприкоснуться, девушка положила палец на губы юноши:

— Нет, Роберт... Ты меня неправильно понял...

Роберт удивился. Он тоже вроде забылся на время. Приходя в себя, поморгал глазами. И, виновато улыбнувшись, незаметно кивнул головой.

— Я тебя люблю, — сказала девушка.

— Я тэбэ льюбью!

— I love you, — так будет по-английски.

Роберт стоял какое-то мгновение в смятении, а потом громко засмеялся:

— А я то дурак...

— Нет, Роберт, — посмотрев на него широко раскрытыми глазами сказала девушка, — ты не дурак...

Она поняла, что неправильно выразилась, и смутилась. Это заметил и Роберт. Девушка улыбнулась. Парень, сам не заметив, как потянулся к ней, вынужден был тоже улыбнуться.

— Ты не дурак, — поспешила исправить свою ошибку Ляйсан. — Ты быстро усваиваешь язык. Какое еще слово будем учить?

— Россия — красивая страна. — Роберт с улыбкой посмотрел на девушку, — потому что там есть Люда.

Девушка улыбнулась.

— Она стала красивой только тогда, когда приехал ты, — это девушка сказала на татарском, — ты не только Россию, а весь мир украсил.

Роберт остался без слов. С одной стороны, очень волнительными были слова девушки, а

с другой — что она разговаривает по-татарски.

Он тоже хотел что-нибудь сказать девушке на татарском, но остановился. Пока не надо говорить. Так интереснее будет.

— Не понял, — сказал он, стараясь не смотреть прямо в глаза девушки, — повтори еще раз.

Девушка хитро улыбнулась и повторила слова о России на русском языке. По слогам, но слова «потому что там есть Люда» не сказала.

— Люда!

От неожиданного оклика девушка вздрогнула. Это был Лаис.

— Люда, — прошептал он еще раз, — вы где?

— Что потерялся что ли?

— Тебя ищу.

— Надо позвать Аиду?

— Нет, тебе велели заходить.

— Сейчас, ты пока иди....

Вскоре послышался звук закрывающейся за Лаисом двери.

— Сам видел, — виновато улыбнулась Люда, — ладно урок продолжим завтра.

— Постой немного...

Нет, Роберт. Нехорошо, если выйдет мама. — девушка прислонила голову к груди парня, но тут же отпрянула.,- до завтра...

— Послушай...

Собравшаяся было уходить девушка, остановилась.

— Что еще? — мило улыбнулась она и, вернувшись, погладила парня по лицу — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи. Не закрывайся, ладно.

— Придешь воровать?!

— Нет, приснюсь тебе.

— Хорошо, до встречи во сне.

Девушка побежала к двери.

Когда Люда вошла в дом, Роберт стоял, не зная с кем поделиться радостью, затем подошел и обнял дерево, к которому прислонялась Люда. Показалось, что на нем осталось тепло любимой. Он прижался лицом к дереву и закрыл глаза. Было хорошо. Так он простоял долго.

Но надо было идти в дом. Наверное, и отец волнуется. Надо идти. Он открыл глаза и вздрогнул, увидев, что около него кто-то стоит. По телу пробежали мурашки. Может, мне это только мерещится, — подумал он и поморгал глазами, но фигура не исчезла. Он приближался без шума.

И хотя Роберт понимал, что надо бежать или кричать, но сделать ничего не мог, стоял, как вкопанный...

Радик был доволен сегодняшним днем. Он почувствовал себя человеком. Весь день он мучился от похмелья, но до вечера не взял в рот ни капли. Да, утром он немного принял, но

после ссоры с дочкой, дал себе слово не пить и вернуть уважение дочери. После этого даже не вспоминал о выпивке. Хотя это неправда. О выпивке он, конечно, думал и думал постоянно. Он хотел опохмелиться, принять грамм пятьдесят, но не принял. А это было настоящее геройство! Победа!

Конечно, и раньше бывало так, что он ложился спать трезвым.

Но это совсем другое. В другое время он не пил из-за того, что не было денег и, когда ложился спать, мучился, не мог уснуть. Ему тогда казалось, что жизнь прошла впустую. И тогда он начинал унижать себя. Быть мужиком и за целый день не найти возможности купить бутылку. Зря не зашел к Маше, она никогда не живет без запаса. Если бы не пожалел своего красноречия, всяко дала бы рюмочку. Так он изводил себя.

А сегодня.... Сегодня у него в кармане были деньги, и была возможность купить водку. И не только это. В кармане пиджака у него лежала в плоской бутылке чекушка. При желании можно было выпить хоть где. Но он не сделал этого. Вытерпел. Победил. Он даже нашел в себе силы выбросить ту бутылку в форточку! Значит, он бросит пить.

Начнет снова жить по-человечески. Вон какой красивой девушкой стала Айгуль. Имея такую дочь, разве можно быть посмешищем?! При первой встрече она как-то была даже ближе к отцу. Только когда он начал в дороге выпивать и говорить непотребные вещи, ее отношение изменилось. Неправильно поступил Радик. Ему нужно было потерпеть, пока вернутся домой. Только сейчас он может остаться в памяти дочери хорошим отцом. А потом, если потерять ее уважение, можно считать, дочь потеряна им навсегда. Радик сегодня был очень доволен собой. Он представлял себя сильным, способным на многое человеком.

Видите ли, в то время, как он беспробудно выпивал, якобы выиграл большие деньги. И сейчас они едут за ними. Очень большие деньги! Сто тысяч! Если подумать, на них можно купить тысячу бутылок хорошей водки, которые можно пить в течение почти трех лет. Но Радик ни за что так не сделает. Как только получит деньги, сразу отдаст их Айгуль. Пусть делает, что хочет. Пусть забирает их себе. Для своего ребенка ничего не жалко. Он улыбнулся, нет ничего приятнее, чем быть щедрым и душевным. Нет чувства приятнее, чем ощущение того, что ты хороший человек. Радик был счастлив.

— Дочка...

Никто не ответил. Каждая семья расположилась по разным комнатам. На первом этаже всего пять комнат, три из них — двухместные, две — четырехместные. Они выбрали четырехместную.

Эта комната разделена на две части, поэтому была удобна для них.

Другую такую же комнату выбрал Николай. Остальные разместились в двухместках. Никому не захотелось подниматься на второй этаж.

— Айгуль...

Даже если спала, Айгуль должна была его через стену слышать.

Но она не ответила.

— Дочка, извини меня за все, ладно... Я больше... Я решил, дочка, бросить пить. Ради тебя... Ты слышишь меня, дочка?

Ответа не было.

Айгуль, наверное, уснула. Если бы просто была обижена, что-нибудь сказала бы. Ладно, пусть спит.

— Спокойной ночи, дочка...

Вскоре и Радик уснул счастливым сном.

Но ощущение счастья долго не продлилось. Из окна появился какой-то туман и обернул его. Конечно, это был только сон. Туман приснился ему только во сне. Этот туман укутал Радика, словно одеяло, и через мгновение исчез. Было не понятно, куда он исчез. Но с этого момента резко что-то изменилось. Радик уже не чувствовал себя счастливым. Нет, даже не так. Он переместился совершенно в другой мир. Он превратился в совершенно другого человека. Казалось, он видит не сон, а смотрит какой-то фильм. Но он был одновременно и зрителем, и участником данного фильма. Радик даже понимал, что видит какой-то странный сон. Но выйти из этого состояния не мог.

Он был маленьким мальчиком. Городским. С Ильнуром. Это еще кто? Ильнур... Ильнур... Они с Ильнуром шли по городской улице.

— Давай подойдем к киоску, — неожиданно сказал Ильнур.

— У меня нет денег.

— У меня есть. Пойдем.

— И вчера воспользовались твоими, — сказал Радик, виновато посмотрев на товарища. — Я забыл спросить у отца.

Конечно, спросить он не забыл. В последние дни он не видел отца трезвым. Из-за того, что отец каждый день приходит пьяным и начинает буянить, ушла куда-то и мать.

Такого в жизни никогда не было. Отец Радика не пил вообще. Что же это за странный сон? И как он может понимать, какой сон он видит? Этого он никак не мог понять. В конце — концов решил смотреть, не споря. Он одновременно был и зрителем, и участником.

— Ладно уж, не заставляй упрашивать себя, как девочка. Что особенного в деньгах...

Ильнур, достав из кармана пятьдесят рублей, протянул их Радике и насильно потащил к киоску.

— Идем, купим какой-нибудь вкуснятины.

Радике было неудобно. Но сравнение с девочкой очень задело, и он вынужден был молча следовать. Ильнур старше его на год, ему уже тринадцатый пошел. У него много друзей и знакомых. Радик иногда завидует ему. Сам он не такой, не сразу находит общий язык с людьми, стеснителен. Поэтому и друзей можно по пальцам пересчитать.

— Ильнур..

— Что?

— Может, все-таки не пойдем?

— Ну, вот ведь почти дошли. Что с тобой случилось? Никогда не был таким упрямым.

— Не хочется. Ноги не идут.

— Если ноги не идут, ты их води. Пошли.

Радик больше не сопротивлялся. Действительно, они почти подошли уже. Если пройти через арку этого девятиэтажного дома и пройти по стройплощадке шагов двадцать — уже и киоск. К тому же и день жаркий, солнце печет, и пить хочется. Радик прикинул: сейчас они вместе с водой купят еще жвачку, шоколад, пакетик сметаны и у них от пятидесяти рублей останутся копейки. Ильнур — самый большой враг денег. Будь у него в руках пятьдесят или пятьсот, не вернется домой, пока не истратит до последней копейки. И вчера, купив килограмм колбасы, они угощали кошек вон того подъезда. Каким бы странным мальчиком ни был Ильнур, а животных любит. Во дворе вся живность его узнает. Стоит появиться во дворе, и кошки, и собаки, забыв о вражде, бегут к нему ласкаться. Мальчик, забыв обо все на свете, начинает возиться с ними. В это время у него рот до ушей, он счастлив. Конечно, животных любит и Радик, но Ильнур как-то по- особенному.

Вспомнив об этом, Радик улыбнулся.

— И сегодня будем угощать кошек? — сказал он, ощупывая в кармане пятидесятирублевую бумажку, и направился к забору вокруг стройплощадки. — Вон твой дружок забрался на забор.

Актуш (кот был черный, только грудь белая), где бы он ни ходил, всегда держал хвост столбом, услышав их, остановился, а потом как бы в улыбке широко раскрыл рот и сказал: «Мяу!» Ильнур звонко рассмеялся.

— Здорово, браток!

Он потянулся к забору, чтобы погладить кота, но тот резко прыгнул внутрь.

— Ах, ты... — Ильнур в этот момент казался отцом, играющим со своим сыном, — Ах, ты так. Сейчас я тебя...

Мальчик быстро перескочил через забор. Радик какое-то время наблюдал за ними с улыбкой, а потом следовал за Ильнуром. Кот наблюдал за ними, стоя на кирпичях, а когда мальчики стали приближаться, спрятался под шифером.

— Кис-кис-кис! Ах, ты еще со мной не считаешься?! — Ласковый голос друга приятно грел и душу Радика, он восхищался им. — А я тебя все равно поймаю. Поймаю, и мы пойдем в магазин. Я тебе такой... Я тебе такое вкусное... Ну, я тебе все покажу, а ты выберешь, что захочешь. Кис-кис-кис...

Радик улыбнулся, представив, как кот ходит по магазину и выбирает. Осталось только одеть ему на голову шляпу, а в лапу дать корзину. Лучше кота- покупателя не будет. Ха-ха-ха...

Актуш убежал в дверь недостроенного дома. Мальчики последовали за ним. Но кот в тот же момент стремглав выбежала обратно и, ударившись об их ноги, куда-то убежал.

— Что с тобой случилось? Кого испугался? — голос Ильнура звучал ласково.

Радик, уставившись в темноту, пытался найти, что же могло напугать кота. Неожиданно в глубине пошатнулась какая-то тень. По телу Радика побежали мурашки, выступил холодный пот. То, что он увидел, казалось очень большим и страшным. Ища поддержки, он оглянулся назад, но Ильнура не было. Наверное, побежал за котом.

— Куда ты пошел? Кис-кис-кис... — слышался только его голос. — Радик, ты не видел?

— Не...

Мальчик не успел закончить, чья-то большая рука закрыла ему рот, Радик попытался освободиться, но рука держала его сильно. Он сжал его так, что невозможно было освободиться, и прошептал прямо в ухо:

— Молчи! Не кричи! Иначе... Сверкнув в темноте, что-то холодное устрашающе приблизилось к его горлу. Нож! У него есть нож! Радик опять попытался освободиться, но горло прожгла тупая боль, и что-то горячее капнуло на грудь.

— *Кровь! Он зарезал меня!*

— Я не шучу, — прошептал голос над ухом, — если сделаешь малейшее движение, зарежу. Понял?!

Радик не успел ответить, как рот его закрыли чем-то холодным.

Вроде, это был скотч. Он упал лицом на пол. Из глаз посыпались искры.

— Радик, не шути, куда ты спрятался?

Вначале голос Ильнура еще слышался, но потом, разделившись на какие-то отголоски, совсем пропал.

Вдруг резко он перестал быть Радиком и превратился в совершенно другого человека.

Он был злодеем, поймавшим ребят в подвале. Осмотрелся по сторонам. В подвале недостроенного дома темно, хоть глаз выколи. Кто бы ни оказался здесь, обязательно упадет и поранится. Кто бы это ни был. Кто бы ни был, только не он.

Он человек тьмы, поэтому в этом подвале ходит, словно при солнечном свете, видит абсолютно все. Он! Он — Человек Тьмы! Он должен спасти от гибели Земной шар, который от бесконечных грехов людей утопает в черной копоти. Бог его произвел на свет для этого.

Люди распустились, они ни во что не ставят ни Бога, ни мир, окружающий их. Даже духовные служители, которые призваны доводить до людей слово Божье, превратили свое истинное предназначение в заработки. Обманывая людей, стремясь как можно больше накопить добра, они создают лишь видимость служения Богу.

А души... Души полны черного коварства, безграничной грязи, нескончаемого безобразия. Даже духовные служители! Что уж говорить о простых смертных! Люди, погрязнув в распутстве и грязи, тянут мир к гибели. Нет сил, чтобы с ними бороться.

Кроме него.

Есть он.

Единственное существо, на кого надеется Всевышний. Он его опора. Он не должен допустить гибели!

Но он один.

Людей много.

Лет через пятьдесят своей смертью умрут не только старики, но и считающая себя пупом земли — молодежь. Они не страшны. Это лишь дело времени.

Самое страшное — их дети. Вот кого надо уничтожить сегодня.

Надо уничтожить будущее впавшего в распутство человечества.

Только тогда Земной шар спасется от вируса по имени человек. Только тогда Всевышний сможет вздохнуть спокойно.

Но люди не бездействуют. У них постоянно рождаются дети. Их много. Только он один. Один он, конечно, не успевает. Но нужно сделать все, что в его силах и даже больше. Он и до этого одного за другим отправлял детей к Богу. Многих отправил. Вот только действовал он в маленьких городах, лишая жизни заблудившихся то там, то здесь ребяташек. Сейчас его возможности расширились.

Переезд в этот город был для него большой удачей. Только в фундаменте этого дома столько детей лежат! Это большая победа. Это очень большое благодеяние.

Дети, не успевшие подрасти и погрязнуть в грехах, испустившие дух чистыми и безгрешными, в судный день будут безгранично благодарны ему. Они еще ему будут поклоняться!

Он улыбнулся.

Показалось, что от его улыбки в комнате стало еще светлей. На голом полу трепыхаются два мальчика. Две победы. Две счастливые души, которые освободятся от этой жизни до того, как успеют совершить грехи. Он снова улыбнулся. Вот ведь какое у него святое дело. Какая святая у него душа. Восхитительно. Наслаждаясь состоянием своей души, закинув голову набок, он смотрел на мальчиков. Они были такими красивыми. Чистыми. Безгрешными.

Есть люди, которые дарят всем красоту. Это художники, певцы, поэты. Он тоже был поэтом своего дела, только дарил людям не искусственную, а настоящую красоту. И дарил ее не людям, этим грешным существам, а самому Богу! Он Богу дарит красоту и чистоту...

— Маленькие вы мои... — Некоторое время он с особой нежностью смотрел на них и, взяв нож, шагнул в сторону невысокого мальчика. Душу его переполняло добро. Благие чувства теплой волной распространялись по телу. Это была любовь. Это была волшебная любовь к Богу. С чувством безграничной любви он подошел к Радику.

Дрожащего от страха мальчика он нежно погладил по волосам. Душу его переполняли такие светлые, такие святые чувства, что на глаза навернулись слезы.

— Безгрешное существо, — сказал он, лаская мальчика по лицу, — как ты счастлив тем, что не попадешь в болото, затянувшее взрослых...

Опять неожиданно пронесся тот туман. Он показался лишь на одно мгновение и рассеялся. Но для Радика опять что-то изменилось.

Он был уже не Радик. И он не Человек Тьмы. Он превратился в кота.

Он стал котом. Он был Актуш. Стремглав выбежал из подвала и резко остановился.

Конечно, он был очень напуган. Он знал Человека Тьмы, чувствовал смертельный холод, исходящий от него, и понимал, что стоит ему проявить невнимательность, как попадет под его влияние и до конца жизни будет вынужден служить ему.

Но в подвале были его друзья. Он колебался, глядя на дверь, ведущую в подвал.

Вышло как-то нехорошо. Получилось, будто он специально передал друзей в руки Человека Тьмы. А ведь Актуш хотел им только добра.

Сегодня утром, когда прогуливались с Назлыбика, заглянули и в этот подвал. Каждый раз, когда он приходил сюда, в душу закрадывался страх, слышались какие-то странные звуки, в нос ударяли леденящие душу запахи. Один он сюда старался не приходить, но с Назлыбикой не показывал своего страха. Утром Человека Тьмы еще не было. Тогда в углу среди комнат он и заметил кожаный мешок со столь дорогими для людей бумагами.

Встретившись с друзьями, он порезвился с ними, но, вспомнив про мешок, привел их сюда.

Ему и в голову не могло прийти, что будет так. Вообще, люди — странные существа: захочешь сделать им приятное, обязательно попадешь в беду. Однажды, когда у магазина он дал пустышку малышу, его чуть не убили. Вовремя успел убежать. Пусть живут, как хотят. К тому же он был невысокого мнения о людях. Страшно сильные, трусливые и ненадежные люди. Они в любой момент могут оставить тебя в трудном положении. Но если брать в целом, то среди них немало и совершенных людей. Вот эти двое, что лежат под ножом Человека Тьмы в подвале, именно такие.

Актуш потянулся к подвалу, но остановился. Страх уже прошел.

Но он был бессилен перед Человеком Тьмы. Конечно, можно броситься на врага и перегрызть его горло. Если на это не хватит смелости, исцарапать его лицо, поранить руку, держащую нож. Но Актуш решил так не делать. Это было не в его правилах. Во-первых, бои кошек Великая Персона не велел проливать кровь людей. И правильно сделал. Если испачкаешься в человеческой крови, век не отмоешься. Во-вторых, перегрызть горло сумасшедшего человека — еще не значит, что будет уничтожен Человек Тьмы. Конечно, люди поступили бы именно так. Они бы застрелили Человека Тьмы и, увидев его труп, подумали бы, что избавились от него навсегда.

Поэтому Великая Персона и сделало их людьми, а не Котами.

Актуш устремил взгляд на небо. На небе ярко светило солнце.

Солнце.

Луч.

Солнечный луч может даже льды растопить и превратить в пар.

Он любое вещество может довести до кондиции и вернуть в первоначальное состояние.

Против холода есть только одно оружие — Тепло.

Против тьмы только одно оружие — Свет.

Источник тепла и света — Луч.

Солнце.

Актуш почувствовал, что каждая клеточка его тела наполняется лучом. Ему казалось, что весь он сверкает даже при свете дня. Актуш сладостно потянулся и нежной походкой зашагал к подвалу. Актуш почувствовал устрашающие запахи, услышал странные звуки...

Радик опять почувствовал изменение. Он превратился в Человека Тьмы.

— Безгрешная душа, — сказал Человек Тьмы, лаская мальчика по лицу, — как ты счастлив тем, что не попадешь в болото, засосавшее взрослых...

Он взял нож, лежащий у ног.

— Ты даже не почувствуешь. Смерть не страшна. Смерть легка и приятна. Ты, малыш, даже не почувствуешь...

Одним движением он нежно поднес нож к горлу мальчика.

Казалось, что он собирается его не зарезать, а поласкать. Он ему подарит смерть.

— Ты счастливый...

До сих пор ласкавшая мальчика левая рука сильно прижала его к земле. Распространяя вокруг нежность, от мальчика исходила безграничная, чистая энергия. Светлая энергия.

— Я тебя освобождаю...

Он напряг руку, держащую нож.

— Во имя Бога!

И резко полоснул ножом по горлу. Светлый луч осветил все вокруг, а по рукам потекло что-то теплое. В воздухе повис сладкий запах крови...

Во всяком случае, так должно было быть.

До этого всегда было так.

Но в этот раз так не вышло.

Рука его не послушалась. И хотя он пытался сделать что-то с руками и провести по горлу мальчика, руки его не слушались, они обмякли, словно тесто. Как бы ища поддержки, он посмотрел вокруг.

Из противоположного угла на него смотрели два горящих глаза.

Постепенно увеличиваясь, эти глаза превратились в два солнца.

Все его тело, каждая клеточка тела размякли. На одно мгновение все расплылось перед ним в тумане и опять вернулось в первоначальное состояние. Но опять что-то изменилось. Что-то не так восстановилось.

Что-то... Нет, изменилось все. Все стало другим.

Он проснулся совершенно в другом мире.

Человек Тьмы проснулся совершенно другим.

Двух мальчиков, лежащих на полу, казалось, связал не он, а совершенно другой человек, какой-то больной, сумасшедший человек.

Эти мальчики были безгрешны. Но кто-то захотел их уничтожить. Их нужно было срочно освободить от злых когтей этого человека.

Он быстро освободил мальчиков от пут и вытолкнул их в двери.

— Уходите! Уходите скорей! Бегите отсюда, пока не проснулся этот злодей, — говорил

он, искренно переживая за судьбу мальчиков, — шевелитесь быстрее.

Мальчики были напуганы. Первым в себя пришел тот, что повыше.

— Не бойтесь, дядя, — сказал он виновато, — этот злодей больше не проснется. Он умер. Вы воскресли. Навечно.

Он застыл в недоумении. И только когда до него дошел смысл сказанного, он повернулся к мальчику спросить что-то, но их уже не было.

Обессилев, опустился на каменный пол. Он был в состоянии человека, увидевшего страшный сон. Хотя и понимал, что увиденное им, это не сон, а страшная действительность. Сколько прервал он детских жизней, сколько сорвал цветов. За эти грехи ему нет прощения. Он — проклят. Он был болен. Теперь он выздоровел. Но выздоровление для него было тяжелее смерти. Как выйдет он к людям, как посмотрит им в глаза?!

Нет, он никогда не сможет выйти из этого подвала.

Он останется здесь.

Так должно быть.

Иного пути нет.

Но нужно было выходить на свет. Если остаться в этом подвале, можно снова превратиться в Человека Тьмы. А сейчас он — Человек Света. Он должен выйти на свет!

— Я хочу выйти на свет! — закричал он. — Я выйду! Ради дочери!

На свет! Сколько можно жить в темноте! На свет!

— Папа, папа!

Он проснулся оттого, что кто-то его сильно тряс за плечо.

Какое-то время он не мог ничего понять.

— Папа! Проснись, папа!

Вдруг он все вспомнил. Ильнур. Ильнур был его собственным сыном. А кто Актуш?

Радик очнулся. Они ведь с дочкой приехали на остров. Его будила Айгуль.

— Айгуль, дочка...

— Папа, все нормально? Ты сильно бредил.

— Дочка...

— Попей воды, папа... На, — девушка протянула ему чашку, — успокойся.

Радик быстро выпил воды. Душа его переполнилась.

— Дочка, доченька моя... — он прижал руку дочери к лицу и, словно маленький ребенок, заплакал взахлеб. — Извини, доченька...

Извини ради Бога... Так не должно было быть. Я должен был сделать вас счастливыми. Дочка...

Неожиданно раздался чей-то крик.

Анна, вцепившись пальцами в матрац, сделала последнее движение и, обессиленная, затихла. Расцепила зубы, готовые разорвать подушку в клочья, и глубоко вздохнула. И Михаил, обессилев, растянулся рядом. На мгновение в комнате стало тихо. Слышалось только учащенное биение их сердец.

Женщина стала тихо ласкать мужа рукой. Она нежно прошлась снизу вверх по его голому телу и ласково потрепала его подбородок. Михаил, схватив руки жены, прижал их к

губам. Анна, облокотившись, повернулась набок и, положив голову на грудь мужа, стала щекотать его волосами, целовать. Михаил приподнял ее повыше и губами нашел ее губы. Нежный поцелуй длился недолго. Женщина подняла голову и, улыбаясь, посмотрела на мужа:

— Ну и зверь ты...

— А сама-то, сама. Ты любого зверем сделаешь.

— Спасибо тебе, дорогой!

— Единственная моя.

Губы опять слились в нежном поцелуе.

— Интересно, а соседи ничего не слышали? — виновато улыбнулась женщина. — А если даже и слышали...

— Нет, мы же не шумели...

— Не шумели?! Дом ходил ходуном!

Это только нам так кажется...

— Ну и пусть слышат... — женщина прижалась к губам мужа. — Спасибо тебе, дорогой. Я думала, умру.

Мужчина ничего не ответил, только улыбнулся и крепче прижал жену к себе.

Какое-то время они лежали без движения. Дыхание выровнялось.

— Спокойной ночи, дорогой, — сквозь сон прошептала женщина. — Я тебя люблю...

— И я тебя люблю.

Больше они не разговаривали. Через некоторое время Анна перелегла к сыну и спокойно засопела. Михаилу казалось, что она и во сне улыбается.

Но Михаил не мог уснуть.

**Утрауга аяк баскач та ниндидер сээр халэт кичергэн иде. Утрау аны
ятсына, читкэ тибэргэ тырыша кебек тоелган иде. Хэзер ул моның алай
түгеллеген аңлады.**

Он видит этот остров чужим, он недоволен им. Расположенный в одном из уголков этого безграничного озера клочок земли чем-то напоминал его судьбу. Он ведь и сам как этот остров. На глазах у всех, но никто его не видит, никто не знает, кто он и что из себя представляет. Даже готовая отдать за него душу, Анна не знает, кто он. Она знает, что он — духовный служитель, который ради любви отрекся от религии. Гордится тем, что ради нее можно даже Бога забыть. Ее любовь к мужу безгранична. Это, конечно, счастье.

Возможно, Анна — это первая и единственная, повстречавшаяся в жизни любовь Михаила. Поэтому он боится рассказывать ей о своем прошлом. Возможно, Анна и поняла бы его. А может... Кто знает? Нет никакой гарантии.

Даже если бы поняла... Узнав, кто такой Михаил, она начала бы твердить свое. Так нельзя, давай вернемся к тебе на родину. Увидим твоих родителей, родных. И Михаил согласится с ней. У него нет сил и желания спорить с ней. Да и свое желание большое. Отдал бы все, чтобы побывать в родных краях. Но в душе поселился страх. Он был у него всю жизнь. Этот страх руководил всем, все перепутал. Если б Михаил победил его в самом начале, возможно, все сложилось бы иначе. Все. И не мучился бы он, скрываясь ото всех. Но все случилось не так, сейчас и страх стал другой. Он стал больше, сильнее. Сейчас он хорошо представлял, чем может закончиться его поездка в родную деревню. Самое малое — он

потеряет Анну. А Анна была для него всем, поэтому он не пойдет на это. В результате, получив проклятие родителей, он будет вынужден вернуться обратно. В этом у него не было ни капли сомнения. Это ведь не в первый раз. Он хорошо помнит, что случилось с братом...

Сначала побоялся сообщить, что попал в тюрьму. Думал, не поймут, будут горевать, осудят. Освободившись и не найдя себе места, ушел в монастырь. Показалось, что здесь он нашел душевное успокоение. А когда в душе поселилась тоска, опять испугался сообщить о себе. Казалось, что его не поймет никто. А сейчас вот еще... Если бы можно было одним словом определить судьбу человека, то у Михаила это слово было бы — «Страх». Почему? Почему все произошло именно так? А ведь он ни в чем не был виноват.

В те годы деревенская молодежь помногу уезжала в Сибирь.

Много платят, можно найти работу. Хорошая возможность позаботиться о себе, накопив за короткий срок денег. После армии парень со своими одноклассниками направился в Сургут. Сибирь он себе представлял заброшенным уголком. Раньше сюда отправляли ссыльных. А в хорошие места, как известно, не ссылают. С такими мыслями и с желанием преодолеть все трудности приехал он в Сургут.

Но город был красивым. Маленький, аккуратный. С ним не могли сравниться даже маленькие города Татарстана. Сначала он думал, что все здесь очень дорого. Но цены не очень отличались. Одежда, действительно, стоила дороже. Зато продукты были дешевле. Город ему сразу понравился. Не жаль остаться здесь и навсегда. Однако после недельного поиска работы понял: здесь его не ждали. Работу, оказывается, здесь найти было нелегко.

— Не горюй, — успокаивал его друг. — Жизнь меняется, и тебе найдется место. Я, когда приехал в первый раз, ждал больше месяца.

Действительно, через некоторое время нашлась и ему работа. По специальности, да и платят хорошо. Но есть одно «но»: без прописки не берут. А без места работы никто не прописывает. Вот и получается чертово колесо: без работы не прописывают, а без прописки не принимают на работу. Он, было, уже разочаровался во всем, но на помощь опять пришел друг.

— Я тебя к себе пропишу, — сказал он, — но долго держать тебя у себя не могу. Постарайся понять молодоженов — ребеночка ждем.

Устройся на работу, а потом подыщешь себе жилье.

Конечно, он был бесконечно благодарен другу. Не обиделся, что тот сказал ему все напрямик. Все по-мужски.

— Спасибо, друг, я и так тебя немало помучил.

— Не без этого, — улыбнулся друг. — В начале мы кого-то мучаем, а когда устроимся, живем вместе. Есть ли общежитие на своей работе, не узнавал?

— Если уж они требуют прописку, наверное, не спешат давать и комнату.

— И это верно. Что же делать думаешь?

— Не знаю пока...

Друг какое-то время колебался сказать или нет.

— Есть тут один вариант.

Он опять замолчал.

— Только не сердись, если скажу.

— Нет, почему я должен сердиться?

— Я только попробую сказать, примешь — хорошо, не примешь — тоже хорошо. Все зависит от тебя.

— Если говоришь, то говори, а нет — так не морочь голову.

— У нас работает одна женщина. Муж у нее ушел к любовнице.

Детей нет. В тот день, помнишь, она приходила в нашу контору. Тогда и положила она на тебя глаз. Спрашивает о тебе. Ну, я сказал. Она не против, пустить тебя к себе.

— Сожительствовать?

— Не сожительствовать, она готова пустить тебя на квартиру.

— Сколько платить?

Друг засмеялся.

— Это уж договаривайтесь сами. Очень темпераментная женщина. Ей был бы мужик, а все остальное — не волнует. Выпивку, закуску, понятно, будешь покупать. Это и без слов понятно.

Парень задумался.

— С одной стороны это приемлемо. И сыт, и одет будешь. Да и крыша над головой. Пока не встанешь на ноги, хороший вариант. А потом сам посмотришь. Договоритесь, будете жить вместе. Не захочешь — уйдешь.

Парень задумался.

— Сам посмотришь.

Устроившись на работу, по всему городу искал квартиру. Но не нашел. Там, где есть жилье, за нее просят очень дорого, а где оно дешевое, уже занято. Куда ни кинь, как говорится, всюду клин: нет то одного, то другого. Ночевал больше месяца то на вокзале, то у товарищей по работе, то у знакомых. Потом, вспомнив слова друга, решил попробовать. Дальше так жить было невозможно. Вся зарплата уходила на гостинцы.

Женщина была неплоха. Парню она понравилась с первого взгляда. Какая-то обаятельная, притягивающая к себе женщина. С такой можно жить в одной комнате, работать и спать в одной кровати в обнимку. Так подумал он, но где-то краешком души понял, что причиной всего является безысходность положения. Они начали жить под одной крышей и в первую же ночь встретились под одним одеялом. К утру под глазами были синие круги, но глаза у обоих излучали удовлетворение. Хотя это была не любовь. Женщина, конечно, выглядела привлекательно, но затащить ее в постель не составляло большого труда. Поэтому и любовь с ней не доставляла большой радости. И потеря такого счастья было ни большим горем, ни большой утратой.

Тогда парень думал именно так. А сейчас ему так не кажется.

Сегодня он думал, что причиной всех его бедствий, того, что вся его жизнь пошла наперекосяк, было именно то, что он стал жить у этой женщины. Ведь все началось с этого. Кто только не уезжал на Север.

Многие из них были без жилья и работы. Но каждый находил свой путь. Находил и работу, и жилье. Если бы у него хватило терпения, если бы он не торопил события, и он не остался бы у разбитого корыта. Но он искал легкий путь. А такой путь, как известно, не приводит ни к чему хорошему!

Конечно, если бы эта женщина удовлетворялась только одним мужчиной, этого бы не случилось. Жили бы они мирно, довольствуясь тем, что имеют, никому не мешая.

Но все вышло не так. Парня вскоре перевели на вахтовый метод работы. Пятнадцать дней он находился в тайге, пятнадцать — возле этой женщины. Возвращаясь с вахты, частенько находил следы бурного веселья. Видел он и опухшие от бессонницы глаза жены, и валявшиеся то тут, то там пустые бутылки. Нашел даже использованный презерватив под

кроватью. Но ссоры он не заводил.

Ни разу даже косо не посмотрел на нее, даже шуткой не выдав того, что творится в его душе. Любому мужчине нелегко представлять свою жену, горячо шепчущую слова любви, готовую сойти с ума от ласки в объятиях другого. Но парень особо не расстраивался. Она не была его женой. Она была лишь хозяйкой квартиры, где он жил. Денег не просит, по пустякам не придирается, удовлетворяет его потребности.

А ревности не было. Она и до него таяла в чужих объятиях и после него будет. И довольно!

Парень ее ни к кому не ревновал. Но были, наверное, и те, кто по-настоящему любил эту женщину, способную показать в постели все уголки рая. Те же, кто по-настоящему любил, ревновали ее и к жильцу.

А может быть, лопнуло терпение женщины, муж которой зачастил в эту квартиру. Могло быть и так. Поскольку женщина никогда не смотрела, женат мужчина или не женат. Был бы красивый и здоровый, все остальное для нее не имело значения. То ли Богом, то ли природой ей было дано превращать понравившегося мужчину в племенного жеребца. Иногда он даже думал: «Если бы она свои сексуальные способности использовала на лечение, то, черт возьми, не было бы человека богаче ее. Я никогда не думал, что я такой сексуальный мужчина. Поразительно!» Несмотря на то, что он попал под злые языки кого-то и был равнодушен к брезгливым взглядам некоторых, он уважал эту женщину. Он любил ее какой-то непонятной и необъяснимой своеобразной любовью. Когда был на вахте, тянулся к ней. А стоило ему задержаться — скучал.

И в тот день он вернулся, соскучившись. Но сразу на квартиру не пошел. Ему должны были выделить комнату в общежитии, вот и решил посмотреть до темноты. Если получит ключ, проведет с ней ночь и завтра же переедет. Что ни говори, а иметь свою комнату хорошо! А если не захочет прерывать с ней отношения, будет иногда заходить к ней, оставаться ночевать. Думал все сделать быстро, только посмотреть комнату и пойти домой. Но вышло все не так. Комендант дал ключи. Комната была очень хорошая. С одной стороны вроде нет и ничего лишнего. Комната как комната. Но она была своя! Пусть маленький, но свой угол. А это значит, что начинаешь жить собственной жизнью. Оставил сумку в комнате и вышел в коридор.

Комендант, улыбнувшись, подмигнул ему:

— Завтра у меня выходной. Да и ты на отдых вернулся. Может, обмоем?

У парня такого желания не было. Но и отказать было неудобно.

— Вот перееду, и обмоем хорошенько.

— Это само собой. Но у меня настроение такое, что выпить хочется сегодня. Поэтому мы комнату смочим вдвоем пока.

— Ну, ладно, схожу в магазин.

— Нет, ты не понял. Водка есть и у меня, кроме того, есть и о чем поговорить.

Они снова вернулись в комнату. Комендант позвонил кому-то по сотовому телефону, вскоре принесли бутылку водки и закуски.

— Я слышал, что ты хороший сварщик... — сказал комендант, когда выпили по второй. — Если говорит народ, то он говорит правду.

А я нуждаюсь в хорошем сварщике.

Парень, конечно, с ним соглашался. Когда они обговорили свои дела, выпили еще по рюмке, и комендант ушел. Оказывается, ему надо было на квартире поменять трубы. Работы

на два-три дня.

Естественно, бесплатно. Но для парня, имевшего комнату, деньги сейчас были не главное. Он был рад. Убрал со стола, пошел на квартиру. После посиделок с комендантом, у него разыгрался аппетит, зайдя в кафе, по дороге выпил еще сто грамм, а потом в супермаркете, что возле квартиры, купил гостинцев. Накупил очень много и только радовался этому. Что ни говори, а хозяйке квартиры он был очень благодарен. В самое трудное время она стала его большой поддержкой. Сегодняшний вечер надо превратить в праздник.

Накроют стол. Пусть он напоминает свадебный.

Вдохновенный он поднялся по лестнице. Нажал на звонок. Но никто не открыл дверь. Он попробовал открыть ее сам. Дверь была открыта. Он уже привык к странностям Севера поэтому не придавал этому значения. Здесь не придавали большого значения тому, чтобы закрывать двери на ключ. Она может быть как закрытой, так и открытой. Но в нее не войдет ни один вор. Таковы здесь правила.

Поставив у двери сумки, снял обувь. Закрыл дверь. Сейчас женщина, услышав его голос, выскочит и бросится ему в объятия. А для того, что будет происходить потом, надо было закрыть дверь.

Парень улыбнулся.

— Тук-тук-тук. Добрый вечер, дорогие товарищи!

Он сказал громко. Если бы кто-нибудь был дома, услышал бы обязательно. Еще раз повторил. Никто не отвечал. Удивленный, он шагнул в комнату.

На кровати лежала хозяйка с каким-то мужчиной. Они были совершенно голые. «И что я пришел сюда, дурак, — подумал он. — Чего я хожу здесь, у меня же есть своя комната. По графику он должен был вернуться только на следующий день. И как я про это забыл?!» Боль и горечь в душе вдруг сменились удивлением. И женщина, и мужчина лежали без движения. Вдруг он увидел скатившуюся на пол по белой простыне кровь.

Их кто-то убил. Убил недавно. Он вскрикнул! И, желая удостовериться в правильности своих мыслей, потянулся к пистолету, лежавшему на полу возле его ног. Пистолет был еще теплым. Он не хотел верить, что пушка настоящая. Возможно, игрушечный. Им нельзя убить людей. Может, и женщина с мужчиной на кровати вовсе не мертвы. Они просто во что-то играли и сейчас лежат, притворившись. Может, и вправду так. Он с трудом подошел к ним.

Но, увидев на их груди следы от пули, поверил в то, что произошло.

Захотел крикнуть, но пропал голос. Он стоял посередине комнаты в оцепенении.

Лишь только тогда, когда в комнату ворвались люди и повалили его на пол, понял, в какую ситуацию он попал. Но он не был виноват.

Он не был убийцей.

Однако на суде свою невиновность доказать не сумел. Его осудили на пятнадцать лет. Сейчас он понимает, что, хотя он и не убивал, все же безгрешным не был. Путь свой он начал с греха, а такой путь не может привести ни к чему хорошему. Грех. Пока был на свободе, даже во сне он не сталкивался с этим словом. Лишь иногда дедушка или мать вспоминали про грех. Но парень не придавал этому значения. У него в одно ухо влетало, а из другого вылетало. Не был он высокого мнения и о религии. Лишь в тюрьме он стал задумываться о вечных истинах.

Убийц обычно представляют жестокими, бессердечными людьми. Но это неверно. Они, как все, состоят из плохих и хороших качеств, ненавидят, любят, удивляются, радуются,

восхищаются и брезгуют. Они обычные люди. Лишь в какие-то мгновения жизни верх у них взяли не те черты характера. Среди них есть и искренне раскаявшиеся в своих грехах, и те, кто отрекся и от Бога, и от Сатаны.

Всякие люди есть среди них. В тюрьме, конечно, нет условий для проявления добрых чувств. Здесь побеждает сила и злость. Это зона преступников. Даже неплохие в душе люди вынуждены скрывать это от других.

Человечность здесь воспринимается как слабохарактерность. Но и тюрьма не без добрых людей. И многих заключенных здесь волнует один вопрос: «Почему так произошло?» Это и толкает их на путь религии. Конечно, для этого есть причины.

Они стараются освободиться от пут тюрьмы, хоть на время отойти от этой реальности, почувствовать себя полноправным человеком на Земле. Человеческое дитя всегда нуждается в понимании и теплоте. Но в тюрьме этого нет, да и искать нечего. Это проявление малодушия.

Но поиски всего этого у Бога — потребность, заложенная от природы.

К ним приходили духовные служители, представители разных религий: баптисты, иудеи, православные. Только муллы почему-то не появлялись.

Естественно, больше приходило православных. Эта религия считается как бы официальной. К ней потянулся и Михаил. К тому же и поп, пришедший на зону, был очень хорошим человеком. В жизни он успел повидать всякое, умел найти подход к каждому. После общения с ним в душу вселялась какая-то теплота, надежда на будущее. Михаил тогда еще жил под своим именем. Он верил, что все попы — святые люди, верил в это всей душой. И каноны религии, и сам поп показались ему близкими. По мере приближения к ним душа его находила успокоение. «И почему все наши не переняли христианскую религию? Такая она светлая! Почему не придерживается ее вся страна?» — думал он.

Только выйдя из тюрьмы и устроившись в церкви, понял, как он ошибался. На свободе он мало встретил попов, похожих на того, что приходил в тюрьму. И понял главное, духовные служители, как и другие люди, состоят из положительных и отрицательных качеств. Как другие, они врут, воруют, ругаются, делают друг другу гадости... И они обычные люди. Только в определенные моменты жизни сверкают красивым боком. Но понятие этого не прибавило легкости. Были бы они все святые душой.

Церковь отрезала все пути возвращения домой. При виде него у матери бы сердце разорвалось. «Кто мой сын?! — сказала бы она, проливая горькие слезы проклятия. — Тюремщик, поп!» Даже если простит его пребывание в тюрьме и даже убийство человека, но то, что он стал попом, не простит никогда.

Ему нелегко было знать это. Казалось, что его сердце вырезали каленым кинжалом. Он совершил непоправимый грех. Он сам вонзил в свое сердце кинжал, который не дает ему ни умереть, ни жить спокойно.

«Мой сын — тюремщик и поп! — повторил про себя Михаил. — А сноха иноверка!» Ему даже показалось, что он слышит голос отца:

«Мать, поди-ка, накорми кур. Настало время поговорить с сыном».

Этот голос он слышал очень четко. И удивился. Какое-то время еще прислушивался: не услышит ли еще. Но голоса отца уже не было.

Услышал он только женские голоса. В коридоре раздался пронзительный женский крик. В мгновение исчезли все мысли Михаила. Он вскочил. Кто-то звал на помощь.

В комнате Халиль опять потянулся к телефону. Он не работал. В сердцах он бросил телефон на кровать. В России всегда так, здесь ни во что нельзя верить до конца. Здесь всегда нужно быть начеку и все предугадывать наперед. Он, чувствуя себя американцем, иногда забывает об этом. И вот ни ждал, ни гадал и попал в неприятную историю. За последние два-три дня его обманули как никогда. Его обманул татарин, которого он встретил на улице Нью-Йорка — раз, телефон не работает — два. И вместо того, чтобы, вернувшись в Россию, побывать в родных краях, он оказался на забытом богом острове — три. И совершенно не знает, как выйти из этого положения — четыре. Черт возьми!

Ведь если уж доехал до сюда, то до Казани — рукой подать.

Почему он не там? Он должен был сегодня сидеть с родными и, разговаривая с ними до рассвета, радоваться и плакать от счастья. А он, поверив словам какого-то татарина, уехал на старом корыте! И вот... Вот так и бывает, когда голова не работает.

Но он постарался обуздать эти мысли. Нельзя, чтобы Роберт догадался о том, что творится в его душе. Что ни говори, Россия- родина Халиля. У сына не должно остаться плохого впечатления о ней. Главное — это, а остальное утрясется со временем. Ему стало легче от этих мыслей. Если подумать, нет причины, чтобы сильно горевать.

Остров красивый. Путешествие прошло весело. Хотя Роберт и не знает языка, ни минуты не унывает. Сразу нашел друзей. Как они все хорошо говорят по-английски. Кажется, что они собрались не из разных уголков земного шара, а выросли вместе. Да, у России есть восхитительные места. Люди здесь естественны. Непонятный и необъяснимый народ.

Нет большого различия между татарами и русскими. Всех объединяет что-то светлое. Искренность. Вот ведь как отнеслись к Роберту, быстро приняли его в свой круг. В Америке было бы немного иначе. К приехавшему из другой страны они относятся, как к чужаку.

Они улыбаются тебе, но все равно чувствуешь себя чужим. Здесь, наоборот, чужим относятся хорошо. Своего могут растоптать, но чужому окажут уважение и почет. В давние времена татары и ханов приглашали со стороны. Это пришедшая издревле особенность народа.

Халиль, конечно, видел, что Роберт остался с той девушкой. Они уже на речном вокзале перекидывались взглядами. Ладно, если понравились друг другу, пусть делают, что хотят. Пусть только без дурных последствий. Об этом он разговаривал с сыном неоднократно.

Роберт не глупый парень, голову не потеряет. За него Халиль был спокоен. Да и девушка кажется привлекательной. Был бы молод и сам бы что-нибудь предпринял. Молодец парень! Не мямля. Умеет прибрать к рукам то, что приглянулось.

У него даже поднялось настроение. Казалось, что он даже доволен тем, что приехал сюда. Конечно, доволен. Просто немного устал. И первоначальное раздражение было вызвано именно этим.

Ладно, нужно отдыхать. Спать. А завтра все будет хорошо.

К приходу сына Халиль расстелил постель. Потом приготовил свою. Переодевшись, лег. Закрыв глаза... Но стоило ему закрыть глаза, как опять перед глазами предстало недовольное лицо отца.

— В университет, видите ли, поступает! Ха!

— А что, чем я хуже других?

Отец тяжело вздохнул.

— Там таких, как мы, все равно не берут. Не теряй напрасно время.

— Берут.

— Я работу тебе нашел. Полгода поработаешь на тракторе, а там, если сможешь себя показать, поставят бригадиром. В деревне о лучшей должности и мечтать нечего. Этого упускать нельзя.

Халиль не ответил. Отец был прав. Бригадир в деревне — хозяин, все в его руках. Но деревня была маленькая, а мечты у него были большие, и ему не хотелось быть бригадиром. Опустив голову и не сказав ни слова, Халиль вышел из дома. Молча наблюдавшая за всем мать последовала за ним.

— Не сердись, сынок, на отца, — сказала она голосом, способным растопить любую душу, — он не верит, что сын простого колхозника может поступить учиться. А для того, чтобы умаслить нужного человека, у нас нет денег.

Халиль обнял мать.

— Мама, — голос парня был нежным и твердым одновременно, — я достиг такого возраста, когда сам могу позаботиться о себе. Я поеду туда, куда хочу. Только ты, пожалуйста, не сердись.

Мать ничего не ответила. Чтобы не заплакать, она стояла, сильно закусив нижнюю губу.

— Ладно, — сказала она, немного успокоившись, — по мне хоть в Америку уезжай (в голосе ее слышалась не только нежность, но и обида), будь только счастлив.

Вдруг раздался зловещный голос отца, возможно, он все слышал.

— Никуда он не поедет. А ты, старуха, иди кур смотри.

Эти слова давали понять, что он собирается говорить с сыном наедине, и было неизвестно, чем закончится этот разговор. Он мог отхлестать сына ремнем, заставить делать какую-нибудь тяжелую работу или поставить в любой угол двора. Но чем бы разговор не завершился — было ясно, что он будет не в пользу сына. Особенно сегодня. Настроение отца было неважным.

Оставшись наедине, отец долго молчал.

— Каждому дорог свой ребенок, — неожиданно начал он ласковым голосом. — Если бы ты остался в деревне, всегда бы был перед глазами.

При необходимости помогали бы друг другу. Душа была бы спокойна...

— Отец, есть же братья, они останутся в деревне...

— Дорог каждый ребенок. Каждый из вас единственный и неповторимый.

— Я хочу учиться.

Отец опять замолчал. Достал папиросу, закурил. Хотя он бросил курить несколько лет назад, в кармане всегда носил пачку «Астры».

Закашлялся и, выругавшись, затушил папиросу. Еще какое-то время стоял, задумавшись.

— Ладно, — сказал он, горько улыбнувшись, — возможно мать права. По мне хоть в Америку езжай, только будь счастлив.

...Халиль вытер катившиеся по лицу слезы, поднялся и сел.

Хотя родители и оставили на его усмотрение выбор решения, у него не хватило смелости сказать им: «Я еду учиться. Мама, папа, пожелайте мне удачи. До свидания». После этого о Халиле разговора больше не заводи́ли. А братишки даже начали радоваться, решив, что он остается в деревне. Но Халиль однажды собрал всех и роздал каждому подарки. «Я, ребята, в город уезжаю, — сказал он им, — но родителям пока об этом не

говорите. Скажите только вечером. Пусть не волнуются. Доеду — напишу. До свидания.» Обрадованные подарками, братья его отъезду не придали никакого значения. Он же, стараясь не показываться на глаза людям, пошел задворками.

К горлу подступил комок. На глаза навернулись слезы.

Нехорошо, если Роберт их увидит. Надо постараться успокоиться и заснуть. Успокоиться и заснуть...

Порывшись в сумке, он достал снотворное. Выпил таблетку.

Немного подумал и выпил еще две. Не будет лишним. Для его разволновавшейся души это будет в самый раз.

Хоть в Америку уезжай...

Он был руководителем большой компании. Стал богатым, что родителям даже не снилось, человеком. При встрече с ним у многих глаза становятся масляными, речь — угодливой. Но счастлив ли Халиль? Счастлив ли?! Халиль не мог дать однозначного ответа.

Почувствовав во всем теле усталость, он лег. Стоило коснуться постели, как по всему телу пробежала какая-то нега. Каким бы не был этот остров, постель здесь была хороша. Мягкая, нежная. Вскоре раздался тихий храп, он заснул глубоким сном.

Во сне он снова сидел в своем кабинете. Вдруг резко открылась дверь. Кто-то вошел...

Он вошел так быстро, что Халиль даже не успел увидеть лица.

Удивило не столько его внешний вид, сколько то, что посетитель сразу бросился к ногам и стал целовать его туфли. Халиль не знал, засмеяться ему или достойно принять. Он, конечно, уважаемый человек, но не до такой же степени. Сейчас так не ведут себя даже перед султанами и эмирами. Он сначала растерялся, а потом поспешил поднять бьющего челом у ног человека. Но тот, словно корни по полу пустил.

— Ради Бога, спасите нас, — умолял он, почти слившись с полом, — ради всего святого не откажите в помощи. Иначе погибнет вся деревня. Пожалуйста, не допустите этого, умоляем!

Халиль попытался что-то ответить, но, разволновавшись, растерялся. Почувствовав неловкость, он посмотрел по сторонам и принялся его поднимать.

— Ради бога, спасите, — умолял тот, вцепившись в пол. — Беда пришла, беда! Помочь можете только вы...

Халиль решил уже позвать охрану и усадить его в кресло, так ему было бы удобнее разговаривать с ним, но потом передумал.

Вошедший не играл, не прикидывался, его мольбы были искренними.

Применить силу по отношению к человеку, настолько охваченному горем, что он кланяется в ноги обыкновенному человеку, показалось недостойным.

— Вы наша последняя надежда. Ради Бога, не оставьте без своей защиты. Защитите... — продолжал причитать вошедший.

Халиль задумался. Стой он хоть целый век так, ничего не прояснится, он ничего не сможет сделать. А слезливые мольбы человека могли свести его с ума.

— Мы так впустую только проводим время, — сказал он, трогая его за плечо. — Встаньте. Давайте поговорим по-человечески.

Но тот не слышал Халиля.

— На деревню напал мор. Ничто нас не может спасти. Помочь можете только вы.

Вдруг человек замер. До него дошел, вроде, смысл сказанного Халилем. Тихо, словно провинившаяся собака, ждущая наказания, боясь до конца поднять голову, шепотом даже не

спросил, а как бы желая найти подтверждение тому, что услышал, сказал:

— Как, Вы сказали, поговорим сидя...

Халиль вздрогнул, увидев его лицо. Вид человека напоминал скелет, на который натянули желто-зеленую сеть. Из-под тонкой кожи просвечивали все кровеносные сосуды. Этот живой человек напоминал мумию, оставшуюся с древнейших времен. И в то же время на его лице было что-то, что могло покорить человека. Это нельзя было назвать ни привлекательностью, ни душевной чистотой. Он излучал что-то таинственное. Поэтому Халиль хотя вначале и вздрогнул, быстро привык к его внешнему виду.

— Да, давайте поговорим спокойно, иначе мы не поймем друг друга.

Незнакомец на мгновение замер.

— Извините, ради бога, извините.

И он тихонько, словно растущий на глазах цветок, встал.

— Извините, мне не доводилось общаться с такими большими, как Вы, людьми. И порядка не знаю, я ведь из деревни.

Он был одет в серый большого размера пиджак, розовые брюки — стричь, поверх белой рубашки желтый в клетку галстук. Если к этому добавить еще тубетейку на голове и голубые кроссовки на ногах, то не останется сомнения в том, что он, действительно, из деревни. И не только это. Глядя на него, можно было подумать, что он последние тридцать лет никуда не выезжал из деревни, а в этот путь снаряжали односельчане, принеся ему все самое лучшее.

Халиль улыбнулся. За ним улыбнулся и посетитель. Глядя на его полные тоски и угодничества глаза, можно было подумать, что он вот — вот вильнет хвостом.

— Садитесь, — указал на кресло Халиль. Вошедший, не отрывая от него глаз, попятился назад и сел в кресло.

— Не хотите ли выпить чаю или кофе?

Стоило тому услышать этот вопрос, как в глазах мелькнула предательская искорка. Но он быстро скрыл ее и, отказываясь, покачал головой. Хотя все его существо готово было закричать: «Как тебе в голову пришла такая мысль? Спасибо тебе! Конечно, хочется! Так сильно хочется пить!» Но мужчина еле слышно прошептал: «Нет, спасибо».

— И все же пусть принесут нам чай, — сказал Халиль, стараясь скрыть улыбку. — Да и разговор, кажется, предстоит долгий».

Халиль и сам был деревенским, поэтому так близок был этот мужчина. Ему стало немного жалко его. И он, когда приехал поступать в институт, был одет в форму училища, а на ногах были кеды.

Обыкновенный сын колхозника с холщовой, сшитой от руки сумкой приехал поступать учиться. К тому же, он сбежал от родителей и не было денег даже на обратную дорогу. Вспомнишь, плакать хочется...

— Спасибо, — мужчина застенчиво улыбнулся. — Я думал, что Вы очень высокомерный человек. Пить с Вами чай за одним столом... Вот Вы, оказывается какой. Спасибо!

Халиль улыбнулся. В это время помощница уже подкатила столик, заставленный угощениями. Мужчина, наверное, ждал, что принесут маленькие чашки с половинками лимона. Поэтому был очень удивлен, увидев такой стол. Посмотрел на него, а потом на Халиля.

— Вы кого-то ждали?

— Нет, это все для вас. Вы же приехали издалека, наверное, проголодались? Покушайте,

а потом немного отдохните.

— Спасибо, только... Я ведь, я того... не в гости приехал. Я по делу, по большому делу. — Он замолчал, но потом, увидев, как внимательно слушает его Халиль, продолжил, — мы всей деревней попали в беду. Вот уже несколько лет дети рождаются мертвыми.

Раньше это случалось изредка, а теперь по всей деревне. Дети рождаются мертвыми, а взрослые худеют, на глазах высыхают, превращаясь в живой скелет.

Халиль взглянул на его лицо.

— Не только, как я. Страшнее. Страшное дело, страшное.

Халиль уже понял, о чем хочет сказать этот мужчина. Поэтому поспешил его опередить:

— Я, конечно, в стороне не останусь. Но много денег перевести не обещаю.

Казалось, что мужчина готов вновь броситься ему в ноги. Но он спокойно выслушал Халиля, а потом продолжил:

— Куда мы только не обращались. Приезжали и врачи, и экологи.

Какие только специалисты не побывали у нас. Но никто из них никакого противоречия не нашел. В природе нет никаких изменений.

У людей не нашли никаких болезней.

С этой проблемой Халиль немного был знаком. Его близкий друг Альберт работает в этой области, изучает аномальные явления в медицине. Но он не стал прерывать мужчину.

— Недавно у нас побывал профессор Давыдов. Альберт Артурович. Он посоветовал обратиться к Вам.

— Альберт Артурович?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мужчина замолчал, отхлебнул из чашки чай.

— Да, об этом он хотел и сам Вас предупредить. Не успел, наверное.

— Видимо.

— Он очень подробно рассказывал о причинах... Да у меня в памяти не осталось. Если честно, я не совсем понял его. Понял только одно...

Он опять замолчал, засомневался, а потом продолжил.

— Спасти нас от этой беды можете только Вы. Точнее Ваш сын. У Вас же есть сын?

Халиль только кивнул в знак согласия.

— Что говорил Альберт Артурович о Роберте, моем сыне?

— Он ничего не говорил. Он посоветовал только обратиться к Вам.

— И что же должен делать Роберт?

— Ничего. Он просто некоторое время должен пожить с нами и все уладится само собой. Давыдов сказал так.

Халиль задумался. Роберт ему был очень дорог. Не потеряет ли он его, отправив в незнакомую деревню к больным людям? Это же Роберт! Его сын! Сын его горячо любимой жены.

Нависла тишина. Кажется, можно было даже услышать, как мысли летают.

— Нет, — сказал он немного погодя, — сына я никуда не отпускаю. Он постарался не смотреть в глаза мужчины.

— Понимаю, — сказал мужчина, — и потихоньку направился к двери.

— До свидания.

Воздух в комнате застыл.

Мир застыл.

На одно мгновение.

Халиль почувствовал себя преступником. Убийцей целой деревни. А ведь в бедствиях этой деревни был виноват и он. Он был именно из этой деревни. Сначала он сбежал из деревни на учебу.

Окончив учебу, вообще уехал за границу и не приезжал, не давал о себе знать.

Родители вырастили детей, а под старость остались одни.

Сначала так поступил Халиль, а за ним — остальные. Вот и рассердился Всевышний. «Если вы способны мучить своих родителей, — сказал он будущим новорожденным, — то уж лучше рождайтесь мертвыми... Так все сразу разрешится. То, что вас нет, лучше, чем вы есть». И дети в этой деревне стали рождаться мертвыми. В этом была вина Халиля.

Если бы он не оставил деревню, не бросил своих родителей, никто бы не дошел до такого состояния. А вот сейчас он отказал человеку, который пришел к нему за помощью. Не захотел им помочь. И сейчас деревня должна будет исчезнуть с лица земли. Она вымрет. И убийцей ее станет Халиль. А он не хотел быть убийцей, поэтому вскочил с места и бросился к двери.

— Подождите, мужчина, подождите!

Но ему никто не ответил.

— Дядя, я согласен, — крикнул он. — Я согласен отдать Роберта.

Неожиданно перед ним опять появилась Хадича.

— Подожди! — страшно холодным голосом сказала она. — Подожди, глупый! Разве собственного ребенка можно отправлять на верную смерть?!

— На какую смерть? — Халиль не знал, что говорить, что делать, — он едет лечить деревню, а не умирать.

Старуха не ответила. Она резко повернулась и исчезла. Халиль потянулся за ней...

— Подожди! Ты что-то путаешь!

С той стороны, куда ушла женщина, послышался чей-то душераздирающий крик. Это был женский голос. Крик повторился.

Затем еще раз. А затем исчез под звуки чьих-то шагов и разговора.

Пропал и сон. Халиль даже, вроде, на какое-то время проснулся, но потом повернулся на другой бок и снова захрапел. Больше ему уже ничего не снилось.

Мое имя *Анна*...

Услышав это имя, Хамит потерял спокойствие. Все, что происходило вокруг, потеряло для него смысл. Все его существо теперь было связано лишь с одним словом — Анна.

Так не должно было быть. Он был мужчина, разменявший четвертый десяток, с двумя взрослыми детьми и женой, шагавшей с ним по жизни рядом. Он уже не молод, а находится в том возрасте, когда на жизнь смотрят трезво.

Так не должно было быть. Но в душе звучало лишь одно слово «Анна». И это имя ему не давало покоя.

Резкие перемены в нем заметила, вроде, и жена. Но не придавала этому особого значения. Появившийся перед взором остров привлек всеобщее внимание, пленил своей таинственностью и красотой.

А когда они остались на острове одни, в их души вселился страх.

Предстоящая неопределенность какой-то тяжестью навалила на их мысли. К этому прибавилось и сожаление о том, что, поверив какому-то письму, бросив все нажитое, пустились в дальний путь. Каждый замкнулся в себе и остался один на один со своими сомнениями.

Никому ни до кого не было дела. Но даже в такое время в душе Хамита постоянно звучал этот звук, словно музыкальный фон ностальгических эпизодов.

Немного погодя, когда, расположившись в доме, немного перекусили, настроение у всех поднялось. И Хамит не остался в стороне: что-то сказал, даже пошутил. И с детьми поговорил по душам. Хорошо. А тот звук все же не исчезал. Он не прекратился даже тогда, когда Хамит лег спать, и он ясно понял, что звук этот появился не сегодня, не сейчас. Это слово, это имя звучало в его душе всю жизнь. Он не обратил на это внимание только из-за повседневных забот и суеты.

Анна...

Рассеялся временной туман, и снова возникли ее рыжие волосы, розовые щеки и излучающие из-под длинных ресниц волшебные лучи голубые глаза. Глаза ее горели опьяняющей энергией. Возможно, так казалось только Хамиту. Анна не сказала ему ни одного обидного слова, не бросила ни одного косого взгляда. Никогда. Он был счастлив с Анной так, как ни с кем и никогда. Они были благодарны судьбе, которая помогла им встретиться и полюбить друг друга. Благополучие и красота царили вокруг. Казалось, что впредь жизнь будет еще лучше, красивее, нежнее. Они очень сильно верили в это.

Конечно, в двадцать лет на жизнь смотришь иначе. Впереди вся жизнь, кажется, что каждый день будет приносить тебе только радость и успех. Если даже нет никакого повода, верить в это, все равно ждешь от будущего хорошего. Веришь в это.

Но их надежды были не на пустом месте. Они очень любили друг друга, и любовь придавала им силы. Когда в душе любовь, а рядом любимая, кажется, не победят тебя никакие жизненные трудности. Ты — пуп Земли, ты сильнее всех. Если бог тебе дал такую большую любовь, значит он считает своим, выделяет среди других.

Человеку, которого недолюбливает, он не дал бы столь сильного и таинственного чувства.

Хамит был счастлив. У него была Анна.

И Анна была счастлива. У нее был Хамит. Анна поехала в гости вместе с соседской девчонкой, которая училась в музыкальном училище райцентра. Хамит заметил ее уже на остановке автобуса.

Подняв пыль, проехал было мимо них на своем стареньком мотоцикле, но вернулся обратно.

— Привет, Гульчачак, — сказал он, не отрывая взгляда от гостьи, — на выходные приехала?

Девушка что-то ответила и поставила сумку в люльку мотоцикла. И, показав взглядом, чтобы гостья села на заднее сиденье, сама полезла в люльку.

Хамит ей был очень благодарен. Девушка села, свесив обе ноги в одну сторону и, чтобы не упасть, осторожно взялась за талию Хамита. Так сделал бы каждый. Но Хамит был рад. Ему показалось, что девушка сама обнимает его. От таких мыслей он чуть не потерял голову. Чувствуя особое тепло по всему телу, нажал на газ. Мотоцикл резко рванулся с места. Но, увидев маленьких гусят, переходивших улицу, парень резко затормозил. Мотоцикл резко

сбросил скорость, и девушка всем телом прижалась к парню. Всего лишь на мгновение. Но это мгновение он не забудет никогда! Он почувствовал прикосновение тугих грудей девушки к своей спине, а возле уха — нежное ее дыхание.

Ему даже показалось, что он слышит ее сердцебиение. У него закружилась голова. Хорошо еще Гульчачак была рядом.

Приподнявшись с места, она тронула его за плечо:

— Хамит!

Только тогда он пришел в себя. Он выровнял мотоцикл, который ехал в направлении деревьев у обочины. Замедлив ход, повернулся к девушке.

— Что говоришь, Гульчачак?

— Остановись.

Хамит остановился.

— Хамит, эта девушка моя подруга. Зовут ее Анна. Анна, это Хамит. Он наш соседский пац... парень. С Анной мы пробудем в деревне неделю, Вы сможете подружиться и вдоволь наговориться. А пока, Хамит, пожалуйста, довези нас спокойно до дома.

Хамит не ответил. Ему было неудобно. Через зеркальце посмотрел на Анну. Та благодарно посмотрела на Гульчачак и, увидев, что Хамит смотрит на нее через зеркальце, улыбнулась. Анна улыбнулась. Но это была не насмешливая улыбка. Ему даже показалось, что он слышит ее голос: «Гульчачак говорит правильно, Хамит. И познакомиться, и подружиться у нас еще будет много времени. К тому же и ты мне нравишься». И Хамит с каким-то особым нетерпением пустился в путь. Даже подъехав к воротам, он ничего не сказал. Конечно, он понимал, что нужно что-то сказать. Нельзя стоять и молчать, как будто на что-то обиделся. Зная, что не сможет оторвать взгляда от Анны, он не осмелился даже поднять на нее глаза.

— Спасибо, Хамит, — сказала Гульчачак, взяв сумки, — спасибо.

Хамит не ответил. Он поднял глаза, увидел Анну и, как истукан, застыл в оцепенении. Нет, не как истукан. Так могло показаться только со стороны. А на самом деле, он был в состоянии вулкана, который дошел уже до последней точки и застыл лишь на мгновение.

Нет, даже не так.

Он был влюблен. И ему показалось, что и в глазах Анны он увидел искорки зарождающейся любви.

Он был счастлив.

Мотоцикл заводить не стал. Оттолкнул его к забору и опьяненный охватившими чувствами прилег на веранде. Это была его первая любовь, первое с ног сшибающее чувство.

С этого дня он жил в постоянном ощущении счастья. Все мелкие неудачи и неприятности тонули в этом чувстве. А неприятности были.

Знавшая о взаимоотношениях сына с Анной мать однажды мягко предупредила его:

— Любовь слепа, сын. Посмотри-ка на все трезвыми глазами.

— Что случилось, мама?

— Не знаю, сынок... Отцу вчера русско-татарский разговорник дали и посоветовали начать его изучать. Мужики из МТМ. Он в недоумении. Вот ему и сказали о том, что ты ухаживаешь за русской.

«Будет невестка русской, понадобится. Пока повторяй русский», — сказали они.

Хамит остался без слов.

— А кому-какое дело, кто с кем дружит?! — сказал он, немного погодя, стараясь

сдержанность грубость.

— Не знаю, сынок. В нашей деревне никто еще не был счастлив, женившись на русской. Может, поэтому и предупреждают.

— Какая разница?! Русская, татарка, чувашка или еще кто? Все же зависит от самого человека! Если уж на то пошло, то и среди татар всякие есть.

— И это правильно, сынок... И среди татар разные есть... — Мать еще какое-то время стояла задумавшись и продолжила, — Вон с верхнего конца помнишь Хафиза? Живут вдвоем с матерью. И он женился на русской и уехал из деревни. В преклонном возрасте вернулся в деревню с двумя детьми. Жена прогнала. Пока он в шахте уголь добывал, она гуляла. Говорят, что и дети не его. Но что поделаешь, отцом ведь называют...

— Но не все же такие.

— Знал ты и Фарита. И его Настя, когда собирались ее родственники, звала его «диким татаринком», «Мамаем». Вот однажды Фарит и не выдержал, дал жене пощечину. А те только этого и ждали, избили его, изувечили. Фарит от стыда и повесился.

— Мама...

— Дослушай до конца, сынок. В деревне есть двенадцать человек, женившихся на русских. Я могу рассказать о каждом. Но только никто из них не был счастлив. Всегда случалась какая-то беда. Я не хочу ругать русских. Много и среди них люди, что лучше любого татарина.

Но мы — два народа, как два полюса. Говорят, в один котел две головы не лезут. Вот и мы так. У нас в крови течет передававшееся из поколения в поколение, переходившее из веков в века чувство соперничества, стремление превосходству друг над другом. И его не в силах победить никакая политика, никакая дружба между отдельными людьми. Его не в силах победить даже любовь. Это чувство не подвластно нам.

— Мама...

— Да, сынок, ни я, ни отец не согласны.

Хамит замолчал.

— Но я ведь ее... Мама, а что будет, если я женюсь на ней?

— Я же уже сказала, что в деревне есть двенадцать человек, ты будешь тринадцатым...

После этого разговора Хамит долго не мог прийти в себя. Как бы желая проверить достоверность слов матери, расспросил о судьбе тех двенадцати. Все было верно. Но в душе он не хотел верить этому. Есть же, наверное, и среди них счастливые люди. Хотя бы немножечко, хотя бы один. Хотя бы в соседних деревнях. Через приятелей он расспросил и о тех, кто жил в соседней деревне. Но не услышал ничего утешительного для себя. Мать была права. Конечно, можно было понять ее тревогу за сына и неприятие его увлечения. Если бы был на их месте, возможно, и Хамит поступил бы именно так.

Но...

Врач говорит, что у тебя больное сердце и что ты с ним долго не проживешь, и не сможешь быть с ним счастливым. Затем он начинает приводить тебе примеры. Но ты же не можешь вырвать из груди свое сердце.

Вот и Анна была сердцем Хамита.

Этот неприятный разговор больше не повторился. Какие бы переживания ни были в душе Хамита, о них он Анне не сказал ни слова. Когда были вместе, все казалось очень мелким и проходящим.

И, действительно, рядом с их любовью все было незначительным, не стоящим

внимания.

Вскоре Анна, окончив училище, учительницей музыки приехала в деревню Хамита. К этому, конечно, приложил руку и Хамит.

Немало ему пришлось топтать дорожку в районный отдел образования. А когда добился своего, радости его не было предела.

Только вот поделиться радостью было не с кем. Родители сторонились разговора об этом. Братья были в армии. А друзья, как ему казалось, не могли до конца понять глубину его чувств. Но он был счастлив.

Приехав в деревню, Анна стала жить у Гульчачак. По соседству.

Встречались каждый день. Надо-не надо были всегда вместе. Теперь уже никто не сомневался в глубине их чувств. Не ограничивали они себя и нравственными нормами. В море любви они бросились оба с головой и без страха. И жили счастливо, купаясь в любви и до остальных им не было дела.

Распространившиеся было в начале разговоры — затихли. В душе все радовались их чистой любви и считали недостойным говорить о них плохо. А когда она за короткий срок научилась говорить и по- татарски, некоторые с сожалением говорили: «И чего она не татарка.

Такая хорошая девушка». И действительно, Анна завоевала уважение односельчан не только тем, что быстро научилась говорить по- татарски, но и своим поведением, отзывчивостью и добротой. На нее уже не смотрели, как на чужую, приняли ее, любили как родную. И все же все ждали чего-то не предвиденного от их такой прекрасной любви.

Такая светлая чистая любовь не может быть долгой, считали они, и ждали какого-то несчастья. И усиливало это предположение то, что он был татарин, а она русской. Говорить о них плохо никто не хотел.

И это только усиливало надежду влюбленных на будущее.

Даже слова матери, сказанные тогда, сейчас звучали совершенно по-другому. Она же не сказала: «Ты на ней не женишься». Она сказала: «Ты будешь тринадцатым». Следовательно, родители не собираются противостоять их свадьбе.

Хотя они и были вместе очень счастливы, но Хамит все же заметил поселившуюся в глазах Анны тоску. Сначала он ничего не сказал об этом. Но потом молчать уже не смог, но Анна ничего вразумительного не ответила.

— Нет, это тебе только кажется, — улыбнулась она.

— Нет, — возразил ей Хамит, — ты чего-то боишься, о чем-то жалеешь.

Анна посмотрела так, будто видит его впервые, а потом улыбнулась такой улыбкой, что душа готова была растаять:

— Нет, дорогой. О чем я могу жалеть?! А боюсь я только одного — потерять тебя.

Но глаза ее даже тогда, когда она улыбалась, не могли скрыть тоску. Парень видел это, но докапываться до истины не считал нужным.

— Ты не бойся меня потерять и ни о чем не сожалей, ладно? Мы будем счастливы.

Через некоторое время он узнал, что Анна в положении.

Тогда Хамит, желая рассеять тоску в глазах девушки, мечтал вслух об их счастливом будущем.

— Мы с тобой вдвоем... Мы вдвоем будем жить так счастливо...

Мы с тобой...

Анна с улыбкой выслушала все это, а потом поднесла пальцы к его губам. Какое-то

мгновение она нежно смотрела на него, прислонила голову к его груди, а затем, взяв в руки его правую ладонь, поднесла к своему животу.

— Сейчас нас, Хамит, уже не двое, — сказала она, немного смутившись. — Я... Это... Мы... У нас будет ребенок.

Хамит не ожидал таких слов. Сначала он подумал, что ему это послышалось. Но потом схватил Анну в объятия и стал целовать:

— Единственная ты моя! Дорогая! Жenuшка моя! Спасибо тебе, душенька!

Успокоившись после первых волн радости, он увидел, как по лицу Анны бегут слезы. Она плакала навзрыд. Хамит на мгновение остался без слов. Он нежно вытер их.

— Не плачь, моя единственная.

— Я так счастлива с тобой, Хамит, — сказала женщина вздрагивающим от слез голосом. — Ты не бросай меня, ладно.

Единственный ты мой...

— Я тебя никогда, никогда, никогда не брошу!..

Узнав о том, что Анна в положении, Хамит заговорил о женитьбе. Выждав момент, когда родители были в настроении, он начал разговор.

— Отец, мама, я решил жениться...

Эти слова, будто окатили их холодной водой. За мгновение они преобразились. Лицо матери покрыло какое-то серое облако, отец стал мрачнее тучи.

— На ком?

Этот вопрос, естественно, был для того, чтобы затянуть время, собраться с мыслями. Хамит какое-то время молчал, затем, чтобы как-то поднять свое настроение, улыбнулся:

— На Анне.

Отец ничего не ответил. Мать укоряющим взглядом посмотрела на него и уставилась в пол.

Молчание длилось долго.

В семье, которой только что царили мир и согласие, воцарилась враждебность. Показалось, что она испытывает силу духа. И Хамит неожиданно для себя подумал: «Как, оказывается, чужды мне эти люди. Они не хотят моего счастья, считают меня своим врагом». Он даже удивился своим мыслям. Это ведь люди, которые заботились о нем, вырастили. Это же отец с матерью. Самые святые люди. На небе Бог, а на земле они. Но подумал, что подумал.

— Я ждал этого, — сказал через некоторое время отец. — Нет для отца ничего светлее, чем весть о женитьбе своего сына. Брат вон твой сбежал и потерялся. То ли жив, то ли нет. Ни письма, ни весточки. А ты вот перед нами и говоришь о женитьбе. Этого мы давно ждали и день этот должен бы быть самым счастливым. Но ты отобрал у нас это чувство.

Воцарилась такая тишина, что можно было услышать, как стучит сердце. Но биения сердец слышно не было. Казалось, что в этом доме нет ни одного сердца.

Отец сказал, как отрезал:

— На русской не женишься!

Эти слова должны были ударить молнией. Но Хамит был спокоен. Он был готов к этому и ждал, казалось, именно эти слова.

— В деревне двенадцать человек женились на русской, — сказал он спокойно, — и все повстречались с каким-то несчастьем. Вы думаете, что это случится и со мной. Но я буду совсем несчастлив без нее.

Опять воцарилась тишина.

— Мать, пойдй, покорми своих кур...

Нехотя мать вышла из дома. Отец, тихо встав с места, подошел к окну. Так он простоял долго. Терпению Хамита начал приходить конец.

— Отец...

Отец резко повернулся и ударил поднявшегося с места сына.

Хамит отлетел на пол. Хотел встать. Но отец снова схватил его.

Ударил еще раз. Парню было нелегко. В его сердце была боль, обида, чувство унижения. Но отец не дал укорениться этим чувствам, бил его со всех сил.

Затем, тяжело вздохнув, сел на стул. Он не сказал ни слова.

Только лицо его было убито горем, да руки чуть заметно дрожали.

И Хамит, тихонько приподнявшись, сел на пол. Краем ладони вытер окровавленный нос, губы. Боли он не почувствовал. Но от унижения хотелось плакать. Поэтому ничего не сказал. Ему казалось, что если он заговорит, то обязательно заплачет.

Отец ушел в маленькую комнату и через некоторое время принес пол-литровую банку водки. Поставил на стол две чашки.

Какое-то время смотрел на сына молча. Протянул руку. Хамит посмотрел на протянутую руку и сам встал.

— Садись, — сказал отец, — указав на стул, — нужно пропустить по одной.

— Я не пью.

— Выпьешь.

Отец налил в обе чашки по половинке.

— Идем.

Хамит не очень дружил с водкой. Никогда не пил перед отцом.

Немного смутившись, выпил. Водка обожгла рану на губах. Хамит сморщился. Отец, немного усмехнувшись, посмотрел на него.

— Когда думаешь справлять свадьбу?

— А?!

Хамит не ожидал такого поворота. Мгновенно исчезли все его обиды, переживания.

— Быстрее бы справить.

— Вы, молодые, стараетесь все сделать быстро...

— Спасибо тебе, отец!

— Спасибо, — передразнил его отец, — как будто нет уже девушек у татар... Исчезни, а не то опять попадет.

Хамит радостный убежал.

Встретившись с Анной, он поспешил ее обрадовать.

— Дорогая, мои согласны. Ты поговорила со своими, на какое время запланируем свадьбу?

Анна не ответила.

Она стояла, закрыв глаза.

— Мои не согласны, — сказала она с каким-то спокойствием, — говорят, мы не растили дочь, чтобы отдать ее за татарина — Ладно, согласятся еще, ты ведь знаешь взрослых. Мои тоже сначала были против.

— Мои давно уже против. Это началось с того времени, как они узнали, что мы с тобой дружим. Каждый раз говорили мне об этом.

Мама даже ходила в РОНО. Просила, чтобы меня перевели в другую деревню. Когда я сказала о свадьбе, дома был полный разгром.

Хамит обнял девушку сильнее.

— А ты сказала, что беременна?

— Сказала... — девушка прикусила губы, чтобы не заплакать. — Велели сделать аборт.

— Аборт?!

Хамит не ожидал такого.

— Только пусть попробуют!

— Они попробуют, Хамит... Нам, наверное, не суждено быть вместе.

Анна, прижавшись к груди парня, горько заплакала.

Парень стоял молча. Слезы девушки, казалось, огнем заполняют его душу.

— Если добром не согласятся, они тебя больше не увидят, — сказал он.

— Что?!

— Мы с тобой убежим. Далеко.

— Единственный мой!

Через два дня Хамит пошел к родителям девушки и сказал эти же слова. Но те не придали этому никакого значения. Они, зная о визите Хамита, даже подготовились к этому. Хотя никто об этом им не говорил. На каждое его слово у них был готов ответ.

— Девушку татарку еще можно взять, но вот отдать за татарина...

— сказал отец. — Нет, голубок мой, нет. Даже не думай. Мы и Анне об этом постоянно говорили: «Порви отношения, мы не согласны». Надо было порвать до того, как отношения зашли так далеко. Любовь нужна только на свадьбе, через пять-десять лет ничего не останется. Нет девушки, которая была бы счастлива, выйдя замуж за татарина. А если так...

— Мы все уже решили, — сказал он, стараясь держаться спокойно.

— Если будете против, дочь больше не увидите.

— Слова настоящего мужчины! — засмеялся тот. — Даже жаль, что ты не русский, отдал бы, не колеблясь. А так...

— Я не шучу.

— З наем, — вступила в разговор и мать. — Мы знали и о том, что ты придешь. Знали, и что скажешь. Но и ты знай, куда бы вы ни уехали, всегда будете в поле нашего зрения. Колдунья Мария из соседней деревни — наш человек. Хватит одного заговора.

— Ха-ха-ха, — Хамит не принял эти слова всерьез. — Хорошо, значит договорились. Я увожу Анну, а вы колдуйте здесь, сколько вам хочется.

Ему, действительно, это показалось интересным. До самой деревни он смеялся над этими словами. Колдунья Мария... Татарин...

Разделение на нации, группы — это лишь временное явление.

Человеком правит любовь. Она помогает ему жить. И для нее нет ни наций, ни бедных-богатых. Для нее есть только любящее сердце.

Но в сердце, однако, осталась и какая-то горечь. Ведь они знали о его приезде и подготовились. Стол накрыли. Значит, в их словах есть и доля правды. Но парень постарался не придавать этому особого значения. Мимо ушей он пропустил и восторженные рассказы Анны о колдунье Марии из соседней марийской деревни. Хотя и это не совсем правильно. Рассказы эти задели его душу, именно они способствовали тому, что он решил, как можно быстрее уехать отсюда. Правда это или неправда, но лучше быть подальше от колдовства.

Хамит думал, что домашние с радостью отнесутся к тому, что родители девушки

настроены против. Но ошибся. Отец даже выругался:

— Ах, ты... Теперь жди беды.

Хамит не понял, почему он так сказал. Может, отец чувствовал, что сын покинет родной дом. Наверное. Когда он сообщил об отъезде, отец легко на это согласился и только сказал:

— Хорошо. Сам хозяин своей судьбы. Только нас не забывайте, — и как будто говорил что-то секретное, еще раз повторил, — нас не забывайте.

Хамит понимал его. Брат уехал на учебу и не подавал никакой весточки. Сейчас уезжает Хамит. Конечно, неприятно, что дети забывают родителей, не пишут, не сообщают о себе. Да и он сам не верил, ни в то, что вернется в скором времени, ни в то, что будет регулярно писать письма.

— Какое-то время придется молчать, — сказал он, — а когда все успокоится, сможем и вас навестить.

— Дай-то Бог.

В словах отца чувствовалась какая-то безнадежность.

(Все в вашей власти. Мы вас вырастили. Не забудете — спасибо.

Забудете — Бог вам судья).

Он, конечно, не сказал этого. Когда Хамит почувствовал это в его голосе, даже немного обиделся. Почему так не доверять ему.

Зачем обижаться? У него ведь есть душа, и сердце бьется в груди, чтобы вот так запросто забыть родителей!

Но отец оказался прав. Они уехали с Анной и больше не вернулись. То ли страх колдовства был причиной, то ли что-то другое.

Если останемся в Казани, будет очень близко, — подумали они и направились в Уфу. Здесь жил друг Хамита, служили вместе. Он и помог. Нашлась и работа и общежитие. По-своему накрыли стол, сходили в ЗАГС и расписались. Вроде все было налажено. Они, естественно, были счастливы. Разве могут быть несчастными двое влюбленных, готовых друг для друга на все?! К тому же, они ждали своего первенца.

Конечно, хотелось отправить о себе весточку, съездить в гости, но они терпели. Ждали, когда родится ребенок. И письмо решили тогда написать. Хотя и слова о колдунье потеряли значение, но все же решили побережться. Они же уехали, предупредив. Родители должны быть не в обиде.

Горе пришло, когда ждали радость.

Пришло время, и Анну положили в больницу.

— Я чего-то боюсь, — сказала Анна, — с тревогой глядя в глаза мужа. — Мне все время кажется, что что-то произойдет.

— Не бойся, дорогая. Не только же ты рожашь. Все женщины рожают детей. Вот увидишь, все будет хорошо.

— Если со мной что случится, не оставляй нашего малыша, хорошо?

— Не говори глупостей!

— Ты не оставишь, — Анна схватила руки мужа, — ты не оставишь нашего сына?

— Не оставлю, дорогая. Но ты верь, все будет хорошо.

Анна улыбнулась. Сейчас она и сама была в чем-то похожа на ребенка. Только в глазах была какая-то грусть.

В ту ночь Хамит не заснул. Звонил почти каждый час, ждал радостную весть. Но ему не

сообщили ее. Одна даже обругала его по телефону. *Ты не один у нас. Если еще раз позвонишь, отправим жену домой!* Хамит больше не звонил.

Ему позвонили перед рассветом. Хамит волновался. Он готов был запрыгать от радости, как только положит трубку. Но никто не торопился его обрадовать. Какой-то холодный голос спросил его имя и попросил быстро приехать в больницу. Они положили трубку, даже не подождав, пока он спросит о состоянии жены.

А в больнице сообщили о смерти сына и жены.

От их светлой любви остался лишь клочок бумаги, написанный Анной, которая чувствовала приближающуюся беду.

Я так благодарна судьбе, что встретила с тобой. Каждое мгновение, проведенное с тобой, равно целой жизни. Будь счастлив, мой единственный. Сделай счастливым и нашего сына. До свидания.

Все кончилось.

Анна...

Сначала он готов был наложить на себя руки. В жизни не осталось ничего хорошего. Но человек привыкает ко всему. И он привык. Боль утонула в других повседневных мелочах. Жизнь без Анны не имела смысла и радости.

А однажды ему показалось, что на улице Уфы он увидел Анну.

Не желая поверить своим глазам, какое-то время шел за ней следом. И, чувствуя неловкость от такого хождения, подошел к девушке.

— Извините, а можно... можно узнать ваше имя?

Девушка бросила на него изучающий взгляд. Парень, вроде, не шутил. Не похож он и на несерьезного человека. И ей стало неудобно промолчать:

— Меня зовут Лена... А вы кто?

— Хамит, — парень не смог скрыть своего восхищения, — а вы откуда?

И Лена улыбнулась, парень ей нравился.

Из Хасанбаево.

— Из Хасанбаево?

Так они познакомились. Год дружили, а потом поженились.

Лена, естественно, была похожа на Анну только внешне. Но все же они жили хорошо, уважали и понимали друг друга. А сейчас вот и дети уже подросли. Постепенно Хамит стал все реже вспоминать Анну, а вскоре и совсем забыл. Во всяком случае, думал, что забыл.

Оказывается, нет, не забыл. Стоило ему услышать только одно слово той женщины, как все снова всплыло в памяти.

Сейчас он уже по-другому относился и к тем словам о колдунье.

Видимо, в смерти Анны с сыном не было никакого влияния колдуни.

Хотя и родители Анны пытались напугать, в душе наверняка смирились с тем, что случилось. Кто же своим детям горе пожелает?

Но верно и то, что он не смог больше вернуться в родную деревню. Чего-то боялся. Казалось, все односельчане соберутся и спросят: «Куда дел Анну?» Хотя и понимал, что так не будет, но страх победить не смог. В деревне все будет напоминать об Анне. Где познакомились, где вместе ходили, где впервые поцеловались, отдались страсти, впервые сказали «люблю!» Все напоминало бы о НЕЙ, заставляло бы искать ЕЕ. Хамит боялся.. Даже долг перед отцом и матерью не смог победить этот страх.

Не дало результатов даже то, что в начале Лена говорила ему:

«Нужно вернуться в родные края, узнать, как живут твои родители.

Так жить нехорошо». Они даже ссорились из-за этого. Хотя в другое время Хамит всегда прислушивался к словам жены. Однажды они даже вроде уже собрались поехать, но в день перед отъездом Хамит упал с мотоцикла и сломал ногу. И поездка опять была забыта. Нельзя доказать, что и это было случайно.

А сейчас стоило ему на этом острове услышать имя своей первой любви, как приглушенные, было, чувства снова всплыли в памяти. Они заставили забыть обо всем. Как только вернутся с этого острова, первым делом поедут в деревню. Так больше жить нельзя.

Так жить невозможно.

Хамит прислушался к ровному дыханию своих близких. В комнате находились самые дорогие ему люди. Лена спала, уткнувшись в грудь мужа. В другой комнате спали Лаис и Ляйсан. С вечера они все о чем-то переговаривались, не могли долго уснуть. А сейчас притихли.

На острове у обоих зародились искры любви, вроде нашли себе людей по душе. Поэтому и не могли сегодня наговориться. Эх, молодость, молодость...

Неожиданно из коридора раздался душераздирающий крик...

Айгуль немного обиделась на Леона. Неужели нельзя быть смелее?! Вон ведь Роберт не обратил внимания даже на то, что много людей. Сумел остаться с Людой наедине. А этот... мямля. Айгуль, не показывая другим, постаралась несколько раз нежно взглянуть на Леона. Но он даже не обратил внимания. Может, она ему совсем не нужна? Нет, не так. Когда Леон увидел, кто крутится возле него, сразу изменил свое поведение. Но он не смог ничего сказать, а в сторону девушки даже взглянуть побоялся. Уж очень он был стеснительным.

Был бы смелее, они, как Роберт с Людой, сидели бы уже где-нибудь в укромном месте и беседовали по душам.

Ладно, время еще есть. Завтра что-нибудь придумают. Сегодня нужно постараться уснуть. Подумав так, Айгуль закрыла глаза, но уснуть не смогла, мысли ее все время вертелись вокруг Леона. Стоило ей вспомнить его, как душу охватывало что-то светлое.

Светлые чувства...

Они, наверное, помогли бы ей, погрузившись в свои хорошие воспоминания, уснуть и уйти в забытие, но то, что отец ворочался во сне, издавал какие-то странные звуки, мешало ей.

Девушка раздраженно посмотрела в сторону отца. В начале слово «отец» вызывало у нее теплые чувства, но постоянное пьянство, «выкрутасы» наяву и бред во сне вызывали отвращение. Он уже не был настолько близок. Вовремя они развелись. Иначе до сих пор мучились бы. А вот отчим у них неплохой человек. Он и водку не пьет, да и не обижает их никогда. Очень хороший человек. Во всяком случае рядом с ним не чувствуешь себя, как здесь. Рядом с ним чувствуешь себя защищенной.

Но в душе Айгуль не совсем охладела к отцу. Она помнила то время, когда им вместе было хорошо. Да и не сможет, наверное, забыть никогда, как он после работы старался принести детям игрушку или сладости. А как он подбрасывал ее наверх, восклицая:

«О-хо-хо! Моя дочурочка!» А как бегал наравне с ними по улице?!

Играл, смеялся... Такое не забывается. Он никогда не был равнодушным, даже сейчас, кажется, отец излучал какой-то свет и тепло. Хотя и ранит душу своими противными привычками, но в нем есть качество, которое притягивает. Возможно, это его любовь. Ведь детей своих он любит до сих пор. И чтобы увидеть это, не нужно каких-то особых способностей. Это чувствуется в каждом его вздохе.

Вот только болото пьянства, засосавшее его, не дает возможности проявить свои чувства. Пьянство не позволяет другим принять его, таким, какой он есть на самом деле. А если бы он бросил пить...

— Нет, — простонал во сне отец.

Айгуль вздрогнула от страха. Ей показалось, что отец, догадавшись о ее мыслях, дал на них ответ. Отец потянулся за чем-то и ударился об стену.

— Я хочу выйти на свет! — крикнул он. — Я выйду на свет! Ради дочери выйду! На свет! Сколько можно жить в темноте?! На свет!

Девушка села.

Отец бредил.

— Отец...

Отец опять бросился к стене. Казалось, что, только разрушив эту стену, он может выйти на свет. Девушка подошла к нему и со всех сил начала трясти его:

— Папа, проснись, папа!

Вдруг отец затих, повернулся на спину и с какой-то безграничной теплотой в голосе прошептал:

— Айгуль, доченька.

— Папа, все нормально? Ты очень сильно бредил во сне...

— Доченька...

— Папа, выпей воды, — дочь протянула ему чашку, — успокойся.

Отец с жадностью выпил воду и поставил чашку на пол. Нашел руку дочери и прижал ее к щеке. Вдруг он, как ребенок, захлеб заплакал.

— Доченька, маленькая моя... — по рукам дочери текли его слезы.

— Прости меня, доченька. Ради бога, простите. Так не должно было быть. Я должен был вас сделать счастливыми. Дочка, доченька моя...

Это был он, это был отец Айгуль. Человек, способный любить, тосковать, страдать, способный ради своих детей отдать даже душу.

Человек, который, как ребенок, бегал и играл вместе с ними. Сейчас он плакал. Он вернулся. Сколько лет он жил в водочном угаре, а вот сейчас вернулся к дочери. Айгуль сердцем понимала это. И от этого ей становилось так хорошо! И от этого она была счастлива, безгранично счастлива. Она нашла своего отца!

По лицу девушки тоже бежали слезы, она беззвучно всхлипывала.

— Папа...

Айгуль погладила отца по волосам. И что за чудо, ей вдруг показалось, что в этих волосах скрыта вся радость жизни. Будто она всю свою жизнь жила с мечтой погладить их, и вот теперь, когда ее мечта осуществилась, она почувствовала какое-то удовлетворение, и ей стало спокойнее. Она, действительно, успокоилась. Душа ее наполнилась светом и теплом. Айгуль улыбнулась.

Вдруг в коридоре послышался чей-то крик. Девушка затаила дыхание. Крик повторился. Кто-то звал на помощь. Стараясь успокоиться, девушка погладила отца по волосам и,

проговорив: «Ты, папа, не волнуйся. Все в порядке. Если не веришь, вот сейчас сама открою дверь и посмотрю. Ты лежи. Успокойся. Все хорошо», направилась к дверям.

Открыв дверь, она увидела на другом конце коридора свет, напоминающий столб. На первый взгляд он был даже красив. Айгуль сделала несколько шагов в том направлении и вдруг замерла, как вкопанная. Это был не столб, а человек. Это была женщина с распущенными волосами. Лица женщины не видно, но белое платье до полу излучает свет. Поэтому она и показалась белым туманом.

Женщина заметила ее. Она поманила девушку рукой. Но, видя, что та не двигается с места, что-то сказала своим холодным, пронизывающим насквозь голосом. От этого голоса холод пробежал по спине девушки.

Она испугалась не на шутку: перед ней был призрак и он приближался к ней. Ощущение было такое, что призрак не по полу идет, а передвигается на невидимых облаках. Айгуль, не веря в то, что все это происходит на самом деле, поморгала глазами. Но призрак не исчез.

Вдруг она услышала душераздирающий крик. Это был женский голос, зовущий на помощь. Это был ее собственный голос. Но девушка не поняла этого. Ей стало еще страшнее.

Призрак отступил назад и остановился у лестницы, ведущей на второй этаж. Вскоре открылись двери других комнат, из которых высунулись головы жильцов. Они замерли лишь на одно мгновение, но, поняв в чем дело, закричали все разом. В одно мгновение дом наполнился страшными криками. Затем призрак исчез, наверное, он ушел на второй этаж. В темноте слышались звуки беготни, падений, ударов, ругани. В этом шуме Айгуль потеряла сознание, когда она пришла в себя, вокруг ничего не изменилось. Только она была в чьих-то объятиях. Отец.

— Успокойся, доченька, — говорил он, глядя ее по волосам. — Все прошло, я тебя никому не отдам, успокойся.

Радик крепче прижал к себе дочь. Он почему-то вспомнил рассказ Андрея Николаевича на теплоходе. Появление посреди ночи призрака он воспринял, как требование жертвоприношения.

Вскоре кто-то зажег свет. Мелькающие при свете факела лица людей вызывали страх. Радик, взяв за руку дочь, зашагал вперед.

Айгуль безропотно подчинилась ему. Казалось, что она еще до конца не пришла в себя. Вскоре рука, ведущая девушку, разжалась, но потом ее снова схватили за руку. Только через некоторое время она полностью пришла в себя. Девушка улыбнулась странной, смешанной со страхом улыбкой. Айгуль держалась за руку с Леоном. Юноша ничего не сказал. Только изредка нежно сжимал руку девушки.

Девушка ответила ему тем же. До них никому не было дела.

— Это был призрак женщины, — сказал кто-то.

— Он ушел на второй этаж...

Через некоторое время первая волна страха вроде сошла. Все успокоились. Этому, возможно, способствовало то, что зажгли больше факелов.

— Может, пройдемся по второму этажу, — сказал Хамит, — призраки боятся света. Если мы напугаем его, то до рассвета будем спокойно спать.

— Спать?! Спокойно?! — зашептала Анна, — Михаил, у тебя ведь крест был с собой...

Михаил ничего не ответил. Хотя происходящее и было страшным, но ему не хотелось снова связываться с религией.

— У этой женщины было много рук, — прошептала испуганная Ольга.

— Э-э-эх, — вздохнула Анна.

— Это не тот ли... Богиня Кали... — проговорила Ольга.

Айгуль тоже видела тот призрак, вроде, у него не было много рук. Их было всего две. Возможно, Айгуль не успела все заметить. Она промолчала.

— Женщины и дети соберитесь в одну комнату, — сказал Андрей Николаевич, — а мы, мужчины, пойдем, посмотрим второй этаж.

— Но Ольга яростно воспротивилась:

— Нет, ты не пойдешь, мне страшно без тебя.

— Дорогая, не бойся, — успокоил ее Андрей Николаевич, — не бойся.

— И я боюсь, — прошептала Анна, — призрак был похож на ту богиню... Богиню Кали. Может, когда вы уйдете на второй этаж, он зарежет наших детей...

— Тогда давайте поднимемся вместе...

— Может, подождем до рассвета, а... — Лена все никак не могла успокоиться. — Осталось ведь совсем недолго.

— Это самый лучший выход, — поддержала ее Ольга, — мы все равно не сможем победить призрак, поэтому чего нам ходить и раздражать его?

— Хорошо, в этот раз мы все заметили его. А если бы он вошел только в какую-то одну комнату? Сами же говорите, что он был похож на богиню Кали...

— Нет, он не был похож на нее, это просто обыкновенная женщина, — сказал Андрей Николаевич.

— Рук было, вроде, четыре, — Анна сама испугалась своих слов. — Мне так показалось.

— И я...

— Следовательно, мы должны его найти, — сказал Хамит. — Нам нужно узнать, чего он хочет. Не дай Бог, он тронет наших детей.

Кто-то громко засмеялся. Это был Андрей Николаевич.

— Вы все, словно дети, — сказал он, продолжая смеяться, — я ведь на теплоходе рассказал не то, что было в действительности. Это было рассказано с целью проведения времени, и вычитал я его в Интернете.

А вы и вправду поверили. Богиня Кали... Такого в жизни нет!

Установилась тишина.

— Нет причин для беспокойства, — продолжил Андрей Николаевич, — никто не требует от вас жертв.

— Но признак же действительно был, мы же все его видели.

— Призрак, действительно, был.

— Но он не требует жертвоприношения. Почти в каждом заброшенном доме живут они. Но это не говорит о том, что они хотят причинить кому-то зло. Бывает, и наоборот, иногда приносят пользу.

— Жаль, мы испугали призрака, оказывается, он пришел к нам спеть на ночь колыбельную.

— Дом придется осмотреть полностью, иначе никто не успокоится, — сказал Михаил. — Конечно, мы вряд ли увидим еще раз призрак, но, осмотрев все углы в доме, возможно, успокоимся.

— Правильно, — сказал Хамит, — Если кто-то боится остаться, пусть идет вместе с нами, не так уж нас и много.

Но Андрей Николаевич возразил ему:

— Но при этом есть опасность того, что, если мы попадем в беду, то попадем все сразу, поэтому предлагаю разделить на группы.

— Но мы...

Андрей Николаевич не дал ему закончить.

— А, может, я один исследую второй этаж?!

Воцарилась тишина.

Конечно, это было бы неплохо, но ни у кого не хватит духа отправить другого в страшный путь.

— И я с вами, — откликнулся молодой голос. Это был Леон. — Пойдем вместе.

— Пойдем втроем, — сказала стоящая рядом с ним Айгуль.

— Нет, — сказал Хамит, — не дело вмешивать сюда детей. Мы пойдем вдвоем, а вы при первой же необходимости придете на помощь.

С этим согласились все, против был только Андрей Николаевич.

— Хорошее предложение, но у вас двое детей. Сделаем так.

Пойдем мы с Ольгой: у нас нет детей. А вы здесь будьте готовы прийти сразу на помощь.

Беспочвенный спор начал уже надоедать, ему никто не возразил.

Они поднялись на второй этаж.

Остальные какое-то время стояли молча, а потом, разбившись на маленькие группы, заговорили шепотом. Айгуль, посмотрев вокруг, искала глазами отца. Радика не было видно, а родители Леона, казалось, не обращали на них внимания. Это заметил и Леон, он осторожно отвел девушку в сторону. Заметив это, Люда улыбнулась девушке и тоскливо вздохнула. Айгуль улыбнулась ей в ответ, она понимала ее. Люда была одна: Роберта и его отца не было видно, но сейчас про это ей думать не хотелось.

— Спасибо этому призраку, — прошептал Леон, когда они немного отошли от остальных, — не будь его, мы не смогли бы с тобой сегодня встретиться.

Конечно, рада этому была и Айгуль, но она не захотела подавать виду:

— Дурак, а я очень испугалась.

— Испугаться и я испугался, но сейчас. — Незаметно Леон обнял девушку и поцеловал ее в щеку. — Сейчас я готов перед ним преклоняться.

— Однако не такой уж он и тихоня, — подумала девушка, окунаясь в море чувств. От горячих губ юноши волны тепла распространились по всему ее телу. Казалось, что его горячее дыхание способно растопить любые льды. Но девушка испугалась своих чувств. Еще немного и она не сможет за себя ручаться. Ей было очень хорошо, но Айгуль поспешила выйти из объятий парня.

— Подожди. Не сейчас...

— Я люблю тебя, — прошептал разгоряченный парень. — Очень люблю.

— Я понимаю, но ты подожди, успокойся. Люди увидят.

Поддавшись сопротивлению девушки, парень отступил немного назад и виновато застыл на месте. У него учащенно билось сердце, и было разгоряченное дыхание.

— Извини...

Девушка улыбнулась.

— Я сама в таком же положении, — прошептала она ласково. — Но ты больше не делай так, ладно. Всему свое время.

Парень с благодарностью прижал ее к себе.

— Я сегодня всю ночь думал о тебе. Я счастлив с того мгновения, как увидел тебя.

Сердце его забилося сильнее.

— Пойдем, подойдем к остальным, — прошептала девушка, немного успокоившись, — иначе...

— Хорошо, — сказал парень, сильнее прижимая ее к себе.

— Люблю я тебя, ты моя единственная, — прошептал он на чисто татарском языке, — единственная моя...

Айгуль, не веря своим ушам, застыла в недоумении. Затем, ласково улыбнувшись, сказала по-татарски:

— И я тебя люблю.

На этот раз удивился парень и очень обрадовался:

— Ты татарочка?

— Да, Леон.

— Я Лаис, — улыбнулся парень, — мы просто решили не выделяться среди других. В этом отношении у нас мама хоть куда, заметила, наверное.

— А я Айгуль. Подружки иногда называют Аидой. И я, наверное, не захотела выделяться.

— Ну а если будем и отличаться, что из того. Давай дальше говорить только по-татарски.

— Не знаю... Хотя давай.

Лаис опять прижал девушку к груди. В этот раз ему показалось, что он испытывает какое-то особое чувство. Сейчас у их любви было еще что-то общее. Секрет, который знали только они вдвоем.

Молодые незаметно слились с группой ожидающей тех, кто ушел на второй этаж.

— Уже пришли? — прошептала Люда.

— Пришли, Лясан, — сказал Лаис, улыбаясь, — Айгуль татарка.

Ляйсан хотела его отругать, но, услышав про Айгуль, улыбнулась.

— И Роберт понимает по-татарски, — сказала она, как бы стараясь показать, что девушка не промах — Он старался это скрывать, но я догадалась.

— Его что-то не видно.

Улыбка Ляйсан сразу исчезла.

— Не видно. Или спит, или от страха у него сердце разорвалось.

— Может, пойдем к ним в комнату и узнаем, как у них дела?

— Ты что?

— Ладно, еще встретитесь...

Вскоре показались два силуэта, спускающихся со второго этажа.

Они спустились не спеша. Это были Андрей Иванович с Ольгой.

Айгуль почувствовала что-то странное в том, как они держат себя.

Обычно у людей, которые вместе пережили страх, появляется что-то общее. А у этих его не было. Может, это только девушка не почувствовала. Но даже по их походке было видно, что они не довольны и раздражены друг другом.

— Ничего там нет, — сказал Андрей Иванович на безмолвный вопрос ожидающих. — Ничего!

— А вы все там проверили?

— Посмотрели все.

Ольга промолчала, но, как бы желая убедиться, что все здесь, в упор посмотрела на каждого.

— А где Роман? — спросила она.

— Он ушел к себе в комнату, — соврала Айгуль. Ей не нравилось, как держат себя эти двое, спустившиеся со второго этажа. За этим что-то скрывалось.

— А-а, — ответила Ольга.

— Второй этаж мы осмотрели полностью, — сказал Андрей Николаевич. — Беспокоиться не о чем. Расходитесь по своим комнатам.

На рассвете в дорогу. Не ходите по коридору толпой, не мешайте друг другу.

В его голосе чувствовалась приподнятость духа, уверенность в безопасности. Но одновременно с этим проскальзывала и неудовлетворенность чем-то. Да, казалось, что он на что-то сердится.

Может, так воспринимала все только Айгуль?

— Но пока мы осмотрели только второй этаж, — вмешалась в разговор Анна, — возможно, призрак находится на первом. Может, оно в погребе? Есть он в этом доме?

— Проверьте сами, — сказал Андрей Николаевич, — а мы устали.

Мы пойдем к себе в комнату.

— Но так не честно. — Это была уже Лена. — Мы должны осмотреть все вместе...

Ольга схватила за локоть мужа, повернувшегося было в сторону своей комнаты.

— Андрей Николаевич... Извините, Андрей устал, — сказала она, оправдывая мужа. — Но девочки правы. Сначала мы должны все проверить.

Вернувшись обратно, она спустилась вниз по лестнице.

— Здесь нет подвала, — сказала она, постучав по стене.

Следовательно, остается только первый этаж. А его доскональный осмотр можно провести только одним способом: разойтись всем по своим комнатам. Но не забудьте оставить двери открытыми. Если вдруг что случится, чтобы остальные могли прийти на помощь.

С ней нельзя было не согласиться.

Вскоре все разошлись по своим комнатам. Призрака нигде не было. Когда затушили факелы, все погрузилось во тьму. — Папа... — прошептала Айгуль, оставшись в комнате одна. Но ей никто не ответил. Тишина была устрашающая. Где отец? Почему он не предупредил Айгуль? А может... Может, призрак с ним что-нибудь сделал? Нет, так думать нельзя. Если думать об этом, можно умереть от разрыва сердца. И чего им всем не стоялось в коридоре? Почему разошлись по комнатам? Почему она не позвала с собой Лаиса?

Конечно, это означало бы переход дозволенного... Но ей одной так страшно, а с Лаисом... Нет, и так нельзя. Скорей бы пришел отец.

Может, он просто пошел в туалет? Он сегодня так много воды выпил.

Да, именно так. Он скоро придет. Вот уже и шаги его слышны. Идет тихо, стараясь не шуметь. Шаги приближались. Вот они дошли до двери. Замерли на какое-то время. Тишина такая, что слышно, как учащенно бьется его сердце. И дышит он часто, часто. Вот переступил с ноги на ногу. Взялся за дверную ручку. Повернул ее. Ура! Отец пришел. Пришел отец!!! А может... Может, это вовсе и не ее отец...

Может, это призрак... А может, что-то еще что-то хуже этого.

— Папа!..

Но ответа не последовало. Дверь начала тихо открываться.

Девушка, чтоб не закричать от страха, закрыла рот руками. Но этого и не нужно было. У нее пропал голос. Открылась дверь, и в проеме показался человеческий силуэт.

— Кто там?

Никто не ответил.

Вскоре дверь закрылась. Силуэт что-то поставил на пол. И только после этого заговорил:

— Дочка!

Айгуль, услышав голос, вскочила и побежала к отцу. И, как бы желая убедиться, что это именно он, какое-то время пристально смотрела на него.

— Дочка...

Убедившись, что это ее отец, с силой дала ему пощечину.

Потом, бросилась ему на грудь и заплакала.

— Я тебя ненавижу, ненавижу. Ты мне не отец... Ты же чуть не убил меня, — шептала она. — Ты где был? Почему ничего не сказал?

— Не шуми, дочка... Как бы другие не услышали... Я...я раскрыл секрет призрака.

Перестав плакать, девушка посмотрела на него:

— Что?!

— Да, дочка... А за то, что напугал тебя, прости. Все спят с открытыми дверями, не захотел поднимать шума. А ты молодец! Не закричала. Если бы закричала, было бы очень плохо.

— А секрет? В чем он?

3. Фатима

...дети остались запертыми в этом круге. Внутри этого круга — твои дети. Для тебя важнее, не где они, а живы ли? Пока живы. Живы. Пока. Но им предстоит большое испытание. Большое испытание.

Всю ночь Фатима не могла уснуть. Зря она пошла к гадалке.

Ничего хорошего та не сказала. Да и без нее ей не спалось бы. Хадича только укрепила ее сомнение. А ей так хотелось успокоения.

Успокоения, не правды.

Даже под теплым одеялом ей было холодно. Во дворе лето. За день стены нагрелись так, что до них не дотронуться. Но Фатиме было холодно. И причина не только в старости. Старость тут ни при чем.

Это холод одиночества. И муж рано покинул ее. Был бы он жив, сегодня ей не было бы так тяжело. Был бы он жив, обязательно нашел бы какой-нибудь выход. Мерзни вот так на старости лет в комнатухе общежития. Чувства переполнили ее душу, но плакать она не могла.

Слез уже не осталось, она только вздрагивала от холода.

Фатима сбросила с себя одеяло. Ни дневное тепло, ни одеяло ничего не значат. От них нет никакой пользы. Холод ведь идет не с улицы. Холод у нее внутри. Из костей он переходит в кровь, которая и доставляет его по всему телу.

И не было ни солнца, ни силы, способной победить этот холод.

Ни смерть не приходит. Будто она ждет, чтобы Фатима сама нашла ее и умоляла на коленях. И смерть, словно испорченные мужики, высматривает тех, кто моложе и симпатичнее. Она тяжело вздохнула.

— Да, не осталось в тебе даже того, что могло бы привлечь смерть, а ты все еще живешь. Собирай милостыню на улице, чтобы спасти сына-пьяницу от голодной смерти... Чучело гороховое...

Не правильно прожила эту жизнь. Жила бы правильно, конец не был бы таким. А ведь если посмотреть, прожила она свою жизнь честно. Не развратничала, водку близко не подпускала, не воровала, не врала, не хитрила, не выкручивалась. Жила так, как в той святой книге написано. Но даже это не сделало ее счастливой. Разве может счастливый человек в конце своей жизни оказаться в таком положении?!

Да были и у нее хорошие дни. Когда Фатима думает о радостных днях в своей жизни, каждый раз вспоминается ей один и тот же эпизод. Свесив ноги и прислонившись спинами друг к другу, они едут за дровами на телеге. Звук колес заглушается стрекотанием кузнечиков и гулом мух-комаров. Повсюду аромат цветов. Но приятнее и радостнее всего то, что она чувствует тепло спины мужа.

Это тепло переполняет ее душу. А Хатмулла тихо мурлычет песню:

*Кусок яблока разделим на пять частей,
Будем жить друг для друга до конца своих дней...*

Только Фатима не может точно вспомнить, куда они едут. В свое время они немало

ездили в лес: и за дровами, и за сеном всегда ездили вместе. Станным человеком был Хатмулла. Хотя и стоял у него во дворе мотоцикл, а в сарае была бензопила, за дровами всегда ходил с топором.

— Пила она, мать, для делового леса, а дрова нужно заготавливать топором. Ведь заготовка дров — это не что иное, как очистка леса. Для высохших, не идущих в рост как раз и нужен топор. Нельзя губить дерево хорошее, которое не поддается топору.

Так он говорил. Не оправдывал тех, кто на дрова спиливал хорошие толстые деревья. Иногда Фатима корила его:

— Когда увидят, какие деревья ты привез, скажут, что ты ни на что не способен. Да потом крупные деревья и выгоднее.

— Жена, — говорил тогда ее Хатмулла, — ведь больше нужного нам зачем?

— Сам же мучаешься со всякой мелочью.

— Гм, — отзывался он в ответ и шел рубить сушняк. Работал так, что Фатима не успевала подчищать за ним ветки. Срубив нужное количество, он сам же и помогал ей. Немного поможет, а потом, чтобы было удобно загружать на трактор, сносит все в одно место.

А когда, закончив работу, соберутся домой, остановится, посмотрит на заготовленную кучу и тихо скажет:

— Не обижайтесь уж вы на нас. В голосе у него и извинение, и благодарность. А потом подойдет к Фатиме, обнимет ее, улыбнется ей нежно из-под усов и, взяв на руки, посадит на телегу. И отправлялись они в обратный путь опять спина к спине, чувствуя тепло души и тела друг друга.

То же самое было, и когда ездили за сеном. И всегда ездили на телеге. Выезжали рано утром первыми, но через некоторое время их обгоняли на мотоциклах. Некоторые интересовались:

— Хатмулла, почему ты на мотоцикле не едешь: и быстрее и коня от оводов сдерживать не надо.

А Хатмулла лишь пожимал плечами:

— У мотоцикла сиденья неправильно сделаны, на них неудобно двоим ездить.

Фатима понимала, что имел в виду муж, говоря так, и от этого в глазах ее загорались искорки радости. А спрашивающий недоуменно качал головой и ехал дальше.

— Знаешь, почему они на мотоцикле ездят, — спрашивал Хатмулла, отпуская немного вожжи, и сам же отвечал, — У них нет такой Фатимы, чтобы ездить спина к спине.

Фатиме показалось, что от этих воспоминаний по ее телу побежало тепло. Даже показалось, что она слышит песню Хатмуллы, которую он, любя, пел ей:

*Разделим яблоко на пять частей,
Будем жить друг для друга до конца своих дней.*

Как бы желая увидеть мужа, она оглянулась назад. Но в ночной кирпичной комнате кроме темноты ничего не было.

Фатима присела на кровати, свесила ноги, чтобы представить себя едущей на телеге. Она даже кровать покачала, чтобы было ощущение движения. На какое-то мгновение ей действительно показалось, что вот-вот она услышит стук колес, стрекотание кузнечиков. Но

ничего, кроме скрежета металлических пружин не услышала. «К сожалению, мы не можем напомнить тебе те времена», — как бы проскрежетали они. Фатима тяжело вздохнула.

(К сожалению, вы не можете ничего напомнить. А ведь и на такой кровати были хорошие времена. Завернутый в такое же вот одеяло маленьким сверточком лежал он... А я спокойно его качала и каждый раз рассказывала одно и то же:

— Перед тем, как родиться на свет дитя спросило у Бога:

— И почему я иду в этот свет. Что я буду делать там?

Бог ответил:

— Я подарю тебе ангела, он всегда будет с тобой и все разъяснит...

Хороший был рассказ...)

Фатима взяла одеяло и завернула, как если бы заворачивала в него младенца и начала его укачивать. Со стороны казалось, что она действительно усыпляет ребенка. Она его качала и напевала:

— Баю — бай, баю — бай, спи скорее засыпай

Голос Фатимы постепенно усиливался. В нем отражалось вдохновение, надежда, все то хорошее, что ей виделось в будущем.

Если верить ее голосу, то казалось, что мир состоит только из открытости, чистоты и радости, в нем нет ничего темного, печального и горестного:

Спи, засыпай, сны красивые встречай...

Песня звучала все увереннее, а вместе с ней росла уверенность и в светлом будущем:

*— Сделает мой малыш первые шаги,
Уверенными будут они...*

Было лето. Шел дождь. Охранявшие у реки гусят мальчишки, задрав штанины, бегут в сторону дома. Двое что постарше несут корзину, где гусыня высиживала гусят. Малик под мышкой держит гусыню, а Радик ничего не держит, он испугался гусака и бежит от него. *(Если меня гусак скушает, скажу папе и он его выпорет ремнем! Малик, млят, подожди меня!)* Наблюдающая за ними соседская женщина смеется до упаду. К ней присоединяется и Фатима.

— Осторожней! Осторожно! Не покалечьте гусят, — говорит она, направляясь на встречу сыновьям. — Не упадите...

Как только мальчики приблизились к ней, Фатима укрыла гусят от дождя. В это время закричал Радик:

— Мама, меня гусак скушал!

— Где он укусил тебя, сынок?

— Вот, сзади...

Братья смеются:

— Нет, мама, не укусил, он просто задел его крылом.

— Что гусак меня скушал крылом что ли? — спрашивает мальчик братьев. — Мама, а гусак и крылом может скушать, да?!

Мать погладила младшего по голове и, взяв корзину, ушла в сарай. А мальчики снова побежали к ручью. Бежать под дождем босиком для них настоящий праздник. Их радостные голоса раздаются по всей улице.

*Побегает вдоволь босиком
И вырастет он, наконец...*

Через годы Фатима опять слышала радостные голоса своих детей. Радостные, смеющиеся голоса... Вдруг они смешались воедино и опять разъединились. На этот раз голоса были не радостные. Шум- гам, ругань...

— Нет, не уедешь!

— Уеду!

— Я договорился о работе для тебя...

— А я уеду.

Перебивая шум и гам, раздался спокойный, но уверенный голос Хатмуллы:

— Мать, сходи, покорми кур...

И как эхо звучит просьба:

— Не забывайте нас, сынок...

— Не забывайте нас...

*А когда он подрастет,
Уедет в дальние края...*

Песня Фатимы, пройдя через потолок комнаты в общежитии, улетело куда-то вдаль в поисках ее детей. Она пролетела высокие дома, темные леса, бескрайние степи, шумные моря и вернулась обратно и, как стихшая буря, разместилась в комнате общежития.

Только уехавших вдаль детей материнская песня найти не смогла.

(Беспечных песня не находит). В песне уже не чувствовалось прежнего вдохновения, веры в светлое, надежды на будущее. В ней теперь звучала только горечь одиночества.

Фатима крепко обняла одеяло и на время затихла. Одеяло было ее ребенком. Она никому не отдаст свое дитя, никуда его не отпустит.

Ей не хочется опять оставаться одинокой. Теперь она уже не даст ему вырасти. Пусть не растет. Пусть навсегда остается таким. Пусть остается... Пусть всегда будет рядом... Около нее... *(Мать, у которой есть ребенок, никогда не бывает одинокой)*.

Дынк-дынк-дон!

Фатима была в ивняке за огородами. Сюда она пришла на страшный крик ворон. Она пыталась напугать их и криком, и комьями брошенной земли. Но все напрасно. Голос был слабым, да и комья далеко не отлетали. У нее иссякли силы. Она еле дошла. Женщина была не в том состоянии, чтобы пугать ворон: в утробе у нее своего выхода на свет ждал ее

младенец. При других обстоятельствах Фатима так бы не ходила, а тут карканье ворон зародило в ее душе какой-то страх. Как бы они тут с гусятами не расправились! Когда дошла до маленькой поляны за огородом, поняла, что беспокоилась не напрасно.

Только два гуся не могли спасти разбежавшихся по сторонам гусят.

Они с шипением бросались то в одну сторону, то в другую. Но ворон было много. Одного за другим забирали они гусят. К приходу Фатимы вороны уже сделали свое дело. Гусят не было. Только осиротевшие гуси бегали в поисках своих гусят и жалобно кричали. При виде этой страшной картины, у Фатимы перехватило дыхание. А в ушах прозвенел какой-то странный звук. Дынк-дынк-дон.

Фатиме в какой-то момент показалось, что вороны стали клевать ее. Это было лишь мгновение. Вдруг она почувствовала резкую боль внизу живота. Фатима окаменела на месте. Ей показалось, что остановилась не только она, а даже время и все вокруг. Боль резко схватила и медленно отпустила. Фатима поняла, в чем дело. Она повернулась обратно. Решила быстрыми шагами добраться до дома, но боль схватила по новой. Фатима бросила взгляд вокруг, поворачивать голову не было сил: кругом не было ни души, кто бы мог прийти на помощь. Показался бы хоть кто-нибудь! Но никого не было.

Придерживая живот рукой, она тихонько присела на землю. Ей было страшно. Она боялась упасть, боялась родить здесь ребенка. Боялась, что, родив ребенка, потеряет сознание, а дитя унесут вороны.

(Нет! Нет, здесь рожать нельзя! Не сейчас! Нельзя одной! Хатмулла! Хатмулла! Есть у тебя сердце или нет, а?! Что ты там смотришь? Иди сюда! Иди, если не хочешь остаться без ребенка. Хатмулла!)

Нет, она не кричала. Она не могла кричать. При сильных потугах ей было не до крика. Кричала ее душа. Кричала беззвучно. Когда по ногам побежала теплая волна, она снова позвала мужа.

(Хатмулла! Иди быстрее. Ребенка унесут вороны. Иди же, Хатмулла!)

На мгновение она потеряла связь с окружающим миром. Было какое-то странное состояние. Казалось, кто-то схватил ее и опустил в преисподнюю. Мучения ада были не выносимы. Казалось, что от напряжения во всем теле, с шумом ломаются кости, рвутся связки. Она почувствовала себя мешком. Кто-то усиленно вытряхивал его. Резко все прекратилось. Она снова вернулась в этот мир. Послышался детский плач. И в то же мгновение в душу проникла мысль о воронах.

— *Мать, у которой есть ребенок, не будет одинокой,* — проговорил какой-то старческий голос. Фатиме сначала показалось, что это вороний голос. Женщина открыла глаза. Это была повивальная бабка. Но она точно здесь или ей это только кажется?

— Фатима! — позвал ее мужской голос. — Фатима...

Сердце женщины успокоилось. Она улыбнулась. Возможно, губы не улыбались, но улыбалась душа. Она была счастлива.

— Хатмулла, на, держи своего сына...

— Сына... Фатима, у нас есть сын...

Повивальная бабка протянула ребенка отцу, но, увидев растерянность мужчины, положила дитя на грудь матери. Подняв, кто-то их унес куда-то.

— Вороны не забрали, — прошептала Фатима, — вороны не тронули мое дитя.

Хатмулла погладил ее по лбу.

Дынк-дынк-дынк-дон!..

— Вороны не тронули, — прошептала старушка Фатима, сильнее прижимая к себе одеяло, — бескрайние просторы забрали.

Неожиданно она вновь вернулась в действительность и замерла.

Дынк-дынк-дынк-дон!..

(Кто — то стучится в дверь. Да, Радик! Айгуль! Приехали, детки мои!)

Старуха включила свет и бросилась к дверям.

— Вернулись?!

— Тетя Фая!

Старуха огорчилась, что так поспешила. Но дверь она уже успела открыть. Она даже испугалась, увидев у двери Зухру. Одного малыша она несла на руках, а другого вела за руку. Под глазом у женщины был большой синяк. Не дожидаясь приглашения, она шагнула внутрь. Сама же закрыла за собой дверь на замок.

— Тимур бесится, тетя Фая. Мы побудем у Вас, можно, только не выставляйте нас, пожалуйста, на улицу.

— Проходи, сказала Фатима, подключая плитку у двери к розетке, — чаю попьем.

— Он вернулся за полночь... — Зухра все еще была в гуще своих проблем. — Стоило мне сказать, чтобы он не ходил по ночам, иначе его могут избить, как разгорелась ссора. «Ты собираешься, сказать кому-то, чтобы меня избили?» — начал он. Смешно. Так и не можем жить по-человечески. Нет ни дня без ссоры. Каждый день приходит пьяным.

И это жизнь?!

Фатима ничего не ответила. Во времена ее молодости такого не было. На триста дворов хозяйства был один пьяница-Иван. Иван — это была кличка. Возможно, никто и не знал его настоящего имени.

Фатима точно не знала. Вот этот Иван выпивал и бродил по улицам, играя на своей хромке. Никогда никому он не грубил, кого бы не встретил по улице, будь то стар или млад, всегда расспрашивал о жите-бытье:

— Как дела, браток, что пригорюнился? Может, есть какие-то проблемы. Скажи мне, в момент решим....

И никто не унижал, не обижал Ивана. Все знали, что он пьет. И знали, что бесполезно говорить ему: «Не пей, не ходи так». От того, что он пил никому ни плохо, ни хорошо не было. Жил он, как шут.

— Не увлекайтесь водкой, будете, как Иван. Не будет у вас жены, не сможете держать скот, да и еду будете кланчить у соседей и жить в полуразрушенном доме, — так взрослые пугали своих детей. — Стойте подальше от водки.

Тогда и не было пьющих. Выставляли бутылку, когда привозили сено или дрова. Да и за столом на десять человек хватало все той же бутылки, даже еще и оставалось. А что уж говорить про ссоры и избиения жен?! Никогда не было ссор из-за выпивки.

Конечно, были моменты, когда мужья поднимали руки на жен. И Хатмулла однажды дал пощечину Фатиме. Тогда голову ее сверлила одна мысль: «Хатмулла меня избил, он

меня ударил. Ударил!». Ей казалось, что муж ударил ее со всей силы, что он хотел ее убить или изувечить. Она стала смотреть на своего мужа с отвращением. Но позднее поняла, что это было лишь предупреждение. Это случилось через несколько лет. Они возвращались с сабантуя из соседнего села.

По привычке они сидели в телеге спина к спине. Два сына, вытянув ноги, сели, смотря назад. А Малик, тогда грудной еще ребенок, на руках у Фатимы. Когда доехали до леса, кто-то схватил за узду лошади. Тогда встречались случаи вымогательства денег. Дорогу им преградили три таких человека. Они что-то крикнули. Душа Фатимы ушла в пятки. Да и Хатмулла ничего не говорит. Мужики рослые, плечистые. Да и намного моложе Хатмуллы. От них невозможно было спрятаться. Мужики и сами это чувствуют, ведут себя нагло. Один, желая стащить Фатиму с телеги, схватил ее за руку. Но в то же мгновение отлетел в кусты. Перед глазами женщины мелькнула только рука Хатмуллы. В это время послышался звук сломанных сучков и исчез второй нападающий. Промелькнула только спина убежавшего между деревьями третьего мужчины. Хатмулла молча сел в телегу и потянул за уздечку. Вот, оказывается, как бьет Хатмулла! Тогда Фатима и вспомнила случай, когда Хатмулла ей дал пощечину. Грех было обвинять его в том, что он якобы ее ударил. Он тогда просто напомнил ей о том, что он мужчина. Конечно, в деревне такие напоминания были обычным делом. Но ни одна женщина не ходила тогда с синяком под глазами. Да, водки тогда не было. Поэтому и мужики были мужиками, а женщины женщинами. Сейчас не удержать и некоторых женщин: мужей ни во что не ставят...

— ...Развелась бы давно, да кто меня ждет с двумя детьми. Да и Тимура жалко: останется один совсем пропадет...

Фатима бросила взгляд на кровать. Ей показалось, что там она увидит пьяного Радика. И он ведь старается опуститься на дно водочного моря. Неужели он так же мучил свою жену?! Эх, эти мужики... Гитлер не смог завоевать нашу страну, а вот водка завоевала и превратила наших мужиков в животных. В злодея, который и сам не живет и другим не дает. В жалкого злодея. Досадно, что дитя, рожденное от Хатмуллы, опустилось до такой степени.

Фатима, казалось, за других детей так не переживала. Сбежавшего, не смотря ни на что старшенького, она понимала. Он стремился достичь поставленной цели. У него отцовский характер. Если он не валяется пьяным в каком-нибудь заброшенном уголке страны, его можно простить. Можно понять и Хамита, уехавшего со своей русской. Даже если он попал в какой-то переплет из-за своей горячности, он достоин уважения. Только вот Радика нельзя понять и простить. Ни в какие рамки не лезет, что сын Хатмуллы живет, погрязший в такое болото.

Фатима посмотрела на Зухру, как на свою невестку. Она взяла за руку спрятавшегося за мать мальчика и подвела к холодильнику.

— На, сынок, — сказала она, подавая ему яблоко из холодильника, — не грусти, я очень люблю таких, как ты, мальчишек.

Мальчик посмотрел покрасневшими глазами на мать, а потом на яблоко. Только после того, как мать, улыбаясь, кивнула ему, протянул руку за яблоком.

— Спасибо, тетя!..

— Тебе спасибо, малыш, — сказала она, снимая со второй кровати покрывало. — Последние двадцать лет меня так никто не называл. Хи- хи-хи. Давай, Зухра, клади малыша сюда, пусть не привыкает к рукам.

— Спасибо, — Зухра положила ребенка на кровать и сверху укрыла его одеялом. —

Неудобно ночью ходить и по коридору. Кто-нибудь может увидеть. Большое спасибо тебе!

— Хорошо еще малыш не проснулся, — сказала Фатима, стараясь перевести внимание Зухры на более приятное. — Главное это, а все остальное пройдет...

— Да, если бы он испугался, ничего хорошего не было бы. — Зухра попыталась закрыть глаза волосами, — он не хотел меня ударить.

Замахнулся и нечаянно задел...

— И у меня Хатмулла был горячим, — сказала Фатима, стараясь ее утешить. И, не зная, что еще сказать, замолчала. «Не одна ты такая. На долю любой женщины выпадает это. Зато место ушиба не будет гореть в аду». Примерно такими словами она хотела успокоить ее. Но ей показалось недостойным чернить имя мужа. Рука Хатмуллы даже нечаянно так сильно не касалась ее. Хатмулла умел быть настоящим мужчиной.

— Ну-ка, подойдите поближе к столу, — сказала старушка, радуясь, что нашла выход из положения. И, взяв вскипевший чайник, стала заваривать чай. — Я и сама не могла уснуть, мучилась. Очень хорошо, что вы зашли. Как говорится, мышке смерть — кошке смех....

Действительно, дочка, я одна в одной комнате. Никто не приходит.

Умрешь, и никто не узнает... Хорошо, хоть вы зашли.

— Радик разве не вернулся?!

— Он поехал к детям. Поэтому и беспокоюсь. Только бы все было хорошо. Хоть и алкаш, а все-таки сын. Без него и дома нет никакого уюта.

Зухра ничего не ответила.

Вдруг Фатиме показалось, что она поняла, в чем дело. Как бы желая запомнить эту мысль, она на мгновение замерла, потом легко вздохнула и поставила чашки перед гостями. Зухре, ее сыну. Ее сыну!

И себе. Вот тогда ей показалось, что она поймала ту мысль, и Фатима тихонько засмеялась. Подумав, что смех ее может показаться гостям очень странным, решила объяснить ее причину.

— В детстве мы рыбачили на реке возле деревни, — сказала она. — Сейчас вспомнила про это. Забросишь вот так удочку. Поплавок всколыхнется. По телу пробегает дрожь. Думаешь: «Поймал». А стоит вытянуть удочку, а она пустая. Вот и сейчас мне показалось то же самое. В голове промелькнула какая-то мысль. Точно поплавок покачнулся. Все тело вздрогнуло. А когда поняла, что за мысль, вспомнив об удочке, засмеялась.

— Что попало что-то очень мелкое?! — и Зухра улыбнулась. — Что за мысль была хоть?

— Хи... Сказала мысль, потому что не знала, как иначе это назвать. Давай, детка, не стесняйся, дотягивайся... — старушка пододвинула к мальчику то, что было на столе. — Когда ты вошла в комнату, мне показалось, что входит моя сноха... Вот подумала, оказывается мы на противоположных сторонах фронта...

Фатима еще раз засмеялась.

— Вот я, думая о здоровье сына-алкаша, провожу бессонные ночи. А ты, скрываясь от пьяницы-мужа, вынуждена уйти из дома.

Чувствуешь, здесь есть какое-то противоречие?!

— Есть в этом и общее, — улыбнулась Зухра, — у пьяницы и жена, и мать не могут спать ночами.

— Так то оно так, — Фатима какое-то время помолчала, а потом опять повторила, — так то оно так... Но ведь есть и противоречие?

Мужей, не дающих вам спать, растим ведь мы...

— Не знаю... Никогда не думала об этом...

— И я никогда не думала. Вот только сейчас подумала об этом. В человеческую голову приходят разные мысли. Живешь только потому, что не думаешь. А если будешь думать, с ума можешь сойти....

— Не думай, пой, когда у тебя нет настроения, — сказала Зухра, — стараясь скрыть свое состояние.

Фатима понимала, что ее слова тяжело слышать Зухре. Могла бы и промолчать, но почему-то ей захотелось высказаться. Зло ужалить, оставаясь при этом хорошей. Хотя понимала, что так поступать нельзя, но не смогла удержаться. А сейчас, видя, как расстроилась Зухра, пожалела о том, что так поступила. Женщина, конечно, была ей очень близка. Она ее жалела, понимала и даже, казалось, любила. Но одновременно в каком-то уголке души жило и чувство вражды, осуждения.

— Ты только не обижайся, — поспешила сказать она, — мысль мне показалась интересной, вот и проговорила... Что хорошего можно ждать от старухи.

— Нет, — попыталась улыбнуться женщина, — что за обиды...

На какое-то время обе замолчали.

— Не обижаюсь, — продолжила Зухра, — ведь и вправду так. Мы обе остаемся по две разные стороны. Я говорю о матери и жене. Ты обвиняешь меня в том, что ты вырастила хорошего сына, а я не смогла его удержать. Я, напротив, ругаю тебя за то, что ты не смогла воспитать хорошего человека. А в целом мы не правы обе.

— А кто же тогда прав? — старушка улыбнулась. Ей было приятно, что Зухра такая открытая. Не обижалась, а говорила то, что думает.

— Не знаю. Никто, наверное, не прав. В этом случае, наверное, не бывает правых.

— Ладно, все в руках божьих. И моя, и твоя жизнь изменится к лучшему.

— Пусть так будет, дочка. Так будет. Не надо только терять надежду.

Усталость Фатимы не осталась незамеченной Зухрой. Но она захотела задать старушке еще один вопрос, иначе не сможет заснуть.

— А ты веришь, что Радик перестанет пить?

Фатима посмотрела на нее удивленно, а потом улыбнулась. Ей в начале показалось, что Зухра похожа на ее сноху. Но она оказывается ошиблась. Она совсем не как ее сноха, она совершенно из другого теста. И что лежит в основе ее вопроса, старуха поняла сразу. Зухру волновало не будущее Радика, а судьба ее собственного мужа. Она не интересуется судьбой сына Фатимы, а ищет поддержки своим мыслям.

— Верю, дочка. Наверное, во всем мире только я и верю в то, что он станет человеком. Но я ему верю. И я, дочка, знаю, что моя вера вытащит его из болота зеленого змия.

— Сможет ли только вера вытащить...

Зухра не хотела высказывать эту мысль вслух, но когда услышала, что сказала, сама же и смутилась. Но старуха не обратила на это внимания.

— Вера-это, дочка, большая штука, — сказала она, делая ударение на каждом слове. — Вера — это чудо.

Замолчали. Через некоторое время встали из-за стола, и старуха принялась стелить постель. Зухра помыла посуду. Мальчик сидел, прислонившись к спинке стула и стараясь не заснуть.

— Мальчика положишь сюда, — сказала Фатима, застилая раскладушку, — устал очень,

маленький.

— Мы бы втроем и на одной кровати поместились, — сказала Зухра, — ладно, давай тогда помогу.

Старушка передала ей постельные принадлежности и легла на свою кровать.

— Что-то я устала немножко, — сказала она, как бы оправдываясь.

— Старость — не радость... Вы уж сами располагайтесь тут, если я вдруг усну...

— Хорошо, не волнуйтесь, спокойной ночи.

— Вера — чудо, — повторила про себя Фатима, когда легла на свою постель. Конечно, она не хотела отрицать правоту этих слов. Но если бы вера была способна на чудеса, ее дети давно бы уже приехали и показали ей. Они бы не смогли не приехать к матери, которая ждет их с такой верой и надеждой. Только они не вернулись.

А кто говорит, что они не приедут?!

Дынк-дынк-дынк-дон!..

Фатима уже заснула было. Вдруг мозг пронзил звук, услышанный то ли наяву, то ли во сне. «У меня же было не только четверо детей, — подумала она. — Их было так много, что перечесать даже невозможно. С тех пор, как в последний раз видела своих сыновей, к кому только не относилась, как к собственным детям и не отдала им часть своей материнской любви. Эх, такая вот она жизнь!..» Дынк-дынк-дынк-дон!..

Неожиданно все ее тело охватила дрожь. Актуш! И он был одним из ее детей. Деревенские даже шутили, глядя на Актуша:

«Младший сын Фатимы». То ли во сне, то ли наяву, но Фатима еще раз пережила события, связанные с Актушем.

«Только бы не замерз». Стоило Фатиме проснуться и посмотреть в окно на полную зимнюю луну, как в голове у нее промелькнула именно эта мысль. Стоило ей зажечь свет, как увидела хвост убегающей мыши. Несмотря на то, что топила с вечера, в доме было прохладно. Морозы этого года ей уже изрядно надоели... Нет ничего хуже зимних морозов для одинокой старушки, у которой и дом уже ветхий, да и дров на перечет. Старые кости и без того быстро поддаются морозам, а в зимние холода одинокая старость кажется еще страшнее. И хотя Фатима видит бегущих по дому мышей, бороться с ними она не собирается. Наоборот, в издаваемых ими звуках (всю ночь что-то грызут, иногда пищат) она находила что-то приятное для себя:

все-таки не одна, хоть какое-то живое существо рядом. Они были утешением ее одиноких ночей.

— Только бы не замерзли, — повторила она, спешно надевая стеганку. Стоило ей выйти из дома, как холодный воздух перехватил дыхание. Мороз проник во все клеточки ее тела. В тонких носках и чесанках она направилась к хлеву.

Ей послышался какой-то пронзительный визг. Но старуха не обратила на это внимания:

у нее своих проблем было достаточно.

Стоило ей при свете керосиновой лампы увидеть, как корова облизывает только что родившегося теленка, как на душе стало спокойно и тепло.

— И-и-и... Слава Богу, успела, — проговорила она, лаская свою корову. — Давай-ка я, пока ты не освободилась от последа, поставлю греть воду. После родов очень пить хочется. И она поспешила в дом.

Когда она вернулась обратно, в руках у нее был старый полушубок.

Посмотрела вокруг: рассветало. В такое время неудобно будить соседей, придется одной справляться со всем. Фатима затащила в хлев деревянные сани, которые были прислонены к дровянику. Корова уже освободилась от последа. Она взяла его вилами и выбросила за хлев.

Хорошо и здесь успела: если корова съест послед, молоко будет невкусным. Фатима приблизила сани к теленку:

— Давай, малыш, пошли в дом. Здесь ты можешь замерзнуть, — приговаривая так, она столкнула теленка на сани, а потом поправила его ноги. С трудом сдвинула сани. Корова пошла было за теленком, но старуха отогнала ее и закрыла ворота хлева. Катить сани по снегу было не тяжело. Но зато пришлось повозиться у дверей дома. Теленок не шагает, поднять его у старушки не хватает сил. Пришлось ей тянуть вместе с полушубком. И так было нелегко, пока тащила теленка, вся вспотела, трудно дышала. Войдя в дом, присела на самодельную табуретку и долго не могла отдышаться.

— Вот так, малыш, — сказала она, глядя на теленочка, — все живое приходит на этот белый свет с трудом. Ты видел уже свою мать? Что она только не делала, чтобы не расставаться с тобой. А однажды вырастешь, станешь большим. Тогда и ты, наверное, ни во что не будешь ставить мать свою. Все вы такие... Что люди, что животные...

Были сыновья и у Фатимы. Хотя и сейчас они есть, живут где-то. Радик в Казани. У него своя семья. Внуки, наверное, уже подросли.

Редко приезжают. Один раз приезжают на сенокос, другой — когда режем скотину. Иногда, бывает, приезжают копать картошку. Да и винить их нельзя: своя семья, свои заботы. Не могут же они постоянно находиться возле нее. Да корову, птиц она держит только ради них.

Хоть небольшая, а все же помощь. Хотя, может, и не только для них.

Всю жизнь она прожила со скотиной, это стало уже ее жизненной потребностью.

Выйдя напоить свою корову, Фатима опять обратила внимание на тот истошный крик. Но не остановилась. Поставила ведро перед коровой, достала соломы и постелила ее под скотину, потом полезла и достала корове сена. Закончив дела, направилась к дому. Тот голос все это время стоял у нее в ушах. Фатима сначала думала, что это из-за того, что она несколько ночей не спала, наблюдая за своей коровой, которая должна была вот-вот отелиться. Но при приближении к дому голос стал слышен более отчетливо. Бог ты мой! Да это же кошка.

Бесхозная, наверное, бедняжка, а, может, и раненая. Иначе не стала бы ходить не известно где глубокой ночью. Старушка пошла по голосу, на улицу. Но не успела она сделать даже шаг, как увидела маленький черный комочек на белом снегу.

— Ах ты, мой маленький, и кто же оставил тебя здесь? — сказала она, беря котенка на руки. — Совсем замерз. Дрожишь весь.

Очень осторожно засунула его за пазуху и понесла в дом.

Поставила на пол. Котенок уже не кричал, он только дрожал всем телом.

— Как же мне тебя согреть?! Как согреть?! Она достала из шкафа шерстяную шаль, укутала им котенка, а потом затопила печь.

Сама могла и под одеялом согреться. Но она очень хотела быстрее помочь этому малышу, да и новорожденному теленку не помешает.

Что ни говори, жар костей не ломит. Кстати о теленке... Она сняла с гвоздя старую стеганку и накрыла им теленка.

— Как же мне тебя согреть? И тут ее взгляд упал на банку, которая стояла на подоконнике. В преклонном возрасте чай без молока не чай. Вот и повадилась Фатима брать у соседей через день молоко.

Банка на подоконнике была пуста наполовину. Фатима налила молоко в ковш, поставила на плиту подогреть и потом дала котенку. Тот сначала сторонился, а потом начал с жадностью пить.

Когда закрыла печку, старушка положила котенка на полати. Он дрожал уже меньше.

— Вот так быстрее поправишься и будешь всю бегать, — сказала она, глядя котенка по голове. Когда начала укладываться спать, на улице уже брезжил рассвет.

Фатима ухаживала за котенком, словно за маленьким ребенком.

И вскоре тот поправился. Она назвала его «Актуш»^[6]. Он весь был черным, лишь на груди маленькое белое пятнышко. Да и похож он был на прежнюю ее кошку. Та была у нее и умная, и умелая. Она не лежала на печи целыми днями. Когда кошка была в доме, он не был столь холодным, и не сидела она целыми днями, штопая мешки. Она и назвала котенка Актуш потому, что видела его расторопность, смывленность.

Актуш, действительно, оправдал надежды с лихвой.

Поправившись, соскочил с печи и, забежав за шкаф, выбежал с мышкой в зубах. А потом, быстро куда-то его дев, начал бегать по стене. Фатима застыла в оцепенении:

— Бог ты мой, уж не циркачи ли тебя потеряли?

Она стояла долго, любуясь и удивляясь ему. Только Актуш и не собирался спускаться. Она положила котенка на кровать и решила посмотреть, что же привлекло его ковре, висящем на стене. Стоило ей взять ковер в руки, и котенок, бросившись под ковер, опять схватил мышонка. С ним он и убежал под кровать.

— Бог ты мой! — опять повторила она, не зная, что сказать. Хотя и взволновало ее такое истребление мышей, сейчас она радовалась, что не одна: все-таки рядом теленок и котенок. Ведь мыши не скрашивают одиночество. От них слишком много вреда.

Проделки Актуша на этом не закончились. Он время от времени удивлял Фатиму. То он в сарае ловил крысу размером с себя, то ложился спать с соседским псом спина к спине. Актуш вообще не боялся собак. Даже большие собаки при виде его сначала бросались на него, а затем, поджав хвост, тихо отходили в сторону. Старуха не могла понять и объяснить секрет этого. Да и в целом Актуш весь был очень загадочным. Так он откликался не только на традиционное «кис-кис», но и на кличку Актуш. А однажды Фатима застала его за тем, как он ел тыквенные семечки, причем делал это так умело, что не каждый человек сможет. И вообще он очень скрасил одиночество старухи, внес свет в ее жизнь, и она не могла нарадоваться, что в ту ночь совершила такое святое дело: спасла замерзающего котенка.

С такими радостями и утехами прошла зима. Котенок стал полноправным членом семьи. Фатима относилась к нему, как к своему ребенку. Даже рассказывая о нем соседям, говорила: «А вот наш Актуш...» Как Фатима любила котенка, так и он относился к ней.

Если иногда она журила его за какие-то проделки, то он опускал виновато голову и тихо

моякал, как будто говорил: «Я больше так не буду». Даже эти повадки его любила Фатима.

Наступила весна. Все вокруг зазеленело, на деревьях появились листья. Актуш теперь уже больше находился на улице. Конечно, и домой заходил. И в такие моменты, он не ждал, пока ему откроют дверь, а научился сам этому.

— Ах, ты мой маленький, — ласково обращалась к нему Фатима, — тебе надо бы родиться человеком, ловчее тебя не было бы.

Актуш не только научился прыгать с забора или с еще более высокого места на мышей, но и любил лазить по деревьям.

Фатима могла часами смотреть, как ее Актуш перепрыгивает с ветки на ветку в ивняке за огородами. А если в это время кто-то проходил мимо, подзывала его и показывала:

— Посмотри-ка, вон мой Актуш!

Прохожий, почувствовав в ее голосе материнскую гордость, сначала с сомнением смотрел на нее, а потом, увлекшись, и сам наблюдал за игрой котенка. Иногда зрителей набиралось до десятка.

Так как деревня была большой, немало у нее было и известных в округе людей. Сын Гаты, работающий в районной Администрации, кузнец Фирдавис, певец Салих, гармонист Шайхи... Население всегда и везде говорило о них с уважением. В последнее время к ним присоединился и котенок Фатимы.

— Котенок Фатимы, оказывается, семечки ест...

— Котенок Фатимы запрыгивает на дерево и летит на большое расстояние...

— А котенок Фатимы сам умеет открывать дверь.

Смотреть на него специально приходили с другого конца деревни и, видя свернувшегося в калачик маленького котенка, ожидавшие какого-то чуда, они даже немного разочаровывались.

— Смотри-ка, на вид вроде обыкновенный котенок! Бог ты мой... — причмокивали они.

Некоторые ловкачи даже пытались его украсть. Но котенок признавал только Фатиму, больше ни к кому не шел на руки.

Были и такие, которые говорили ей:

— Фатима апа, продай мне Актуша, я тебе воз дров привезу.

— Как я могу его продать, он ведь мне как ребенок, — говорила она.

Из-за котенка несколько поднялся и авторитет Фатимы. Все просьбы ее исполнялись сразу. А те, кто помогал ей, между делом спрашивали:

— Как там твой Актуш?

— Все хорошо, слава Богу, живем потихоньку, — отвечала она довольная таким вопросом.

Совершенно неожиданно Актуш заставил Фатиму изрядно поволноваться. Она вышла во двор покормить кур и вдруг увидела своего кота, спускающегося по карнизу дома с птенцом в зубах. Она чуть тазик из рук не выронила.

— Актуш, — крикнула она сердито.

Услышав свое имя, Актуш подошел к хозяйке.

— Ты что с ума сошел? — Фатима взяла в руки птенчика. Он был еще жив. Ей стало жаль это маленькое беззащитное существо. А ведь до такого состояния его довел ее Актуш, и от этого ей было еще больнее. Для Фатимы это было равносильно тому, что преступление совершил ее родной сын. Ее единственное, умное хорошее, честное дитя... Как он осмелился

сделать это?! Жестоко! Мерзко! Жалобного смотрящего на него и ждущего своей участи котенка она в сердцах пнула ногой.

Птенчика принесла домой, положила на подоконник и поставила перед ним еду. Решила не впускать Актуша в дом до полного выздоровления птенца. Но тот не стал дожидаться ее разрешения, сам открыл дверь и вошел. У Фатимы вздрогнуло сердце, когда, покормив кур, она вошла в дом и увидела там кота. Взгляд ее сразу устремился к подоконнику. Птички там не было. Старушка зло посмотрела на кота.

Актуш посмотрел на нее невинными глазами и, что-то промяукав, отвернулся в сторону. Взглянув в том же направлении, Фатима увидела птичку, запутавшуюся в тряпье. Пока она приходила в себя, Актуш схватил тряпье и притащил его вместе с птичкой к ее ногам..

Птичка вскоре поправилась. Выпуская ее на волю, она не забыла напомнить коту:

— Больше не смей трогать птиц!

Не прошло и недели после этих событий, как кот опять заставил Фатиму изрядно поволноваться. В тот вечер соседи пригласили старушку в баню. После бани посидели за чашкой чая и разговорами.

Вернувшись домой, она увидела у себя на полу следы крови и очень испугалась. Первое, что пришло ей на ум: «Поранился, сражаясь с крысой». Но ни на крыльце, ни на пороге следов крови не было.

Неужели крысы завелись и в доме? Но думать об этом долго она не могла, нужно было выручать Актуша.

— Актуш!

— Мяу... — из-под кровати послышался жалостный голос. Через некоторое время показался и сам котенок. Старушка взяла его на руки и начала осматривать раны. Их было немного: содрал переднюю лапу и поранил заднюю. Бедненький. Это он просто сам такой шустрый, но ведь он еще очень маленький. Старушка не знала, чем ему помочь.

Она вытерла его раны чистым полотенцем, обработала вазелином, которым смазывала вымя коровы, и отпустила его на пол. Хотя и был у него голос поначалу жалобным, но на больного Актуш не был похож. Затем Фатима отмыла кровь. Дрались, наверное, за печкой:

здесь крови было больше. Но вот самой крысы видно не было: то ли ее съели, то ли успела убежать. Только с тех пор Актуш не приближался к печке совсем.

Фатима не держала гусей. Ежегодно она покупала цыплят, а летом при необходимости резала кур. По привычке и в этом году купила 50 штук. Цены в этом году неимоверно выросли — ей пришлось выложить за них целую пенсию. Но старуха осталась довольна. Даст бог, вырастят и уже покроют все расходы.

Цыплят она разместила в специальном ящике на печке. Чтобы те не мерзли, и им всегда хватало света, с двух сторон поместила лампочки. Старуха знала, как ухаживать за скотиной, как выхаживать цыплят. Достаточно у нее было и корма для них, что собирала целую зиму. Фатима была из тех, кто знал цену домашней живности. У нее никто, будь-то корова, теленок, овца не жили в мучениях. Знала она толк и в цыплятах. Всегда тщательно их выбирала, поэтому, несмотря на то, что брала 10 или 100, все у нее выживали и вырастали. В последние годы она никогда не брала больше 50 цыплят. Ей этого хватало. Когда разместила цыплят, в мыслях начала их делить:

столько-то пойдут во время посадки картофеля, столько-то нужны будут во время сенокоса, при заготовке дров... Хватит, даст бог хватит и еще останется. Представив, как они скоро заполнят двор, улыбнулась, ей даже показалось, что почувствовала какую-то

легкость и прилив сил. Даже тогда, когда, закончив дела, она ложилась спать, настроение у нее было приподнятое. Даже во время сна она то и дело улыбалась.

Но все это у нее моментально исчезло, стоило ей подойти к цыплятам, чтобы покормить их. Цыплят стало меньше. Дверь открыта, а около печки вертится взволнованный Актуш. При виде хозяйки он устремил на нее виноватый взгляд. Она взбесилась:

— Ах, это твои проделки!

Она искала, чем бы огреть котенка, но, не найдя ничего, в сердцах пнула его со всей силой. Но котенок не убежал, а остался сидеть там, где упал, как бы говоря: «Что ты еще со мной сделаешь?» Старуха поднесла его к цыплятам и ударяя мордой о край ящика приговаривала:

— Их трогать нельзя, понимаешь. Нельзя трогать! Нельзя!

Но и это не успокоило ее. Взяв котенка и выйдя во двор, она бросила его в дровяник. Актуш отлетел к куче дров и, потеряв всякую надежду, остался сидеть там.

Хотя Фатима в минуты злобы и наказала Актуша, но, успокоившись, она не верила, что ее котенок, которого она вырастила, как собственного ребенка, мог пойти на такое. По ее мнению, этого не могло быть. Он ее единственный, такой умный, хороший, честный...

Сердцем она оправдывала котенка, но ум твердил свое. Ведь до этого у нее ни один цыпленок не умирал...

Никто их не трогал. А Актуш... Вспомнив, как он недавно поймал птенчика, Фатима еще больше расстроилась. Это сделал именно он, иначе кто еще? Нельзя его даже близко к дому подпускать.

И старуха так и сделала. Стоило ей увидеть его около дома, сразу прогоняла.

Но и на второй день цыплят стало меньше. Дверь открыта, а Актуш крутится около печки. Ведь до этого он близко не подходил к печке, а вот как купили цыплят... Это его проделки. Это повторилось и на третий, и на четвертый день. У Фатимы не осталось терпения. Она стала думать, как от него избавиться.

По всей деревне распространился слух о том, что Актуш ловит цыплят. Даже те, кто им раньше любовался, стали его ругать. Соседи, встречая его у себя во дворе, бросать в него что попало. По сравнению с прежней любовью ненависть к Актушу была в 2–3 раза сильнее. Чтс поделаешь? Ты хоть всю жизнь твори добро, но стоит тебе только раз оступиться, как все начинают топтать и давить: словно ты самый ярый преступник. Ошибки великих люди не умеют прощать. То, что Актуш ловил цыплят, для сельчан было все равно, что Сын Гаты, который работает в Администрации, лежит пьяный в канаве.

— Раз уж котенок повадился к цыплятам, тут уж ничего не поможет.

— Он не только у себя будет бедокурить, дойдет очередь и до нас.

— Придется его убить, иначе не избавиться от этой напасти.

С этим нельзя было не согласиться. Фатима жизнь прожила и правильность этих слов знала не понаслышке, испытала на себе. Но хотя и понимала, что когда-то любимого котенка, необходимо наказать, день «казни» все время оттягивала. А цыплят становилось все меньше и меньше. Как бы не старалась Фатима не подпускать котенка к дому, но Актуша с человеческим умом остановить было невозможно. Теперь он уже не ждал наказания хозяйки, делал свое дело ночью и сбегал. Даже тогда, когда она крепко-накрепко привязывала дверь, он даже не задумывался об этом. Нет, он сейчас входил уже не через дверь, нашел другой путь. Он, наверное, из погреба заходит.

Пока она затягивала с днем «казни», у нее осталось всего 5 цыплят. Терпению ее

пришел конец.

— Актуш!

Казалось, котенок только этого и ждал, стремглав выскочил из погреба. Хотя Фатима и была очень зла на него, но постаралась казаться приветливой: взяла его на руки, погладила по голове, пощекотала ему ступни. Истосковавшийся по ласкам хозяйки, Актуш обрадовался, даже показалось, что в его глазах мелькнули искорки счастья. Лаская, Фатима засунула его в мешок и быстро завязала.

— Мяу...

Показалось, что Актуш обиженно ее спрашивает: «Что ты хочешь сделать со мной, почему положила в мешок?» — Сам виноват, — сказала в ответ старушка. — Не ценил то, что имел. Ты же был любимцем всей деревни... А сейчас... Сейчас ты не нужен даже мне.

И, взяв мешок, она направилась на ферму к ветеринарному врачу. Были, конечно, и такие, кто хотел убить его дома при помощи тока или веревки. Это они готовы были сделать и за рюмку водки. Но старушка считала это преступлением и не согласилась. Ветеринарный врач сделает укол и Актуш навечно закроет глаза. Вот только за работу он, наверное, попросит бутылку. Ладно, отдаст ту, что попридержала на дрова.

— Мяу, мя-я-яу...

— Не бойся, больно не будет, — сказала ему старушка ласковым голосом. От его мяукания ей было плохо, казалось по сердцу царапали его острые коготки. — Что поделаешь... Хорошим был ты котенком...

Ветеринарный врач Гатаулла, завидев Фатиму, начал готовить шприц.

— Нет, нет, бутылки не надо, — сказал он, когда закончил свое дело. — Он же не только тебе вредил, к соседям тоже мог навредить.

Домой Фатима возвращалась на лошади Гатауллы. А Котенка вместе с мешком бросили по дороге в груды мусора. «Раньше твое место было в красном углу, а теперь вот в куче мусора», — подумала Фатима, горько вздохнув.

В ту ночь Фатима не могла спокойно спать. Видела какие-то кошмарные сны, бредила. То она видела себя палачом, то думала, что зря убила котенка и плакала-плакала. Не сумев успокоиться, встала.

Включила свет. Только комната осветилась ярким светом, что-то выпрыгнуло из ящика с цыплятами и убежало за печку.

— Актуш! Ее сердце разрывалось от боли, — Актуш, Актушечка!

Она успела заметить, кто спрятался за печкой. Это существо было лаской. Поэтому ей было невыносимо больно, что она совершила ошибку по отношению своего кота. Старушка подошла к ящику, там остался только один цыпленок, да и тот был задушен. Не Актуш таскал цыплят, а эта проклятая ласка! А котенок крутился около печки и отсиживался в погребе с одной целью: поймать ее. И тогда он был поранен этой лаской. Когда она все это поняла, к ее горлу подступил комок. «Он ведь был прекрасным котом! Прекрасным. И в случае с птенцом понял все сразу. И почему мы всех меряем одной меркой?!» На следующий день эта новость облетела всю деревню.

— Я сомневался в том, что такой умный котенок ловит цыплят.

— Эх, и почему она так быстро расправилась с ним...

— Все коты не бывают одинаковыми...

Что бы ни говорили в деревне, у всех и на лицах, и в голосе было большое чувство сожаления. А ветеринарный врач Гатаулла впервые вернулся домой в стельку пьяным.

— Я не врач, я палач, — сокрушался он, положив голову на порог.

Фатима, взяв труп Актуша, похоронила его на краю деревенского кладбища. Сказала Гатаулле, и тот сделал маленькую оградку.

Вскоре на могилке Актуша появились и цветы.

За короткое время объяснивший людям, кто они, Актуш был достоин этого.

Дынк-дынк-дон!

Она потеряла не только детей, но и этого прекрасного кота. По своей вине. В смерти Актуша напрямую виновата была она сама. А вот дети... Возможно, и в этом есть ее вина. И хотя вина в смерти Актуша была налицо, вина перед детьми не была столь очевидна. Возможно, грехи, совершенные в неведении, дают сейчас о себе знать.

Вдруг опять в ушах послышалось эхо прошлого:

— Нет, не уедешь!

— Уеду!

— Я договорился о работе для тебя.

— А я уеду.

И опять сквозь этот шум и гам послышался суровый, но твердый голос Хатмуллы:

— Мать, пойдя, покорми кур...

У Фатимы куры были уже накормлены. Она даже не посмотрела в их сторону. Выйдя в сени, она тихонько плакала. Кажется, до сих пор Фатима чувствует горечь тех слез.

Эх, дети...

Старушка прислушалась к дыханию детей, спящих в комнате.

Они так сладко и хорошо сопели во сне. Все прелести жизни невозможно пересказать. Если подумать, и сопение этих детей — такое счастье. Те, кто слышит каждый день сопение своих внуков, очень счастливые люди!

Фатима тосковала по своему Хатмулле. Иногда бывает так, что заработаешься и совсем забываешь про еду. И вдруг резкое чувство голода. Оно охватывает тебя целиком. Темнеет в глазах, кружится голова, силы покидают тебя. В жизни тебе уже ничего не нужно, ты забываешь обо всем. Тебе сейчас нужен лишь кусок хлеба. Ты думаешь только об этом. Все теперь связано только с этим. Чувство, охватившее Фатиму, было таким же по силе, как чувство голода. Она сейчас не думала ни о чем и ни о ком, кроме Хатмуллы. Ей никто не был нужен. Даже дети. Ей нужен был только Хатмулла. Когда был жив ее муж, она не испытывала трудностей. Даже потерю детей перенесла не так тяжело. А сейчас... Если бы был жив Хатмулла, она бы так не переживала.

Хатмулла...

Фатима перестала быть собой и превратилась в Хатмуллу. Она почувствовала себя памятью Хатмуллы. Это был старец, смотрящий на живых сквозь призму вечности. Даже не старец, а какая-то бестелесная память. Ветра, касавшиеся вершущек скал, казалось, трепали и волосы Фатимы. Но она не придавала этому значения. Она была духовно возвышенна. Это был дух Хатмуллы. Великий аксакал Вечности.

Он со своей высоты устремил взгляд вниз.

Он посмотрел вниз, и душу его охватила бесконечная тоска. Вид земли, обычных людей,

наблюдение за их тяжелой и одновременно счастливой жизнью заставило его сердце биться учащенней. Ему захотелось раскрыть свои руки, броситься вниз и разбиться, как раненая птица. Ему казалось счастьем то, что в земле лежат его кости.

Но все это было только мечтой. Он не может броситься на землю. И даже если бросится, не может там погибнуть. Он был обречен жить своей жизнью.

А земля тянет.

Нет, наверное, человека, который бы не тосковал по светлым улицам детства, по своим друзьям, по тому, как бегал босиком под летним дождем. Человек тоскует. Эта тоска набухает, как почки, сразу, как только минуешь молодость. А затем с годами она все больше увеличивается и живет уже с тобой, словно непосильная ноша. И сладостнее и горестнее становится она, когда ты приближаешься к концу своего жизненного пути.

Детство его было на земле. Здесь была и его первая любовь.

Кто может забыть свою первую любовь?! Она влетает, словно легкомысленный ветер, и вдыхает в душу, не понимающую до этого, зачем человек появился на свет, необъяснимые, возвышенные чувства.

Она входит ярким лучом и заставляет только что пробудившиеся чувства приобрести различные цвета. Она входит прекрасной мелодией и заставляет зазвучать все струны души песней, способной всколыхнуть все живое на земле. В молодом сердце рождается Любовь. Человек влюбляется. Рождается чувство, способное объять весь мир. Рождается жизнь, полнокровная жизнь. Душа начинает искать, она ищет душу, способную разделить ее судьбу, понять ее чувства.

Его любовь была на земле.

Это мгновение жизни человек не может забыть никогда. Он живет, тоскуя по этому времени, преклоняясь перед ним. И те, кто нашел свою вторую половинку, и те, кто не сумел ее встретить, живут, сохраняя в душе эти прекрасные мгновения. В них они черпают силы, когда им тяжело, в них же излечивают свои раны.

Разные страны, вероисповедания, разная и первая любовь. Но есть то, что объединяет их — это воспоминания. С течением времени тяга усиливается. Они становятся все дороже и дороже.

Его прошлое было на земле.

Он посмотрел вниз, и сердце пронзила острая боль. Сердце было готово разорваться от тоски, но слез не было, лицо не покрылось черными тучами, не вырвался из груди душераздирающий крик. Со стороны казалось, что он спокоен. Само спокойствие. Он несколько свыкся со страданиями, длившимися в течение нескольких десятилетий, во всяком случае, он дошел до сознания, что от них невозможно избавиться.

Подул ветерок. Наверху ветры были холодными. Ветры здесь не умеют резвиться, они не гладят ласково по волосам, а пронизывают до самых костей. И солнце наверху не ласковое. Оно казалось здесь ярче и горячее. Ночи наверху были черными. Воздуха для дыхания наверху было мало, свобода ограничена. Наверху жизнь была тяжелой.

Обычный человек не мог пережить здешней суровости, он погибал сразу. Поэтому это было не для простого человека, поэтому это и было высотой.

Наверху жизнь была тяжелой.

Но все равно это было высотой. Он не жаловался на свою жизнь здесь, да и не мог жаловаться. По сравнению с жизнью внизу здесь, конечно, условия для обыкновенного человека были намного тяжелее.

Но для него это было не так, он уже свыкся с этой жизнью и чувствовал себя в ней, как рыба в воде. Хотя он и не жаловался на свою жизнь, но каждый раз, когда смотрел вниз, у него ныло сердце, он тосковал по той жизни.

Он, естественно, знал про жизнь на земле. Он понимал людей. И хотя не был высокого мнения о них, но каждый раз находил тысячу причин, чтобы оправдать их глупость и убожество. Ведь и он сам человек, во всяком случае, жизненный путь начинал среди людей.

Он посмотрел вниз.

Когда-то, миллионы лет назад, Подаривший Людям Огонь посмотрел вниз и содрогнулся от людского бессилия и тупости. Он был изумлен тем, как люди, не зная, как с пользой провести отпущенные им считанные дни, проводят их бессмысленно и бесцельно. Перед его глазами предстали эпизоды прошедшие миллион лет назад. Тупое племя без памяти, не способное понять, что после жаркого лета приходит холодная зима, что они замерзнут в страшные холода. Буран. Идет снег. Безжалостный ветер бросает снежинки в посиневшие от холода, не знающие одежды тела. Испуганные люди, прижимая детей к своим телам, спешат в укрытия в горах.

Обессилевшие остаются лежать тут же, остальные по ним спешат в укрытия. Буран крепчает. Упавших людей покрывает снегом...

— Надо им помочь, — считает наблюдатель, — помочь...

Это были существа, немногим отличающиеся от овец, баранов, лошадей, коров. Чем они привлекли внимание Подарившего Огонь?

Может, своим бессилием они вызвали в нем жалость, но он пришел к твердому мнению:

— Надо им помочь.

Но сверстники не захотели его услышать. К тому же, напоминая гром, звучит зычный голос:

— Забудь свои мысли! Не смей мне напоминать об этом грязном племени! Пусть по-своему ползает оно по земле.

Может быть, говорящий эти слова и был прав. Возможно, для этого у него были свои причины, но...

— Я помогу вам, — сказал Дарящий Огонь, противостоя словам высшего бога, — я сделаю вас счастливыми.

И он подарил человечеству огонь.

Огонь...

Думая об огне, он вспомнил свою молодость, и в душе его, казалось, пробудились чувства первой любви. Все его тело тогда было охвачено прекрасным таинственным огнем. Парень почувствовал тогда в себе волшебное мужество, силу, способную управлять целым миром.

Дарящий огонь поневоле вспомнил Дьявола, и ему показалось, что он слышит слова:

— Если вы сорвете с дерева и съедите яблоко, у вас откроются глаза. Вы будете равны с Богом...

Он посмотрел вниз и увидел, что люди недалеко ушли от событий, произошедших миллионы лет назад. Сейчас у них есть места, где можно укрыться от дождей и ветров, хищники не представляют особой опасности. Они управляют уже не только огнем, но и сложными явлениями, но все равно они находятся в незащитном и жалком положении. Они продолжают влачить отпущенные им считанные дни бездумно и без цели. Если раньше они в горах искали место для жилья, то теперь из них строят целые города. Если раньше жили с

целью добывания пищи, то и сейчас человеком управляет его желудок. Если раньше они не понимали, что после лета придет осень, затем холодная зима, и сейчас живут только сегодняшним, не умея предвидеть будущее.

И он в первый раз подумал о правоте Бога. Дарящий Людям Огонь ошибся, очень ошибся. Дьявол тоже ошибся. Хотя и называются они по-разному, но суть у них одна. Дать огонь и сознание людям, которые влачат бездумное бедственное существование — это не только ошибка, а большой грех. Не стало ли это преступлением, которое невозможно исправить даже за миллионы лет?!

Ребенок и огонь...

Во время жизни на земле он знал одну девушку. Она была острая на язык, свободная душа. Издалека притягивающую к себе своим озорством, смелостью и обаянием девочку не мог пройти без внимания и он, относился к ней, как к сестренке: ласкал, давал гостинцы.

Однажды она попала в руки изверга в человеческом обличье и чудом осталась жива. Хотя он и был человеком, познавшим цену жизни и понимающим, что у нее короткий век, содрогнулся, увидев ее.

Она была после длительного лечения в больнице. Ее невозможно было узнать: она превратилась в существо, которое не умеет ни смеяться, ни плакать, а бездумно и тихо ожидает своей смерти.

В это время он был уже повидавшим виды мужчиной и понимал, что для женщин просто слова о высоких чувствах и безграничной любви ничего не значат. И то ли в шутку, то ли всерьез утверждал, что глубокие чувства женщине нужно объяснять, глубже входя в нее.

Сексуальные привязанности людям необходимы, без этого у них нет жизни, они превращаются в призраки.

Но тот злодей (их вроде называют маньяками) девочку не избивал, не убивал, он только удовлетворил свои сексуальные потребности. Если бы это он совершил с одинокой женщиной, ворочающейся в постели в ожидании кого-то, то ничего, кроме благодарностей, не заслужил бы. Но этот испорченный злой человек подверг девочку испытаниям страшнее смерти. Девочка была не готова к этому, для этого у нее не созрело ни тело, ни сознание.

Показалось даже, что и в жизни Дарящего Огонь было что-то подобное. Иначе не спроста же Бог подверг его тяжелым испытаниям. Люди ни телом, ни умом не были готовы к обращению с огнем.

Он посмотрел вниз и увидел, что люди держат себя так же, как та девочка. Жизнь внизу кипела. Но это было только на первый взгляд.

В основном вся суматоха здесь ничем не отличалась от вокзальной суеты. Люди не занимались творчеством, не зная, как сократить время, они просто ждали автобус, они ждали свой смертный час...

Но эти люди были ему очень знакомы. Ему захотелось запеть так, как тогда, когда он был живым.

*Одно яблоко разделим на пять частей,
Будем жить друг для друга до конца своих дней...*

Но он петь уже не мог. Он был призраком.

Неожиданно землю, дома людей, словно черный луч, окружило кольцо. Лучи кольца,

все больше осветляясь, приобрели голубой цвет.

Он расширился. Окружившее мир людей кольцо было не чем иным, как большая вода. Море. В центре этого моря образовался небольшой островок. На нем людей не было. На нем было единственное живое существо — Фатима. Она очень четко увидела свое лицо. Лицо старухи, оказавшейся на острове моря тоски, было желтым.

Неожиданно она услышала безобразный голос:

...дети твои остались запертыми в том круге. В центре этого круга — твои дети. Для тебя важно не то, где они, а живы ли. Пока они живы. Живы. Пока. Но перед ними стоит большое испытание.

Большое испытание.

Зухра всю ночь не могла уснуть. Лишь начало светать, она встала, облегченно вздохнула, посмотрела вокруг и на цыпочках пошла к двери. Потянулась было к ручке, но остановилась, сделала несколько шагов в сторону кровати Фатимы и опять остановилась.

— Решила узнать, как там? Ладно, оставь дверь открытой: все равно не могу спать.

— Схожу, посмотрю, — раздался виноватый голос, — как бы чего не натворил.

Стараясь не шуметь, она открыла дверь. Через некоторое время слышались ее шаги в коридоре.

Когда она вышла, и Фатима встала со своего места. Всю ночь она бредила, видела какие-то непонятные сны. Нельзя было точно сказать, были это ее дневные мысли или она просто бредила. Чтобы избавиться от этих мыслей, нужно было что-то делать. Фатима застелила постель, поставила чай, помылась. Чай вскипел, вернулась и Зухра.

— Разлегся у двери. Не смогла разбудить, — сказала она. — Возьму детей и пойду, он с утра не буянит.

— Малышей не буди. Пусть спят спокойно. Сегодня мне никуда идти не нужно.

— Поспят... Я их будить не буду, — улыбнулась Зухра, поднимая старшего сына. — Маленький мой, пойдем, пойдем к себе...

Сын, конечно, ее не слышал: он продолжал спокойно спать.

Отнеся старшего в комнату, Зухра вернулась за младшим и, поблагодарив старушку, ушла к себе наверх. После ее ухода комната совсем опустела. Фатима по-прежнему никуда не собиралась. Но, желая освободиться от этой пустоты, решила пойти куда-нибудь.

Только куда? Пойти просить милостыню — это не способ избавления от тревожных мыслей. А больше ей идти было некуда. *(Жила бы в деревне, могла бы зайти к соседям. А здесь куда пойдешь. Нет... Город хотя и большой, а пойти некуда.)* Вот в этот момент она и вспомнила старушку Хадичу. Неплохо бы пойти к ней и попытаться еще раз все прояснить. Но она говорила, что болеет. Нехорошо беспокоить больного человека.

...твои дети остались в том круге. В центре этого круга твои дети. Тебе важно знать не где они, а живы ли. Пока они живы. Живы. Пока. Но им предстоят большие испытания. Большие испытания.

Опять эти слова не давали ей покоя. Фатима постаралась понять их смысл. В каком круге? Какое большое испытание стоит перед ними? И вдруг она уловила главное. *Твои дети.* Это слово не отпускало ее, притягивало к себе все ее мысли. *Твои дети.* Кто же они

«твои дети»? Это Радик с Айгуль?

Наверное, они... Но старуха восприняла это немного по-другому. *В центре круга — твои дети.* Ей показалось странным, что это сказано только о Радике с Айгуль. *Твои дети.* Следовательно, дети Фатимы. Значит, все они остались внутри какого-то невидимого круга.

Что за круг? Когда она представила себя духом Хатмуллы, не тот ли круг она видела? Это кольцо потом превратилось в остров. Маленький остров посреди большой воды.

Это Фатима восприняла, как какое-то большое открытие. Вопрос идти или не идти был решен. Нечего чувствовать себя неловко. Надо пойти и спросить. И остальные мои дети в том кольце? Это остров?

Что это за остров? Без ответа на эти три вопроса душа ее не успокоится.

Вспомнив о чем-то, Фатима окинула взглядом комнату. Она хотела что-то найти. Но тотчас забыла, что искала, и вспомнить уже не смогла. Пыталась вспомнить, но, махнув на это рукой, начала собираться.

Взявшись за ручку двери, вдруг остановилась. Немного постояла, подумав, пошарила в карманах. (Ах ты, черт, деньги ведь забыла взять.) Вернулась обратно и достала из-под кровати чемодан. Открыла его и сосчитала десятки, завернутые в платочек. Взяла половину и положила в карман камзола, который она не снимала ни летом, ни зимой. Хотела положить платочек снова в чемодан, но передумала и взяла с собой. Чемодан запихнула обратно под кровать. (*Возьму все. Кто знает, что может быть. Без запаса ведь не живу, слава Богу.*) Дойдя до двери, опять оглядела комнату и взялась за ручку.

Старик вахтер распивал чай. Увидев Фатиму, он вздрогнул. А потом, желая скрыть смущение, попытался улыбнуться.

— Куда собралась в такую рань, — спросил он, — рано ведь еще?

Фатима посмотрела в окно, действительно, было еще очень рано.

Но автобусы, наверное, уже ходят. Даже если нет, долго ждать не придется.

— Надо бы сходить в одно место, — сказала Фатима. — Если кто-нибудь будет меня спрашивать, пусть подождут.

— Хорошо, Фатима, так и скажу.

Оба хорошо знали, что никто ее спрашивать не будет. Поэтому и говорили об этом, шутя. Хотя это было даже не разговором, а вниманием двух пожилых людей друг к другу.

Хотя пешеходов и не было видно, зато машинами улицы уже успели наполниться. Ей пришлось немало подождать, чтобы перейти на другую сторону улицы. В Казани Фатиме не нравится то, что улицы здесь узкие и кажется, что машины лезут одна на другую. Да и водители мчатся, готовые раздавить каждого, кто окажется на их пути.

Если бы в их руках были все права, они бы другим житья не дали.

Только выйдя на улицу, она вспомнила, что искала в комнате. На случай, если пригодится, она сделала ксерокопию бумаги, которая пришла на имя Радика. Она хотела посмотреть именно ее: нет ли там названия острова. Даже если нет, все равно там должен быть какой-то адрес. Если возникнет необходимость, не трудно будет их найти.

И на остановке людей не было. Обычно по утрам здесь было очень многолюдно. Все спешили на работу. Если подходил нужный автобус, толкая друг друга, устремлялись к дверям. Никому не было ни до кого дела. Только не болтайся под ногами. Но стоило им попасться на пути или затаскивали с собой в автобус, или могли даже растоптать. Обычно так оно и было. Но сегодня тихо. Было еще очень рано. Рано.

Фатима, не отрывая глаз, смотрела на проезжающие машины:

она искала похожую на машину человека в черной куртке. Одни походили по внешнему виду, но цвет был другой, другие и по цвету вроде подходили, но что-то все равно было не то. В конце-концов она сама запуталась в том, какую машину искала. И все же ей хотелось найти того человека и поговорить с ним. С момента той встречи у нее произошли неожиданные изменения. Человек в черной куртке был каким-то загадочным. Ей захотелось узнать секреты этого человека.

Фатиме казалось, что все, что происходит с ней, связано именно с ним.

Старушке казалось, что она стоит на остановке уже долгое время. Но людей все еще не было видно. Неужели она вышла так рано?! Неожиданно в голову ей пришла одна мысль. Старуха даже подпрыгнула от радости. Она быстро опустила руку в карман. Да, денег у нее достаточно! Так в чем же дело?! Фатима поближе подошла к дороге и подняла руку. В тот же момент около нее остановился легковой автомобиль.

— Куда едешь, бабушка?

Старушка назвала адрес.

— Хорошо, садитесь, — сказал шофер, улыбаясь, — деньги-то есть?

— Подожди, а сколько ты просишь?

— Сто пятьдесят.

— Ой, сыночек, у меня таких денег нет.

— А сколько есть?

— На сто согласен?

— Хорошо, садись.

— Ой, спасибо тебе, — от всей души обрадовалась старушка. У нее, конечно, денег было достаточно. Но хотелось сыграть на том, что водитель был татарин, он не мог не сделать скидку старушке своей национальности. Так было и на базаре и в других местах.

— Пусть Всевышний увидит твое добро, сыночек, пусть доведется тебе жить, радуя семью и своих детей.

— Что так рано собралась в путь? — сказал шофер, как бы отвечая на ее благодарность. — Не выгнали же тебя, наверное?

— Нет, — хотя вопрос и был задан шутливо, старушка ответила серьезно. — Дети уехали, что-то сердце мое беспокойно, всю ночь кошмары снились. Поэтому собралась к гадалке, может, успокоит.

— Значит, едете к бабушке Хадиче...

— И ты ее знаешь?!

— В прошлом году у нее лечили маму. Совсем ходить не могла, а сейчас, как бы не сглазить. Рука у бабушки Хадичи легкая.

Слышать эти слова водителя Фатиме было очень приятно. Даже пожалела, что не согласилась дать ему 150 рублей. Хорошо, благое дело сделать никогда не поздно, даст, когда будет выходить.

Но ей не пришлось этого делать.

— Когда пойдете к бабушке Хадиче, передайте, пожалуйста, ей этот конверт. Давно сам собирался, да все никак не выходит.

— Так давайте зайдем вместе.

— Нет, неудобно, еще слишком рано. Отдайте ей, пожалуйста, сами.

Фатима взяла конверт и начала доставать свои деньги.

— Нет-нет, деньги не возьму, — воспротивился водитель, — прочитаете лучше молитву.

Спасибо. До свидания.

И он уехал. Фатима же осталась, отправляя ему вслед слова благодарности. Вот ведь какие есть люди на земле! День, начавшийся так рано, даст Бог, будет неплохим.

В то же время старушке было немного грустно. Водитель был ровесником ее Халиля. Какой хороший человек! Ей было немного досадно, что такой человек не ее сын. Почему это не мой сын? Почему мой сын не такой хороший человек? У мамы были больны суставы.

Лечили у бабушки Хадичи. А ее сыновья не понятно где. Не то что заболеть, а даже если умрешь, некому будет бросить на могилку горсть земли. И от Радика толку мало. Эх, прошло время.

Вот и сейчас

(У мамы были больны суставы. Лечили у бабушки Хадичи.)

в машине этого человека

(не заплатив ни копейки!)

она приехала к Хадиче, чтобы узнать о судьбе своих детей...

И она однажды осталась без ног... Был ясный зимний день.

Фатима вышла покормить скотину. И вдруг в сарае, споткнувшись обо что-то, упала, да так сильно, что не смогла сразу встать. А когда сделала попытку, ее пронзила жгучая боль. Она невольно вскрикнула и опять упала. «Ой-ой-ой, — простонала Фатима, потирая обеими руками правую ногу, — что случилось с моей ногой?» Она осмотрелась вокруг, желая увидеть, обо что могла споткнуться. «Споткнулась, наверное, о болезнь,»- подумала старушка. Встав на четвереньки, она опять попыталась подняться. Боль не проходила, но все же Фатима удержалась, не упала. Немного передохнула. Остаться здесь было нельзя. Хоть на четвереньках, но надо идти домой. Она опять постаралась передвинуться хоть немного, но, забывшись, уперлась о правую ногу. Сильная боль вновь отбросила ее на землю. На какое-то время она даже потеряла сознание. *Не дай Бог, кто — нибудь увидит. Подумают, что я пьяная лежу...* Но старуха не нашла в себе сил, чтобы сдвинуться с места. Земля была холодная. При ее безысходном положении и мир показался неприглядным. Холод проник во все клеточки ее тела. *Вот так можно и умереть.* Но старушка не нашла сил сдвинуться с места. К горлу подступил комок. *Вот так совершенно одна... В сарае... Среди навоза...* Нет, умирать здесь она не собиралась. *Здесь умирать нельзя. Если мать умрет в сарае, как ее сыновья покажутся людям на глаза?! Не дай Бог! Надо обязательно добраться до дома.* С такими мыслями Фатима еще раз встала на четвереньки. Стараясь не опираться на правую ногу, передвинула сначала руки, потом левую ногу. Она была уже не молода. Такое передвижение отнимало ее последние силы. К тому же, каждое движение вызывало боль в ноге, которая волной доходила до самого сердца. Старуха вспотела, пока доползла до дверей сарая. Выйдя во двор, огляделась, нет ли кого. Попыталась даже позвать на помощь:

«Эй, кто-нибудь! Помогите! Я повредила ногу!» В ответ — гробовая тишина. Обессиленная она опустила голову и замолчала. *Никто не слышит и не видит...* Ком опять подступил к горлу. Из глаз брызнули слезы. Но душевная боль была сильнее физической. И она опять попыталась поползти вперед. *Черт! Даже варежки ведь не одела.* Увидев

посиневшие, словно лапки у голубя, руки, вздрогнула всем телом. *Так нельзя стоять. Можно отморозить руки.* Она прошла еще некоторое расстояние и, не выдержав боли в руках, остановилась. Боль не утихала. Фатима, желая согреть руки, поднесла их ко рту и, потеряв равновесие, упала лицом в снег. Холодный жесткий снег поцарапал ее лицо. Оставшаяся внизу левая нога нестерпимо болела.

— Дьяволы! И что вы меня так мучаете! — сказала она, обращаясь непонятно к кому. — Вы же не звери, вы люди. Если бы вы были нормальными, разве я бы так мучилась... Я же вас... Я же...

Ее слова перешли в слезы. Вся ее душевная боль водопадом хлынула наружу. Она плакала навзрыд. В ожесточении сдвинулась с места. Желая победить огонь в груди и холод, охвативший все ее тело, она поползла вперед.

Когда среди ночи очнулась на полу, Фатима не знала, как она попала в дом. Это она не смогла вспомнить и потом. Она помнила только, что прошла муки ада.

Три дня она лежала без ног. К тому же подхватила простуду.

Три дня не могла ничего себе приготовить. Даже в туалет с трудом ходила только у порога. Даже сейчас, когда она вспоминает об этом, ее охватывает дрожь. Три дня Фатима молилась, чтобы Хатмулла пришел и забрал ее к себе в потусторонний мир. В эти дни ей казалось, что нет большего счастья, чем смерть. Однажды в дверь постучались.

«Хатмулла вернулся! — промелькнула мысль в ее голове. — Слава Богу.

Хатмулла вернулся!» Но в тот же момент поняла, что ошибается:

Хатмулла не стал бы стучаться.

— Заходите, дети, заходи! — прокричала она, но голос был очень тихим. — Заходите, дети мои.

Ее вроде услышали. Дверь открылась. Доползшая до середины Фатима смутилась, что не успела чем-нибудь закрыть тазик у порога.

Но, увидев, кто пришел, засияла от радости.

— Вернулся, сынок! — вскрикнула она и, бросившись ему под ноги, бессильными руками охватила их, и начала плакать:

— Сыночек, как ты изменился... Сколько лет я ждала тебя..

Иногда даже сомневалась, жив ли... Сыночек! Родной... Вот приболела немного...

Вошедший не спешил ее обнять. Он тихонько присел на корточки возле нее и погладил ее по волосам. Потом медленно приподнял ее голову. Фатима сквозь слезы улыбнулась сыну.

Чем больше она смотрела, тем больше видела, как изменился он.

Вдруг улыбка застыла на ее лице. Она поморгала глазами. Ее охватил страх.

— Не уходи, — взмолилась она, — не уходи, сынок.

— Не уйду, Фатима апа, — погладил ее по голове вошедший, — никуда не уйду... Только ты успокойся, ладно.

— Фатима апа, — прошептала старуха, как бы взвешивая услышанное, — Фатима апа...

И постепенно она узнала в вошедшем соседа Рамзиля. Это был не ее сын. Фатима потеряла сознание. Затем, когда около месяца лежала в больнице, она всегда во сне видела этот эпизод. Она обнимает ноги сына и, плача от радости, просит: «Не уходи, сынок!

Никуда не уходи, дай наглядеться на тебя», а потом поднимает голову и видит соседа Рамзиля.

Хадича, наверное, еще спит. Ей было неудобно, что она беспокоит больного человека так рано. Дойдя до двери подъезда, немного постояла. Может, пойти, где-нибудь пройтись! Но Фатима не знала, куда можно было бы пойти. Да к тому же и желание узнать о судьбе детей было велико. Она тихонько вошла внутрь. Как только старушка вошла в подъезд, ее охватила какая-то необычная пустота.

Она даже сжалась вся. Больше чем пустота ее смутила темнота в подъезде. «Будто спускаешься в погреб», — пробормотала старушка. Но эти слова были сказаны лишь для того, чтобы не произнести те, что пришли ей в голову: «Будто в могилу опускаешься». Ей казалось, что из этой холодной темноты вот-вот выскочит какой-то страшный зверь (Ангел смерти в облике зверя). Стараясь не смотреть по сторонам, она стала быстро подниматься по лестнице. Дойдя до пролета второго этажа, поскользнулась об использованный презерватив, лежащий на полу.

— Черт бы тебя побрал...

Фатима не стала сокрушаться о том, какая она современная молодежь. Не первый день жила она в городе и всего уже насмотрелась. Отбросив ногой то, что мешало ей идти, она продолжила свой путь.

Только дойдя до нужной ей двери, немного успокоилась. Во всяком случае, у нее пропал страх. Хотя дыхание было все еще учащенным. Оно не хотело подчиняться ей. Слышно было, и как сильно бьется сердце. Перед глазамиплыли различные круги.

Опершись о перила, Фатима перевела дыхание.

Немного придя в себя, она посмотрела на дверь. Хотела позвонить, но увидела, что дверь открыта. Взялась уже за ручку двери, но решила сначала постучать. Потом осторожно приоткрыла дверь.

Послышались чьи-то шаркающие шаги.

— Как поживаешь, Хади...

Фатима остановилась в оцепенении, ее встречала совершенно другая женщина.

— Здравствуйте, Фатима ханум, — сказала та, грустно улыбнувшись, — проходите, Хадича абыстай вас давно ждет.

После таких слов Фатима еще больше растерялась. Даже не смогла поздороваться. Она была вынуждена пойти за встретившей ее женщиной. В доме было еще несколько старушек. Они сидели вокруг лежащей на кровати Хадичи. Кто в руках держал старую книгу, кто платочек. У той, что сидела поближе, в руках была чашка. Видно она время от времени поила чем-то Хадичу. Фатима поздоровалась со всеми кивком головы. Старушки, незаметно кивнув ей, пересели от Хадичи подальше. Фатима, не зная, что и подумать, застыла у порога.

Женщина, которая ее встретила, обернулась к ней.

— Подойдите поближе, Фатима ханум, — сказала она приветливо, — Хадича вас давно уже ждет.

Фатима приблизилась к гадалке.

— Как дела, Хадича, — сказала она, не зная, как себя вести, — приболела что ли?

Хадича ничего не ответила.

— Вот один человек велел тебе передать. Отдам, пока не забыла, — старуха протянула Хадиче конверт, но та даже не шелохнулась.

Удивившись, Фатима положила конверт на грудь гадалки. — Ты вылечила его мать от болезни. Он очень благодарен тебе.

Хадича ничего не отвечала. Она даже не шелохнулась. Вдруг Фатиме показалось, что она разговаривает с покойницей. И желая удостовериться в этом, уставилась на старушку. Конечно, та не была мертва. Но искорки жизни остались только в ее глазах. Вдруг она сделала резкое движение и шершавыми пальцами схватила руку Фатимы. От неожиданности у старухи душа ушла в пятки. Она даже подскочила на месте. Но от тепла, распространившегося от пальцев к рукам и затем по всему телу, быстро успокоилась и даже на какое-то мгновение вроде размякла. Через мгновение старухи, кровать, на которой лежала Хадича, и все вокруг погрузилось в какой-то туман и исчезло. Они каким-то образом перешли в совершенно другое измерение. В этом измерении не было ни болезней, ни старости.

Вокруг только разноцветные блики, которые составляли один большой луч.

— Я ждала тебя, — сказала Хадича, — конечно, я хотела, чтобы ты пришла пораньше. Но теперь уже поздно. Приближаются мои последние минуты. Молчи!

Пожелавшая было что-то сказать, Фатима резко остановилась и застыла в оцепенении. Тишина, казалось, длилась вечно.

— Приближаются мои последние минуты, — повторила Хадича снова. — Твоим детям грозит опасность. Тебе нужно очень торопиться.

Ты должна их предупредить... Я оставляю тебе часть своей силы.

Прощай.

Фатима хотела что-то сказать, но не успела. Неожиданно будто бы сверкнули вместе тысячи молний и отбросили ее куда-то. Все ее тело обжег огонь. Старухе показалось, что она проходит через узкую трубу. Ее одновременно с какой-то беспощадной силой и сжимали, и растягивали. Это страшное мучение закончилось так же неожиданно, как и началось. Мучения закончились быстро, но вот жизнь в прежнее русло вошла не сразу. Реальность, укутанная в какой-то густой туман, заблудившись, еще какое-то время бродила где-то вдалеке.

Постепенно через густой туман начал проникать жидкий слабый луч света, затем послышался шум. Но, даже вернувшись в реальность, Фатима не сразу пришла в себя и вспомнила, что с ней произошло.

Стоило ей открыть глаза, как ее ослепили солнечные лучи. Перед глазами промелькнули голубые облака. Желая скрыться от солнечных лучей, она подняла голову и увидела спину человека в белом халате.

Только тогда старушка вроде поняла, где находится. Кто-то (конечно, это были санитары!) нес ее куда-то (конечно, в морг!). Черт возьми!

Откуда приходят такие мысли в голову! Ее же на «скорой помощи» привезли в больницу. Скорая помощь...

Она не знала, как попала сюда, откуда ее привезли. Возможно, упала, когда просила милостыню. Дневная жара не на пользу старому человеку. Она ничего не помнила. Только в ушах стояли слова Хадичи: «Твоим детям угрожает опасность. Тебе нужно торопиться!» Фатима хорошо помнила, что это был именно голос Хадичи.

Твои дети в опасности...

А у тебя есть дети? Конечно, есть. Кто они? Фатима постаралась вспомнить их. Но никого представить не смогла. Она видела только завернутых в одеяло грудных детей. Все

они были на одно лицо. Через некоторое время попыталась представить их подростками. Хотя голоса у детей и огрубели, но лица были по — младенчески наивны.

Постепенно вспомнила и их лица. Но никто из них не был ее сыном.

Фатима уже старуха и у нее не могут быть сыновья-подростки. Это были не ее дети. Тогда где же ее сыновья? А были ли у нее они?

Может, и не были...

Дынк-дынк-дынк-дон!..

Опять послышался тот же звук.

...дети твои заперты в том круге. Внутри этого круга — твои дети. Тебе важно, не то, где они, а живы ли. Пока они живы. Живы. Пока. Но они перед большим испытанием...

Дынк-дынк-дынк-дон!..

Твоим детям угрожает опасность. Тебе нужно торопиться...

Торопиться!!!

Неожиданно Фатима села. Врачи, несшие носилки, не ожидали этого. У них чуть сердце не ушло в пятки, когда они увидели, как почти умершая старуха поднялась и села. Но выдавшие и не такое за время своей практики люди в белых халатах не закричали от страха и не бросились прочь, оставив ее одну. Они сумели быстро взять себя в руки. Соскочившую было с носилок Фатиму, один схватил за локоть.

— Бабушка, не бойтесь, мы врачи.

Фатима остановилась, с ног до головы осмотрела врача.

— Сынок, я сознание потеряла да?

— Да, бабушка, Вы потеряли сознание, если это можно так назвать.

— Сынок, я уже пришла в себя. Отпустите меня.

— Бабулечка, мы никак не можем тебя отпустить, — вмешался в разговор тот, что помоложе, — вдруг упадешь на улице.

— Я, дети мои, очень тороплюсь. Мне нужно уйти.

— Бабушка, мы бы охотно тебя отпустили, но нельзя, — мужчина в белом халате думал, как же успокоить старушку, — нас выгонят с работы.

— Скажете, что я ушла сама.

Глядя на приходящую в себя старушку, оба улыбнулись.

— Что будем делать?

— Не знаю, — молодой пожал плечами, — бабушка до дома-то хоть доберешься?

— Доберусь, сынок, доберусь.

— Ну, тогда распишитесь вот на этой бумаге. «Ушла по своей воле, за последствия отвечаю сама».

— Где, сынок, давайте быстрее... — Если честно, Фатима пока не настолько спешила. Она еще и сама не знала, куда ей надо идти. А торопилась она оттого, что боялась: врачи могут передумать. Она расписалась в бумаге, протянутой ей врачами, и поспешила удалиться.

— Спасибо, сыночки, пусть ваши ноги-руки никогда не знают болезни.

— Вот тебе на, — сказал молодой, прищелкнув языком, — только пятнадцать минут назад была трупом, а тут побежала, как молодая.

— Хмм, — пожилой мужчина не нашел, что сказать, — да-аа...

Время, когда все спешили на работу, только-только прошло. На остановке стоят всего четыре-пять человек. Ждать пришлось все-таки долго. Автобусы, которые до этого ездили один за другим, когда народу стало меньше, вроде тоже остановились на отдых.

Подходя к остановке, Фатима почувствовала в себе что-то странное. Перед ее глазами то что-то мелькало, то исчезало. Сначала она думала, что это результат того, что она теряла сознание. *(Скоро пройдет.)* Но постепенно она начала бояться. *(Не кончается, а только, наоборот, усиливается. Зря не показалась врачам. Хорошо, если опять не упаду на улице.)* Сейчас у нее не только стояли какие-то тени перед глазами, но и в ушах слышался шепот людей. *(Может, место это оказалось проклятым?)* Фатима отошла немного в сторону. Но прежнее состояние не проходило. «Вся территория вроде оказалась такой», — подумала было она и решила пойти пешком, но тут подошел автобус.

Когда садилась в автобус, странное состояние куда-то на время исчезло. *(Возможно, место, действительно было проклятым. В этом вся причина.)* Но стоило ей сесть на свободное место, как опять перед глазами замелькали тени. Фатима не на шутку испугалась. Как бы что-нибудь у нее не повредилось. Ей все слышались какие-то странные звуки. Но она постаралась не поддаваться этому состоянию. *(Все, на наш взгляд, взаимосвязано. Все то, что мы не видим или не желаем видеть, теряет значение, исчезает.)* Эту мысль она где-то слышала. Может, поэтому решила схватиться за нее и все свое внимание сосредоточить на одной точке, но не нашла на чем бы могла остановить свой взгляд. Все, что она видела на улице, не стоило ее внимания. К тому же, сидя в автобусе, невозможно сосредоточить внимание на чем-то одном, что происходит на улице. Только стоит сосредоточиться, как этот объект остается далеко позади. А внутри автобуса она не нашла на ком или на чем можно бы было остановить свой взор. Не зная, что делать, она стала смотреть на пустующие сиденья. И действительно, через некоторое время танцующие перед глазами блики куда-то исчезли. Она видела перед собой только мягкие сиденья, покрытые коричневой кожей. Даже заметила муху, что бродила по трубе на спинке сиденья. А ведь глаза у Фатимы были не настолько зоркими. Этому старуха только обрадовалась. Значит, я еще в своем уме. Если она может управлять своими мыслями, значит, о расстройстве рассудка говорить еще рано.

От пристального разглядывания сиденья у нее устали глаза и даже показались слезы на кончиках ресниц. Но старуха не осмелилась отвести глаза в сторону. Ей казалось, что стоит немного дать поблажку, и блики опять запрыгают перед глазами. Глаза очень устали, казалось, что на них повесили гири. Фатима не заметила, как прикрыла их. Казалось, что лишь на одну минутку. Но на самом деле было совсем не так. На сиденья, что напротив, уже сели две девушки лет семнадцати.

Фатима только взглянула на них и сразу отвела взгляд в сторону.

Но не слышать, что они говорят, она не могла. Она была вынуждена слушать их разговор.

— Прикинь, что он вчера сказал мне?!

— Кто, Виталик что ли?

— Нет, Антон. Виталика я с той ночи не видела...

— А как мы тогда жару дали, а! *(Прикинь, на 5 пацанов две девчонки. Каждой дырке по одному пацану.)* В жизни так не угощалась... Что сказал-то вчера?

— Кто?

— Антон.

— Какой Антон?

— Так сама же начала рассказывать...

— А-а-а... Говорит, мобилу подарю. Приколись.

— За что?

— Ну, понятно за что. Но я дура что ли?! У него денег даже на пиво нет, а тут мобила...

Эти слова по сравнению со звуками, что слышались раньше, были намного хуже и неприятнее. Но старушка не знала, как от них избавиться. Не зная, что делать, она уставилась в подбородок коротко стриженного мужчины. На одно мгновение ей показалось, что где-то включили и выключили радио. Старушка не успела этому обрадоваться, как услышала:

— Та-ак... Двадцать тысяч истрачу на тряпки... Сейчас в ходу купальники... Если закажу купальников на 20 тысяч, за какое время интересно сумею их все пристроить? А, может, и не нужно столько?

Хотя, если раздать по всем точкам, это работы всего-то на три дня.

Если с этого возьму сорок тысяч... Та-ак... Оттуда буду иметь пятьдесят. Блин... Все равно не хватает... И чего я сел в этот автобус, слишком медленно идет. Надо на следующей остановке сойти и пересест в такси. Пусть в автобусе ездят эти бараны. Сука! Едь же быстрее... Опять светофор увидел... Та-ак... Где найти мне за две недели полтора миллиона...

Старуха сначала не могла понять, откуда доносятся эти слова.

Только тогда, когда тот мужчина встал и стал продвигаться к выходу, а слова стали слышаться хуже, поняла, что она читает его мысли. Она испугалась еще больше. Улица полна народу. Если мысли каждого будут вот так входить в ее сознание, что тогда делать? Не зная, что делать, она опять уставилась на сиденье и чуть не вскрикнула: там не было тех девушек. В поисках их она посмотрела вокруг. Не нашла.

Автобус пока нигде не останавливался еще. А тех двух девушек и след простыл.

Она даже окаменела от страха. Желая, чтобы исчез и мужчина, она поморгала глазами, покивала головой, но мужчина стоял себе спокойно и держался за поручень. Он никуда не исчез. А девушек не было. От страха показалось, что все тело ее обледело. Холод проник до самого сердца. Показалось даже, что волосы у нее встали дыбом. Полными от страха глазами она посмотрела на кондуктора.

Кондуктор была настоящей. Она заметила ее до входа в автобус.

— Что уставилась, падаль? — сказала кондуктор, — денег что ли нет? Умирать уже время подошло, а все ходите чего-то, не сидится вам дома. Ладно, как бы сердце не схватило... Пенсионная книжка, надеюсь, с собой? Хотя, если б она у тебя была, ты бы разве боялась так... Ладно уж, езжай, пусть это будет мое доброе дело... Падаль.

Рот кондуктора не открывался. Фатима еще какое-то время молча смотрела на нее, а потом то ли впопад, то ли невпопад сказала:

— Я не падаль. И деньги у меня есть, на.

Кондуктор вскрикнула от страха, но тут же закрыла рот рукой.

— На, — Фатима протянула ей деньги, — и никогда больше не думай плохо о старых людях.

Но кондуктору было уже не до денег. Как собака поджавшая хвост, она, оглядываясь на

старуху, поспешила в сторону водителя.

К тому времени автобус уже подошел к остановке. Мужчина спрыгнул, как только открылись двери. Через некоторое время в те же двери вошли те две девушки и сели напротив Фатимы. Это было неожиданным для нее. Не желая верить своим глазам, старуха прикрыла их. Но, думая, что даже это не поможет ей, закрыла лицо руками. Встряхнула головой. Это было не к добру. Фатима, повторив молитвы, которые знала, хотела было прогнать порчу, которая была на нее напущена. Но не вспомнила ни одной молитвы. Да и до этого она не очень отличалась своей религиозностью. Но, считая, что пожилому человеку стыдно не знать молитвы, выучила некоторые из них. Но сейчас не могла вспомнить ни одной. Руки, прижатые к лицу в желании освободиться от кошмаров жизни, устали. Отяжелели веки. И она была вынуждена опустить руки и открыть глаза. Она хотела увидеть напротив себя пустые сиденья. Но этого не случилось.

Напротив сидели все те же две девушки. Фатима только взглянула на них и отвела взгляд в сторону. Но она не могла не слышать их разговор:

— Прикинь, что он сказал мне вчера?!

— Кто, Виталик что ли?

— Нет, Антон... Виталика я с той ночи не видела...

Это было страшное явление. Старуха от страха даже собралась закричать, но голоса не было. У нее даже рот не открылся. Со стороны даже казалось, что она сидит совсем без движения. Но в душе Фатимы бушевал ураган. И самым страшным для нее было то, что ей казалось, будто она сходит с ума. *Боже мой, не хватало мне того, что пережила до сих пор, оказывается, предстоит еще бродить по улицам, потеряв рассудок.* Но эта же мысль вернула ее в реальность. *Если я теряю рассудок, то откуда у меня такие мысли?! Значит, я не лишаюсь ума. Не лишаюсь. Но чем объяснить то, что происходит со мной. Эх, была бы хоть Хадича... Старушка Хадича... Хадича... Хадича...*

Вспомнив о Хадиче, она немного успокоилась и была уже в состоянии давать оценку своим действиям. Нет, конечно, она не сходит с ума. Она идет к себе домой. В общежитие. Она ездила к Хадиче. Зачем она к ней ездила? На этот вопрос она не могла дать ответ. А что там произошло? Ведь она зачем-то ходила к Хадиче? Там что-то произошло, и она попала в больницу. Старуха Хадича.

Больница. Неожиданно она все очень ясно представила. Да, она не сходит с ума. Это совсем не то. Это сила, оставленная Хадичой. Сила предсказательницы. Хадича же резко схватила ее за руку и сказала: *«Тебе нужно спешить...Предупредить их... Я оставляю тебе часть своей силы... Прощай...»* Она оставила свою силу Фатиме. Но кого она просила предупредить? Да, теперь все понятно. Ей нужно спешить.

Фатима поняла все. Теперь у нее не было провалов памяти. Но стоило ей это понять, как прежнее состояние куда-то исчезло. Перед глазами уже не скакали различные блики. В ушах не было шума, не слышно было звуков. Она даже попыталась прочесть мысли сидящей перед ней девушки. Но у нее ничего не получилось. Она опять превратилась в нормального человека. Фатима, конечно, обрадовалась этому. Но в душе была и какая-то жалость. Эх, почему не узнала о своих детях?! Хадича ведь сказала, что даст только часть своей силы.

Повторится это еще раз или нет?! Если бы попыталась представить их, смогла бы ведь, наверное. Эх...

Сойдя с автобуса, она попыталась вернуть прежнее состояние и представить прошлое или будущее людей. Но у нее ничего не получилось. Но ладно, что бы там ни было, поездка к Хадиче не прошла впустую. Она узнала, что ее детям угрожает опасность и что их надо предупредить. Сейчас она должна тронуться в путь в поисках их. Хорошо, что сделала копию письма. Там должен быть адрес. По этому адресу она и тронется в путь. Стоило ей приободриться, подумав об этом, как одна мысль заставила ее остановиться. Путь скорее всего дальний и потребуются немало денег, а у нее запасов немного. Поэтому она почему-то вспомнила Зухру. Она похожа на хорошую, должна помочь. Если не будет у себя, хоть займет у кого-нибудь. Зухра должна помочь.

Стоило ей подумать это, как она увидела знакомое лицо и, улыбнувшись, поспешила ей навстречу. Но та и думать не думала про Фатиму. Разглядывая дома, она прошла мимо нее. Это очень рассердило старушку. А она еще надеялась на эту непутевую, к обеду забывающую о том, что случилось утром. Если бы знала, что так будет, вчера бы дверь не открывала. Старуха очень обиделась. Она не смогла пройти молча:

— Смотри ты какая! — сказала она, стараясь вложить в свой голос всю обиду. — Готова пройти, раздавив человека... Собьешь и не посмотришь.

Женщина резко остановилась и стала искать, кто это сказал.

Увидев старуху, виновато улыбнулась и пошла ей навстречу:

— Апа, пожалуйста, извините... Замоталась я совсем, не заметила... Ради бога, извините. Я не хотела Вас обидеть.

— Что опять пьет?

— Нет...

— Если и сейчас будет пить, совести у него не будет... Что же тогда ищешь так?

— Апа, извините, Вы...

— Что ты вдруг такой культурной стала?! То раздавить готова, а то разговариваешь как человек интеллигентный... Не заболела ли?

— Нет, апа, Вы меня с кем-то путаете...

Фатима еще раз взглянула на Зухру. Это было уже слишком.

Неужели ей слышится и видится непонятно что. Вот даже Зухра говорит ей, что она ее с кем-то путает. Нет больше терпения. Все вокруг сошли с ума... Фатима решила резко ответить Зухре, но вдруг бросила взгляд на ее глаза: там не было синяка, а у Зухры под глазом он был. К тому же у этой в руках была дорожная сумка. Черт побери!

В этот раз она, действительно, запуталась сама. Ты смотри, как похожи.

— Вы знаете мою сестру Зухру?!

Фатима осталась в замешательстве. Она ничего не сказала, только кивнула в знак согласия.

— Я же ищу их дом!

— А я живу в этом доме, — сказала Фатима шутливо, — а ты меня чуть не раздавила.

— Извините уж...

— Не беда... Я думала, что это Зухра и потому рассердилась. А ты, оказывается, дом ищешь. — И радуясь своей сметливости, добавила. — И дома, дочка, надо искать, глядя на людей.

— Вы с моей сестрой живете в одном доме?

— Да, иди за мной. — Фатима пошла в сторону общежития. — Я бабушка Фатима, а тебя как зовут? — Ляйля, — улыбнулась женщина, — мы с Зухрой двойняшки. Она родилась на несколько минут раньше меня. Мы давно с ней не встречались...

— Сейчас родные нечасто встречаются, — сказала Фатима, как бы укоряя, — что творится с народом...

— Нет, мы переписываемся. Только вот в последнее время...

Когда я переехала в деревню, стали видаться реже.

— Ты живешь в деревне? — Она произнесла это так, как будто хотела спросить: «Ты из какой деревни, не из наших ли краев?» — Живу, — Ляйля грустно улыбнулась. — Я поехала в деревню учительницей... А теперь что?! Школу закрыли, любимый человек уехал в город...

— Ты, наверное, за ним приехала? — из других уст этот вопрос показался бы грубостью, но старуха произнесла его как-то ласково, как бы оправдывая ее поступок, — Наверное, тобой движет любовь.

— Нет, он совсем в другом городе. В Уфе. Он уже сожительствует с другой. А я... В деревне стало неинтересно. Вот приехала в надежде устроиться где-нибудь здесь.

— Устроишься еще. И работа, и жилье найдутся. Казань — большой город.

Фатиме очень понравилось, как открыто говорит Ляйля. Она хотела сказать ей что-нибудь окрыляющее. Но не смогла ничего добавить. Вскоре они дошли до общежития.

— Спасибо вам, Фатима апа, — сказала Ляйля. — Вы знаете, где я остановилась, возникнет необходимость, скажите, я с удовольствием помогу.

— Тебе, дочка, спасибо за добрые слова, — улыбнулась старушка и назвала свою комнату. — Зухра может быть на работе. Если дверь будет закрыта, не мучайся, спускайся ко мне. Запомнила номер комнаты?

Войдя в комнату и увидев на столе чайник, она вспомнила про голод и поставила чай. *(У старости то хорошо, что насытиться можешь и чашкой чая.)* Тут же вытащила из-под кровати чемодан и стала доставать припрятанный платочек. Здесь должно быть около тысячи. Этого, конечно, не хватит. Где найти деньги? У кого можно занять? Старушке, просящей милостыню на улице, вряд ли кто даст.

Даже если деньги будут, не дадут. Фатима и сама бы так поступила.

Вся надежда на Зухру. А ее дома, наверное, нет... А это женщина...

Как интересно Ляйля? Если приехала в город устраиваться на работу, то, наверное, какие-то деньги у нее есть. Вот даст или не даст, это неизвестно. А где еще можно взять? Черт побери!

Фатима, взяв платочек, тихонько поднялась. Она положила его в карман камзола и вдруг рука наткнулась на что-то. Почувствовав, что это бумага, она быстро вытащила его и не поверила своим глазам, увидев вчетверо сложенный конверт. Это был конверт, который передал таксист для Хадичи. Но ведь Фатима передала его. Именно этот конверт и протянула она Хадиче. Она положила его на грудь предсказательницы, так как та не подавала признаков жизни. А если так, то как он попал обратно к ней в карман? Может, кто-

нибудь из старушек положил? Без разрешения Хадичи никто не посмел бы это сделать. Хотя, кто знает... Фатима же потеряла сознание. В такое время голова не у всех работает. Может, Хадича сама велела. Ну и что, что ничего не говорила. Она же сумела объяснить Фатиме, что хотела сказать. Кто может сказать, что читающая чужие мысли не может довести до других свои?! Она ведь предсказательница!

Что бы там ни было, конверт был в ее руках. А что в этом конверте, Фатима почувствовала всем своим нутром. В этом конверте была благодарность таксиста Хадиче, за то, что она спасла его мать. А спасибо в наши дни измеряется деньгами. Во всяком случае, работоспособный народ думает именно так. Другое, имеет ли Фатима право открыть этот конверт?

Конечно, она должна отнести его обратно Хадиче. Возможно, ее уже нет в живых. Фатиме казалось, что она точно знает это. Она верила этому, но... Но Фатима не смогла открыть конверт. Это же не то, что она добыла в поте лица. Это то, что было дано другому человеку. Потом не понятно, то ли там деньги, то ли еще что. Фатима сама только подумала, что там деньги. Подумала и сама же поверила в это. Нет, надо еще раз сходить к Хадиче домой. Без этого никак.

Нельзя.

Но ей не пришлось выйти из дома. Стоило ей собраться к гадалке, как к ней вернулось прежнее состояние. С краю глаза что-то мелькнуло. Фатима повернулась в ту сторону и увидела кровать и Хадичу на ней. Гадалка схватила кого-то за руку и замерла так.

Неожиданно старушка, стоящая возле нее, покачнулась и упала.

Старушки, что находились тут же, на какое-то мгновение замерли, а потом все наклонились над ней. Рука Хадичи заскользила по кровати и дотронулась до чьего-то плеча. Вскоре она обессиленная соскользнула вниз. Почувствовавшая на своих плечах руку гадалки женщина встала.

Она взяла конверт, вопросительно посмотрела на больную и, сложив его вчетверо, положила в карман Фатимы. Неожиданно связь прервалась. Фатима почувствовала себя так, будто летит над бездной.

Но через мгновение картина той квартиры снова встала перед глазами.

Но картина там была уже другая. Все примолкли. Казалось, что здесь остановилось время. Только сидящий у изголовья Хадичи мулла своим приятным голосом читал какую-то молитву. «Он читает отходную молитву, — подумала Фатима, — читает отходную...» Душу его пронзила безысходная тоска утраты. До этого она еще в душе надеялась, что Хадича еще жива и как-то поможет ей. У нее еще была хоть какая-то надежда. Сейчас она погасла. Она погасла вместе с Хадичой. Гадалка, которая была надеждой людей... Сейчас Фатима осталась одна. Сейчас ей не на кого надеяться. Сейчас она сама должна быть чьей-то надеждой. Всю ее охватила печаль. Но вскоре эта печаль растворилась, и ей снова послышался голос: «Тебе надо спешить. Твоим детям угрожает опасность». Остался только туман в глазах и этот голос в ушах.

Даже когда она вернулась в прежнее состояние, горечь утраты еще не угасла в ней. Одновременно ее охватило и чувство радости. В ее душе было и безграничное, ничем не объяснимое чувство радости.

— Спасибо тебе, Хадича! — повторила она. — Спасибо, Хадича!

Спасибо тебе, Хатмулла (Хатмулла. А тебе зачем?) Спасибо вам, спасибо! Пусть место ваше будет в раю!

Даже вернувшись в прежнее состояние, Фатима еще не могла понять, за что она благодарила Хатмуллу. Но долго она над этим голову не ломала, вспомнив о своих детях, огорчилась, что не узнала об их состоянии. Но это огорчение не было тяжелым. Всему свое время. Сейчас нужно собираться в дорогу. Она бросила взгляд на конверт, что был у нее в руках. Она его уже открыла. Увидев в конверте две большие купюры, она очень обрадовалась. Сейчас она не нуждалась в деньгах. *(Спасибо тебе, Хадича. Большое спасибо.)* Двадцать тысяч для нее были вполне достаточны.

Вдруг, услышав громкий звук, она вздрогнула, оказалось, что чайник вскипел. Фатима выключила плиту и, желая заварить чай, подошла к шкафу. Быстро-быстро стала перебирать полки. Копию приглашения к Радику она ведь положила именно сюда. Никто не должен был взять. Сюда никто кроме нее не подходил.

Она разворотила все, но бумагу не нашла. Ее никто не должен был трогать, да и не мог тронуть. Кроме Зухры к ней никто не заходил.

Но и она не подходила близко к шкафу. Значит, никто не трогал.

Может, Фатима положила ее в другое место. Нет, она помнит это, как сейчас. Она никуда не могла ее положить, только сюда вместе с другими документами. Вместе с другими документами... Может, Радик взял. С похмелья, не разобравшись, захватил, наверное, и копию. Так могло быть. Так оно, наверное, и было. Уходя из дома, он еще раз проверил, не осталось ли чего. Тогда и взял.

Она потеряла всякую надежду, что найдет бумагу. Но и это не могло остановить ее. Она четко помнила, что на конверте было написано «Петербург». Вот только, какое море находится около него, она не знала. Какие интересно острова находятся в каких морях?

Может, они, собравшись в Петербурге, поехали в другом направлении.

Что ни говори, но, сидя в Казани, ответ на эти вопросы найти невозможно. Дело надо начинать с этого, с Ленинграда. И надо торопиться. Выпить чаю и в путь.

В дверь постучали.

— Входите, открыто, — сказала Фатима, наливая себе вторую чашку. Она примерно знала, кто к ней пришел. Зухра пока, наверное, на работе. — Ляйля, дочка, это ты?

— Это я Фатима апа, комната закрыта. Немного подождала и решила вот к Вам зайти. Вы никуда не собираетесь уходить?

Неожиданно в голову старушки пришла мысль. Она пришла и ушла, но ей этого хватило. Фатима бросила на Ляйлю испытывающий взгляд.

— Что случилось, Фатима апа?

— Ничего не случилось. Я просто собиралась в дорогу... Нет, ты пришла вовремя... Наоборот. Ты ведь приехала, чтобы здесь устроиться на работу.

— Да.

— У тебя же нет готового места, не ждут же тебя с такого-то числа?

— Нет, конечно. А что у Вас есть какое-то предложение?

— Нет, дочка, у меня нет работы, я хотела тебе другое предложить. — Какое-то время Фатима молчала. — Я собираюсь в дорогу. Я же уже стара. Может, ты, дочка, составишь мне компанию?

— Куда Вы собрались?

— Э-э-э... Пока точно не знаю, но сначала в Ленинград. А потом, куда глаза глядят. Было бы очень хорошо, если бы ты составила мне компанию. Если все хорошо сложится, в долгу не останусь.

Ляйля на мгновение замерла. Естественно, она не ждала такого предложения. Для двадцатипятилетней женщины (*Девушки, черт возьми! Девушки! В двадцать пять лет и женщина?! Она же еще не замужем! И детей у нее нет!*) Для 25-летней девушки сопровождать в путешествии какую-то старуху — не из приятных. Да и сама Фатима на ее месте не сразу бы согласилась.

— Дочка, я бы не стала предлагать человеку, которого вижу впервые. Но это очень важно для меня. Если есть возможность, пожалуйста, не отказывайся. Твое добро вернется к тебе сторицей.

Ляйля не ответила. Она, наверное, уже сожалела, что зашла сюда. Ладно, согласится или нет — ее дело. Она не будет больше ее уговаривать. Но Фатима ничего плохого не сделала. Предложить надо было.

— Если тебя это утруждает, то я, дочка, беру свои слова обратно.

Человеку, у которого свои планы, дорога может быть каждая минута.

— Когда Вы собираетесь отправиться?

— Садись-ка поближе, Ляйля. Стол у меня, конечно, не очень богат.... Но летом и чай придает сил. Садись поближе.

— Спасибо, апа. — Ляйля подсела к столу, — очень хочется пить.

Очень хорошо. Спасибо.

В комнате установилась тишина. Слышно было только, как прихлебывали чай.

— Когда думаете в дорогу, Фатима апа?

— Сегодня.

— Что?

— Надо отправляться сегодня, сейчас. Мои дети могут оказаться в тяжелом положении. Я должна их предупредить.

Свои слова Фатиме показались глупостью, сумасшествием пожилого человека. Она ведь не знает, где ее дети и какая опасность им угрожает. Этому нет никаких доказательств. Нельзя же человека убедить словами: «Так сказала лежащая на одре смерти Хадича».

Этому не поверит никто. А, может, она и не права? Но как объяснить двадцать тысяч, что положены ей в карман? Как объяснить, что у нее оплачены все долги за общежитие? Страх кондуктора в автобусе? Все это невозможно ни понять, ни объяснить, поэтому для простого смертного это непонятное явление. Конечно, и Ляйля ей не поверит.

Зря она заговорила о своих детях. Если рассказать обо всем, Ляйля примет ее за сумасшедшую.

— Надолго?

— Что?

— В Ленинграде пробудете долго?

— Не знаю...

Опять замолчали. Для Фатимы теперь было уже все равно. В душе она была уже готова к отказу Ляйли.

— Хорошо, — сказала Ляйля, ставя чашку на стол, — в Петербург так в Петербург!

— Что? — Фатима не поверила своим ушам. — Ты согласна?!

— Съездим, посмотрим.

4. Остров

У Андрея Николаевича не было настроения. В другое время он дал бы волю чувствам, но сейчас старался сдерживать свои эмоции. Не желая, чтобы слышали другие, возмущался шепотом. Нет, он не выражался. Просто злость в голосе доводила Ольгу.

— Давай, начнем сначала, — сказал он, сердито остановив жену, желающую оправдаться. — Ты закричала от страха. Через некоторое время все вышли из своих комнат, так?

— Да.

— Из какой комнаты вышли первыми, кто?

— Как кто? Первой вышла дочка того алкаша из самой крайней комнаты. Вышла и замерла.

— Дочь алкаша?

— Да, от страха она закричала.

— Дальше?

— После этого вышли остальные. Я тогда дошла уже до лестницы. Быстро побежала на второй этаж.

— Дальше?

— Что дальше да дальше?! Я все сделала правильно.

— Где же тогда мешок? Почему мы его не нашли?

— Не знаю...

— А кто должен знать?!

— Ты! — Ольга уже начала раздражаться. — Ты должен был знать.

Ты ведь знаток всяких трюков. Значит, не морочь мне голову и все сам выясни.

— Ладно, успокойся, — Андрей Николаевич сказал это не то себе, не то Ольге, — успокойся, шуметь нельзя.

— Раз нельзя, не шуми и не действуй человеку на нервы.

— Хватит!

— Нет, не хватит! Если все хорошо, ты молодец. А если что не так, виновата я.

Андрей Николаевич не ответил, он немного разбирался в женской психологии.

— Больше я с тобой никуда не поеду...

— Извини, Ольга...

— Извини, как говорил тот деревенский мальчишка... «В городе, оказывается, очень хорошо, толкнешь человека и извинишься, толкнешь и извинишься. И тебя извиняют!» Ты тоже становишься таким...

— Ты уж прости меня. Мы ведь чуть дело не сорвали, — сказал Андрей Николаевич.

— Ничего мы не испортили... — казалось, что Ольга нарочно противоречит ему. — Все идет, как задумали. Ты на теплоходе должен был уже вызвать страх. Ты его вызвал. Даже призрак восприняли как реальность и даже некоторые его приняли за богиню Кали. Теперь никто не сомневается, что на этом острове творится что-то невероятное. Для предстоящего мы заготовили очень хорошую основу.

А потеря мешка — пустяк. Все идет очень хорошо!

Андрей Николаевич задумался.

С одной стороны Ольга была права. Пока действительно нет поводов для лишнего беспокойства. Все идет по плану. Но вот сегодня вышло не по их нему. Но и это вроде незначительное отступление. Но это только на первый взгляд. В их работе нет больших и малых ошибок. Даже маленькая оплошность может привести к большим несчастьям.

— Ты спустилась по лестнице, — как можно мягче сказал Андрей Николаевич, — ты никого не встретила?

— Нет, не обратила внимания.

— Почему не обратила внимания?

— Не почему. Я сама была напугана.

Андрей Николаевич на мгновение замолчал. Ольгу спрашивать о чем-то было бесполезно. Она уже все сказала, что могла. Теперь расспросы мужа вызывали у нее только раздражение. Ну и что?! Как будто его не раздражают ее ответы?! Мужчина улыбнулся. А если так, значит обязательно нужно остановиться. Но остановиться он не смог.

— Ты все сделала правильно, — сказал он, — но почему мы его не нашли?

Послышался злой вздох Ольги. Сейчас она опять скажет какую-нибудь глупость. Андрей Николаевич успел ее опередить.

— Ты что думаешь по этому поводу?

— Ах, ты Боже мой! — Готовой сорваться женщине хватило и этих слов. Она забыла про свою злость. Оказывается, Андрей Николаевич совсем не собирался действовать ей на нервы, он просто хотел спросить у нее совета. Разве можно в такой момент обижаться...

— Не знаю, — ее голос был ровным и спокойным. — Значит, когда началась суматоха в коридоре, кто-то поднялся на второй этаж до нас.

Андрей Николаевич удовлетворенно улыбнулся. Ольга, естественно, этого не видела, но очень хорошо почувствовала. Андрей Николаевич был доволен ее ответом.

— Кто?

— Ну... — Ольга какое-то время стояла, задумавшись. — Не знаю...

Когда мы спустились того алкаша не было со всеми. Дочь сказала, что он ушел в комнату. А когда поднимались, я не обратила внимание...

— Когда мы поднимались на второй этаж, его в коридоре тоже не было.

— Там, естественно, не было и американцев.

— Они не в счет. — Андрей Николаевич обнял Ольгу за плечи. — Следовательно, человеком, осмотревшим второй этаж до нас, может быть Роман.

— Именно, так.

— Если он, действительно, как говорит его дочь, не ушел в свою комнату?

— И сейчас он должен быть в своей комнате.

— Может, пойдешь и проверишь? Что только не может попросить женщина у женщины...

— Подожди, — Ольга чуть не вскрикнула, — а почему «спустился»?

Возможно, он еще и не спускался? Может, он спрятался там?

— Тогда, — Андрей Николаевич шагнул к двери, — мне нужно сходить и посмотреть еще раз...

Но, дойдя до двери, он остановился. «Тсс!»- прошептал он.

Замерев на месте, они стали прислушиваться. Разошедшийся по комнатам народ еще не

успокоился. Из открытых дверей слышались разговоры о только что прошедших событиях. Но Андрей Николаевич прислушивался совершенно к другим звукам. Среди разговоров слышались чьи-то еле слышимые шаги. Андрей Николаевич стал наблюдать, вытянув голову из-за двери. Глаза его уже привыкли к темноте. Он увидел на другом конце коридора четкое очертание человека с мешком в руке. Чтобы не шуметь, силуэт, сняв обувь, держал ее в руках. Дойдя до своей комнаты, желая убедиться, что никого нет, осмотрелся по сторонам и только после этого потянулся к двери.

Андрей Николаевич снова прошел в глубь комнаты. Ольга осталась стоять на пороге. Найти темный мешок в темном коридоре — дело нелегкое даже человеку, знающему о его существовании. А Роман нашел. Здесь одно из двух: или случайность, или ошибка Ольги.

Андрей Николаевич не очень верил в случайности. Поэтому он больше склонялся ко второму варианту. Он все четко представил себе. Одета в костюм призрака Ольга, вызвав у всех суматоху, поднялась на второй этаж. Ей нужно было быстро переодеться, спрятать костюм в мешок и, спрятав его, быстро смешаться с еще не отошедшими от страха людьми. И Ольга все сделала так, как надо, никто не заметил, как она спустилась со второго этажа. Но мешок с костюмом призрака она прячет не так, как следовало бы. А Роман? Почему он решил подняться на второй этаж? Почему, когда все предалися страху, он один не склонил головы? И это, вроде бы, можно было объяснить. Он мучился с похмелья. Видимо в пути выпил немало. Поэтому и поссорился с дочерью. Поэтому, чтобы обелить себя в глазах дочери, он готов на любые поступки. Призрак то первой заметила его дочь.

Эта загадка для Андрея Николаевича была уже разгадана.

— Ты винишь меня? — прошептала Ольга.

— Нет, дорогая, ты все сделала правильно.

— Нет... Я сделала неправильно. Я забыла завязать мешок. А дойдя до середины лестницы, увидела, что он свалился. Один конец костюма высунулся из мешка и блестел, словно светлый луч. Но я испугалась вернуться обратно. Мне показалось, что испуганные люди подумают, что я призрак и убьют меня.

Андрей Николаевич обнял ее.

— Ты никогда, дорогая, не забывай одного: в нашем деле грех — не совершить ошибку, а ее скрыть. Про мешок ты мне должна была сказать сразу, как только спустилась. — Андрей Николаевич прижал к себе жену. — Ладно, все уже прошло. Мы постараемся что-нибудь придумать. С тобой.

— Я боюсь... — прошептала Ольга. — Эти люди как-то стали мне близки. А мы должны обречь их на горе.

— Ты не думай про это. Каждый из них достоин страдания.

Сейчас главное: Роман. Он, должно быть, слышал наш разговор. Во всяком случае, он хорошо знает, что приключение с призраком — это наших рук дело. Чтобы ты сделала, если бы была на его месте?

— А Леона все не видать... — сказала Лена, поворачивая разговор в другое русло. — Где его носит, когда все в страхе из-за этого призрака...

Хамит улыбнулся, но ничего не сказал.

— Наверное, около девушек, — сказала Ляйсан, сокрушаясь о том, что не находится сейчас рядом с Робертом. — Где ему еще быть!

— Из-за этой русской, как бы к призраку не попал.

— Влюбленных призраки не трогают, — улыбнулся Хамит. — Вернется еще.

И вдруг он замер. Лена напомнила сказанные когда-то его матерью слова. Опять эта «русская». А Лаис... Что ему среди татарочек девушек мало, обязательно повторять судьбу отца? Ладно, пусть только голову не теряет. Опять послышался голос матери: «В деревне двенадцать человек женились на русских, ты будешь тринадцатым...» Перед глазами промелькнул и образ Анны. Она чем-то напоминала девушку, которой увлекся Лаис...

— Эта девушка не русская, — сказала Ляйсан, как будто открыла что-то новое, — она настоящая татарка.

— Что?! — обрадовано закричал Хамит, — что ты сказала?

Лена удивленно посмотрела на него и ничего не сказала.

— Айгуль — татарочка, — повторила Ляйсан.

— Наверное, и так... — у Лены вдруг резко изменилось настроение, — всем ведь не хватит американцев.

— И Роберт — татарин, — сказала Ляйсан, совершенно не обижаясь на колкости матери, — татар много, на всех хватает.

Хамит громко засмеялся. Он был благодарен Ляйсан. Его смех обидел Лену.

— Хватит, — повысила она голос, — не впадайте в ребячество.

Никогда не мог быть настоящим отцом. У хороших людей при отцах дочери не говорят о парнях.

Хамит обнял жену.

— Пусть говорят, дорогая... Это же потому, что они нас любят...

Лена еще немного противилась, но потом сильнее прижалась к мужу.

— Зря мы выехали из дома, — сказала она, желая оправдаться, — ничего хорошего из этого не вышло.

— Все еще будет хорошо, — постарался успокоить ее Хамит, — обещают ведь райский остров.

— Жизнь проходит в ожидании обещанного, — Лена грустно улыбнулась, — лучше дома надо было остаться.

— Да и здесь же интересно... — Ляйсан попыталась сказать еще что-то, но, испугавшись, что начнут говорить о Роберте, замолчала.

— А тот призрак мне показался с множеством рук... А если это действительно призрак того Кали, богини... А Лаиса до сих пор нет...

— Они, наверное, где-нибудь здесь, — Хамит сильнее прижал к себе жену. — Если пойти позвать, сразу вернутся.

— Позвать? — спросила Ляйсан. Она немного завидовала счастьем матери.

— Нет, не торопись, — сказал Хамит и, как бы предчувствуя вопрос жены, добавил — сам зайдет. Не будем торопить. Прошло совсем немного времени.

— Почему в таком месте должен быть призрак, — как бы сама себе сказала Лена. — Узнать бы историю острова. А может, сходим к Андрею Николаевичу? Он ведь все знает.

— Это заброшенный остров, — Хамит постарался ее успокоить. — Место, куда редко ступала нога человека. В таком месте человеку померещиться может многое. К тому же всю дорогу говорили о страшном...

— Ты что? — Лена вышла из объятий мужа, — считаешь, что призрака совсем не было и нам все только показалось?

— Может быть и так, — Хамит постарался скрыть свою улыбку — Его же видели все...

— А я не видела, — сказала Ляйсан, — я испугалась только возбужденного состояния людей.

— И я не видел, — Хамит попытался улыбнуться, — Я вышел только на твой крик. В это время никакого призрака не было.

— А я видела, — Лена сама старалась поверить своим словам. — Я видела. Призрак был. Это был призрак женщины. От всего ее тела вокруг излучался свет.

— Может, ее видела ты одна...

Ляйсан фыркнула.

— Что смеешься... — Лена повернулась к Ляйсан, — ты думаешь, я говорю неправду? А может, думаешь, что я сошла с ума...

— Нет, — Хамит поспешил успокоить ее, — Призрак видели и другие. Мы ведь слышали крики в коридоре. Ты первой бросилась туда. И через некоторое время вскрикнула от страха. Его видели, но не все.

На какое-то время воцарилась тишина.

— Призрак никому не сделал зла, — сказала Лена через некоторое время. — Он только показался. Как будто хотел, чтобы знали о его существовании. Если призрак показывается на глаза людей, значит, он хочет что-то сказать, предупредить о чем-то. Если бы было не так, он бы совсем не показывался. А что хотел сказать этот призрак? Не хотел же он сказать: «На втором этаже живу я, не ходите туда». А может, он хотел, чтобы мы поднялись на второй этаж? Может, когда-то что-то случилось на втором этаже, и призрак захотел нам об этом сказать.

— Ладно, не будем забивать головы пустяками, — сказал Хамит и тут же пожалел, что раскрыл рот.

— Почему пустяками? У нас двое детей и мы должны прожить здесь до рассвета. А если теплоход не придет вовремя, то и больше.

— Все будет, Лена, в порядке...

— Не будет, если мы не поймем, зачем приходил призрак, что ему нужно было, ничто не будет в порядке.

— Вся надежда на тебя, — сказал приятным голосом Хамит. — Я кроме азбуки ничего не читал.

Ляйсан засмеялась.

— А сам, ругая, заставлял читать меня. Говорил, что в начальных классах даже «тройки» у тебя не было.

— Я, действительно, никогда не получал «тройки», — улыбнулся Хамит, — мне всегда ставили «два». Шучу. Но ты должна учиться лучше меня. Дети должны жить лучше нас. Если будет не так, теряется смысл жизни. Если, например, ты не состоишься, значит, наша с матерью жизнь прошла впустую.

— Хорошо-хорошо, папа, мы постараемся, чтобы она у вас не прошла впустую.

— Это очень красивый остров, — продолжила размышлять вслух Лена. — Она вроде совсем не слышала разговор отца и дочери. — На этом острове кто-то построил красивый дом. Но по каким-то причинам был вынужден его покинуть. Такое место и такой дом просто так не бросают. Что-то здесь произошло. Случилось что-то страшное. И призрак хочет нам

рассказать об этом.

— Может быть и не так, — возразил ей Хамит, — Чтобы построить дом на этом острове, и чтобы приезжать сюда, нужны немалые деньги.

Следовательно, человек, построивший его, был очень богатым. В свое время он любил отдыхать здесь один и с друзьями. Но однажды он обеднел. Деньги по каким-то причинам улетучились, и у него не стало возможности приезжать сюда. Может быть и так.

— Но он мог продать этот остров какому-нибудь богатому другу, — сказала Лена, как будто ожидающая именно этих слов мужа. — Это не могло бы принести ему большие деньги.

— Может быть и по-другому, — Хамит не собирался сдаваться. — Хозяин дома состарился и умер. А детям этот остров совсем не нужен... Могли бы и продать, но денег и так хватает. Приезжать сюда у них ни времени, ни желания нет. Вот так постепенно про остров забывают, и он приходит в запущенное состояние.

— Может быть и так. Но призрак? Как ты объяснишь его?

— Испокон веков говорили, что в заброшенных домах водятся призраки. И не обязательно, чтобы произошло что-то, чтобы он завелся в этом доме. Даже в нашей деревне, в доме старушки Гайши говорили, что водятся души. После ее смерти дом пять лет стоял без хозяина. На протяжении пяти лет туда не ступала нога человеческая. А ночью в окна иногда появлялся свет. И это продолжалось даже тогда, когда отключили электричество. Гайша была верующей. Никто не помнит, чтобы в ее доме было кровопролитие или какое-то другое несчастье. Поэтому нельзя считать, что на этом острове произошло что-то страшное. Для появления призрака не обязательно, чтобы произошла трагедия.

— Может и так, — улыбнулась Лена, — но, однако, духов в том доме никто не видел, не так ли?

— Но говорили, что были очевидцы...

— Это только разговоры. Один вид сплетни. И у него нет ничего общего с данным случаем. Я читала. Призраки появляются только в тех местах, где произошла трагедия. Даже не совсем так. Они появляются только там, где произошел очень страшный случай, который долгие года не сходит с уст людей. Эта трагедия с годами превращается в незабываемую легенду. Его передают из поколения в поколение. Энергетика образов участников этой трагедии пополняется из года в год. И человек, попавший в это место, потеряв душевное спокойствие, может увидеть их.

— А на местах быстро забытых трагедий призраков не бывает?

— Нет, призрак — это энергетический образ прошлого.

— Только прошлого?

— Не знаю. Говорят же, если человеку изо дня в день говорить, что он сумасшедший, он действительно может сойти с ума. Так, если ты всю жизнь мечтаешь построить красивый дом, он может начать мерещиться тебе. Или его могут начать видеть другие, например, я. И не только это, ты действительно можешь построить этот дом.

— Построить дом? — улыбнулся Хамит.

— Нет, дом я взяла только для примера. — Лена не поняла его шутки. — Допустим, ты на кого-то очень обижен. Ты никак не можешь простить этого человека, хотя и хочешь это сделать. Умом прощаешь, но в душе хочешь отомстить. И это продолжается не один год. Ты сам про это и не думаешь. Но подсознание требует наказания этого человека. Тебе даже начинает видеться это наказание. С годами это видение может привести к появлению

призрака. И этот призрак накажет того человека. Ты, естественно, про это и знать ничего не будешь.

— Я не совсем понял, — сказал Хамит. — Так, если я на тебя обиделся и захотел тебя избить, моя обида превратится в призрак и избьет тебя?

— Именно так. Каждая человеческая мысль, каждое желание — это энергия. Если она долгое время накапливается где-то взаперти, то может настать такой момент, когда она вырвется наружу, и будет жить самостоятельно.

— Как это?

— Представь шину, камеру автомобиля. Ты наполняешь ее воздухом. Воздух — это энергия. А ты не останавливаешься, продолжаешь качать камеру, и в один момент она взрывается.

Энергия, которая находилась внутри, выходит на свободу, она уже никому не подчиняется.

— Она выходит наружу и испаряется...

— Да, воздух испаряется. Но вместо этого воздуха ты представь себе энергию, нацеленную на что-то. Думай, что каждая молекула, каждый атом этого воздуха нацелен в одном направлении. В этом случае он не рассеивается, а начинает действовать с какой-то безудержной силой.

— Послушай, Лена, — сказал Хамит, улыбаясь, — а ты сама-то веришь в это?

— Здесь не важно, верю ли я в это. Так написано в книге. А написано это в результате основательных экспериментов. Даже если мы ни во что не поверим, ничто не изменится.

— Но бывают призраки и с добрыми намерениями. Например, сообщающие о том, что корова отелилась... — Хамит неожиданно вздрогнул. Он представил тот случай в сарае. Где интересно сейчас Ляйля? После того, как она спуталась с местными мужиками, говорят, она на другой же день уехала из деревни. Но он не стал углубляться в эти воспоминания. Лена не заметила произошедшие в нем перемены.

Она была углублена в свои мысли.

— Бывают и добрые призраки, но и они не возникают на пустом месте. И они показываются на глаза с целью предупредить о чем-то страшном. Следовательно, если появился призрак, тебя ожидает что-то неприятное. Мы должны выяснить, что нужно этому призраку.

Ляйсан, обычно, на знания матери смотрела с усмешкой. Но в этот раз все восприняла основательно. Знания матери вызвали у нее уважение и страх. Если все, что говорила она, правда, то тут не над чем смеяться. А Лаис...

— Что-то Лаис до сих пор не возвращается, — промолвила она. — Прошло ведь уже немало времени.

— Пойду, посмотрю, — сказал Хамит, — наверное, он недалеко.

— Нет, Хамит, — сказала Лена, — я сама позову его. Если появится призрак, постараюсь узнать цель его появления. А вы подождите меня здесь.

— Но...

— Если что-нибудь произойдет, я крикну, — улыбнулась Лена. — Будь начеку.

Анна приложила к голове мужа полотенце, смоченное в холодной воде, и села около него.

— Все еще болит? Эх, этот призрак... — промолвила она, не зная, что сказать. — Если бы его не было...

— Нет, — прервал ее Михаил, — вина не только в призраке... Даже призрак тут вообще не при чем. Дело в самом острове. Я почувствовал это, как только мы ступили на остров.

— Что?

— Да, этот остров таит в себе что-то. Он нас не любит... Он хочет, чтобы мы уехали отсюда...

— Дорогой, — Анна погладила мужа по голове, — может, еще лекарства выпьешь?

— Я же уже выпил...

— Снотворного, возможно, тогда успокоишься и поспишь немного...

— Анна! Ты думаешь, что я начал сходить с ума?!

— Нет, дорогой, нет.

— Не поможет никакое лекарство. Посчитай, сколько я его уже выпил. Я давно уже должен был успокоиться, заснуть, забыть про боли.

Анна ничего не ответила. Муж был прав.

— Вот так... Пользы от лекарств не будет... Дело в самом острове. Этот остров нас не любит. Он нас ненавидит, гонит. Мы срочно должны уехать отсюда. Если не уедем, все погибнем.

— Но...

— Нет, дорогая... Хотя ты не веришь мне...

— Верю, дорогой, только ты успокойся...

— Хорошо, — Михаил на какое-то мгновение затих, — хорошо, я спокоен...

— Ты в последнее время резко изменил свою жизнь. Жил в постоянных раздумьях. Тебе, дорогой, надо отдохнуть.

Анна была права. Может, и вправду мозг его перенапрягся.

Михаил постарался взять себя в руки, успокоиться, заснуть. Руки Анны были нежными, они успокаивали. Вскоре мужчина действительно успокоился. Показалось, что все тело размякло. Его раскачивало на приятных волнах. Вокруг свет, волосы ласкает нежный ветер. Над головой белые облака. Поют птицы, листья таинственно шелестят. Хорошо. Вдруг он почувствовал, что ветер усиливается. С усилением ветра усилился и шелест листьев, который затем перешел в сплошной гул. Михаил открыл глаза. Белых облаков над головой уже не было. Все вокруг заполнялось черным туманом. Он заполнил все вокруг и резко спустился на землю. От нее остались только разноцветные круги. Эти круги, постепенно увеличиваясь, приобрели синий цвет и стали большой водой. Вода заполнила все пространство вокруг. Весь мир состоял из одной воды. Неожиданно Михаил посреди этой воды заметил маленький островок. Увидел и обрадовался. Этот остров был ему знаком. Очень знаком. Остров, естественно, был красивым. Красивым... Мало к чему здесь прикасалась рука человека. Поэтому он напоминал молодость Земного шара. Земного шара... Молодость... Когда он был еще мальчишкой... Когда охранял гусят за огородами... Вдруг ему послышался голос матери: «Сынок, кушать готово, иди домой!» Если смотреть издали, остров напоминает полукруг. Кажется, маленький Земной шар потонул в воде, а на поверхности осталась только самая красивая его часть. Часть всего с тюбетейку. Вышитая тюбетейка отца, которую он одевал только тогда, когда шел в гости. *(Мать, пойдй покорми кур.*

Настало время поучить сына уму разуму). И она была зеленого цвета. Необыкновенная красота этого маленького острова оставляет тебя без слов. Представляешь себя не на земле, а как будто перемещаешься из одного космического пространства в другое, открывая новые планеты. От открытой тобой же красоты сам и обогащаешься. Это невозможно ни объяснить, ни понять. Это можно только пережить. Ты переходишь совершенно в другое измерение. В другое измерение. Ты переходишь в новое измерение... Но за тобой тянется шлейф пережитого. Они не новые. Они старого измерения. Тыходишь в новый, светлый мир. А ноги... Ноги грязные... В твои сапоги впитались чьи-то слезы. Кровавые слезы... И ты вот в таких, испачканных кровью сапогах вступаешь в светлую жизнь. Хорошо! Тебе хорошо, а остров вздрогнул. Всем своим существом он старается выбросить тебя обратно. Но у него на это не хватает сил, и он вынужден терпеть. Но терпение его временное, он не успокаивается, не собирается терпеть и дальше, он просто ищет оружие против тебя. И находит... Остров втягивает в себя какую-то силу. Он берет из какого-то источника силу, будто пьет из таинственного родника воду. И превращается в страшное чудовище. Но пока он не показывает тебе свою суть. Он пытается выгнать тебя по-хорошему. Вдруг в центре острова появляется из тумана старушка. Старушка. Она настолько знакома... Он где-то ее видел... Только вот не может вспомнить, кто она.

— Кто ты?

Старуха не отвечает. Михаил спрашивает ее еще раз.

— Ты кто?

— Ангел, — улыбается старуха, прикрывая беззубый рот рукой. — Ты меня знаешь... Попробуй вспомнить. Я не забыла. А ты? И ты не должен забывать... Ты не должен был меня забывать. Ты не должен был меня забывать... Ты не должен был меня забывать...

— Я не знаю тебя, — в страхе кричит Михаил. — Ты кто? Почему не говоришь? Почему я должен тебя знать?

— Подойди-ка поближе, — позвала старуха, глядя на него своими масляными глазами. — Подойди, я скажу тебе, кто я.

Михаил боится. Он не хочет подходить ближе. Но он очень хочет узнать. И он вплотную подходит к старухе.

— Ну, кто же ты?

Старуха неожиданно улыбнулась. Ее губы постепенно растягиваются в улыбке. Растягиваются и не могут остановиться...

Губы доходят до ушей, до плеч... Из широко раскрытого рта видны навозные жуки. Много навозных жуков. Они грызут чье-то сердце.

Мелко-мелко откусывая.

Не торопясь.

Заметив Михаила, останавливаются и поднимают головы. Один даже подмигнул и, заметив страх Михаила, начал громко смеяться.

— Ты кто? — спрашивает его Михаил, — кто ты?

— Я твоя жизнь, — сказал жук и начал смеяться еще безобразнее, к нему присоединяются и остальные. Вокруг раздается только одно:

— Я твоя жизнь!

— Я... Ха-ха-ха!

— Твоя... Ха-ха-ха!

— Жизнь! Ха-ха-ха!

— Уйдите, исчезнете! — кричит Михаил. — У меня с вами нет ничего общего! Уходите! Исчезнете!

Но те не хотят его даже слушать. Они повторяют одно и то же:

— Я- твоя жизнь!

— Я... Ха-ха-ха!

— Твоя! Ха-ха-ха!

— Жизнь! — Ха-ха-ха!

И они бросились на Михаила. Он пытается сбросить их с себя.

Но не успевает. Жуки мгновенно облепили его. От укусов болит душа.

— Михаил, дорогой! — кричит один из жуков. — Успокойся, дорогой, упокойся!

Но мужчина не хочет успокаиваться. Он понимает, стоит ему успокоиться, как жуки его загрызут.

— Упокойся, дорогой! — кто-то бьет его по щеке. Из глаз Михаила посыпались искры. И этот свет помог, жуки начали гореть. Через некоторое время от них осталась лишь одна зола. А голос тот все еще слышится. — Михаил, дорогой, что с тобой?

Михаил открыл глаза. Готовая расплакаться Анна наклонилась над ним.

— Дорогой, ты бредил, — сказала она, — ты очень сильно бредил.

— Нет, дорогая, — Михаил не знал, что сказать, — спасибо тебе.

— Единственный мой, я так тебя люблю...

— И я... — Михаил проснулся до конца. — А как малыш?

— Он спит...

— Я его не разбудил?

— Нет, ты не кричал... Только очень ворочался. Как будто сбрасывал с себя каких-то жуков. Я тебя, дорогой, люблю. На выпей воды.

Михаил залпом выпил воду. Но вдруг его охватило сомнение.

Ему показалось, что на дне стакана он увидел навозного жука... Он, вроде, видел его в начале. Но жажда была сильной. Поэтому не смог сдержаться. Выпил. Сейчас он опять посмотрел на стакан. Он был пуст. Следовательно... Следовательно, он выпил вместе с жуком. В то же мгновение ему показалось, что у него внутри жук шевелится.

Навозный жук щекотал его желудок. Михаилу стало дурно. Он вскочил и, чуть не сбив Анну, бросился в один из углов комнаты. Его рвало. Показалось, что наружу вырвалась вся грязь, что была у него внутри. Рвота не давала ему дышать. На глаза Михаила навернулись слезы, голова кружилась, казалось, что у него выворачивает весь желудок.

Анна попыталась было ему помочь, но чуть не вырвала сама, поэтому отошла и встала неподалеку. Комната пропахла зловонием.

Анна перевязала рот полотенцем. Налила в стакан еще воды.

Многовато лекарств выпил Михаил. Это было результатом того. Со стаканом с водой подошла к мужу.

— Дорогой, выпей воды...

Михаил на мгновение поднял голову и посмотрел. Глаза его окосели. Испугавшись, Анна отпрянула назад и протянула стакан мужу. Михаил взял его, поднес к окну и долго рассматривал на свет.

Не увидел ничего подозрительного. Он выпил. Оставив половину, протер уголки рта водой. Анна протянула ему полотенце. Вроде все прошло. Она уложила Михаила и начала убирать с пола.

Ее несколько тошнило. Ей было неудобно. Казалось, что муж заметит ее состояние и усомнится в ее чувствах. Но чистить рвоту — дело нелегкое.

— Дорогая, — простонал Михаил. — Не мучайся, сейчас немного отдохну и сам почищу. Сам все сделаю, дорогая.

— Ладно, — сказала Анна, — кончаю уже, только ты лежи спокойно, не более больше. Михаил встал и подошел к Анне:

— Давай я сам...

— Нет, дорогой, ложись, тебе нужно лежать.

Михаил хотел было взяться за дело, но покачнулся.

— Иди, дорогой, полежи, — сказала ему Анна с нежностью, — я сейчас приду.

— Спасибо тебе, Анна, — Михаил пошел и лег.

Помыв пол, Анна с ведром пошла в коридор. Вылила ведро в туалет, затем помыла руки, лицо. В это мгновение она совершенно забыла про призрак. По дороге ей никто не встретился, во всяком случае, она ни на что не обратила внимания. Казалось, она даже забыла, где находится. Она думала только о Михаиле. Лишь бы он был здоров, а остальное — пустяк.

Войдя в комнату, сразу посмотрела на кровать, где лежал муж.

Михаил всхлипывал, уткнувшись в подушку. Анна, подойдя к нему, обняла его за плечи. Михаил плакал навзрыд, словно маленький ребенок.

— Что случилось, дорогой?

Михаил не ответил. Через некоторое время он прижал к лицу ладони жены и начал говорить:

— И почему ты не встретила меня раньше? Если бы мы были с тобой, все могло бы быть иначе... Единственная моя...

Единственная...

— И сейчас не поздно, — сказала Анна, стараясь его утешить. — Мы будем самыми счастливыми.

— Нам нужно уехать из этого острова, — сказал Михаил, не в силах удержать своих слез. — Но мы не можем уехать. А остров делает свое. Если не уедем с острова, у нас нет будущего.

— Уедем, дорогой, — сказала Анна, — завтра с рассветом приедет теплоход.

— Приехал бы, но я не верю, дорогая... Не верю, что мы сможем вырваться с этого острова.... Мы останемся здесь навсегда. Эх, почему мы не встретились с тобой пораньше? Если бы были вместе с тобой, все было бы иначе....

— Успокойся, дорогой...

— Нет, Анна, я не могу успокоиться... Ты ведь меня еще не знаешь... Ты не знаешь, кто я... Эх, Анна, Анна...

Он попытался резко встать, но не смог. Остался сидеть. Хотя даже в этом положении его качало, и он был вынужден снова лечь.

Какое-то время он лежал без движения. Затем слабыми руками нашел ладони Анны.

— Дорогой, отдохни...

— Анна, — еле слышно прошептал Михаил, — у меня совершенно нет сил.

— Отдыхай дорогой, и силы появятся.

— Анна нужно выбираться с этого острова. Скажи всем, надо немедленно уходить отсюда.

— Хорошо, дорогой, хорошо...

— Анна... Я... знаю... — Михаил резко замолчал. Он лежал без движения. Казалось, он даже не дышит. Анна, испугавшись, наблюдала за ним, прислушивалась к биению его сердца. Михаил заснул. Женщина еще какое-то время наблюдала за ним. Муж спал, ровно дыша. И Анна успокоилась. Неожиданно зашевелился ребенок, и она пошла к нему...

— Я не могу понять одного, — голос Айгуль уже не дрожал, — зачем им это нужно? Если присмотреться, вроде и не шутники. Себя познакомил, назвавшись Андреем Николаевичем, по отчеству... И вдруг...

Радик только покачал головой:

— Не знаю.

— Если бы это случилось в летнем лагере для детей, я бы даже не удивилась. — Айгуль развязала мешок и опять потянулась к костюму призрака. — Но Андрей Николаевич и Ольга...

— Возможно, и они шутники, — улыбнулся Радик. — Да и на теплоходе, чтобы не скучали, он все сказки рассказывал. Вот и здесь чего придумали. Если бы их не было, мы бы дремали по дороге и здесь тоже, разбежавшись по комнатам, опять бы ушли в сон. А так... Есть о чем потом вспомнить. А Андрей Николаевич — много путешествовал, знает, как провести время.

— Папа, — Айгуль вытащила костюм призрака, — ты, действительно, так думаешь?

Радик не ответил. Он, естественно, не думал так. Он слышал, как ругались Андрей Николаевич и Ольга, когда не нашли мешок на втором этаже. Они, конечно, не кричали. Но даже в их шепоте было столько злости, что можно было высушить корни вербы. А если бы все было шуткой, так бы не ругались. Следовательно, есть какая-то причина в том, что они должны напугать тех, кто прибыл на этот остров. И это не делалось наспех. Если все не продумать заранее, нельзя все сделать так чисто. Взять хотя бы этот костюм, как тщательно он продуман. Даже зная, что это только костюм, чего-то боишься. Кажется, что он сейчас оживет и станет настоящим призраком. Уже на теплоходе Андрей Николаевич рассказывал страшные истории. Следовательно и история про Кали — это подготовка к ночным сегодняшним событиям. Но Радик не захотел пугать дочь этими своими домыслами. А настроение у Айгуль было приподнятое.

Может и мне пройтись в этом одеянии по коридору, — сказала она, накинув на себя это платье, — смотри, как мне идет.

— Хватит, — Радик посмотрел на дочь и испугался, — сними это платье. Может оно какое-то заколдованное.

Айгуль одела платье, застегнула на нем все пуговицы и протянула руки вперед:

— Я призрак, я пришла напугать вас!

Радик и сам не заметил, как отпрянул назад. В этой одежде, казалось, была какая — то устрашающая сила. К тому же и голос Айгуль изменился, стал каким-то холодным.

— Я пришла прогнать вас с этого острова, — прошептала она, этот остров мой.

— Хватит, — повторил Радик, ты меня пугаешь.

Айгуль засмеялась и направилась к двери.

— Я вас так напугаю! Я вас заставлю...

Она шептала это леденящим голосом и вдруг резко остановилась. Дверь комнаты отворилась. В нее вошла какая-то женщина и на мгновение остолбенела.

— Мамочки, — прошептала вошедшая, не веря своим глазам, — Боже ты мой!

И резко закричала. Радик и без того боялся, как бы кто не зашел.

Он тут же пришел в себя и закрыл руками рот испуганной женщины.

— Лена, ради бога, успокойтесь и не кричите, — прошептал он на ухо женщины. — Не надо поднимать шума и пугать других. Я сейчас Вам все объясню.

Испуганная неожиданным поворотом событий Айгуль скинула платье прямо перед глазами этой женщины. От удивления глаза Лены полезли на лоб.

— Когда всех напугал призрак, я поднялся на второй этаж, — сказал Радик, не убирая рук со рта женщины. — И увидел у лестницы высунувшийся из мешка и блестящий этот костюм. Это всего лишь одежда. Вы уже не боитесь?

Женщина кивнула. Радик отпустил ее.

— Значит, нас напугал человек? — сказала Лена. — Значит, призрака нет?

— Во всяком случае, нас напугал не призрак. А женщина, одетая в это платье.

— Кто же она? — Лена подозрительно посмотрела на Айгуль. — Кто нас напугал?

— Ольга.

— Кто?!

— Помнишь, они с Андреем Николаевичем поднялись на второй этаж? Они там искали не призрака, а вот этот костюм.

— А почему я должна вам верить?

— Не знаю, но я говорю правду.

— Я вам не верю, — сказала Лена, направившись к двери, — не верю.

Она потянулась к ручке двери, но вдруг резко остановилась.

Постояла, задумавшись, как бы стараясь что-то вспомнить. Потом посмотрела на Айгуль.

— Постойте, а где мой сын? — сказала она, как бы сама себе, а потом обратилась к Айгуль — Вы разве не вместе были?

— Нет, когда все разошлись по комнатам и он ушел... — Сейчас в смятении осталась Айгуль, — Постойте, а разве Лаис не дома?

— Лаис? — Лена перешла на татарский. — Нет, он не пришел.

Ляйсан сказала, что он с тобой.

— Подождите... — И Радик перешел на татарский язык, — ваш сын... А Айгуль ведь давно уже... Может, он где-то ходит? Хотя где он может ходить?!

— А почему вы не вышли искать его сразу же? — не стараясь скрывать своей злости, сказала Айгуль. — Ведь прошло уже немало времени, как мы расстались.

— Я думала, что он с тобой, — сказала Лена, совершенно не обращая внимания на ее настроение. — Мамы ведь не забирают юношей от девушек.

— Извините... — вздрогнул голос Айгуль, — но где он может ходить?

— Не знаю... — Лена повернулась уже уйти. Неожиданно она остановилась. — А может, он действительно был здесь?

Никто не ответил.

— Нет, — сказал Радик через некоторое время, — сюда он не заходил. Не заходил.

— Его надо искать.

— Может, и не надо, — посмотрела в упор на Айгуль Лена. — Я вам не верю. То призрак, то человек теряется...

Она быстро ушла. С шумом закрывшаяся дверь была воспринята, как приговор Лены. Кратким, сильным, беспощадным.

Даже тишина, установившаяся в комнате после ее ухода, воспринималась, как строгий приговор. «Вы виновны в потере моего сына. Как бы вы не старались оправдаться, я вам не верю», — говорила, казалось, тишина.

Тишина затянулась надолго.

Через некоторое время Айгуль засунула костюм призрака в мешок и бросила его в угол комнаты. Радик выпил воды. Потом распахнул окно. Какое-то время смотрел на улицу. Когда возле уха стали жужжать комары, посмотрел на дверь и закрыл окно. Может, мешок выбросить через окно? Но это не путь избавления. Если Лаис, действительно, потерялся, значит, страшные события только начинаются. Нельзя Айгуль упускать из виду. Вместо Лаиса могла ведь потеряться и его дочь. А может... Может, он просто где-то что-то ищет. И Радик ведь одно время отсутствовал. Неожиданно он вспомнил про американцев. Их не видно с самого вечера. Где они интересно? Может, и они...

— Папа, надо искать Лаиса...

— Да, дочка...

Опять воцарилась тишина. Немного погодя Радик шагнул к двери.

— Ты куда, отец?

— Я сейчас приду, дочка, сейчас приду...

— Я боюсь...

— Не бойся. Я не надолго, схожу, посмотрю американцев.

Только недолго...

С уходом отца в комнате воцарился страх. Показалось, что он охватывает все тело, входит внутрь. Но такое состояние длилось недолго. Айгуль резко пришла в себя и ее тревожила теперь только одна мысль: пропал Лаис! Возможно, конечно, что парень просто где-то задержался. Может быть и так. Но сердце Айгуль не верило в это.

Не увидев Лаиса, она не могла поверить, что он вне опасности. Теперь все страшное осталось позади. Перед мыслью о потере Лаиса они все были ничтожно маленькими.

Девушка шагнула в коридор.

— Лаис не вернулся? — сказала Лена, как только вошла в комнату.

— Его нет около той девушки. По ее словам, они расстались уже давно.

— Тогда где же он?

— Не знаю, я пыталась его позвать... Он не ответил. Потом...

— Ладно, пойду сам посмотрю, — Хамит шагнул к двери. — Наверное, где-нибудь здесь.

— Подожди... Послушай... — Лена встала перед ним. — Я заходила к той девушке. Открыла дверь и обомлела. В комнате находился тот призрак. И знаете что? Призраком оказалась девушка, которой увлекся Лаис.

— Что?!

— Айгуль?..

— Вот эта девушка и стояла в костюме призрака.

— Ничего не понял...

— Мама, ты что говоришь?

— На самом деле не было никакого призрака, и нет. Просто нас кто-то напугал в костюме. Поняли, наконец?! Нас напугал не призрак, а человек. И этот человек находился в комнате, куда я вошла. Это была девушка, которая должна была быть вместе с моим сыном.

Аида... Айгуль... Теперь-то поняли?!

— Как, — Ляйсан не могла поверить своим ушам. — Айгуль никак не могла бы нас напугать, так как она, дрожа, стояла около нас. Ее самую сильно напугал призрак.

— Значит, притворялась...

— Подожди, — Хамит потянул жену к себе за локоть, — успокойся, Лена.

— А я спокойна...

— Ты увидела призрак... Что было потом?

Женщина все объяснила. На время установилась тишина.

— Я верю им, — сказала Ляйсан. — Все могло быть именно так. Но нам надо искать Лаиса.

— Ладно, девочки, подождите меня здесь...

Хамит вышел в коридор.

— Ты думаешь, что нас не Айгуль напугала? — сказала немного погодя Лена. — Если не было призрака, тогда где же Лаис?

— Не знаю, — сказала девушка и шагнула к двери, — я сейчас...

Но не успела она еще дотронуться за ручку двери, как дверь открылась и в проеме показались женские очертания.

— Что напугала? — сказала Айгуль, стараясь скрыть свои чувства, — Лаис не вернулся, Ляйсан?

— Айгуль! Нет, не вернулся, я сейчас собралась к тебе.

— Его надо искать. Как бы он в беду не попал.

— Папа уже пошел...

— Надо искать всем вместе. Надо объединиться. В этом доме есть что-то странное...

— Призрак?

Айгуль не ответила. Она шагнула в коридор и громко позвала:

— Лаис! Ты где? Мы потеряли тебя!

Но парень не отозвался и сам не появился. Но зато стали из комнат выходить люди. Через некоторое время начали загораться факелы. В доме стало немного светлее.

— Что случилось? — спросила запыхавшаяся Анна. — Вы сына потеряли что ли?

— Да...

— Какая-то странная ночь, — сказала Анна, тяжело вздохнув, — и у меня Михаил приболел. Бредит. Говорит, чтобы быстрее уходили с острова, иначе не миновать беды. Вот сейчас ваш сын... Может, он просто где-нибудь заснул?

Вскоре с факелом в руках подошел и Радик.

— Не нашелся ваш сын? — спросил он с тревожным голосом.

— Нет...

— Я сейчас был в комнате американцев... — Радик взял факел поудобнее. — Хэнк спит один, сына его нет.

— Что?! — Ляйсан неожиданно вскрикнула, а потом, смутившись своего голоса, замолчала и побежала в комнату Роберта.

— Что же это?! — сказала Анна.

— Сейчас выясним, — Радик пошел в направлении комнаты Андрея Николаевича. — Андрей Николаевич, Ольга!

Ему никто не ответил. Дверь была открыта. Радик прошел в комнату.

— Роберт, действительно, куда-то исчез, — закричала Ляйсан. — Отец спит, а его нет... Айгуль подойди сюда!

Но она не стала дожидаться Айгуль, сама прибежала к ней.

— Роберта ведь с вечера не было видно. И когда призрак всех напугал, их не было. И вот...

— Андрей Николаевич! — закричал Радик, — Ольга! Вы где?

— Лаис! — послышался голос Хамита со второго этажа, — сынок, Лаис!

— Лаис! — присоединилась к нему и Лена, — Лаис!

— Роберт! Роберт! Лаис! — и Ляйсан не могла молчать. — Лаис!

Роберт! Надо разбудить и отца Роберта...

— Я не смог его разбудить, — сказал снова подошедший к ним Радик. — Он так крепко спит.

— И мой Михаил... — Анна не закончила начатую фразу и побежала в комнату. — Боже мой...

Послышался ее душераздирающий крик:

— Сережа! Маленький мой!..

Все бросились туда.

— Что случилось?

— Маленький!.. — металась Анна, — Маленький мой... Михаил!

Просыпайся Михаил! Наш сын пропал!

Михаил не просыпался. А Анна, словно сумасшедшая, металась из одного угла комнаты в другую. Она беспрерывно повторяла:

— Сынок мой! Маленький! Михаил... Просыпайся... Сыночек мой!..

— Успокойся, Анна, — Лена попыталась ее успокоить, но не могла найти нужных слов, ее самую переполняли чувства и, обняв женщину, она заплакала.

Тяжело было наблюдать эту сцену.

— Не плачьте, — сказал Радик, — давайте попробуем поискать.

Может, они просто пошли на улицу...

— Маленький ребенок? — сказал Хамит, успевший спуститься со второго этажа. — Старшие — это можно еще понять...

— Айгуль, как вы расстались с Лаисом, — спросила Ляйсан. — не заметили ничего странного?

Ей никто не ответил.

— Айгуль, я же тебя спрашиваю, почему не отвечаешь?

Голоса Айгуль не было слышно.

— Айгуль! — закричал Радик, — Дочка!

Никто не отозвался.

— Айгуль!!!

Нет.

Неожиданно с шумом закрылась центральная дверь дома. Все поспешили туда. Бежавший впереди Радик с шумом ударился о дверь и вскрикнул от боли. Но быстро взял себя в руки и начал толкать дверь. Результата не было и он начал толкать ее всем телом. Дверь была закрыта, причем крепко. Не смогли они открыть ее и вместе с Хамитом.

— Окно! — закричала Ляйсан, все устремились туда. Но на улице ничего, на чем можно было остановить взгляд, не было. В это время послышался скрип и дверь, которая до сих пор не поддавалась двум мужикам, сама открылась. Все трое замерли на месте. Первым к двери бросился Радик.

— Айгуль, дочка!

Но он споткнулся обо что-то и, кубарем скатившись с лестницы, затих. Хамит поспешил ему на помощь. Он осторожно переступил порог и так же спустился по лестнице. Поднял догорающий факел, лежащий у порога и пошел в сторону Радика. Радик лежал без движения, но сознания не потерял. Он поднял голову, попытался встать.

— Я поранил только ногу, — прошептал он, — Айгуль не видать?

— Сейчас поищем...

Но он не успел договорить. Кто-то зажал его рот. В дыхательные пути проник неприятный запах. Обессиленный Хамит упал на траву.

Радик не успел понять, что произошло с Хамитом, упавшим на него, как его рот закрыли мокрой тряпкой. Желая освободиться от неприятного запаха, он повернул голову в сторону и потерял сознание.

— Папа, — закричала, оставшаяся стоять на пороге Ляйсан, — папа, вы где?

Ответа не было.

По позвоночнику Ляйсан пробежал холод.

— Папа!

Она сделала шаг, чтобы выйти к отцу, но дверь с шумом захлопнулась. Девушка отпрянула, и некоторое время стояла без движения. Потом попыталась открыть дверь. Но та не поддавалась.

Поняв, что все это бесполезно, она бросилась к окну. Она заметила две тени, уходящие в лес. Один держал факел. Это должны быть отец и Радик абый. Она облегченно вздохнула.

В комнате стоял какой-то тяжелый запах. Кроме того, давящая душу темнота и отчаянный плач женщины, потерявшей ребенка. Лена не могла здесь ни минуты находиться. Но она испугалась оставить Анну одну. Хотя душа ее и рвалась искать сына, но она подумала, что оставить убитую горем женщину-это жестоко. И она постаралась ее успокоить. Есть Хамит, Ляйсан, другие... Они все ищут. Бог даст, найдут. А вот у этой русской никого нет. Муж спит без задних ног.

Как ни старалась Анна его разбудить, так и не нашла. В отчаянии она даже облила его холодной водой.

— Михаил! Есть у тебя сердце или нет?! Вставай! Вставай, твою мать!

Но мужчина даже не шелохнулся. Лена засомневалась, а жив ли он? Не умер ли?! Она незаметно обняла женщину, трясущую мужа, и, отставив ее в сторону, пощупала пульс. Он был жив. Да и дыхание, вроде, ровное. Но почему тогда он не просыпается?

— Анна, не мучай мужа, — сказала она. — Ты же сказала, что он сильно болен... Вот он успокоился и глубоко заснул. Он не в состоянии быстро проснуться.

— Пусть проснется! Где я буду одна искать Сережу?!

— Будем искать вместе. И мой же потерялся.

— Твой, наверное, ушел просто куда-нибудь, — сказала Анна в слезах. — А мой... Сережа ведь еще маленький... Куда он может пойти в темноте?

Лена не смогла ей возразить. Но вдруг в душе появилась надежда. Только бы так и было. Пусть Лаис действительно был просто где-то и вот сейчас вернется и удивится, что его потеряли.

Только бы так и было.

— Они еще вернутся...

— Кто вернется?!

— Наши мальчики.

— Твой вернется... А моего Сережу кто-то увел...

— Он просыпался ночью?

— Что?

— Ходил он в туалет ночью?

— Когда как, иногда просыпался, иногда и просто под себя...

Такой нежный рассказ Анны о сыне вызвал радостную волну в душе Лены. И она всей душой пожелала, чтобы Сережа нашелся.

— Может, он один в туалет пошел?... В туалет...

Анна вздрогнула и тут же остолбенела. А потом покачала головой.

— Нет, нет... В незнакомом месте он разбудил бы меня или отца...

— Тебя в комнате не было. А Михаил... Но Анна уже и сама поняла это. Не дослушав, она бросилась в коридор. За нею слышались только слова:

— Боже ты мой, только бы так оно и было!

— Боже мой, только бы наши дети были живы, — повторила Лена.

Вскоре послышался голос Анны, зовущий сына. В начале он был очень живым, обнадеживающим, но постепенно становился неуверенным, страдающим, горьким. Мальчика там не было.

Неожиданно на кровати что-то задвигалось. Это был Михаил.

— Анна, — прошептал он тихо, — ты сказала всем?

— А я не Анна, — сказала Лена, — позвать твою жену?

Но Михаил не слышал ее.

— Анна надо уходить с этого острова. Скажи всем... Уходить нужно немедленно. Пропадем, если останемся здесь.

— Что будет?

— Анна...

— Анна! — закричала Лена, выйдя в коридор. — Идем быстрее!

Михаил проснулся!

— Что?! Женщина тут же влетела в комнату. — Мишка, дорогой, вставай, вставай. Сережа пропал! Сережа...

Но Михаил остался равнодушным к этим словам. Он все время повторял одно и то же:

— Анна, надо уходить с этого острова. Скажи всем... Надо уходить немедленно. Слышишь, немедленно! Пропадем, если останемся здесь!

— Что?! Вставай, дурак. Что ты говоришь? Сережа пропал!

Анна с ожесточением начала его трясти. Другой на такую выходку мог и ударить. Лена даже испугалась, как бы они не начали драться. Но Михаил совершенно не сопротивлялся. Он, как тесто, был согласен на все, что с ним делали.

— Вставай! Как ты можешь лежать?!

Лена вдруг все поняла. Она тихонько подошла к Анне и положила руку ей на плечо.

— Успокойся, Анна, — сказала она виноватым голосом, — Михаил не просыпался, он просто бредит. Бредит...

Не зная, верить этому или нет, Анна посмотрела на Лену, потом на мужа и отошла в сторону.

— Я не нашла его, — сказала она через некоторое время, — его, наверное, уже нет в доме.

— Не знаю, — Лена постаралась перевести разговор на другое, — а о чем говорит Михаил?

— Бредит, — сказала сердито Анна, — говорит, что всем нужно быстрее уходить с острова иначе всех ждет беда. Не полюбил он этот остров. Не принял, как только ступил на эту землю. Да и заболел он, наверное, из-за этого.

Установилась тишина.

— А, может, он и прав? — сказала через некоторое время Лена. — Нам действительно нужно уходить отсюда. Вон ведь что происходит.

То призраком пугают, то дети пропадают...

— Ну и что, что прав... — Анна налила воды в чашку. — А куда уходить? Теплоход-то только утром будет. А если не найдем детей, и уехать не сможем.

Если не найдутся дети... Столько тревоги было в этих слова, что обе замолчали. Толку от разговоров не было, слова нагоняли лишь страх. Но и молчать было нелегко. Стоило им замолчать, как страх распространился по всей комнате и сжал их сердца. Темная комната.

Мертвая тишина. Леденящая душу неизвестность. Лена до этих пор не хотела верить, что сын не найдется. Как бы не был безграничен страх, как бы не болело сердце, но в глубине души еще теплилась надежда. А вот в этой зловещей тишине она всем своим нутром почувствовала, насколько шатко ее положение. А если сын не найдется?! А если...

Это даже представить было невозможно. Она резко почувствовала, что ее трясет. Все ее тело охватил холод. Она съежилась.

— Анна, — прошептала она, сама боясь своего голоса, — ты здесь?

Не слыша голоса Анны, испугалась, что и она пропала.

— Анна!

— Здесь, — сказала Анна, — и ее состояние было, как у Лены. — Смотри, все вдруг замерло, будто все умерли...

— Да...

— Хорошо еще слышно дыхание Миши, я его слушаю.

— А я и его не слышала...

Неожиданно что-то завожилось и шевельнулось.

— Миша?

Обе повернулись в сторону кровати, где лежал Михаил. Он как лежал, так и лежал. И дыхание его было ровным. Это добавило только тревоги. Женщины замерли, боясь даже вздохнуть. Звука больше не было слышно.

— Это вроде был не Михаил... — Сказала Анна, боясь стоять молча. — Звук послышался откуда-то снизу.

— Есть ли здесь погреб?

— Не знаю...

Еще что-то прошуршало. Женщины опять съежились от страха.

— Вроде слышится с пола, — сказала Лена, — наверное, здесь есть подпол.

— Бесполезно так стоять... — Раздражение Анны слышалось уже в голосе. — Так можно с ума сойти, пойдем искать.

— Где?

— Может, в каком-нибудь углу...

— Хамит проверил весь дом.

— Кто?

— Мой муж. Его зовут Хамит... Если он за что берется, все доводит до конца. Мы в доме ничего не найдем.

— Он же не проверил комнаты, где все разместились?

— Нет, наверное, нет...

— Давай мы посмотрим. Может, они в чьей-то комнате. Сейчас нельзя никому верить.

Лену бросало то в жар, то в холод. Действительно! Почему она об этом раньше не догадалась?!

— Пойдем, — сказала она, вдохновившись, — проверим комнаты. Но нам потребуется свет. Есть у тебя тряпка?

Неожиданно повторился тот звук. В этот раз он послышался очень четко.

— Под кроватью, — сказала Лена, — под кроватью.

— Е мое, — закричала Анна неожиданно и бросилась под кровать. — Как я раньше не догадалась?!

От возгласа Анны показалось, что в душе Лены появилась надежда. Весь их страх переживания свелись на нет. Безумцы! Вот они сидят, предавшись горю и страху. А Сережа... Сползший во сне с кровати Сережа, не подозревая ни о чем, спит на полу. И с Лаисом произошло, наверное, что-нибудь подобное. Нет никого на земле сумасшедшее матерей. Стоит им на короткое время упустить детей из виду, как они, напридумывав всякое, готовы уже сойти с ума.

— Леночка! Дорогая моя! — закричала радостно Анна. — Вот где он мой Сережа! Эх мы дуры! И твой сын, наверное, где-то ходит. Может, на рыбалку пошел... Маленький мой... Единственный. Сполз с кровати и спит, не просыпаясь. Ну, весь в отца!

Анна уложила удобно сына в кровать и, подбежав, обняла Лену.

— Спасибо тебе, дорогая. И твой сын, наверное, недалеко... Если бы я осталась одна, с ума бы сошла. Хорошо еще ты была рядом.

Спасибо! И твой сын, наверное, недалеко...

Неожиданно тихо открылась дверь...

Хотя, увидев людей на улице, Ляйсан вначале вздохнула облегченно, потом забеспокоилась. Ей показалось, что люди с факелом, ушедшие в лес, не отец с дядей

Радиком. Нет, это были они. Вроде они. Должны быть они. Ляйсан была немного обижена на них. Что им стоило взять ее с собой? А они даже не подумали о ней. Отец обычно волнуется, беспокоится за нее «доченька» да «доченька», а в этот раз... Взял и оставил своего ребенка в темном месте. Ладно, на улице может быть всякое... Отец, наверное, испугался взять ее с собой. Наверное, решил, что она должна остаться в доме с матерью. Но можно же было об этом сказать нормально. Ляйсан почувствовала себя собачкой, которую забыли у порога. От унижения она даже на какое-то время забыла про страх. Вскоре вроде успокоилась. Ладно, на своего отца она долго обижаться не могла. Только бы вернулись целыми и невредимыми. Как было бы хорошо, если бы они вернулись вместе с ребятами, ушедшими путешествовать по ночному острову. Ляйсан еще раз бросила взгляд на окно. Ей даже показалось, что вот сейчас они с шутками-прибаутками вернутся вместе домой, но на улице никакого движения не было. Ладно, вернутся еще.

Какой-то странной оказалась эта ночь. Сначала всех напугал призрак. Потом был раскрыт его секрет. А вот сейчас ребята пропали.

Да и Айгуль исчезла куда-то в одно мгновение. Если подумать, все это было очень страшно. Но Ляйсан не стала горевать. Даже потеря двойняшки не прибавило ей горя. Вернее, она не верила, что он мог потеряться. Не верилось, что взрослый, здоровый парень мог вот так запросто потеряться. Но Айгуль... Стояли разговаривали и вдруг куда-то пропала... Это невозможно.

Не то, что в жизни, даже в кино такие приключения редко случаются. И ребята, и Айгуль появятся. Они найдутся. Так должно быть. Иначе быть не может.

Стоило ей подумать об этом, как в душу закралось еще одно сомнение. Если отцы ушли в лес, то кто дверь закрыл? Она ведь закрылась прямо перед ее носом. Ляйсан, боясь, тихонько подошла к двери и неуверенно попробовала ее открыть. Закрыто. Толкнула посильнее. Дверь даже не поддалась. Она представила, как пытался открыть дверь дядя Радик. Два здоровых мужика даже не могли открыть. Так что ей и пытаться нечего.

Ляйсан направилась было в глубь дома, но, не зная куда идти, в недоумении остановилась. Из комнаты Анны слышались голоса. Но девушке не хотелось идти туда. Стоило ей подумать про эту комнату, как опять она почувствовала неприятный запах. Да и метания Анны, всхлипывания матери усугубляли и без того тяжелое состояние. Ей казалось, что стоять в этой страшной крошечной темноте лучше, чем находиться в той комнате.

Конечно, в ней было и сильно чувство пройтись и посмотреть все комнаты. Ей казалось, что она что-то увидит, кого-то встретит.

Хорошо бы подняться на второй этаж... Но девушка побоялась. Страх после призрака быстро не проходил. Ее начинает знобить, как только она представляет, что тогда творилось с людьми. Не обязательно, оказывается, видеть призрак своими глазами. Чтобы испугаться, достаточно увидеть испуганных людей. «Страх заразителен, — сказала про себя девушка, — заразителен и безжалостен». Страх не прошел даже тогда, когда выяснили, что это не настоящий призрак, а всего лишь костюм. Наоборот, он усиливался. Если бы это был призрак, которого увидели случайно. Ждать от него беды или нет... Можно верить в это или нет. Но то, что кто-то специально одевался в этот костюм, чтобы напугать людей, было действительно страшно.

Мать сказала, что видела призрак в комнате Айгуль... Она хотела об этом расспросить Айгуль, но при встрече совершенно забыла об этом. А сейчас ее нет и не известно, где она. А только недавно стояла здесь.

Такие думы тянут ее в пропасть страха. Заставляют поверить в происходящие события. От этой веры начинаешь чувствовать себя маленькой и беспомощной. Всю тебя охватывает страх, к горлу подступает комок безысходности. Кажется, что конца этому не будет.

Даже мысли об этом рушат все надежды. Если в этом неприглядном темном месте потухнет и надежда, можно с ума сойти. Об этом не надо думать. Надо думать о чем-нибудь приятном. А что было у нее такого? Ничего... Нет, было... Роберт. Если бы он был сейчас с ней, то все тяготы этой ночи исчезли. Даже если бы пятки горели в огне ада, ей казалось, что рядом с Робертом она ничего бы не заметила. Ляйсан закрыла глаза и попыталась восстановить их встречу, чувства, которые она тогда пережила.

Они оба прислонились к разным деревьям и замерли, не зная, что делать. Но им не было плохо... То, что они остались одни, стояли молча, не желая никуда уходить, само уже говорило о чем — то. Понятно было даже без слов.

— Я тебя люблю, — прошептала девушка, прямо взглянув в глаза Роберта. — Я тебя так сильно люблю!

Парень не понял ни слова. Но догадался, что она сказала что-то очень хорошее.

— Я тэбэ лубью! — повторил он, — а что это за слово?

Девушка громко засмеялась. Она смеялась искренно, от души.

Показалось, что от этого смеха даже в доме стало как-то светлее. И Роберт присоединился к ней. Он засмеялся и, немного успокоившись, опять прошептал: «Я тэбэ лубью!» Через некоторое время девушка успокоилась и устремила свой полный нежности взгляд на Роберта:

— Я тебя люблю!

От неожиданности, боясь поверить услышанному, парень на какое-то время замер. Поверив же и придя в себя, кончиками пальцев слегка дотронулся до волос девушки. Попытался улыбнуться.

— И я тебя люблю...

Ласковые пальцы Роберта углубились в волосы девушки и нежно притянули ее к себе. Ляйсан было хорошо. И неудобно.

Девушка ведь должна быть гордой. Нельзя так таять с первой встречи.

Но горячее дыхание юноши, касаясь подбородка, ласкает ее. Горячая волна распространилась по телу. Хочется губами прикоснуться к полным губам Роберта. Но нельзя. Нет.

Когда они едва не коснулись лицами, девушка прижала палец к его губам:

— Нет, Роберт... Ты меня неправильно понял, — прошептала Ляйсан, боясь, что ее голос услышат другие. — Ты меня неправильно понял. Ты неправильно понял меня...

Роберт замер. Он тоже вроде забылся. Приходя в себя, он поморгал глазами. Виновато улыбнувшись, незаметно покачал головой.

Девушка еще долго стояла, боясь открыть глаза. Ляйсан казалось, что стоит ей открыть глаза, как охватившее ее чувство сразу же исчезнет. Ей не хотелось расставаться с этим волшебным мгновением. Когда только это было... Лишь сегодня вечером! А казалось, что эти прекрасные мгновения остались далеко-далеко, за годами, даже будто произошли они не в этом веке. Тоскливо. Жизнь человека, кажется, измеряется не прожитыми годами, а именно пережитыми мгновениями. Ляйсан открыла глаза и, испугавшись крошечной темноты, снова закрыла. Эх, не возвращаться бы в эту действительность. И почему человек не живет только в своих мечтах?!

Но ей пришлось вернуться в действительность. Голос в комнате Анны послышался вначале как-то пугающе таинственно. Слитый воедино голос женщин был похож на чью-то молитву. Звуки, ударяясь о голые стены, эхом отзывались по углам так, что казалось, здесь не люди, а духи, представители иных миров. От этого холодело в душе.

Нет, этот голос не заставлял тебя вздрагивать, не погружал в страх. Он тихонько точил твою душу. Неожиданно она остановилась. В доме воцарилась гробовая тишина. Эта тревожная тишина возвратила Ляйсан в действительность. Ей показалось, что все умерли, и она осталась на этом заброшенном острове совершенно одна. Какое-то время она даже не чувствовала своих мускул. Она понимала, что нужно что-то делать, но ничего с собой поделать не могла. Если бы тишина продлилась дольше, Ляйсан, наверное, окаменела бы на месте.

К счастью, в той комнате опять оживились. Они зашептались о чем-то спокойнее прежнего. Слов нельзя было разобрать. Да этого и не нужно было, только бы слышать голоса. Только бы знать, что на этом свете ты не один. Этого было достаточно.

Голоса женщин становились все громче. А душа Ляйсан все больше наполнялась теплом. Вскоре Анна закричала во весь голос:

— Е мое!

В этот раз ее слова послышались очень четко. Показалось даже, что они прозвучали у нее под ухом. Ляйсан даже вздрогнула. Именно это и вывело ее из оцепенения. Она опять почувствовала способность действовать.

Голоса в комнате были радостные. Анна с ее матерью вроде даже забыли, где они и в каком положении находятся. Возможно...

Возможно, они заметили возвращающихся домой людей. Ляйсан бросилась к окну. Но на улице, кроме темноты, ничего не было видно.

Ляйсан еще какое-то время всматривалась в окно, желая там что-нибудь увидеть, а потом направилась в комнату Анны.

— Леночка, дорогая! — послышался радостный голос, — вот где он мой Сережа! Эх, а мы, дуры! И твой сын, наверное, ходит где-то.

Может, пошел на рыбалку... А мой маленький... Единственный...

Неожиданно Ляйсан остановилась. Ей стало все понятно.

Нашелся сын Анны. Значит, скоро найдется и Лаис. А Роберт тогда где? Может, он уже вернулся на свое место и лег? Долго не колеблясь, Ляйсан направилась в комнату Роберта. Но здесь никаких перемен.

Спокойно спал только отец Роберта, а его самого не было. Где он ходит?

Ляйсан только собралась закрыть дверь в комнату, как какая-то сила затолкнула ее вовнутрь. Девушка не успела даже закричать, как ее рот закрыли вонючей тряпкой. Она обмякла и опустилась на пол.

Тихонько открылась дверь. Лена и Анна на мгновение замерли.

Их бросило в дрожь. На какое-то мгновение растерялся и сам входящий.

— Девочки, это вы? — сказала она через некоторое время, — Анна, Лена?

— Ольга, ты же напугала нас...

— Не бойтесь, девочки...

— Есть ли какие-нибудь новости? Не нашелся кто-нибудь?

— Успокойтесь, — Ольга прислонилась к спинке кровати. — Анна вода у тебя есть?

— Анна, — нетерпеливо повторила и Лена, — подай воды...

Ей необязательно было говорить это, Анна уже подала Ольге воду. Женщина опустошила стакан. Вздохнула. С нетерпением ожидающей ее слов Лене каждое движение Ольги казались очень медленными.

Она была готова встряхнуть ее, но еле сдержалась.

— Да говори же, Ольга, — нетерпение Лены слышалось и в ее голосе, — чего тянешь?

Казалось, что Ольга начнет все подробно рассказывать. Но она неожиданно встала.

— Что рассказывать? — сказала женщина, будто ничего и не было.

— Дети ваши живы-здоровы.

— Так, где же они?

— Не знаю, — Ольга на мгновение замолчала.

Но Лене это мгновение показалось целой вечностью:

— Как не знаешь?! — поторопила ее Лена. — Ты хотя бы их видела?

— Да успокойся ты, — как от мухи, отмахнулась от нее Ольга. — Слова не даешь сказать.

В комнате воцарилась тишина.

— Все дети на берегу, — сказала Ольга. — Давайте вместе пойдем туда. Где остальные?

— Пошли искать Айгуль, возможно, и они уже на берегу...

— Пошлите, — сказала Анна, — не будем тянуть время...

— Ты оставайся здесь, — остановила ее Лена. — Здесь тоже кто-то должен быть.

— Нет, и мне хочется пойти к берегу, убедиться в том, что и ваши дети живы-здоровы.

— Анна, ты останешься здесь, — повысила голос Лена. — Так нужно.

— Не нужно! — Анна завернула ребенка и взяла его на руки. — Мы с Сережей тоже пойдем на берег.

— Анна, мы еще не знаем, что нас там ждет...

— Идемте, пусть и Анна идет, — сказала Ольга, — там ни капельки не страшно.

— Вот видишь, — улыбнулась Анна. В темноте, конечно, улыбки ее видно не было, но радостный голос слышать было приятно.

— Хорошо, Анна, идем!

Они поспешили на улицу. Стоило им спуститься с лестницы, как у леса показалась какая-то тень. Она шла, пошатываясь из стороны в сторону, будто несла на плечах целую корову.

— Эй, — закричала Лена, — ты кто?!

Ответа не последовало. Тень в то же мгновение исчезла в лесу.

— Не услышал, — сказала Анна, — надо было громче крикнуть...

— Как ни кричи, не слышно, — сказала Ольга, ускоряя шаг. — Здесь с десяти-пятнадцати шагов ничего уже не слышно.

— Но так же не было, когда мы приехали.

— Так не было. Но остров как-то странно изменился. Чувствуете, и воздух здесь стал гуще. Такое ощущение, как будто он прилипает к телу.

— Действительно, с вечера так не было...

— А как наши дети оказались на берегу? — в голосе Лены послышался страх. — Как все

они оказались на одном месте?

— Не знаю.

Они вошли в лес. Все вокруг стало темным-темно. Казалось, что воздух, до этого только прилипавший к телу, крепко обнял их.

— В лесу обычно деревья шумят, — сказала Анна голосом, в котором удивление смешалось со страхом. — А здесь так тихо, ничего не слышно.

— Действительно... — Лена правой рукой отодвинула ветку, мешавшую ей пройти, та беззвучно хлестнула ее. — Даже шелеста листьев не слышно. Не треснет ветка под ногами, не прошумит трава.

Странно!

— Остров изменился, — проговорила, как бы разговаривая сама с собой, Ольга. — Когда мы приехали, он был совершенно другим...

— И мой Миша сказал тоже самое... «Надо быстрее уехать с острова... Иначе пропадем», — сказал он.

— Миша?! — Ольга резко остановилась. — Михаил сказал такое?!

— Да.

— Девочки, — Ольга хотела что-то сказать, но взяла себя в руки, — девочки, давайте не будем на все обращать внимание, надо спешить.

Она ускорила свои шаги. Остальные последовали за ней. Стоило им выйти из леса, как перед ними раскинулось необъятное, словно небосклон, озеро. На берегу опять промелькнул чей-то силуэт. Шагая вперевалку, он ушел в еще большую темноту.

— Да это же теплоход, на котором мы приехали! — сказала Анна через какое-то время. — Когда его увидела, испугалась не на шутку.

— Так он же...

— Надо торопиться!

Требовательный голос Ольги сделал свое.

Как бы догадавшись о чем-то, имеющие множество вопросов женщины, забыв обо всем на свете, поспешили за Ольгой.

Это был действительно теплоход, доставивший их на остров.

Когда они подошли к нему, к ним навстречу вышли трое мужчин. Один из них был Андрей Николаевич, а двое с теплохода.

— Хорошо дошли, — спросил Андрей Николаевич, — все прошло удачно?

— Все хорошо, — сказала Анна, — а где дети?

Андрей Николаевич бросил на нее укоряющий взгляд и ухмыльнулся кончиками губ. Этот вопрос он задал Ольге.

— Все в порядке, — сказала Ольга, — но...

Андрей Николаевич кивнул матросам, и те тотчас зашагали по тропинке, по которой пришли женщины. Какое-то время он смотрел им в след, а потом повернулся к Ольге.

— Что «но»?

— Остров... Он пугает меня... Да и Михаил так сказал... Он сказал, что надо быстрее уезжать с острова.

— Даже так? — Андрей Николаевич повернулся к Анне. — Что говорит Михаил?

— Надо уезжать с этого острова, иначе пропадем, говорит. И в бреду он повторял об этом. Он сказал, что остров нас не любит и что-то готовит против нас.

— Ха-ха-ха! — в голосе Андрея Николаевича было что-то наигранное, — вы верите

даже тому, что человек говорит в бреду?!

— Хватит! — крикнула Лена. — Что вы говорите о пустяках? Где дети? Покажите мне моих детей!

— Дети говоришь?! — Андрей Николаевич был спокоен, казалось, что он не слышал крика женщины. — Дети живы-здоровы. Лаис давно уже спит. А Ляйсан я только что принес, она тоже спит.

— Что?!

— Все дети на теплоходе Они спят, — спокойно повторил Андрей Николаевич. — Идемте, посмотрим.

— А вы откуда знаете?

— Я много чего знаю, — сказал Андрей Николаевич. — Много...

Идемте.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он взял Лену под руки и поднялся на теплоход. Анна тоже потянулась за ними, но ее остановила Ольга.

— Не будем торопиться.

Анна хотела что-то ей возразить, но сдержалась. Она даже с места не сдвинулась.

Стоило им подняться на палубу, как зажегся свет. Дети, действительно, все были здесь. Все спали. Как только Лена увидела своих, так сразу же бросилась к ним. Лаиса с Ляйсан положили рядом.

На скамьях узкие матрасы, есть и подушки. На какое-то мгновение Лене показалось, что ее дети мертвы. Она быстро нащупала их пульс, приложила голову к их груди и прислушалась к дыханию. Живы.

— Сынок, — осторожно обратилась она, — Лаис!

Но никто ей не ответил. Дыхание их было ровным, сон — глубоким.

Убедившись, что дети действительно спят, она устремила свой вопросительный взгляд на Андрея Николаевича. Тот пожал плечами и улыбнулся. Но это не удовлетворило ее, и она, стремясь быть более сдержанной, сказала:

— Я их мать. Андрей Николаевич, почему мои дети в таком состоянии? Почему Вы привели их сюда? И почему они спят?

В ее голос слышалась ненависть и бросающий в дрожь холод.

Но Андрей Николаевич оставил это без внимания.

— В чем вина этих детей?! — горячилась женщина. — В чем моя вина?! Почему Вы нас так мучаете?

Андрей Николаевич молчал какое-то время.

— На этом свете никто не живет только для себя. Не радуется только за себя, не страдает только за себя. Каждое наше действие возвращается к нам самим и к нашим близким. Помните закон бумеранга?!

— Но...

— Успокойтесь, — прервал ее Андрей Николаевич. — Не никаких причин для Вашего беспокойства.

— Но я хочу знать...

— Когда наступит время...

— Когда же наступит это время?! — Андрей Николаевич вздрогнул от неожиданного крика женщины. — Когда? Пока не проснутся мои дети, я не успокоюсь! Что вы с ними

сделали?!

— Дети скоро проснутся, — ответил Андрей Николаевич, взяв себя в руки. — И я вам все объясню, а пока...

Он из заднего кармана брюк достал носовой платок и с молниеносной быстротой поднес его к лицу Лены. Женщина не успела даже заметить. Она попыталась оказать сопротивление, но было поздно. Лена, словно надувная кукла из которой выпустили воздух, обмякла и осела на пол. Но Андрей Николаевич не дал ей упасть. Он подхватил ее и отнес на одну из скамеек.

— ...Вам нужно немножко отдохнуть.

Вскоре и Лена, как остальные, спокойно заснула. Андрей Николаевич засунул платок обратно на место и, достав салфетку из нагрудного кармана, вытер руки. Как полководец, выигравший битву, он осмотрел комнату. Две скамейки, на которых были застелены маленькие матрасы, были еще пусты.

— Дело в самом острове. Этот остров нас не любит. Он гонит нас, — сказала Анна, вспомнив слова мужа. — Поэтому мы должны как можно быстрее уехать отсюда. Если не уедем, пропадем все. Так он сказал...

Ольга на мгновение замолчала.

— Возможно, он только бредил, — сказала она, стараясь убедить саму себя. — Но... Но и я испытала подобные же чувства. Мне показалось, что остров нас не жалует. А воздух? И ты это почувствовала? И тебе показалось, что он обволакивает тело?

— Да... — Анна, как бы желая оценить воздух, на некоторое время замолчала. — Вроде так. Внутри дома я ничего не ощутила. А вот на улице...

— Может, из-за моего предупреждения тебе так показалось?

— Возможно... Не знаю. Сейчас у меня единственное желание — уехать с этого острова. Нет, даже не уехать. У меня такое ощущение, что меня гонят отсюда... Кажется, что какая-то невидимая сила толкает меня в сторону. Это я могу сказать точно.

— А дома было то же состояние?

— Нет... Хотя я там совсем не думала о себе. Сначала возилась с Михаилом, затем испугалась, что потеряла Сережу...

Женщина поправило одеяло, которым был укрыт ее сын.

— Я и сейчас боюсь. Сережа спит да спит. Только во время ожидания теплохода он немного беспокойно себя вел... А потом уснул и совсем не просыпался. Даже когда упал с кровати, не проснулся.

— За это не беспокойся, — сказала Ольга, — ничего плохого в том, что он спит.

— Но он никогда так не спал... Мертвым сном...

Ольга помолчала, а потом решилась.

— За то, что спит, не беспокойся. В этом нет ничего плохого. Я сделала ему укол.

— Что?!

— Дорога нелегкая. Условия на острове суровые. Если бы еще и сын беспокоился, что бы ты делала?

— Но ты...

— Немало случаев, когда дети тонут, теряются в лесу. Как бы ты не хотела, но держать его постоянно в поле зрения ты бы не смогла.

Укол пришлось сделать в целях безопасности.

— А ты у меня спросила?!

— Извини... Но... Если бы я спросила, ты бы мне не разрешила.

Так ведь?!

— Может быть...

В это время показался Андрей Иванович, спускающийся с теплохода.

— Анна, — сказал он приятным голосом, — на берегу ребенку холодно. Пройдите внутрь.

— И действительно, — подхватила его Ольга, — давайте поднимемся на теплоход.

— Подожди...

— Девочки, не медлите, — требовательный голос Андрея Николаевича был обращен к Ольге, — вон уже и парни показались.

— Какие парни? — Анна обернулась назад. А... это с теплохода что ли?! Что это они несут?

— Анна... пойдём...

— Нет, — женщина потянулась было вперед, но вдруг остановилась. — Без Михаила никуда не пойду. Вы собираетесь уехать с острова, да?!

— Да, — сказал Андрей Николаевич, встав прямо перед ней. — Мы должны уехать с острова и Вы тоже.

— Я не поеду, никуда не поеду. Он болеет.

— Вы поедете, — улыбнулся Андрей Николаевич, — а Михаил и другие мужчины останутся на острове. Понятно?

— Почему?! Михаил велел всем уезжать. Они пропадут, если останутся на острове. Михаил так сказал. Давайте заберем и их. Все уедем.

Андрей Николаевич потянулся к заднему карману.

— Нам мужчины не нужны, — Андрей Николаевич улыбнулся так, что холод охватил душу, — нам нужны только дети и женщины.

— Однако... — неожиданно Анна замерла, что-то вроде вспомнила и, сильнее прижав к себе ребенка, попятилась назад. — Понятно...

Значит... Значит, рассказ о богине Кали был неслучайным...

— Нет, — Андрей Николаевич постарался посмотреть в глаза Анны, — я ничего не делаю случайно.

— Значит... Вы собираетесь принести детей в жертву... — голос Анны вздрогнул. — Вы изверг! Вы!

— Хватит! — крикнула Ольга. — Остановитесь!

И закрыла рот Анны платком. Затем подтолкнула женщину ближе к Андрею Николаевичу, а сама подхватила на руки ребенка.

— Успокойся, дорогая, — сказал Андрей Николаевич, поднимая тело Анны. — На острове все в порядке. Просто немного расшатались нервы.

— Не знаю...

— Я знаю.

Уверенный голос Андрея Николаевича немного успокоил Ольгу, но не рассеял всех сомнений.

— Но тишина. Даже листья не шелестят.

— Это тебе так только кажется.

Они положили Анну и Сережу. В это время с сумками подошли и матросы.

— Получилось? — спросил Андрей Николаевич, — все в порядке?

— Да, — ответил один из них, — вот только Павка очень испугался.

— Отчего?

— В одном из комнат он увидел бабку.

— Что?

— Старушку увидел, правда, Павка?

Павка не ответил.

— Что за старушка? — спросила, испугавшись, Ольга, — какая старушка?

— Нет... — сказал наконец Павел, смутившись того, что попал под насмешки других. —

Я ничего не видел. Я хотел просто напугать Юру.

— Испугали козу капустой! — рассмеялся Юра. — Ха-ха-ха!

Старушкой захотел меня напугать. Дурак ты, Павка. Ду...

Неожиданно он посмотрел в сторону острова и окаменел. Лицо его искривилось от страха. Глаза округлились. Рот широко раскрылся.

Но он не произнес ни звука, а бесшумно замер на месте. Все повернулись в ту сторону, куда смотрел он. Но никто ничего не увидел.

— Что с тобой случилось? — начала трясти его Ольга, — Юра!

— Юра, мать твою! — закричал Павел, — что ты увидел?!

— Там, где ступает ваша нога, остается грязь, — вдруг неожиданно сказал Юра грубоватым голосом. — Уходите и больше не приходите. И грязь свою не оставляйте. Уходите! Все уходите!

— Юра!

— Что ты говоришь?!

— Юра, мать твою!

Юра не слышал их.

— Уходите! Все уходите! И не возвращайтесь! — повторил он, — уходите! Не возвращайтесь!

— Кто ты? — спросил Андрей Николаевич, стараясь сохранить спокойствие. — Ты почему нас гонишь? Кто ты?

— Везде, где ступаете вы, остается грязь. Вы изверги!

— Но мы без злого умысла...

— Вы изверги.

— А ты кто?

— Вы изверги.

— Я же говорю, — прошептала Ольга, — этот остров нас не любит...

— Мы уедем. Но...

— Уезжайте. Сейчас же и не возвращайтесь. Никогда.

— Этот остров нас...

— Дурак ты, Павка! Ха-ха-ха! — вдруг засмеялся Юра, — решил меня старухой напугать.

Увидев, в каком напряженном состоянии находятся все, замер от неожиданности.

— Что с вами произошло?

— Ты неожиданно увидел что-то и замер от страха. — Андрей Николаевич подробно все ему рассказал. — Ты помнишь все это?

— Ха-ха-ха! — засмеялся Юра, — помню, конечно. Павка захотел испугать меня старушкой, а я и без нее напугал. Вас! Всех! Ха-ха-ха!

Конечно, в голосе Юры чувствовалась наигранность. Но нельзя было понять, правду он говорит или шутит.

— Ты всех нас напугал, — сказал Андрей Николаевич. — Если ты решил пошутить, считай, что тебе это удалось. Но, Юра, если ты не шутил и не помнишь, что сейчас с тобой произошло, скажи нам правду. Это все-таки не шутки...

— Я пошутил, Андрей Николаевич! — сказал Юра, стараясь казаться правдивым. — Я только пошутил.

— Ладно, готовьтесь.

Ребята взялись за работу.

— И все-таки я ему не до конца верю, — сказала Ольга, оставшись один на один. — Юра сказал неправду. Он просто испугался насмешек.

— Не знаю, — Андрей Николаевич стоял задумавшись. — Мы должны были среди пассажиров распространять разные слухи и породить паранойи. Они должны были бояться любой неизвестности, в каждом деле должны были видеть мистику. С потерей детей отцы должны были поверить в мистику, подумать о некоторых природных явлениях. Это нужно было, чтобы они не подозревали нас. Мы свою задачу выполнили и даже слишком: стали верить в ту ложь, которую сами же и распространили. Мы сами превратились в параноиков. Мне так кажется.

— Хорошо, если так...

— Вон и Анна сразу вспомнила богиню Кали, — Андрей Николаевич улыбнулся. — В неизвестности человек начинает думать о чем-то запомнившемся, верит в это. И наши сомнения, наверное, от этого. Если бы мы делали что-то веселое в приподнятом настроении, то и остров показался бы нам более приветливым. То, что остров кажется нам таинственным и странным, связано прежде всего с нашим настроением.

— Да... — казалось, Ольга пытается себя убедить в чем-то, — это так...

— Ты чего?

— Я себя ненавижу, ненавижу!

— Успокойся, дорогая... — Андрей Николаевич обнял жену за плечи, — это не самая грязная работа...

— Я устала... — состояние Ольги было такое, что, казалось, она вот — вот заплачет или ударится в истерику, — ус-та-ла...

Андрей Николаевич замолчал, затем быстро потянулся к заднему карману, достал платок и закрыл им лицо жены. Ольга лишь мгновение смотрела на него удивленно, а потом обмякла и потеряла всякую связь с действительностью.

— *Нам не нужны мужчины,* — как молния, промелькнула мысль, — *нам нужны только женщины и дети.*

5. ДЫНК-ДЫНК-ДЫНК-ДОН!.

Дынк-дынк-дынк-дон!.. Дынк-дынк-дынк-дон!.. Неизвестные звуки, раздавшиеся неизвестно откуда, умчались вдаль и исчезли. Стало необыкновенно тихо. Даже показалось, что весь мир объят какой-то серой пеленой. Но это ощущение продолжалось лишь мгновение, после чего все пришло в прежнее состояние, приобретя свойственные им краски. Голубой небосклон. Беспечно резвящиеся волны. Таинственный остров. Нет, наоборот... Таинственный остров.

Беспечно резвящиеся волны. И на голубом горизонте исчезающие очертания теплохода...

На острове ни звука. Даже тогда, когда теплоход исчез с поля зрения, и уже не было слышно его шума, остров остался безмолвным.

Остров, как настоящий воин, готовый отразить атаку врага, замер, но был готов почувствовать любой пришедший со стороны звук. Только со стороны реки подул ветерок. Этот ласковый ветерок свел на нет все, что было до этого. Сразу послышался шелест листвы, возня насекомых в траве. Это оживление началось на берегу и постепенно перешло в центр острова. Шелест листьев, пение птиц, шуршание травы, возня насекомых — все это сильным потоком, словно нашествие с земли и неба непобедимого войска, направилось к середине острова и, окружив дом, остановилось.

Остров жил. Жизнь здесь была ключом. Фатиме даже показалось, что она слышит его дыхание. Остров предстал перед ней, словно живой человек. Только построенный человеческими руками дом был погружен в тишину. В окружающей бурлящей жизни он стоял сиротливо, погруженный в гробовую тишину. Даже то, что он стоит один, горделиво выпятив грудь, не вызывает по отношению к нему никаких чувств, кроме жалости. Кажется, что он смерть встретил стоя, но пока сам этого до конца не понял. Поэтому ожидаешь, что он вот-вот должен развалиться...

Но он не развалился, а, наоборот, ожил через какое-то время.

Дом начал жить своей жизнью. Из комнат слышалось сладкое похрапывание. Кто-то во сне звал дочь. Кто-то кричал, предупреждая всех о надвигающейся беде. Кто-то плакал, сокрушаясь о бесполезно проведенной жизни.

Дом жил.

Наступил рассвет. Все вокруг окунулось в голубизну, но вскоре и это исчезло. На горизонте показалось красное зарево — это всходило солнце. Однако свет опять исчез, и окрестности утонули в тумане, который долго еще висел над островом. Затем туман бесшумно сконцентрировался на середине и, как прежние звуки, ползком подойдя к дому, укрыл его целиком. Вдруг он рассеялся и плавно перешел в черные лучи. Они окружили дом и в одно мгновение приобрели голубой цвет. Теперь это была уже большая вода, окружившая остров. Но через некоторое время она немного собралась и, став черным лучом, опять подошла к дому, застыв возле него черным столбом. Туман все больше сгущался и, наконец, приобрел очертания человека. Сначала это была просто тень человека, которая постепенно преобразилась так, что можно было различить даже лицо.

Но от этого Фатиме легче не стало. Увидев его, старуха сначала не поверила своим глазам. Поверив же, она страшно удивилась. Затем ее охватил такой испуг, что, не сдержавшись, она закричала.

Человеческий облик, возникший из тумана, был не кто иной, как сама Фатима. Она перестала кричать и, еще раз взглянув на старуху, очень ясно увидела свое лицо.

Неожиданно она услышала чей-то безобразный голос.

...твои дети заперты на том острове. На острове — твои дети. Тебе важнее узнать не то, где они, а живы ли. Пока живы. Живы. Пока. Ха — ха!..

Этот дикий смех, казалось, эхом передавался от берега к берегу.

Ха-ха-ха!

Дынк-дынк-дынк-дон!..

Фатима проснулась вся в поту. Хотя она вроде даже и не спала.

Это был и не сон, и не бред, а способность предвидеть, переданная ей Хадичой. Конечно, если бы была Хадича, она сумела бы из всего сделать правильные выводы. А Фатима не знала, как все это толковать.

В этом у нее не было никакого опыта. К тому же события последних дней совсем запутали ее. Было трудно привести в порядок свои мысли и принять нужные меры. Да она и не старалась думать.

Расслабившись, она закрыла глаза и лежала так, слушая шуршание колес. Дынк-дынк-дынк-дон!.. Дынк-дынк-дынк-дон!.. Поезд, не спеша, своим ходом набирал километры.

Но спокойствие старушки длилось недолго. Она открыла глаза.

В купе был полумрак. И в окне темно. Вдруг мир вокруг ей показался таким незащищенным, она почувствовала себя без роду и племени, и ей стало очень одиноко. Она обратилась к своей спутнице:

— Ляйля...

Она не верила, что кто-то ответит ей. Да и Ляйля весь день на ногах, устала, наверное, поэтому и спит. Однако девушка ответила.

— Что случилось, Фатима апа?

— Ничего, — старушке достаточно было знать, что Ляйля рядом, — так просто...

— Не спится?

— Да, — Фатима решила отвести разговор от своих проблем, — сама — то как? Который теперь час?

— Половина четвертого.

— Поздно уже, почему не спишь?

— Книгу читаю, — улыбнулась Ляйля.

— В такой темноте?

Возможно, в молодости и Фатима увлекалась книгами, но сейчас, как бы ни старалась, но вспомнить то время не смогла.

Поэтому показалось очень странным, что Ляйля не спит, а читает книгу. Набегавшийся за день человек ночью должен спать. Для уставшего человека нет ничего милее сладкого сна. Да и быть не может. Во всяком случае, для Фатимы это было именно так. Поэтому она никак не могла понять, что Ляйля сладкий сон заменяет чтением книги. Ей захотелось увидеть и подержать в руках эту книгу.

— Дай-ка, посмотрю твою книгу...

— Да и что ее смотреть, — улыбнулась Ляйля, но книгу старушке протянула, — рисунков нет...

Фатима присела. Поддержала в руках книгу, как бы желая определить ее вес. Перелистала страницы, но не нашла ничего особенного. «Нашла чем увлечься», — подумала

она и, закрыв книгу, устремила взгляд на вид в окне. Подумав о глупости девушки, покачала головой. Ничего в этом нет захватывающего. Она собралась протянуть книгу девушке, но, стараясь убедиться в своей правоте, еще раз открыла первую страницу. И чуть не выронила книгу из рук. Все ее тело охватила дрожь. Может, ей это только показалось? Фатима закрыла книгу и вновь открыла на первой странице. Так она сделала несколько раз. Затем, поверив, что ей это не кажется, пальцами дотронулась до рисунка на первой странице. И рисунок, и ее пальцы не исчезли.

Ляйля, свесившись с верхней полки, без звука наблюдала за ней.

Вдруг она громко засмеялась. Со стороны поведение старушки действительно выглядело смешно.

— Что, Фатима апа, влюбилась что ли?

Фатима не ответила. Она обводила пальцем портрет писателя. А затем сказала Ляйле:

— А этого человека я знаю.

— Искандер — наш самый известный писатель, — довольно улыбнулась Ляйля. — Его все читают с удовольствием...

— Нет... — Фатима какое-то время ничего не говорила, — Я его... Я его видела... Он дал мне денег... Говорила ли я тебе? Про человека в черной куртке...

Это тот человек... Это черная куртка.

Ляйля опять засмеялась.

— Ты, конечно, ошибаешься, Фатима апа, — сказала Ляйля, оставшись довольной ее простотой, — даже журналисты интервью с ним добиваются целый год, говорят.

— Я не путаю, — перебила ее старушка, — я видела этого парня.

Ляйля, естественно, не поверила старушке, но и спорить с ней не стала.

— Ладно, пусть будет по-твоему, — сказала она, протягивая руку, — только верни книгу, Фатима апа, осталось совсем немного, дочитаю.

— О чем он пишет?

— О разных страшных событиях, чрезвычайных происшествиях, — сказала Ляйля и повторила выражение, которое встречается почти в каждой книге писателя, — «Вы недовольны своей жизнью? Вы думаете, что живете в аду? Читайте Искандера, и ваша жизнь покажется вам раем!» — Я не люблю таких писателей, — сказала Фатима, — говорят, среди них бывают и маньяки... Сами убивают людей и сами же пишут об этом...

— Чепуха! — засмеялась Ляйля, — я много читаю страшной литературы. И знаешь, все эти писатели напоминают маленьких детей.

Возьми, например, Бредбери, Кинга, Баркера, посмотри на их портреты — во взгляде каждого — юношеское озорство, душевная чистота и ясность. Такие никогда не могут пойти на преступление.

Старуха не ответила. Она не только не видела портретов этих писателей, но даже имен их не слышала. А вот фильм о писателе, который убивал девушек и, переодев их в красивые одежды, собирал под водой, видела однажды. Очень она тогда испугалась. Поскольку она с детства верила, что писатели — святые люди. Но когда настала пора демократии, и стало модным раскрывать истинное лицо некоторых литераторов, то на фоне сообщений о том, что кто-то из них распущенный, кто-то алкаш, а кто-то бессовестный, этот фильм (название не запомнила) в корне уничтожило в ней веру в них. И только слова Ляйли не могли изменить ее точку зрения. Черная куртка — писатель... Пишет о страшных событиях... То что ее размеренная жизнь была нарушена связано именно с этой Черной курткой, все нити

ее бедствий ведут к нему. Старуха ни капли не сомневалась в этом.

— Я дочитаю, а ты потом посмотришь, — повторила Ляйля.

— Хорошо, сейчас...

Фатима, стараясь спрятать в душе все самое сокровенное, еще раз взглянула на портрет писателя. Затем посидела, закрыв глаза, и опять устремила взгляд на писателя. Помучившись так какое-то время, протянула книгу Ляйле.

— Быстрее дочитывай, дочка...

— Что и тебя заинтересовало?! — улыбнулась Ляйля, — дам, мне немного осталось.

Больше они не разговаривали. Девушка углубилась в книгу.

Фатима легла и постаралась в памяти восстановить образ Черной куртки....

Показалось, что кто-то постучался в дверь. Проснувшись, Искандер лежал какое-то время тихо, стараясь еще раз услышать этот звук. Но стук не повторился. Искандер, убрав с груди руки сладко посапывающей Лолиты, тихонько встал и направился к двери. Постояв, резко открыл дверь. Стоящий за дверью должен был растеряться. Но там никого не было. Искандер высунул голову и посмотрел в коридор. Тишина. Значит, стук ему послышался во сне. Странно!

Два-три часа после ласк Лолиты ему оказались достаточными.

Сейчас он уже не уснет. Искандер включил электрический чайник и пошел в ванную, помылся. Потом, взяв ноутбук и бумаги, принесенные вчера Лолитой, пошел на кухню. Пил кофе и просматривал бумаги. Хотя он и не подал вчера виду, но одна из бумаг, принесенных Лолитой, очень заинтересовала его. Перебирая вырезки из газет, Искандер искал именно ее. Здесь были сплетни, которые он распространил сам или было напечатано по его заказу. Их он выбросил в корзину. Они уже сделали свое дело и теперь не имеют никакого значения. В конце на столе осталась только одна заметка.

Искандер глотнул кофе, встал из-за стола, открыл форточку и закурил.

Несколько раз сладко затыкнулся. Еще раз пригубив кофе, сел за стол.

Заметка в газете была обычной. Вернее там ничего не было, кроме слова «Блокада» в программе телевидения. Но внимание Искандера привлекло именно это слово. Блокада. Он знал, что во время блокады через это озеро Ленинграду оказывали помощь, знал и различные истории, мифы, небылицы об этом озере и островах. Но почему-то период Великой Отечественной войны привлек его внимание и он захотел больше узнать о нем через Интернет.

Просидел долго, но особых новостей не узнал. Все заметки периода войны были в духе коммунистов: «Ура! Вот какие мы смелые воины!» Видимо, для современных журналистов эта тема уже не интересна, никто не берется за нее. А заметки более поздней поры касались атомных исследований, военных учений и как результат этого нарушения экологии острова, причинение вреда его флоре и фауне. Искандер только пробежался по ним глазами. Этот остров он выбрал потому, что он находился в стороне от остальных, в уединении (*Кто будет стремиться на остров, о котором ходят такие страшные слухи!*) и здесь не ловил сотовый телефон. А когда интересовался данными Интернета, подумал:

Не связано ли с военными учениями то, что здесь не действуют сотовые телефоны?

Не причина ли в радиации или различных магнитных явлениях? Подумал, на этом все и закончилось.

Было много интересных, выходящих из ряда обыкновенных известий. Заметку о корабле с тремя шестерками, который бороздил здешние воды не только в дни войны, но и сейчас, о том, что были очевидцы этого, он прочитал с интересом. Авторы были не указаны.

Ни дать, ни взять Эдгар По!

Интересной ему показалась и статья о том, как исчезли партийные руководители, прибывшие на один из этих островов на отдых. В пятидесятые годы группа руководителей решила провести свой летний отдых на одном из маленьких островов этого озера.

Набрали много еды, прихватили и своих любовниц. Короче, решили погулять на полную катушку. Неизвестно, достигли ли они своей цели.

Когда, через несколько дней, приехали за ними, чтобы забрать обратно в Ленинград, на острове никого не нашли. После этого их никто больше уже не видел. Автор статьи изучает биографии руководителей и выявляет интересный факт: все они какое-то время проработали во внутренних органах и были причастны к репрессиям. Эти товарищи привозили часть обвиненных на этот остров и «ради великих открытий советской науки» здесь над ними проводили различные опыты и в конце-концов убивали мученической смертью. На основе этого факта автор делает свои выводы: «Проклятия заключенных, их отрицательную энергию вбирала в себя какая-то сила, — говорит он, — и стоило этим людям появиться на горизонте, как он направил эту отрицательную энергию на них».

Прочитав заметку, Искандер улыбнулся. Интересно. На основе этой идеи можно было бы написать рассказ. Например, на этом острове страшно пытаются политических заключенных. Каждый проведенный здесь день — ад. Чтобы читатель ярко представил и содрогнулся от этого, можно включить несколько эпизодов с кровью.

Например... Например, человек отрезает свою ногу, которая от ран начала гнить. Или руку. Сам отрезает... Если он откажется, то пострадают его близкие. И он, стараясь не потерять их, вынужден совершить это. И у него появляется ненависть по отношению к этим людям. Неудержимая ненависть. От ран, пыток, страданий человек умирает. Все осужденные погибают один за другим. Хотя они и умерли, но осталась их ненависть и проклятие. И эта отрицательная энергия начинает мстить своим обидчикам. Ничем не хуже «Рассвета покойников»! Ха...

Вдруг Искандеру стало тоскливо. Вот ты, чтобы написать новую книгу, столько думаешь, переживаешь. Не спишь ночами... А в итоге это никому не нужно. Поройся в Интернете — и все! Здесь можно найти различные материалы для нескольких книг. А он, глупец...

С такими мыслями он собрался уже выйти из Интернета и закрыть ноутбук. Но во время поиска его взгляд упал на следующую запись: «Теряются люди и вещи».

Это было совсем не то, что он искал, не имело ничего общего с тем, что его интересовало. Но то ли от впечатления от статьи о пропаже чиновников, то ли по другой причине, но он приступил к чтению и этой статьи.

В северной части Кении на озере Рудольф есть небольшой остров Эваитенет. Название острова на языке племени эльмоло, что живет на побережье, означает «нет возврата назад». Хотя здесь немало богатств, да и месторасположение более удобное, местное население боится переселяться на остров Энваитенетка, считая его проклятым местом. Для этого у них есть причины.

Как же! Искандер даже улыбнулся. Он знал, как бояться люди островов, о которых ходит дурная слава. Хе-хе-хе...

В 1935 году экспедиция под руководством английского ученого В. Фушаведет проводила на озере исследования. Два члена этой группы М. Шефлис и Б. Дайсон отправляются на этот остров. Через два дня они подают огневой сигнал о том, что все в порядке, это было их последним сообщением. На пятнадцатый день обеспокоенные исчезновением товарищей трое исследователей прибывают на остров. Но они никого не смогли найти. Здесь не было признаков жизни. Приглашенный из Марсабитта вертолет два дня кружит над островом. Затем двести человек, поверившие большому вознаграждению, обещанному В. Фушем, перевернули, можно сказать, каждый камешек острова. Но и в этот раз ничего найти не смогли. М. Шефлис и Б. Дайсон исчезли совсем.

С течением времени эти события начали забываться, и несколько молодых семей из племени эльмоло переселяются на этот остров. Они устроились довольно прилично, выезжали на базар продавать то рыбу, то шкуру и молоко. А иногда приглашали к себе гости и родственников. В какое — то время казалось, что страшное название этого острова совсем забыто.

Но вдруг жители острова перестали показываться на базаре и в других местах. Напуганные их исчезновением жители Лоиенгалани на плотах приплывают на остров. Они были вынуждены вспомнить события, произошедшие с членами экспедиции. Они не нашли здесь ни одного живого следа. И сами переселенцы, и их вещи исчезли в неизвестности.

Искандер на мгновение даже растерялся. Ему показалось, что у него закружилась голова, и он совсем ослаб. Статью он вроде начал читать шутя. Отнесся к нему, как к очередному приключению. Но стоило ему подумать, что эти события происходят на каком-то острове, как его охватил страх. Маленький остров. Черт возьми! А вдруг... Его фантазия за мгновение нарисовала самые страшные картины. И он, желая освободиться от своего страха, опять уткнулся на экран.

Самая последняя весточка о потерянной деревне вернула к 1585 году. К этому событию возвращаются вновь и вновь, но никто не может ни понять, ни объяснить его. На острове Ранок (сейчас штат Северной Каролины) Уолтер Рейли вместе с английскими переселенцами организовал деревню. Красивая природа, плодородная почва, деревня разрастается все больше. И сэр Рейли направляется в Европу за семенами, необходимыми принадлежностями и новыми переселенцами. Но когда он вернулся, деревни уже не было. Но следов принуждения или сборов наспех здесь не было. Одежда в шкафах и сундуках, косметика остались лежать нетронутыми. Не тронули и орудия труда, еду. Имущество не тронуто, не разорено, не потеряно. Исчезли только люди и вся живность. Этот случай остается загадкой и по настоящее время.

Статью о партийных чиновниках он читал все-таки спокойнее, даже с какой-то беспечностью. Их исчезновение совсем не тронуло его душу. Возможно, причиной того было и то, что его дедушка пропал без вести в советских лагерях. Даже подумал вроде о рассказе. А в этот раз прочитал о событиях, которые произошли у черта на куличках и... Не это ли превращение количества в качество?! Черт возьми!.. Нет, причина была совсем не в этом. Дело не в том, что данное событие произошло с кем-то и где-то. Дело в том, что оно произошло. Если было до этого, значит, может произойти и сейчас. Следовательно, если люди терялись раньше, могут и сейчас.... Черт возьми!..

И у долины Смерти на юге Невады такая же тревожная слава. К секретам Долины

Смерти нужно добавить и то, что полвека назад здесь проводились атомные испытания и что до сегодняшнего дня над данным регионом летает бесшумный аппарат треугольной формы. В последнее время к армии пропавших прибавились автомобилисты и пассажиры...

Прочитав об этом, Искандер вспомнил, что он читал об озере около Петербурга и его островах. И там же проводились военные учения!.. А нет ли связи с военными учениями и в том, что здесь не ловят сотовые телефоны? Не кроется ли причина этого в радиации и различных магнитных волнах? Так он думал совсем недавно. Подумал и забыл. Черт возьми!..

Черт возьми!..

Он вышел из Интернета и закрыл ноутбук. Так можно с ума сойти.

Захлебываясь, допил остывший кофе и зажег сигарету. Со вкусом затянулся. Ни о чем не думал. Если говорить честно, то он просто боялся думать. На фоне таких страшных данных ожидание вестей с острова не предвещало ничего хорошего. Ничего хорошего.

Конечно, кроме мысли о Лолите....

Докурив сигарету, Искандер пошел в ванную и помыл лицо и, желая немного отдохнуть, пошел в зал. Ему уже не хотелось спать.

Снова уснуть он уже не сможет.

Хотя спать он и не собирался.

6. Один день неизвестности

Он открыл глаза. Какое-то время не мог понять, где он находится. Посмотрел по сторонам. Остров... Комната... А где Айгуль?.. Возможно, проснулась и пошла к своим сверстникам?

Подожди, а спала ли она здесь?

Вообще, что вчера произошло?

Он ничего не помнил...

Неожиданно душу Радика охватило безграничная боль и тоска.

Он не смог сдержать свое слово... Не смог сдержать клятву, которую дал себе и дочери. Опять до свинства напился. Пей-пей, даже не в состоянии вспомнить, что было вчера. Что он говорил, чем еще насмешил окружающих?! Айгуль... Она, наверное, готова была сквозь землю провалиться из-за него. А это в то время, когда только стали налаживаться отношения.... Айгуль теперь, наверное, даже говорить с ним не станет.

Стоило ему подумать об этом, сердце его так тревожно застучало, что готово было вот-вот выпрыгнуть. У него не осталось желания жить дальше. Если даже находясь с ребенком, не смог сдержаться от выпивки, есть ли смысл жизни вообще. Может, лучше пойти и повеситься на любом дереве этого острова или в воду выброситься?

Он уже однажды собирался выброситься в воду. Это случилось тогда, когда он в очередной раз поругался с женой (ссора естественно произошла из-за выпивки) и почувствовал свою ненужность никому.

Но стоило ему войти по горло в воду, как кровь быстро остыла. «Я умру и освобожусь, а кто будет моих детей смотреть?»- эта мысль заставила его поползти к берегу. Эта мысль согревала его и тогда, когда он, дрожа от холода, выжимал свою одежду. «Жене муж найдется, — думал Радик, — а кто заменит детям отца?» Если подумать, то выходит, что дети спасли его от смерти. Если хорошенько подумать, то выходит так... Но Радик совсем не думал об этом.

Желание утопиться связал только с тем, что выпил лишнего и через некоторое время опять продолжил пить. И вот...

Проклятый алкоголик...

Мать однажды сказала именно так. «Сколько лет ты пил мою кровь, — сказала тогда и жена, — я больше не могу все это терпеть.

Выбирай: мы или водка». Радик понимал правоту этих слов. Он, естественно, выбирал семью. На некоторое время одумывался, даже стыдился, что опустился до такой степени. Но это длилось очень недолго, затем он опять начинал бахвалиться: «Что?! Я алкаш? Да я еще!..» и начисто забывал, что должен выбирать и кого выбирать. Если бы выбирал, он, конечно, выбрал бы семью. Но Радик не выбирал. А в этом случае бездействие было подобно гибели.

Проклятый алкоголик...

Всю кровь мою выпил....

Сейчас эти слова звучат для него совсем по-другому. И жена, и мать говорили именно

так... Но Радик не придавал им значения. Вот сейчас до него дошел истинный смысл этих слов, аж по позвоночнику пробежал холодок. Он представил себя не человеком, а страшным чудищем. И не поверить этому было трудно.

Он не помнил, когда выпил свою первую рюмку. Будто в то время находился под гипнозом или крепко спал. А может, и вправду так. Во всяком случае, не скажешь, что он тогда бодрствовал. Он был как во сне... Как во сне...

...Он не был одинок. При свете луны мужчина заметил следы на полу. Это были его следы. Он также заметил, что напротив него сидят три женщины. Они были молоды. Хотя женщины и сидели спиной к лунному свету, теней их не было. Вскоре они поднялись, почти вплотную подошли к Радик и, уставив на него свои красные глаза, стали о чем-то между собой шептаться. Они были вроде ему знакомы, он где-то их видел, только не мог вспомнить где. У всех троих зубы были ослепительно белыми. Жемчужинами блистали они сквозь нежные губы. В них было что-то, что не поддавалось разуму, а захватывало все чувства. Радик потянулся к чувственным губам, но ступешался. Он ждал, когда они сами поцелуют его так, что можно будет забыть все на свете. Они о чем-то пошептались втроем и громко засмеялись. Их смех прозвучал, словно звон хрустальных бокалов. Их смех был, словно яркий всплеск огня в ночи, в нем слышалась какая-то загадочная мелодия. Светловолосая кокетливо покачала головой, а другие ее подбадривали:

— Давай, ты начинай, а мы после тебя.

— Он молодой, красивый. Его на всех хватит.

Радик, обессиленный от предстоящего наслаждения, продолжал лежать, боясь даже пошевелиться. Ему казалось, что стоит ему пошевелиться, и эти милые женщины мгновенно исчезнут, тогда вдребезги разобьются и его ожидания сладких поцелуев.

Светловолосая женщина наклонилась к нему. Радик почувствовал даже ее сладкое дыхание. Дыхание женщины было до головокружения сладким и одновременно горьким.

Он побоялся открыть глаза, но продолжал наблюдать за происходящим из полураскрытых век. Светловолосая встала на колени и наклонилась над ним. Облизнула полные ласки свои губы. Глаза ослепили блестевшие из-за губ жемчужные зубы. Ее сладкое дыхание заставило учащенно биться его сердце. Радик невольно потянулся губами к женщине. Но голова женщины тихо скользнула вниз, и ее холодные губы прикоснулись к шее Радика. В правой стороне шеи он почувствовал щекотку, которая возникает от легкого щелчка пальцами. От прикосновения ее зубов он сладко вздрогнул и, закрыв глаза, ждал умопомрачительных ласк. Неожиданно он вздрогнул всем телом. Радик вспомнил... Он вспомнил, где их видел. Изображение светловолосой женщины он видел на этикетке водки. А черноволосую — на флаконе одеколona или какого-то денатурата. Он открыл глаза и на полу увидел три бутылки. Женщин рядом не было. Вместо них остались только три бутылки.

Бутылки стали увеличиваться на глазах и превратились в тех женщин. Сквозь зубы у них выступали клыки, по подбородку текла кровь.

— Исчезните! Уходите! — с ожесточением закричал Радик. — Исчезните!

— Мы исчезнем, — улыбнулась светловолосая, — исчезнешь и ты.

— Исчезните!

— Ты теперь наш, — ласково улыбнулась женщина с черными волосами, — ты один из нас.

Вот оказывается как произошло его первое прикосновение к рюмке.

Радик закрыл глаза. На конце ресниц показались горькие слезы.

Когда он поднимал первую рюмку, он, действительно, был в полубессознательном состоянии. Если бы не было так, он смог бы заметить, с каким вампиром связался. Он не видел... Сегодня Радик хорошо понимал это, но было уже поздно...

Он пьет водку... Нет, водка пьет его, а он остальных — мать, детей, близких...

Он же собирался больше не пить. Он дал себе слово. Но опять не сдержал его. Не помнит, что произошло вчера, как он лег спать. Стыд- то какой!

Но как бы ему не было стыдно, о самоубийстве нельзя было и думать. Не честно уходить из жизни, когда опустился до такой степени, разворошил всю свою жизнь. Это похоже на то, что согрешил и бежишь от ответственности. Как бы тяжело не было, испорченные борозды жизни должен исправить сам или хотя бы сделать попытку к этому. Сегодня он не сдержал своего слова. Ну и пусть. Нужно еще раз попытаться бросить пить. Говорят же, кто хочет, тот найдет, даже в камень гвоздь вобьет. Нельзя останавливаться на полпути. Это не по- мужски.

Конечно, в какой-то степени это было похоже на самоуспокоение. В последние годы Радик не одно дело не доводил до конца. Вот только пить он начинал каждый день и не останавливался до тех пор, пока не валился с ног. А в остальном... Но это же не говорит о том, что если согрешил тысячу раз, то должен и в тысячу первый тоже. Никогда не поздно встать на правильный путь!

Естественно, это будет нелегко. Особенно после того, что уже сделал.

Надо сдвинуться с места. Необходимо что-то делать. Лежачее положение ни к чему хорошему не приведет.

Радик приподнялся и сел, посмотрел на дверь. Ему было страшно открыть ее и выйти наружу. Было нестерпимо стыдно. Что он еще вытворял вчера? Хотя бы Айгуль поскорее вернулась, она бы пролила свет на происходящее. Радик постарался вспомнить, что было вчера вечером.

Приехали на остров. Разместились... Поужинали. Он тогда выбросил свою бутылку водки. Стоп! Дав клятву, что больше пить не будет, он выбросил бутылку водки в форточку... А потом... Потом легли спать. И он в первый раз (Нет, этого он никогда не забудет!) радостный от того, что ложится спать трезвым, погрузился в сладкий сон. Уснул, но ему снились какие-то кошмары, он бредил.

Сердце Радика забилося учащеннее. Дрожащими руками он налил из графина воды и выпил. И в первый раз (И это нельзя забыть!)... Первый раз из стакана не несло перегаром. И вода пошла с какой-то легкостью. Прошла и дрожь в руках. Поставив стакан на стол, он стал рассматривать свои вытянутые пальцы. Они не тряслись.

Да и голова, вроде, не кружилась. Что это?! Черт побери! Или на этом острове так легко проходит похмелье?! А может? Может, он вчера вообще не пил?! Если бы не пил, помнил бы, что вчера произошло...

Радик еще раз сосредоточился. Радостный от того, что впервые трезвым встречает ночь, он лег спать и... И в полночь услышал какие- то голоса... Да, черт побери!.. Призрак!.. Радик бросился к углу, чтобы посмотреть брошенный там мешок, но покачнулся от резкой боли в ноге. Стараясь не придавать этому значения, дохромал до угла. Мешка не было. Радик перебрал шкаф, посмотрел под кроватью. Мешка нигде не было. Может, и призрак ему только приснился? Но он вчера лег спать трезвым! Это забыть невозможно. Это — событие.

Хорошо, что дальше? А нога? Черт побери, что произошло с ногой?

Неожиданно он вспомнил все. Невольно бросил взгляд на кровать Айгуль. Все его тело охватил испуг.

Халиль проснулся выспавшийся. Уже рассвело. Бросил взгляд на кровать Роберта и еле уловимо улыбнулся. Мальчик подрос. Вчера мило беседовал с той девочкой, а сегодня не вернулся ночевать. Дело, кажется, набрало ход. Ладно, сами, наверное, знают. И все же сердце охватила какая-то тоска. Не хочется расставаться с единственным сыном. Тогда он останется совершенно один. Но ребенка нельзя бесконечно держать под своим крылом, он когда-нибудь должен начать жить самостоятельно.

Вчера рано лег спать. Ища записку, которую мог оставить сын, посмотрел стол и, взяв из сумки туалетные принадлежности, вышел в коридор. Душа здесь не было. Во всяком случае, вчера он его не нашел. И сегодня он пробежался глазами по дверям комнат и решил не искать. Придется воспользоваться только удобствами туалета. В кране не было теплой воды. На лице Халиля опять появилось подобие улыбки. Откуда на этом острове, куда не ступала нога человека, может появиться горячая вода? Спасибо, хоть холодная есть. Он почистил зубы и стоял в замешательстве: бриться или нет. Потом начал собирать туалетные принадлежности. Ладно, приведет себя в порядок, когда доберутся до места. Тогда и побреется, и примет душ. А пока...

Скоро, наверное, придет и теплоход. Надо собрать вещи. Найти и предупредить Роберта. Пусть не забывает обо всем на свете.

Придя к себе в комнату, заправил постель, собрал сумку. Бросил взгляд на окно. Солнце вставало. На улице людей пока не видно. Где ходит Роберт? Наверное, не на улице? Утром бывает холодно, долго бы не выдержали. Наверное, они в какой-то из комнат. Халиль высунул голову из дверей, и некоторое время стоял, прислушиваясь.

Ему показалось, что Роберт где-то шепчется с той девушкой. Но ничего слышно не было. Но это было не совсем так. Вокруг вообще не было слышно ни звука. Совсем не слышно. Казалось, что все вокруг замерло, вокруг была идеальная тишина. Это показалось Халилю странным. Даже если люди еще и не проснулись, слышно было бы их дыхание, как они переворачиваются во сне или другие звуки.

Стараясь не нарушить тишину, он осторожно закрыл дверь.

Затем, сам не замечая того, на цыпочках подошел к окну. Но отсюда было не все видно. Только пустая площадь перед крыльцом. На одно мгновение эта площадка показалась ему нарисованной, деревья — частью декорации.

Халиль открыл форточку. Казалось, что стоит ее открыть и комната наполнится звуками живой природы: пением птиц, шелестом листьев, жужжанием насекомых, шуршанием травы... Но и с открытием форточки ничего не изменилось. Нет, изменилось. Тишина до этого была только в комнате, в доме. А сейчас стало ясно, что и на улице ни звука. От этого у Халиля холод пробежал по позвоночнику.

Показалось, что течение жизни, время остановились, и он единственное живое существо на земле.

Обессиленный, он сел на кровать и почувствовал, что сам старается не издавать ни звука. Как будто он боялся кого-то разбудить.

Он, действительно, чего-то боялся. На какое-то мгновение он молча сидел на кровати.

Не сделал ни одного движения. Показалось, что у него остановилось дыхание. И не только это. Казалось, что замерли все его чувства, мысли. Это, вроде, действительно было так.

Он вздрогнул от неожиданно пришедшей мысли. Казалось, что мысли, сдерживаемые до сих пор, словно вулкан, вырвались наружу.

Так, что все вокруг даже вздрогнуло. От неожиданности он опять растерялся. Не мог вспомнить, какая мысль заставила его вздрогнуть, а когда вспомнил, испугался поверить ей. Это было невозможно. Точнее может быть... Он многое повидал уже на свете и знал, что невозможного нет. Но это не могло произойти с ним, вернее не должно было произойти. И если бы это произошло, он бы очень обиделся на несправедливость этой жизни. *Может, все идет по — прежнему? Может, изменился только я? Может, я просто оглох?* Халиль нетерпеливо потянулся к телефонной трубке. Когда он вставал с места, слышал звук пружин кровати. Услышав это, он счастливо улыбнулся. Не переставал он искренно улыбаться и когда нажимал на кнопки телефона. Звуки, издаваемые при наборе номера, казались ему приятной мелодией. Ему хотелось очень сильно отругать татарина, которого встретил на улицах Нью-Йорка. Но, когда он поверил, что вполне здоров, мысли эти сразу исчезли. Если бы можно было установить связь с Черной курткой, он бы не удержался, чтобы не поблагодарить его за гостеприимство. Но не было связи. Вскоре кончилась и зарядка. Халиль положил телефон на стол. Он был рад.

Когда потянулся к столу, обратил внимание на клочок бумаги. Как он не заметил его до сих пор. Он ведь до этого смотрел, не оставил ли Роберт записку. Да и бумага лежит в самом центре стола. Хотя все может быть...

Когда потянулся к бумаге, душу Халиля пронзило странное сомнение. *Может, ее здесь не было? Если бы она лежала здесь, он бы ее заметил. Лежит ведь в самом центре.* Но он постарался не поддаваться этой мысли, а когда взял бумагу в руки, совсем успокоился. Он боялся, что могут быть плохие вести о Роберте. Записка была совсем не о сыне. Написана она была незнакомым почерком. Она была адресована совсем не Халилю. Желая убедиться в этом, он еще раз вслух прочитал ее.

Перед тем, как родиться, дитя спросило у Бога:

— Зачем я иду на эту землю? Что я должен делать там?

Бог ответил:

Это ничего не объясняющий, не значащий кусок бумаги. Возможно, его кто-то оставил, кто раньше был на острове. От бумаги, на которой было что-то написано, по надобности оторвали часть, а остальная мусором осталась лежать на столе. Халиль скомкал эту бумажку и глазами стал искать корзину для мусора. Не нашел. А пойти в туалет, чтобы только выбросить эту бумажку, поленился. И положил ее в карман. *При случае выброшу.* Возня с бумагой и телефоном на какое-то время отвлекли его, но стоило остановиться, как опять обратил внимание, что комната, дом, да и сам остров погружены в тишину. В мертвую тишину.

Уже рассвело. Почему никто до сих пор не просыпается? Ведь скоро должен прибыть и теплоход. Россия. Наверное, она так и останется страной, где люди не любят точность. Вон ведь спят, забыв обо всем на свете, как будто в гости к теще пришли. Сами жалуются, что живут бедно, плохие условия жизни. А того понять не могут, что две радости вместе не приходят: или длительный сон, или сытая жизнь. Выбирай, что нужно, и не жалуйся. Желая

хотя бы вскипятить чай россиянам, он направился к двери. И вдруг, остановился и замер на месте. Он вспомнил! Потянулся к карману. Взял бумагу и еще раз прочитал. Написано было по-татарски. По-татарски!

Нет, этого не может быть!

Хотя...

Разве есть место, где бы не побывал татарин.

И хотя не было ничего противоречивого, чувствовалось что-то в этом странное. Но долго думать об этом он не смог. В одной из комнат послышался мужской голос. Халиль стоял, не веря своим ушам.

Мужчина кричал по-татарски.

Михаил, видящий сон понимал, что это только сон. Но он не мог проснуться и переживал все это, как наяву. Сон для него был явью.

Михаила из Ново-Михайловской церкви привезли в Москву, в самую большую правительственную комнату.

В комнате, напоминающую тюремную камеру, их было всего двое. Правитель за столом в центре смотрел какую-то древнюю книгу.

Михаил постоял некоторое время на пороге, потом кашлянул. Он знал, что был безгрешен. И всем своим видом хотел показать это Правителю. Чтобы не подумали, что боится или стесняется, потому что грешен. Но Повелитель, вроде даже не обратил на него внимания.

— Тебя за что привели сюда? — спросил он через некоторое время, не отводя взгляда от книги. — В чем твоя вина?

Михаил обрадовался. Значит, Повелитель почувствовал, что он безгрешен?

— Не знаю, — сказал Михаил, попытавшись улыбнуться. — Я хотел спросить у Вас.

Повелитель какое-то время молчал. Затем вышел из-за стола, подошел к Михаилу и посмотрел ему в глаза.

— Вас обвиняют в том, что вы еретик, — сказал он, как бы не желая верить в то, что говорит. — В том, что жили не так, как велит церковь.

— Вы хорошо знаете, что я не виновен, — сказал Михаил, стараясь оставаться спокойным. — Свою религию, религию христианства я никогда не придавал.

Повелитель отвел взгляд от Михаила и какое-то время смотрел на изображение двуглавого орла. Затем опять сел за стол. Одел корону, лежащую тут же в сторонке. «Царская корона! — подумал Михаил. — Может, страной стала управлять церковь?» — Вы свою религию назвали настоящей христианской религией, — сказал Повелитель. — Это потому что вы нашу религию считаете ложной. — Он лишь на мгновение посмотрел на Михаила и улыбнулся.

— Но я спрашиваю вас совершенно о другом. Вы не приняли никакой чужой веры, отличной от веры, проповедуемой московской церковью.

— Я верю в религию, в которую верит и московская церковь. И правдивой считаю ту веру, которую проповедуете вы.

— Возможно, в Москве есть несколько личностей, относящихся к вашей секте, и они

называют себя московской церковью. Я в своих учениях, действительно, говорю о том, что у нас общее с вами.

Например, говорю, что есть Бог. Вы признаете правоту этих учений и отрицаете другие учения, которые тоже справедливы.

— Я христианин и верю во все, во что нужно верить.

Правитель, встав из-за стола, опять подошел к Михаилу. Стоял, некоторое время пристально смотря в его глаза, а потом улыбнулся.

«Его улыбка притворна, — подумал Михаил. — Глаза, словно стеклянные. И они, наверное, не настоящие. Может, так кажется, потому что все происходит во сне?» Но у него не было возможности долго думать об этом. Прозвучал притворный голос Правителя:

— Такие отговорки мне хорошо знакомы. Вы утверждаете, что христианин должен верить в то, во что верят члены вашей секты. Но мы так впустую только проведем время. Ответьте честно, вы верите в Бога?

— Верю.

— Вы верите в Иисус Христос?

— Верю.

— Вы верите в Иисуса, сына Святой Марии, преданного испытаниям, воскресшего вновь и вознесшегося в небо?

— Верю, — сказал Михаил и, чтобы предотвратить очередной вопрос Правителя, добавил, — Я разве не должен верить во все это?

Естественно, такая выходка Правителю не понравилась. Обаяние в его голосе исчезло в одно мгновение.

— Я не спрашиваю у вас должен или не должен, — резко ответил Правитель, — верите ли?

— Я верю во все, что велите Вы и другие ученые.

— А если учения «этих хороших ученых» в вашей секте придет в противоречие с моими?

Михаилу стало надоедать, что Правитель задает ему свои никчемные вопросы. *Старый черт! Если бы это было наяву, я бы знал, куда тебя деть! Инквизитор чертов!* Но он не выдал своих мыслей.

— Я верю в Ваши учения.

— Хорошо. Вы верите, что на алтаре тело нашего Иисуса?

— Верю, — резко ответил Михаил, желая смягчить сказанное, добавил, — а вы сами верите?

— Без сомнения.

— И я верю.

— Я знаю, что вы верите в то, что в это верю я. Но я спрашиваю, верите ли вы?

— Если Вы не хотите понять то, что я Вам говорю, а переворачиваете все не понятно как, я не знаю, как дальше с вами говорить. Я простой человек и прошу не привязываться к каждому моему слову.

— Если вы простой человек и отвечайте просто, зачем юлить?

— Я готов.

— Если так... Поклянитесь, что вы никогда не отступите от правдивой религии.

Михаил побелел.

— Если я должен поклясться, я клянусь.

— Я не спрашиваю, должны или нет. Вы желаете поклясться?

— Раз вы приказываете, я клянусь.

— Я не заставляю вас. Если вы идете на это так, грех падет на меня. Но если вы пожелаете дать клятву, я готов его принять.

— А если вы не приказываете, почему я должен клясться?!

— Чтобы доказать, что вы не грешны.

— Только я не знаю, как начать.

— Если бы мне пришлось давать клятву, я бы поднял руки и сказал: «Я никогда не отступал от правдивой религии, Господь свидетель!»

Правитель сел за стол и: улыбаясь, продолжал наблюдать за Михаилом. *Надо быстро поклясться и проснуться. Вон уже и рассвело. И этот старый хрыч изрядно надоед уже.* Только он собрался открыть рот, как в душе возникло сомнение. Это Правитель нарочно запутывает меня своими вопросами. Он все уже знает на самом деле. Он даже знает то, о чем Михаил думает. *Религия уже сводится на нет. А ты все еще выискиваешь еретиков. Во дворе не средние века, а XXI век. И нет уже ни одного человека, кто бы всем сердцем верил в религию. Понял, старый осел?!*

— Не засоряй голову пустяковыми мыслями, — сказал Правитель. — Возможно, во дворе и XXI век, но ты не во дворе. Если ты не признаешь свои грехи и не станешь истинным последователем бога, даже во двор выйти не сможешь. Давай, не тяни.

Правитель был прав. Михаил поднял руки, чтобы произнести клятву.

— Господь свидетель, — только он не смог произнести свои слова до конца. Вдруг резко все изменилось, комната куда-то исчезла, а сидящий за столом Правитель превратился в попа. Они были перед дверью какого-то очень древнего человека. В это время кто-то, сняв с головы шапку, подошел к попу.

— Василия похоронил мулла, — сказал он лживым голосом. — И свадьбу детей муллы справил. И сына Сибагатуллы мулла обучает. Я знаю, где могила Василия, если хотите, покажу.

— Мулла сюда пришел? — спросил поп, до конца не веря этому.

— Пришел, в чалме пришел. Венчание провел... Молитву читал.

Михаил ломал голову, не понимая, что все это значит. Человек, стремящийся угодит попу, был ему знаком и одновременно незнаком.

— ...в мечети обучает религии, читает молитвы, — закончил ябедничать человек.

— Пиши, все пиши, — сказал поп кому-то и повернулся к ябеднику, — как твое имя?

— Ахмет Мухамметшин.

Неожиданно ябедник увидел Михаила. Прищулив глаза, он смотрел некоторое время на него, а потом улыбнулся. Хотя его Михаил и не очень знал, но все тело его бросило в жар. Какая-то искра в глазах Ахмета заставила его испугаться.

— А этого человека я знаю, — с радостью, будто неожиданно нашел золото, сказал Ахмет, — он татарин.

— Я не татарин, — закричал Михаил, — я христианин.

— Ха-ха-ха! — засмеялся ябеда, — христианин.

Снова превратившийся в Правителя поп спросил Михаила:

— Ты татарин?

— Нет, я не татарин, нет!

— Он татарин, — повторил ябеда. — Он татарский мальчишка, выросший в деревне

недалеко от Казани. Если не верите, спросите вон у матери.

Правитель посмотрел на призрак старушки. Эта старуха была Михаилу знакома. Это была та старуха, что вышла к нему на острове из тумана. Михаил растерялся.

— Ты кто? — спросил он через некоторое время, — ты кто?

Но слова ябеды уже засели в ушах. И он не мог ему не верить.

Его мать...

— А ты попробуй, вспомни сам, — улыбнулась старушка, прикрывая беззубый рот рукой, — попробуй вспомни. Я не забыла. А ты? И ты не должен был забывать. Ты не должен был меня забывать.

Ты не должен был забывать...

— Я тебя не знаю, — закричал Михаил голосом, в котором слышался страх. — Ты не моя мать. Я не твой сын. Я не татарин!

— Ты чистокровный татарин, — сказала старушка, радуясь тому, что нашла сына и повернулась к Правителю, — мой сын татарин.

— Ха-ха-ха! — ябеда Ахмет начал иступленно смеяться, — ха-ха- ха!

Правитель махнул рукой, как бы говоря: «Уйдите». Все исчезли.

В комнате остались только они вдвоем.

— Значит, ты татарин, — сказал Правитель, подводя итог всему. — А сам готовишься дать клятву, что ты христианин.

— Я не татарин! — сказал Михаил и, видя бесполезность своих слов, добавил, — Я крещенный.

Он быстро отстегнул ворот и протянул Правителю крестик.

— Вот, видите! Я крещенный!

— А в чем разница?

— Разница большая? Я во всех отношениях отличаюсь от татар. Я совсем другого, совсем... Понимаете?! Я... Я не татарин... — неожиданно Михаил понял, что говорит он на чистом татарском языке и начал иступленно кричать, — Я не татарин! Я совсем другой! Не татарин! Нет!

— Я тебя понял, — сказал спокойно Правитель, — А разница-то в чем?

Михаил не понял.

— Как?

— Ты только что не узнал собственную мать, — сказал Правитель, улыбаясь исподтишка. — Ты отрекся от того, кто произвел тебя на свет.

Так?!

Михаил не ответил.

— А значит, какая разница: татарин ты или кто другой, — он бросил на Михаила многозначительный взгляд. — Если ты отрекся от матери, не важно, из какой ты страны, какой религии и национальности. — И он крикнул своим подчиненным — в ад его!

В это же самое время призрак какого-то верзилы начал усиленно его трясти. Он попытался было сопротивляться, но верзила с невероятной силой схватил его за воротник.

— Вставай, мать твою! — закричал он. — Сколько можно бредить.

Вставай, говорят тебе! Просыпайся, христианин, мать твою!

Михаил, боясь, открыл глаза. И от удивления отпрянул назад.

Перед ним стоял Роман.

— Роман, — прошептал он, — что случилось?

— Не случилось, — сказал Радик сухо. — Ты на татарском говоришь только тогда, когда бредишь?

— Как?!

Когда Михаил сел, желая напиться, он потянулся за стаканом на столе и замер на мгновение. Стоило ему увидеть стакан, он вспомнил все, что случилось вчера, жажда сразу исчезла.

— Что, передумал, христиан? — улыбнулся наблюдавший за ним Радик. — А теперь расскажи, почему ты Михаил и почему ты не татарин?

Михаил на какое-то мгновение оказался в замешательстве. Он не собирался рассказывать о своем прошлом. И все же он не хотел быть грубым с этим человеком.

— Ладно, и до этого дойдет очередь, — Михаил старался повернуть разговор на другое и взял со стола маленькую бумажку. — Это еще что такое?

Наверное, Анна пошла прогуляться с малышом на улицу и чтобы он их не потерял, решила оставить записку. Но на бумаге, напоминающей старую открытку, написано было не рукой Анны.

Михаил, стараясь уйти от ответа на вопрос Романа, стал громко читать записку:

— Твой ангел научит тебя своему языку. Он будет охранять тебя от всех бед и напастей.

— А когда я вернусь к тебе?

Ангел тебе все объяснит, — сказал Бог.

— А как зовут этого ангела?

Но Радик оставил без внимания эту его выходку.

— Ты татарин, да? — спросил он, делая ударение на каждом слове.

— Так?

— Так, — сказал Михаил, бросая записку снова на стол, — что в этом такого?

— Просто, а зовут тебя Михаил. Тебе самому это не кажется странным?

— Нет, а тебе?

Радик не ответил. Действительно, как только сейчас не называют детей. А потом, Михаил же может быть и крещеным татаринном. Ему стало неудобно, что он начал разговор об этом.

— А тебе не кажется странным, что ты татарин, а зовут тебя Романом?

— Мое имя Радик, — улыбнулся он. — А Роман — это мое прозвище.

— Радик?! — Михаил неожиданно вздрогнул. Он внимательно посмотрел на Радика.

— Да, а что случилось?

— Нет, просто так...

Радик уже понял, что это не просто так, но решил не углубляться.

— Знаете что, — сказал он, — нас здесь пять семей. Трое из нас татары. Ты, я и Хамит...

— Кто? — Михаил опять вздрогнул.

— Ты говоришь Хамит?!

— Да, а что случилось?

— Так, а он откуда?

— Из Башкортостана.

— А ты?

— Из Казани. А ты?

— Из Михайловского.

— Вот и познакомились, — сказал Радик. — А теперь раскрой уши и слушай. Моя дочь пропала вчера вечером. Помнишь, случай с призраком. Когда пошел искать Айгуль, у крыльца я поскользнулся.

Хамит пришел мне на помощь. И с нами что-то случилось. Я потерял сознание. А сегодня утром проснулся на своей кровати. Когда вспомнил, что произошло вчера, зашел к Хамиту. Он тоже спал на своей кровати. И он, проснувшись, мучился, стараясь вспомнить что же произошло. Значит, кто-то что-то с нами сделал...

— Я вчера, — Михаил хотел сказать, что он вчера болел, но вспомнив, как бредил, замолчал. — Вчера...

— Что случилось вчера?

— Ничего. Я вчера видел странные сны и бредил. Я видел туман.

Из тумана появилась старушка. И эта старушка... Эта старушка должна быть моей матерью...

Радик странно посмотрел на него и продолжил.

— Проблему старух решим позже, — сказал он решительно. — И семьи Хамита в комнате не было. Он спал один. Понимаешь?

Михаил покачал головой.

— А твои где?

— Не знаю... — показалось, что Михаил неожиданно побледнел. — Остров. Остров нас не любит. Я это почувствовал сразу, как только приехали. Это не простой остров. Он готовит нам гибель. Мы должны были уехать отсюда. Уехать. Но... Мы уехать не смогли...

Радик слушал его не перебивая.

— А сейчас... Поздно уже...

— Подожди, — сказал Радик резко, — я не верю в мистику.

— Это не мистика, — Михаил, поняв свое нервное состояние, замолчал. Действительно, нельзя было предаваться панике. Сначала надо осмотреть остров. Может, члены их семей находятся недалеко?

— Дослушай, — сказал Радик без всякой злобы. — Мы пойдем их искать. Ты одевайся, готовься. А я к Хамиту и Хэнку.

— Может, они где-то поблизости?

— Нет, — сказал Радик, дотягиваясь до ручки двери, — я здесь осмотрел все комнаты. Осмотрел все вокруг. Сейчас нам нужно осмотреть весь остров. Кстати, нет и Андрея Николаевича с Ольгой.

— Хм-м...

— Давай, хорошенько подготовься.

— Радик!

Радик был уже в коридоре. Он недовольно просунул голову в проем двери.

— Что еще?

— А ты из самой Казани?

— Хм, а какая разница?

Радик ушел, с шумом закрыв дверь.

— *Какая разница, — повторил в душе Михаил. — Какая разница? Башкортостан... Казань... Михайловка... Ты откуда? Из Михайловки! Легко, удобно... Ты откуда? Из Казани или из Башкортостана. Какая разница?*

И он потянулся к бумажке на столе. Переворачивая вновь и вновь смотрел на нее. Это была не открытка... Это была часть фотографии. Снята была она много лет назад до этого. Михаил опять уставился на запись:

— *Ангел научит тебя своему языку. Он будет оберегать тебя от всех бед и напастей.*

— *А я когда вернусь к тебе?*

Михаил опять посмотрел на фото. Ничего нельзя было различить. Но он очень хорошо понимал, что стоит перед каким-то большим открытием.

Услышавший чьи-то крики и вышедший в коридор Халиль собрался войти в комнату, откуда доносились голоса. Неожиданно открылась дверь, и появился Роман.

— Ты пока готовься, я пойду, разбужу...

Он поздоровался с Халилем только кивком головы и пошел дальше.

— Иди сюда, буржуй, — сказал выглянувший из комнаты Николай.

— Научу тебя говорить по-татарски.

Халиль шагнул в его комнату.

— А меня учить не надо, — сказал он, чем очень удивил Хамита, — я сам татарин.

— Вот тебе на! — ты разве не американец?

— Ну и что, — улыбнулся Халиль, — и ты ведь русский.

— Меня зовут Хамит, — улыбнулся Хамит, — я из Башкортостана.

— Хамит?! — Халиль внимательно посмотрел на него, — из Башкортостана?

— Да, а ты, буржуй?

— Я Халиль из Казани.

— Что?! — сейчас на него пристально посмотрел Хамит. — Из самой Казани?

— Нет, я полжизни провел в Америке, в Казани я только родился...

Хамит не мог оторвать от него свой взгляд.

— Что?!

— Нет, просто так, — сказал он, смутившись того, что так нахально рассматривает его. — Сюда, наверное, отдохнуть?

— Да, — сейчас Халиль не мог оторвать от него взгляда. — А Вы?

— И мы на отдых...

— А семья? — Халиль спросил только потому, что молчать было неудобно. — Они, наверное, ушли на берег?

— Не знаю, — сказал Хамит. — Наверное. Вы садитесь...

Хамит пододвинул стул.

— Нет, — сказал Халиль, смутившись. — Я не буду Вас беспокоить.

Еще встретимся...

— Садитесь, — голос Хамита звучал твердо, — надо поговорить.

— Но вы... Я Вас... Может, позже?

— Нет, — сказал Хамит с приятным упрямством. — Поговорить нужно немедленно. Вопрос важный.

Халиль тут же подумал о Роберте.

Уж больно он переглядывался вчера с дочкой этого человека. К тому же сегодня и ночевать не пришел. Как бы у них чего не вышло...

— Радик чай вскипятит... — сказал Хамит, направляясь к двери. — Я пойду, принесу за чаем и поговорим...

— Радик?! — резко спросил Халиль?! — Ты говоришь Радик?!

— Да, Роман. И он оказался татарин, — вдруг и сам неожиданно вздрогнул, — Радик!

Желая освободиться из создавшегося неловкого положения, Хамит поспешил из комнаты.

Халиль сел на предложенный ему стул. И вдруг замер, глядя на кусок бумаги на столе. Она была очень похожа на кусок бумаги в его комнате. Какое-то мгновение он стоял, не зная, что делать, а затем потянулся к бумаге. Но именно в это время открылась дверь.

Смутившись, Халиль убрал руку.

— Подвинь-ка вон ту газету, — сказал Хамит, — я принес чайник.

Он проворно приготовил чай и, сев за стол, начал говорить.

— И Роберт, наверное, не ночевал дома?

— Вроде нет, а что случилось?

— Что случилось, не знаю, — сказал Хамит и замолчал. Потом добавил. — Вчера куда-то исчезли и наши дети...

— Если самим нравится...

Хамит странно посмотрел на него и улыбнулся.

— А-а-а... Вас же вчера не видно было, вы ничего не знаете пока...

— А что случилось?

Хамит вкратце рассказал о вчерашних событиях.

— Может, они просто нашли укромный уголок? — сказал Халиль, не до конца веря своим словам, — может...

— Не знаю. Радик обыскал все кругом. Никого не нашел.

Помните, когда мы вчера приехали, остров был одним из приятных уголков природы. А сегодня вокруг какая-то странная тишина.

Обратили внимание?

— Но может...

— Это довольно-таки странно, не правда ли? Странно и то, что потерялись женщины с детьми. Я, конечно, надеюсь, что все закончится хорошо. Но может случиться и непредвиденное. Поэтому мы, тщательно подготовившись, должны пойти их искать.

— Может, нужно поспешить?..

— Торопиться не следует. Во-первых, мы должны тщательно подготовиться. Должны быть готовы к любым непредвиденным ситуациям. Во-вторых, это может быть и просто шуткой. Как это было вчера с призраком. Вчера ведь мы все очень испугались. А это просто кто-то ради шутки одел костюм. Мы думаем, что это дело рук Ольги и Андрея Николаевича. Андрей Николаевич так же мог увести их в какое-то увлекательное путешествие...

— А если они действительно исчезли?

— Нет, во всяком случае, в это верить не хочется. В приглашении были ведь слова: «В данном путешествии вас ждут интересные приключения. После них вы будете больше ценить друг друга». Я на стороне того, что сегодняшняя неизвестность — это часть программы путешествия.

— Но я приехал не по такой путевке. У меня совсем другое...

— Знаю, и Радику пришло приглашение получить выигрыш 100 тысяч. Но...

— Радику?

— Да, сейчас ведь много туристических фирм. Поэтому для привлечения отдыхающих они стремятся найти различные новые пути.

Халиль не ответил, он, вроде, даже не слушал его.

— Значит, в доме нас осталось четверо, — сказал Халиль, как бы подводя итог сказанному, — только четверо.

Хамит продолжал о чем-то рассказывать. Ему показалось странным, что Халиль заговорил на совершенно другую тему, но он ничего не сказал. Размышляя над словами Халиля, и он сам погрузился в раздумья. Но тот не дал ему расслабиться.

— Вчетвером, — повторил он снова и потянулся к бумаге на столе.

— Можно? Я уже давно хотел посмотреть...

— Пожалуйста, — сказал Хамит равнодушно. В мыслях он был не здесь. — Четыре человека... Четверо... Халиль, Хамит, Михаил, Радик...

Но Халиль не услышал его. Он уставился в ту бумажку.

Казалось, что запись на бумаге о чем-то ему говорит.

— Я тебе подарю ангела. Он всегда будет с тобой и все объяснит.

— Но я ведь не знаю языка ангелов. Как я пойму его? — беспокоилось дитя.

Халиль неожиданно вскочил и побежал в свою комнату. Хамиту, наверное, его поступок показался странным. Но по сравнению с тем, что пришло на ум Халиля, все было мелочью.

Но Хамит, вроде, даже не заметил его отсутствия. В неизвестности он просидел какое-то время и вдруг резко поднял голову.

— Вы не из самой Казани, — сказал он, — вы...

И опешил: в комнате он был один.

Выскочивший из комнаты Халиль чуть не ударился о Радика. Извинившись, он хотел продолжить свой путь. Но, быстро повернулся и схватил Радика за воротник. От неожиданности Радик опешил, а Халиль тыкал ему в лицо бумажкой и повторял одно и то же:

— Радик, Радик, — и, чувствуя неловкость создавшегося положения, уменьшил свой натиск, — скажи, только честно скажи, не скрывай...

От возбуждения у него пересохло в горле, заплетался язык.

— Радик, скажи, — говорил он, желая вырвать ответ из уст Радика, — скажи, у тебя был

брат Халиль?

Произнеся главное слово, он облегченно вздохнул. Руки, схватившие до этого воротник Радика, бессильно опустились. Прошел вроде и комок в горле.

От неожиданности Радик некоторое время смотрел на него странно. Когда до него дошел смысл сказанного, пристально посмотрел на Халиля. Раскрыл рот. Сделал глотательные движения. А затем приглушенным голосом выдавил из себя:

— Есть, Халиль есть...

И, поняв смысл своих слов, продолжил:

— Халиль есть... Халиль есть... Хамит есть... Есть брат...

Халиль ловил каждое его слово с нетерпением. При каждом слове кивал головой, улыбался.

— Халиль, — сказал он, желая привести свои мысли в порядок, — это я Халиль, а ты Радик...

Они замерли, будто видели друг друга впервые. На широко раскрытых глазах показались слезы, губы тряслись, лицо вытянулось.

Они радовались встрече после стольких лет разлуки и не могли до конца поверить случившемуся. Простояв так некоторое время, они бросились друг другу в объятия.

Вышедший за Халилем Хамит, увидев их в таком положении, отпрянул назад. Ноги его пошатнулись. Он не мог понять, верить или не верить своим догадкам. Но стоило ему их увидеть, как рассеялись все сомнения. Странная и приятная волна пробежала по всему его телу. Эта волна вскружила ему голову, отняла сила в ногах.

Пошатываясь, Хамит подошел к ним и, обессиленный, бросился на них.

— Братья мои!

Но его слова никто не понял. Эти слова прозвучали, как слова злодея, некрасиво и страшно. Трое братьев долго стояли обнявшись.

— Как родители? Живы? — прошептал Халиль, с неизмерным чувством вины. — Живы ли? Как мать и отец?

Радик попытался что-то сказать, но голоса не было.

— Не знаю, сказал Хамит, не знаю...

И со слезами добавил:

— И вы не возвращались что ли?

Установилась удручающая тишина.

— Мать жива, — прошептал Радик, сам испугавшись своего голоса, — мать жива...

— Отец?

— Он...

— Давно?

Радик не ответил. Он не помнил.

Когда прошли первые впечатления от встречи, они собрались в комнате Хамита. Все были рады. Старались не касаться сегодняшнего трудного положения, но и забыть об этом было невозможно.

— Когда я узнал, что ты из Америки, хотел спросить о Халиле, — сказал Хамит, — но

все не было подходящего случая.

— Когда я узнал ваши настоящие имена, и у меня в душе появилось сомнение, — сказал Халиль. — Неужели, думаю, так может совпасть?

— Э то, конечно, не совпадение, — улыбнулся Малик. — Нас собрали на острове специально. Кто-то специально сделал это.

— Да, чтобы мы встретились наедине, увезли и наши семьи. Все это сделано специально. Вот увидите, скоро и дети с шумом вернутся.

— Конечно, так оно и будет. Только кто интересно организовал все это?

— Каждому написал письмо, обязал поехать...

— Кто бы он ни был, но головастый.

— И святой человек.

— Меня он нашел на улице Нью-Йорка. Он пел тогда на чистом татарском языке. «Что, буржуй, боишься наших песен?» — спросил. Ха- ха-ха.

— Кто?

— Что «кто?» — Кто так сказал?

— Не знаю, он не назвал своего имени. Это был мужчина в черной куртке, джинсовых брюках...

— Черная куртка... — сказал Малик, вспоминая то, что произошло с ним. — И я его видел...

— Тебя как он поймал?

— Сначала встретил, когда выходил из церкви...

— Кайдан?^[7]

— Церк... — неожиданно он замолчал. Все с сомнением посмотрели на него. Установилась тишина. — Я расскажу обо всем потом. Чтобы отрегулировать свою жизнь, мне пришлось одно время поработать в церкви...

— Как «поработать»? — спросил Радик, вспоминая бред Михаила. — Ты и вправду христианин?

— Ну-у, как сказать?

— А ты говори правду.

— Да, в тюрьме к нам приходили попы. После освобождения не мог никуда устроиться.... И... И пришлось пойти в церковь...

— Продажная шкура! — сказал Радик с отвращением. — Христиан!

— Нет, ты пока не торопись...

— Даже татары, которых крестил Иван Грозный, потом вернулись к своей вере, — сказал Халиль, как бы объясняя урок детям. — Были и такие, кто наложил на себя руки, чтобы не предать своей религии. А ты по своей воле... Не понимаю... не могу понять!

— Нет, это совершенно другое...

— Разницы нет. Человек, предавший религию, не человек.

— Ладно, не копайтесь зазря, — сказал Хамит, видя, что разговор приобретает нежелательный оборот.

— Вот ты, Радик, придерживаешься религии?

— Придерживаюсь или нет, не важно. Но я не крестился.

— Не так, у нас уже давно религия потеряла свою суть.

Мусульманство давно уже у нас сошло на нет. Все мы стали безбожниками, А Малик... У него хотя бы есть Бог, которому он молится... Он не безбожник.

Возможно, на этом спор и закончился б, но Малик сам подлил в огонь:

— Ладно, я предал религию, — он устремил свой взгляд на Халиля, — а ты ведь предал свою страну.

— Я не предавал страны.

— Ты поменял свою Родину. Ради чего? Ради того, чтобы жить в богатстве и достатке. И кому от этого польза? Кому было хорошо, оттого, что ты уехал так далеко? Стране? Близким? Матери? Только себе!

— Один брат предал страну, другой религию, третий из-за колдовства русской сбежал, — речитативом проговорил Радик, — у нас оказывается все немножко чокнутые...

— А ты сам-то?

— Что я? Мы живем с матерью, сводя концы с концами...

Радик уже начал сожалеть, что наговорил лишнего. Если будут расспрашивать, как они живут, придется рассказать все. А он пока не был готов к такому разговору. Поэтому и поспешил повернуть разговор на другое.

— Ладно, немного поспорили. А теперь давайте вернемся к Черной куртке. Если выясним, кто он, поймем и цель нашего путешествия.

— Я не могу сказать, кто он, — сказал Малик. — На лицо узнаю, но...

— Я его вообще не видел, — Хамит повернулся к Халилю. — Он не сказал, где работает?

— Нет.

— И я не знаю, — сказал Радик, — не знаю, кто он Черная куртка.

Значит, никто из нас его не знает. Его личность остается неизвестной.

— Есть еще одно обстоятельство, — сказал Халиль, показывая бумагу, что давно уже вертел в руке, — Вот это часть фотографии. На обороте написаны слова. Он есть у каждого из нас. Есть?

— Есть, — Малик достал бумажку из кармана, — вот.

— У тебя, Радик?

— Не знаю, сейчас схожу в комнату. Когда Радик вернулся, Халиль сложил все бумажки и громко прочитал:

Перед тем, как появиться на свет, дитя спросил у Бога:

— Почему я иду туда? Что я должен там делать?

Бог ответил:

— Я подарю тебе ангела. Он всегда будет с тобой и все объяснит.

— Но я не знаю языка ангелов. Как я его пойму, — тревожилось дитя.

— Ангел научит тебя своему языку. Он будет оберегать тебя от всех бед и напастей.

— А когда я вернусь к тебе?

— Ангел тебе все объяснит, — сказал Бог.

— А как зовут того ангела?

— Это не главное. У него очень много имен. Но ты будешь звать его «мамой».

Все стояли молча.

Тишина длилась долго.

Вскоре Малик обратил внимание на оборотную сторону бумаги и вздрогнул. Со снимка на него смотрела старушка, которую он видел во сне. Старушка, вышедшая из тумана. Все заметили его изменение и бросили на него вопрошающий взгляд. Но Малик ничего не сказал.

Наконец, на рисунок обратил внимание и Радик. Улыбнулся и стал показывать всем.

— Знакомьтесь и сохраните это в памяти — это наша мама!

Воспоминания о матери для всех было удручающим. Опять воцарилась тишина. Вскоре заговорил Малик.

— Нам нужно найти наши семьи, — сказал он голосом, не терпящим возражений, — немедленно!

— Вскоре они сами придут, — улыбнулся Халиль. — Это специально организовано. Наверное, где-то на острове совершают путешествие.

— Они не придут, — сказал Малик. — Если мы их не найдем, они не появятся.

— Странный ты человек, — улыбнулся Радик, но чтобы не обидеть брата, добавил, — ладно, искать так искать.

7. В облике женщины

Санкт Петербург. Россия.

Это было страшное наслаждение... Искандер, конечно, не относился к тем мужчинам, которые редко видят женщин. Он мог довести их от блаженства до сумасшествия. Даже кажущиеся на первый взгляд холодными и бесчувственными девушки, погружаясь вместе с ним в волны любви, забывали обо всем, делали невероятное, издавая дикие звуки. Мужчине и самому доставляло радость видеть их наслаждение в сетях любви, слышать их ласковый шепот, видеть широко раскрытые глаза и вытянутые лица. На ложе любви он был властелином. Но в этот раз все вышло иначе. Он не успел даже заметить, как из властелина превратился в раба. Он был в состоянии человека, ступившего голыми ногами на горящий костер. Он действительно был в огне. В огне наслаждения. И мечтал он только об одном. Чтоб эти муки наслаждения прекратились и одновременно длились бы вечно. И удивлялся тому, что в жизни имеет место такое наслаждение...

Вскоре все стихло... Как вырвавшийся вулкан, он взметнулся в небо. Через некоторое время проснулся на своей кровати. Каждая клеточка его тела обессилело от наслаждения. В ушах звучала нежная и приятная песня. Искандеру казалось, что он даже понимает ее слова.

И вроде не понимает... Думает о тебе... Виласини... Бывает любовь...

Виласини... Нет, Искандер не понимал значения слов. Он только качался в нежных волнах той прекрасной песни. Лолита, как бы потеряв сознание, лежала рядом с ним. Искандер погладил ее длинные черные волосы. Свои нежные пальцы Лолита положила на его живот.

На мгновение они оба замерли...

Неожиданно зазвонил телефон. Трудно сказать, сколько прошло времени. Может, они заснули, может, просто находились под впечатлением, но телефон заставил их вернуться в реальный мир. И Лолита, и Искандер встали одновременно. Догадавшись в чем дело, Лолита улыбнулась и, играя ягодичками, пошла в ванную, а Искандер взял трубку.

— Да, — сказал он, даже не стараясь скрывать своего недовольства, — я слушаю.

— Искандер, — послышался знакомый голос, — как только появилась связь, сразу решил позвонить тебе. Разбудил?

— Как дела, — спросил Искандер, узнав голос. — Я уже устал ждать... Слушаю тебя, Андрей Николаевич.

— Все в порядке, — сказал Андрей Николаевич. — На острове они остались вчетвером. Семьи вместе с нами. Пока все спят. Скоро должны проснуться. Объясним им ситуацию и оставим на базе отдыха.

Изменений же, наверное, нет?

— Нет. Значит, все в порядке? — спросил Искандер, как бы до конца не веря словам Андрея Николаевича. — Ничего непредвиденного не случилось?

Конечно, он верил Андрею Николаевичу. Просто хотел рассеять свои сомнения.

— Нет, — ответил Андрей Николаевич. — Ничего неожиданного не случилось.

Только...

— Что?! — улыбка быстро сошла с лица Искандера. — Что случилось?

— Просто Ольга устала. Остров ей стал казаться странным.

Странная тишина и... И парни, которые пошли за грузом... Юра с Павкой... Показалось, что и они столкнулись с чем-то странным...

Правда, потом они сказали, что так поступили только ради того, чтобы нас напугать. Конечно, так оно могло и быть. Может, этому и не стоит придавать особого значения, но я решил предупредить тебя. Не вини.

— Ничего страшного, — Искандер некоторое время молчал, — сам-то как думаешь?

— Мужчины остались на острове. Женщины и дети с нами, — спокойствие Андрея Николаевича всегда нравилось Искандеру. — После того, как оставим семьи на базе, можем снова вернуться на остров. Если что случится, мужчины будут под присмотром. Но я не думаю, что случится что-нибудь страшное.

— Хорошо.

— Я буду на связи. Попрощаемся?

— Спасибо тебе, Андрей Николаевич. Бог тебе в помощь.

После разговора Искандер облегченно вздохнул.

— Как, — спросила Лолита, — все хорошо?

— Да, — улыбнулся Искандер, — все, вроде, слава Богу.

И он передал Лолите разговор с Андреем Николаевичем.

— Я очень рада, — сказала женщина искренно, — и я очень боялась.

Искандер не ответил. Хотя разговор с Андреем Николаевичем немного и успокоил его, но его все же что-то беспокоило. Естественно, его состояние заметила и Лолита.

— А этот твой... Андрей Николаевич... надежный человек?

— Почему ты так говоришь?

— Ну, — Лолита почувствовала себя неловко, — возможно, человек, которого интересуют только деньги... Возможно он... Сейчас и аферистов достаточно развелось...

Улыбнувшись, Искандер ласково потрепал ее по плечу.

— Дело не только в деньгах... — потом добавил, — дело совсем не в деньгах. В 1993 году мне пришлось работать военным корреспондентом на границе Таджикистана и Афганистана. А Андрей Николаевич, как тебе сказать... Короче мы с ним прошли огонь и воду, несколько раз нам пришлось спасти друг другу и жизни. Он очень надежный человек.

— Я очень рада, — улыбнулась Лолита. — Я теперь точно верю, что все завершится хорошо. Спасибо тебе.

Искандер удивился.

— За что?

— За все, — сказала Лолита, загадочно улыбнувшись. — За все!

Искандер понял ее по-своему и, вспомнив, в каком наслаждении пребывал совсем недавно, ласково улыбнулся.

— Тебе спасибо!

Лолита поцеловала его в губы.

— Станный ты человек, Искандер. Удивляюсь я тебе, ей Богу...

— Что?!

Лолита помешала кофе и продолжила. После любовных ласк Искандер ей стал еще дороже. Она постаралась понять его душу.

— Ты привык жить в благополучии. Известный писатель, — начала перечислять Лолита. — Талант, за которым следит весь народ.

— Весь народ?! — Искандер засмеялся. — Ты думаешь, что весь народ читает книги?!

— Все равно, — Лолита не отступала от своих слов. — Книги читают сливки общества. Во всяком случае, лучшие представители нации знают своих писателей, известных писателей.

— Хорошо, если бы это было так... — Искандер грустно улыбнулся. — Только меня никто не узнал...

Лолита не поняла, что он хотел сказать.

— Ты что думаешь, что тебя никто не знает?! — разгорячилась она.

— Тогда почему твои книги распространяются таким большим тиражом? Каждое твоё произведение ждут. И в конце концов, за что тебе платят твои бешеные гонорары? Может, ты думаешь, что все писатели живут, как ты в богатстве, без горя и печали? Хотя, может, так и думаешь... Такие, как ты, не очень интересуются жизнью рядового человека. Даже официальные разговоры ведут через других.

А здесь... Обыкновенная старуха... попрошайка... чем она могла привлечь твоё внимание?

— Не знаю... — наблюдавший за ней с улыбкой Искандер задумался. — И вправду не знаю.

— Интересно, — стояла на своем Лолита. — Истратить весь гонорар от книги на поиски ее детей. Заплатить за квартиру. И организовать такое, во что ни один человек не поверит...

Писатель виновато улыбнулся. Да... Этот поступок Искандера многим показался бы странным.

— Я об этом напишу новую книгу, — сказал, наконец, Искандер, как бы желая оправдаться за столь большую трату денег. — Уже есть договоренность с издательством. Не надо ломать голову над темой, что-то выдумывать. Все описывать так, как было. Для писателя самое легкое дело.

Все это казалось правдивым. Но Лолита не хотела на этом успокаиваться.

— Нет, я совсем не об этом. Как твоё внимание привлекла эта старуха? Даже если будешь писать об этом книгу... Это же совсем не твой жанр... Ты мастер страшных историй. «Вы не довольны своей судьбой? Вы думаете, что живете в аду? Прочитайте произведения Искандера и жизнь покажется вам раем.» И каждый человек, берущий в руки твои книги, знает, что почувствует себя переходящим врата ада.

И вдруг... Какая-то старуха...

Если говорить честно, то и сам Искандер удивлялся этому не меньше Лолиты.

— Не знаю, — сказал он, вспоминая откуда появилась эта мысль. — В Казань я приехал за гонораром. Решил зайти в студию «Оскар рекорде», которая собиралась снять фильм по моей повести. Там работает очень талантливый писатель Ильфак Шигапов. Может, ты слышала о нем. Стояли с ним, курили, разговаривали на разные темы.

Опять же, вроде, говорили о жизни татар. И вдруг он мне и говорит:

«Вон на такой-то улице бабушка просит милостыню. Однажды разговорился с ней. Она вырастила четырех сыновей. Тот, что рядом с ней — горький пьяница, а остальные трое, как уехали в молодости, так и не появлялись больше». Меня как холодной водой окатили. Старушка, просящая милостыню, все время стояла перед моими глазами. Хотя после обеда у меня все дела и закончились, решил остаться в Казани.

Нашел, до вечера наблюдал за ней. Хотя и понимал, что это нехорошо, но остановиться не мог. Наблюдал и на второй, и на третий день.

Узнав, ее данные по своим каналам постарался узнать, где находятся и ее сыновья. Есть положительные стороны известности. Каждый готов тебе помочь. Узнать, где они живут, не составило трудности. Узнав, содрогнулся. Оказывается, один живет в Америке, другой — в Башкортостане. А один, приняв христианскую религию, стал священнослужителем. Не знаю, может, и не правильно так сравнивать, но мне показалось, что старуха — это сама вся нация.

Замолчали. Через некоторое время Lolita заговорила вновь.

— Я слежу за твоими произведениями и за интервью с журналистами, — сказала она, немного улыбнувшись. — Но не знала, что ты так радеешь за нацию.

Искандер только поднес чашку к губам. Он плавно поставил ее на стол.

— Что?! — не веря своим ушам, он уставился на Lolitu. — Что ты сказала?

— Ты же почти в каждом интервью любишь повторять: «Я не увлекаюсь политикой.!» «Не мое дело — сохранение нации!» — виновато улыбнулась Lolita, — разве не так?

Улыбнулся и Искандер.

— Наверное, так. Но дело совсем не в этом. Я не занимаюсь политикой. Политика занимается мной. Вот в чем вопрос. Вот так и с нацией. Мое дело не кричать на улице: «Да здравствует татары!» Если я напишу хорошее произведение, его прочтает татарин. Если татарин прочтает, значит, сохранится язык. И другие нации, признавшие мои произведения, с уважением посмотрят на татар. Так?

— Может, и так...

— Поэтому я не занимаюсь ни политикой, ни национальными вопросами. Ими занимаются мои произведения.

Lolita засмеялась.

— Произведения о вампирах, о зомби...

— Я понимаю тебя... Но народ, который целой деревней забывает свой язык, чем лучше вампиров? Чем не зомби люди, которые за несколько тысяч идут на иностранных певцов средней руки, а своих ругают: «Билеты по пятьсот продают, уроды».

Lolita перебила:

— А ты невысокого мнения о своем народе.

— Народ сам должен быть высокого мнения о себе. А наши спокойно живут, свято веря в свою ущербленность. Своего Салавата^[8] он ругает на каждом шагу... и живет, наслаждаясь его пением...

— Это проклятие?

— Нет, боль.

Замолчали. Вскоре Искандер продолжил:

— Когда узнал о старушке Фатиме, эта боль возникла с новой силой. Часть татар в чужих странах, часть в Башкортостане, а часть вообще в другой религии. А тот, кто должен охранять отчий дом — пьян. Нет, не только от водки. Даже не знаю, от чего. Только он пьян.

Как трезвый человек, он не предугадывает события, не загадывает на будущее.

Искандер замолчал на время, а потом опять продолжил.

— Что может быть страшнее для татарина? А ты говоришь, не мой жанр... Для страшных событий не нужна только мистика.

Он улыбнулся, не улыбались только его глаза.

— Знаешь, старуха Фатима превратилась в самую дорогую для меня личность. Я же детдомовский парень. Возможно, чувства, которые были у меня для родителей, направлены теперь на нее. И я постарался ей помочь. Заплатил за общежитие. Захотел найти ей ее сыновей. Если честно, я думал, что они бедствуют. Я готов был вытянуть их из жизненного болота. Но когда увидел, что они живут в достатке, как нормальные люди, рассердился. Как можно жить в достатке и совершенно не думать, как живут родители? Я рос, относясь к отцу с матерью, как к Богу. Но мне не довелось увидеть ни Бога, ни родителей. Я ни разу за всю свою жизнь не произнес слова «мама». Понимаешь?! Нет, ты это не понимаешь! А эти? Дети Фатимы мне показались врагами. Я захотел наказать их. Захотел, чтобы они испытали, каково это терять своих детей. И я их под разными предлогами собрал на этом острове. Остальное ты уже знаешь.

— А ты действительно жил на этом острове?

— Да, целую неделю.

— Я там тебя видела, — улыбнулась Лолита.

Но Искандер не придавал значения ее шутке:

— Я сначала думал о том, чтобы каждый день терять по ребенку.

Сегодня Халиля, завтра, например, Радика... Но во время жизни на острове передумал. Мне показалось это очень страшным наказанием.

Потом пожалел безгрешных детей и их матерей. И заменил его таким символическим наказанием. Здесь ничего страшного и из ряда вон выходящего. Забывшие свою мать мужчины мучаются от неведения того, где находятся их дети. Живы ли они или нет? Куда ушли, почему не возвращаются? Один день неизвестности.

— Но слава острова?

— Знаю. Страшные вести об острове существовали и раньше. Но многие, распространенные в последнее время, придуманы мной. Это было не трудно. Газеты, если интересно, готовы напечатать все.

Правда это или неправда их не интересует. Так же обстоят дела с радио и телевидением. А выдумывать страшные истории для меня, сама знаешь...

— Значит, ты не веришь в страшные истории про остров?

— Нет, конечно... Сначала немного сомневался. И сомнение вызывали не столько страшные истории, сколько то, как люди держат себя. Зрелые девушки, красавцы парни. Побоялся, что влюбятся друг в друга и войдут в половую связь. Современная молодежь привыкла с этим не затягивать. Нет веры и в родителей. Могли возникнуть и драки. Если честно, я и сейчас немного сомневаюсь. На одном острове четыре мужика. У четверых исчезли семьи. Могут обвинить друг друга и совершить глупость. Конечно, с утра они уже поймут, что родные братья. И я с нетерпением жду рассвета и наступления вечера.

Вечером мы их заберем. И только тогда я успокоюсь. До конца.

Искандер отпил кофе. И хотя эти слова он говорил с глубокой убежденностью, душу точат какие-то черви. Он, конечно, не хотел обращать на это внимания, но в душе не было спокойно.

— Глупый ты, — Лолита погладила волосы Искандера, — глупый...

— Почему? — писатель печально улыбнулся. — Хотя, может быть...

— Преклонение перед матерью — это преклонение перед Богом, — сказала Лолита, как бы разговаривая сама с собой. — В этом мире все в образе женщины, даже Бог.

Это было как бы оправданием действий Искандера. Во всяком случае показалось именно так.

— Искандер, — Лолита начала говорить и, не зная, продолжать или нет, замолчала, — ты...

Мужчина смотрел на нее. Он ждал.

— Знаешь... Я хочу, чтобы начатое тобой сейчас дело завершилось удачно. Всей душой. Всей своей сущностью. Если я в этом мире и преклоняют перед кем-то, то этот человек ты. Я не желаю тебе никаких страданий. Ты действительно достоин счастливой жизни.

Но...

Искандер взял ее руки и прижал их к груди. В этот момент ему очень нужны были эти слова. Сейчас был именно тот момент, когда он нуждался в понимании и теплых словах.

— Да, — прошептал он, посмотрев в глаза Лолиты с безграничной нежностью, — все закончится хорошо. Святое дело не должно заканчиваться плохо.

В глазах Лолиты было переживание, нежность и удивление.

Возможно, это были чувства переживания за то, что она не может облегчить состояние Искандера.

— Но даже если вдруг возникнут непредвиденные ситуации, ты не будешь виноват. Никогда не вини себя, хорошо?

Искандер кивнул.

— Никогда не вини себя, — повторила Лолита, словно давала урок ребенку. — Никогда!

— Хорошо...

Выйдя из-за стола, Лолита встала перед Искандером. Встал и мужчина. Обняв его за шею, она потянулась губами к его чувственным губам. Целовались они долго. Дыхание потянулось к дыханию, душа к душе. Через некоторое время Лолита приставила пальцы к губам Искандера.

— Успокойся, — сказала она, улыбаясь, и добавила, — мне пора.

— Что?!

— Я должна уйти, Искандер...

— В такое время, — от неожиданности Искандер не знал даже что и сказать.

— Да, — сказала женщина, — в такое время, именно в такое время.

Но ты не переживай.

Искандер ничего не сказал, он вспомнил свою первую встречу с ней. В растерянности он стоял на речном вокзале, Лолита подошла к нему с его последней книжкой в руках:

— Извините, — сказала она нерешительно, — а можно у Вас взять автограф?

— Давайте, — сказал Искандер и потянулся за ручкой в карман, — кому подписать? Как вас зовут?

— Лолита.

— Красивое имя. Вы куда едете?

— Я работаю здесь, — сказала Лолита, как бы чувствуя вину за то, что здесь работает. — Встречаю отдыхающих и провожаю по нужному маршруту. Вы тоже отдыхать?

Искандер посмотрел на нее и замер. Он совершенно не обратил внимания на то, что она

была в форме турагентства. И на ее красоту. С такой красивой женщиной хорошо было бы и познакомиться, но не то время. А может... Неожиданно у него родилась мысль.

— А вы бы не смогли мне помочь?

— Конечно, — Лолита засияла от счастья, — с удовольствием помогу.

— Вы даже не спросили, что за работа, — улыбнулся Искандер.

— Если бы это было не в моих силах, Вы и не начинали бы разговор, — сказала Лолита, посмотрев на него прищурившись. — А то, что в моих силах, я сделаю для вас с удовольствием.

— Вы правы, — улыбнулся писатель, — у вас есть время?

Лолита кивнула головой, и они пошли в ближайшее кафе...

Немного времени прошло с момента их знакомства. За это время они сблизились так, будто прожили всю жизнь вместе. В душах возникла любовь. И вдруг... Искандер не мог понять и объяснить это.

Возможно...

— Лолита, ты обиделась на меня?

— Искандер...

— Да, Лолита...

— Никогда не вини себя. — опять повторила Лолита, словно повторяя урок малышу. — Никогда! Ты мне обещаешь?

Искандер кивнул.

— Тогда почему...

— Так надо.

Конечно, у Искандера было много вопросов. Но ему неудобно было углубляться. Но все же один вопрос не смог не задать.

— Когда еще встретимся?

— Не знаю, — в голосе Лолиты слышалась горечь, — возможно, никогда.

— Значит, ты...

— Нет, Искандер, я не обиделась на тебя, — сказала Лолита, посмотрев на него глазами, полными тоски. — Уходить от тебя — для меня большое горе. Если бы было возможно, я бы была с тобой до конца своей жизни. Никуда бы тебя не отпустила. И сама бы от тебя никуда не ушла. Но это невозможно и мне нужно уходить.

— Почему? — казалось, сердце Искандера разрывается на части, — почему невозможно?

Лолита отвела в сторону полные слез глаза.

— Искандер! — всхлипывая, сказала она. — Не мучай ты меня... не спрашивай ни о чем! Иди... Иди, посиди в зале. А я... Я должна немного успокоиться... Иди, Искандер.. Прощу тебя.

Ему ничего не оставалось, как еще раз посмотреть на Лолиту и бессильно поплестись в другую комнату. Ему было нелегко. За свою жизнь он простился со многими, потерял самых близких, пережил немало горя. На первый взгляд сегодняшнее прощание перед ними было лишь маленьким эпизодом. Сегодняшнее прощание. Лолита куда-то ушла. «Может, больше никогда не встретимся,» — говорит она.

Но Искандер найдет ее. Он обязательно ее найдет, и они встретятся.

Может, уже завтра будут вместе. Уход Лолиты — не потеря. Это просто временное расставание. Но почему оно так мучительно?

Почему уход Лолиты заставляет его страдать? Почему?

Искандер не мог найти ответ на этот вопрос. Как бы он не старался себя успокоить, в душе он чувствовал, что больше никогда не сможет встретиться с Лолитой.

— Прощай, Искандер!

От неожиданного голоса он вздрогнул. Послышался звук закрывающейся двери. Искандер бросился туда. Он захотел в последний раз посмотреть на Лолиту, сказать ей еще хотя бы слово. И он бросился за ней в коридор. Женщина должна быть неподалеку. До лестницы по коридору нужно было пройти немало. Искандер проводит ее до лестницы. И... И поцелует на прощание. Так, чтобы запомнить навечно.

С этими мыслями он выбежал в коридор, но застыл от неожиданности. Лолиты нигде не было. Здесь не было места, где можно было бы спрятаться — как на ладони. Куда же она подевалась?

Может, ошибся? Лолита из комнаты не выходила? И он вернулся к себе. Проверил комнаты, шкафы, даже под кроватью посмотрел. Но Лолиту не нашел.

— Лолита! — душа его страдала, — Лолита!

И вдруг он услышал нежный голос:

— Даже если вдруг возникнет непредвиденная ситуация, ты не будешь виноват. Никогда не вини себя, хорошо?!

Искандер, понимая, что это он слышит в себе, кивнул головой.

— Никогда не вини себя! Никогда!

Дынк-дынк-дынк-дон!..

Поезд, не спеша, потихоньку преодолевал километр за километром.

Фатима долго мучилась, стараясь восстановить в памяти образ Искандера. Всю свою силу она направила на это. Но, войдя в мир писателя, почувствовала себя очень маленьким, ничемным человечком. Это, действительно, был большой мир, не похожий ни на что, не сравнимый ни с чем. А писатель был Богом этого мира. Его окружил созданный им самим мир и люди. Причем каждый из них жил своей жизнью. Как нельзя угадать, о чем думает Бог, так нельзя было войти и в мысли Искандера. Фатима почувствовала себя так, будто попала в очень сложный лабиринт. Хотя она только шагнула в этот мир, но найти обратный ход было нелегко. Конечно, если бы была Хадича, она бы что-то предприняла. Но Фатима не верила в свои силы и предпочла вернуться обратно.

— Прощай, Искандер!

От неожиданно услышанного голоса он вздрогнул. Это был не голос Фатимы, она и не думала прощаться с писателем. В тот же момент послышалось, как закрылась дверь. Дверь. Она закрывается с шумом. В то же самое время перед ней возникла эта дверь, светлый коридор... Она увидела и Искандера, который выбежал в поисках кого-то. На его лице было выражение безграничного удивления. Все это она видела лишь одно мгновение. Затем какая-то сила схватила ее и они вышли то ли через окно, то ли из другого места — это Фатима не успела понять. Они были над улицей. И она увидела дом, из которого они только что вышли. Это была гостиница. Искандер должен разместиться здесь, — подумала она, но эту мысль заменил страх — Меня кто — то несет. Я лечу вместе с кем — то. Она попыталась было

сопротивляться, но ничего не вышло. Ее действительно кто-то нес.

Неимоверной скоростью они долетели до большой воды, и вскоре внизу показалась маленькая точка, которая постепенно, по мере приближения превратилась в остров. Остров издалека напоминал полукруг. Казалось, что остров утонул в воде, а на поверхности осталась только самая темная ее часть. Деревья, покрывающие остров, виднеющиеся между ними каменистые холмы в этот утренний час казались зловещими.

Они пролетели середину острова и остановились у двухэтажного дома. Фатима, почувствовав, что попала под влияние посторонних сил, посмотрела наверх. И всего лишь на один миг увидела того, кто занес ее сюда. Это была женщина с длинными черными волосами. Увидев ее вид, Фатима чуть не потеряла сознание — на голове корона из человеческих черепов, а на шее вместо бус шипящие змеи. Фатима не хотела поверить в то, что увидела. Думала, что это только воображение испуганного ума. У существа, принесшего ее, и рук вроде было бесчисленное множество. На правой руке она держала большой блестящий кинжал и череп человека. Фатима все это заметила в одно мгновение. А возможно, и совсем не видела. Все это ей могло только показаться, так как она очень сильно была напугана.

Но выяснить, правда это или нет, у нее не было возможности, в следующую минуту сила та исчезла, и она увидела своих сыновей.

Мужчины, которые спали в комнатах этого дома, конечно, были не те дети, кого она представляла себе, кто постоянно снился ей по ночам.

Это были взрослые мужчины. Но Фатима сразу поняла, что это ее дети. Все крепко спали, нежно посапывая во сне. Душа старушки наполнилась радостью.

Вдруг она увидела беспокойно переворачивающегося во сне Малика, и она осторожно подошла к нему.

Малик, казалось, видит страшные сны и поэтому бредит. Он перевернулся еще раз и что-то с трудом выдавил из себя. Фатима не могла его ни успокоить, ни разбудить. В своем теперешнем невидимом никому состоянии она могла быть просто наблюдателем, но никому не могла помочь и ничто не могла изменить. Хотя это ее немного расстроило, но то, что она увидела сыновей живыми и здоровыми, делало ее счастливой.

— Ты кто? — спросил Малик через некоторое время, — ты кто?

Фатима даже вздрогнула. Ей показалось, что сын ее видит. Но она одновременно понимала, что Малик просто бредит. Но все же не смогла смолчать. Желание поговорить с сыном было очень сильным.

Конечно, в ее положении это было невозможно, Малик ее не слышал.

Но это ей в данный момент это было не столь важно. Куда важнее ее возможность сказать что-нибудь сыну.

— А ты сам попробуй вспомнить, — сказала она. Если бы это было на самом деле, Фатима сказала бы это с нотками укоризны. — Ну-ка, попробуй вспомнить. Я не забыла, а ты? И ты не должен был забывать.

Ты не должен был меня забывать. Не должен был...

Но ответ Малика не на шутку напугал старушку.

— Я тебя не знаю, — закричал со страхом Малик. — Ты не моя мать.

Я не твой сын. Я не татарин.

Нет, это был только бред. Наверное, это так. Иначе и не может быть. Она никак не может говорить с Маликом. Даже понимая это, она не смогла остаться без ответа.

— Ты настоящий татарин, — сказала она с радостным спокойствием. — Мой сын татарин.

Неожиданно какая-то сила вынесла ее наружу. Столб тумана перед ней сгустился и приобрел человеческий облик. И она увидела старуху, которая как две капли воды была похожа на нее.

— Ты кто, — спросила ее Фатима неуверенно.

— Я — ты, — сказала старушка, появившаяся из тумана.

Фатима ожидала такой ответ, поэтому переспросила ее так, будто говорит с маленьким ребенком.

— Нет, я — это я, а ты кто?

— Ты — это я, — сказала старушка, прикрывая беззубый рот, — а я — это ты.

— Как тебя зовут?

— Фатима...

— Ты откуда?

— Ты знаешь...

Фатима не знала, о чем еще ее спросить.

— Дети у тебя есть?

— Есть. Четыре сына.

— Как зовут?

— Не важно...

— Как это не главное?

— Они мои дети, а остальное не важно.

— Кто твои родители?

— Ты знаешь...

Фатима опять замолчала, а потом резко спросила:

— А как попала сюда?

— Ты знаешь...

Неожиданно какие-то руки снова подняли ее в небо. В этот раз она четко увидела ту, кто поднял ее. Это не было чудовище. На голове не было короны из человеческих черепов, а на шее бус из змей. Это была всего лишь приятная женщина лет тридцати с длинными черными волосами.

— Путешествие закончилось, — сказала она с виноватой улыбкой, — вы уж извините...

— За что?

Старуха была благодарна ей.

— За все, — виновато улыбнулась женщина, — за все извините.

Неожиданно все исчезло.

Дынк-дынк-дынк-дон!..

Поезд, не спеша, в свое удовольствие набирал километр за километром. Фатима какое-то время лежала, прислушиваясь к перестуку колес, затем, как бы желая убедиться, что она в этом мире не одна, сказала:

— Ляйля...

— Что Фатима апа, — сказала Ляйля, как будто только и ждала этого, — ты тоже не спишь?

— Еще далеко?

— Есть еще. К месту только завтра к одиннадцати прибудем.

Фатима некоторое время молчала, а потом, как бы желая продолжить прерванный разговор, сказала:

— Ляйля, а бывают книги с изображением гостиниц?

— Не знаю, — сказала Ляйля. — Сейчас на вокзалах продаются карты городов. Может, в них есть. А тебе зачем?

— Я вроде знаю, в какой гостинице остановился Искандер.

— Искандер?! — теперь села и Ляйля. — Ты ничего не путаешь?

— Не путаю, дочка, — Фатима, казалось, сама не верит своим словам. — Не путаю.

— Хорошо, — хотя в душе Ляйля и не соглашалась с ней, но спорить не стала. — Если знаешь, в какой гостинице, остается только взять такси.

Старушка хихикнула.

— Все не так легко, — сказала она. — Я не знаю ни названия. Ни адреса гостиницы.

— Это уже плохо, — в голосе Ляйли чувствовался укор, — может, тогда нам просто нужно пойти по адресу, указанному в письме?

— Нет, туда душа не тянет, — какое-то время Фатима молчала, — если бы я увидела изображение гостиницы, я бы узнала.

— Не знаю, — настроение Ляйли упало. — Сможем ли мы быстро найти такую книгу?

— Это не маленькая гостиница, — сказала старушка, — сокрушаясь оттого, что мало знает, — 10–15 этажей. На крыше большими буквами написано название. Но я не успела его прочитать... Может, прочитала, но забыла. Но если бы увидеть рисунок...

— Таких больших гостиниц, наверное, сейчас немало. — Ляйля неожиданно встрепелулась. — Может и в открытках, посвященных городу быть...

— На карте, в открытках, — сказала старуха, подытоживая слова девушки, — еще где? Думай, дочка, думай. Сейчас все зависит от тебя.

— На картах, в открытках и памятных книгах, — повторила Ляйля, — в газетах и журналах, выходящих в Петербурге... Где еще?

Старуха не ответила.

— Еще где, — сама себе говорила Ляйля. — Еще на вокзалах работают справочные отделы. В них могут быть сведения о гостиницах... Еще... 10–15-этажный... Гостиница-то не маленькая.

Их, наверное, не больше пятидесяти наберется. Потом... На вокзале могут быть представители гостиниц, реклама о них. Еще... Еще...

По мере рассуждения Ляйли в душе Фатимы крепла надежда.

Что ни говори, пятнадцатэтажная гостиница-это не иголка в стоге сена. Найти можно, но Фатиме нужно было найти как можно быстрее.

— Еще Ляйля, еще, — торопила она девушку, — думай, дочка, думай.

— Еще... — неожиданно Ляйля замолчала.

— И почему это мне сразу не пришло в голову?! — закричала Ляйля и спрыгнула на пол, — Интернет!

— Что? — Фатима была не сильна в мире компьютеров, — что ты сказала?

— Интернет, — повторила Ляйля, — в Интернете есть сведения о гостиницах. Некоторые и номера заказывают по нему. Там есть их изображения, адреса и положительные стороны. Вся информация!

Когда я возила учеников на экскурсию в Уфу, сведения о гостиницах взяла оттуда. Там есть все города. А Интернет-салоны в городах на каждом углу есть. Мы твою гостиницу в

один момент найдем.

Фатима с резвостью девушки соскочила и обняла девушку.

— Ляйля, доченька.

— Никогда не вини себя! Никогда! — повторил Искандер, когда пришел в себя. Он не раздетый лежал на кровати. Ему показалось, что прошло всего мгновение, как ушла Лолита. Он вскочил, чтобы пойти ее искать, но, увидев свет в окне, посмотрел на часы. Было почти двенадцать. Неужели он так долго спал?!

Это было странным. Хотя если учесть последние дни его жизни, то удивляться тут нечему. Каким бы ты сильным не был, организм берет свое. Вот и сейчас прощание с Лолитой, наверное, отобрало у него последние силы, и он крепко заснул.

Искандер пошел на кухню, включил чайник и направился в ванну. Но не забыл бросить взгляд и на телефон. У него закончилась зарядка. Выругавшись про себя, он поставил телефон заряжаться. Ему хотелось подольше побыть в ванне. Но это не удалось. Стоило почистить зубы и вымыть лицо, как в дверях раздался звонок. И он был вынужден выйти и открыть. Он не верил своим глазам: у двери стояла Ольга.

— Ольга?! — в душу Искандера закралось сомнение, — что случилось?

— Такое дело, — сказала Ольга, пройдя в комнату, — но, видя выражение Искандера, попыталась улыбнуться, — ты не беспокойся.

Для беспокойства нет причин.

— Тогда зачем ты...

— Мы доставили женщин и детей в нужное место. — Она старалась казаться спокойной. — Все прошло удачно. Только у подростков немного испортилось вроде настроение. Они, если ты хочешь знать, уже успели друг в друга влюбиться. Но ничего страшного. Все хорошо. — Ольга улыбнулась. — Мы думали, как только их оставим, вернемся на остров. Он показался мне каким-то странным.

Про остров говорю... Андрей Николаевич, наверное, уже рассказал...

Мы договорились не оставлять без присмотра тех, кто остался на острове. Но Юра с Павкой даже не захотели слушать об этом. Оба говорят одно и то же: «Не пойдем и все!» Причину не объясняют.

Короче их невозможно уговорить. Теплоход дадим, что хотите, то и делайте, — говорят. Андрей Николаевич остался искать на их место людей, а я пришла к вам. Я на машине... Если сейчас сразу поедem, вы готовы?

— Сейчас, — сказал Искандер, — через минуту...

— Хорошо, я подожду Вас внизу, — Ольга взялась за ручку двери.

— Стойте здесь..

— Хорошо, не задерживайтесь, — женщина вышла.

— Минуту.

Хотя, увидев Ольгу, Искандер и испугался, сейчас он успокоился. Конечно, в этом не было ничего страшного. Андрей Николаевич привык обо всем заботиться заранее, делать все до мелочей, поэтому он и отправил Ольгу. К тому же и телефон не отвечал. Они найдут людей, которые поведут теплоход. Потом заберут тех, кого оставили на острове. Все шло

очень хорошо. И все же Искандер собрался очень быстро. Нет причин затягивать. Мужчин нужно забрать с острова до темноты. Если затянуть, и семьи начнут беспокоиться, сообщать, куда не надо. Пока собирал вещи, успел выпить кофе. Когда все сделал, еще раз пробежался взглядом по комнате: не забыл ли чего. Ничего вроде не забыл.

Уже собрался было уходить, как зазвонил звонок.

Кто это еще?

Ольга только что ушла, может, она что — нибудь забыла...

Искандер открыл дверь и, не веря своим глазам, окаменел на месте. Такое не могло быть. Во всяком случае он не мог себе это даже представить.

— Здравствуйте, — сказала Ляйля, немного смутившись, — мы к Вам.

Искандер, увидев Фатиму, все сразу понял. Конечно, к нему.

— Как вы меня нашли, — сказал он, чтобы только не молчать. — И зачем?

Стоявшая в стороне Фатима подошла прямо к нему.

— Вы пообещали сто тысяч?! — сказала она грубовато. — Вы?!

— Я...

— Вы, естественно, и не собирались давать эти деньги?

— Если говорить честно, нет... — сказал Искандер, придя в себя, — я...

Старуха неожиданно приятно улыбнулась.

— Ладно, не будем впустую тратить время, — сказала она, схватив Искандера за локоть. — Остальное, сынок, объяснишь по дороге. А сейчас нам нужно спешить.

— Куда спешить?

— На остров, — вся суть старухи, как бы говорила «Что даже этого не знаешь?» — Надс спешить на остров.

— Но вы...

— Откуда узнала? — на лице Фатимы появилось подобие улыбки, — И это объясню по дороге. Мои сыновья в опасности. Мы обязательно должны забрать их с острова иначе...

— Иначе что?

— Случится страшное, — сказала старуха, почти вытащив Искандера из комнаты, — не забудь закрыть комнату.

Искандер быстро закрыл дверь, и они зашагали к лифту. Старуха глазами пробежалась по коридору. Это место ей было очень знакомо.

— Не знаю, — сказала старуха, когда вошли в лифт, — я должна тебе сказать спасибо или проклясть тебя. Пока ничего сказать не могу. Но мы должны торопиться.

Надо торопиться. Даже когда сели в машину, Фатима говорила об этом. Искандер и сам знал, что нужно торопиться. Если они заберут с острова мужчин и доставят их к семьям, с его плеч сойдет груз, а с души тяжесть. Для него сейчас очень важно было побыстрее выйти из каши, которую сам же и заварил. Но ему стало надоедать, что Фатима твердит одно и то же. Но он старался не грубить ей. Пока шли по улице города, он два раза резко прервал ее, больше ничего не говорил.

Но вот Ольга волновалась. Наверное, на нервы ее действовали слова старухи. Это былс

уже заметно по тому, как она вела машину.

Искандер подмигнул Ольге и попытался разговорить старуху.

— Я ведь пытался только Вам помочь, — сказал он. — А Вы где-то услышали и испугались.

— Я тебя не виню, — сказала Фатима сухо, — я четко вижу то, о чем ты думаешь.

Искандер засмеялся.

— Что смеешься, — старуха была серьезна. — Сейчас вот ты еле сдерживаешься, потому что я тебя тороплю.

Искандер резко прекратил смеяться.

— Ты думаешь, что мое беспокойство — это проявление старости.

Иначе говоря, я где-то узнала, что мои дети на острове и начала впустую бояться. Но ты ошибаешься. Моим сыновьям действительно угрожает опасность. Я не знаю, что за опасность и как я смогу им помочь. Но им помочь могу только я. Только я.

Искандер ничего не смог ей ответить. Прозорливость старушки лишила его дара речи. И все же надо было что-то говорить.

— Что же это за опасность, при которой можете помочь только вы?

— Не знаю, — показалось, что сухость в голосе Фатимы исчезла. — Если здесь идет речь о том, что могу помочь только я, значит, речь идет или о чувствах или об уме. О чем еще может идти речь, не знаю.

— Человеку в Вашем возрасте дети сами уже должны помогать, — сказала Ольга, нажимая на газ. — А вы все дети, да дети... Ни черта им не будет...

Она чувствовала себя неважно. И эти слова оказались неуместными. Женщина и сама почувствовала это. Хорошо хоть Искандер понял ее состояние и подхватил:

— Да, им ничего не будет. Мы зря переживаем. На этом острове я жил целую неделю. Ничего сверхъестественного не встретил.

Какое-то время ехали молча.

— Ты это другое, — сказала старушка, — ты совсем другое...

Искандер улыбнулся.

— Дочка, не медли, не на свадьбу едем, — начала опять свое старушка.

На этот раз ее слова не понравились Искандеру. Он пытается что-то говорить, а Фатима его совершенно не слышит, думает о своем.

И все же он промолчал.

Машина опять остановилась перед светофором. Фатима быстро посмотрела в зеркало. Увидев ее взгляд, Ольга вздохнула.

— Светофоров много поставили у вас, — пробубнила старушка, — через каждые десять шагов.

— Вроде уже доезжаем до конца города, — присоединилась к разговору молчавшая до сих пор Ляйля, — выедем на трассу, быстрее будет.

Фатима посмотрела на нее очень странно. Ляйля пожалела, что ввязалась в разговор.

— А что сказала та гадалка?

Фатима во все глаза смотрела на светофор, казалось, что она совсем не слышит Искандера.

— Что сказала гадалка?

Фатима заговорила только тогда, когда тронулась машина.

— Твоим детям угрожает опасность. Сказала, только ты можешь им помочь. И тебе

нужно торопиться.

Искандер неожиданно повысил голос:

— Как «и тебе»?

— Не сказала как.

— Нет, — Искандер почти наполовину повернулся к старухе, — она сказала «и тебе»?

Если «и тебе» значит, еще кто-то должен торопиться. Разве не так?!

Старуха задумалась.

— Выходит так, — сказала она без настроения. — Выходит, кто-то еще должен торопиться. Только этот кто-то и не думает торопиться.

Ляйля покашляла. Ольга не ответила, а Искандер продолжал свое:

— Кто-то еще должен торопиться. Но кто? — он уставился на старуху. — Кто должен торопиться. Если мы это узнаем, возможно, пойдем, какая потребуется помощь.

На мгновение все замолчали.

Ольга включила радио. И сама себе улыбнулась. Почему ей это сразу не пришло в голову?! Чем слушать причитания старухи, это в тысячу раз лучше.

— Не включай русскую, — Фатима старалась перекричать песню, — Ничего не понятно, кому это нужно?

— Это не русский, — сказала, чувствуя неловкость, Ляйля, — это Майкл Джексон...

— Выключи, выключи... Был бы свой русский, еще куда не шло... И что слушать, если даже слов не понимаешь? Выключай.

Мешает думать. Голова болит.

— А у тебя нет татарской кассеты? — улыбнулся Искандер. — На вот эту поставь хотя бы.

Ольга выключила радио и поставила кассету, которую дал Искандер. Из магнитофона послышалась песня:

*Не забудется никогда, вспомнится еще
Ваша родная земля.*

Фатима что-то сказала. Искандер приглушил магнитофон.

— Приближаются мои последние минуты, — сказала тогда Хадича.

— Фатима была довольна, что вспомнила слово в слово. — Твоим детям угрожает опасность. И тебе надо спешить. Спасти их.

Все молчали.

— Твоим детям угрожает опасность. И тебе нужно спешить, — повторил Искандер, — эти слова можно понять и так...

Фатима кивнула. Никто ничего не сказал.

Вскоре Искандер опять повторил:

— Можно понять и так: Приближаются мои последние минуты, надо и тебе торопиться.

Ляйля, старась скрыть улыбку, уставилась в окно.

— Ты хочешь сказать, что мои последние минуты тоже... Может быть и так, — сказала Фатима серьезно, — но это понять трудно. Если я умру, тогда как их спасу?

— Ладно, отбросим этот вариант, — сказал Искандер, — действительно, это ни в какие рамки не лезет...

— На этом острове... — не закончив мысль, Ольга замолчала. Ей показалось, что если она расскажет о своих сомнениях на острове, то старушка станет беспокоиться еще больше. Сейчас она вроде немного успокоилась. Во всяком случае, перестала торопить.

Фатима грустно улыбнулась:

— На этом острове много того, что трудно понять.

Неожиданно машина вздрогнула.

— Почему те, кто водит теплоход, отказались вновь поехать туда?

— спросила Фатима. — Они чего-то испугались. И ты, Ольга, чего-то испугалась правда? На острове есть какая-то плохая сила.

Не веря своим ушам, Ольга повернулась к старухе. Ей показалось, что она читает ее мысли.

— Да, — сказал Ольга с неожиданной приветливостью, — на острове есть странности.

У нее уже не осталось раздражения по поводу этой старушки.

Все на месте Фатимы поступили бы так же, торопили бы. На теплоходе и сама Ольга так допекала Андрея Николаевича. Она просила его забрать и мужчин, говоря, что их здесь оставлять нельзя.

Только из-за нее решили снова вернуться на остров. Фатиму никак нельзя обвинять. Все, чьим детям угрожает опасность, поступили бы так же...

— Странности острова почувствовала и я, — она бросила через зеркало приветливый взгляд на старушку, — на это обратил внимание и ваш сын Михаил. Анна сказала... Жена... «Остров нас не любит. Он что-то нам готовит. Нам надо отсюда уезжать,» — сказал он.

Фатима что-то хотела сказать, но промолчала. На время установилась тишина. Она была тревожной.

— Если остров живой, — сказала Ляйля, сама смущаясь своих слов.

Но, заметив, что никто не собирается над ней смеяться, продолжила — если остров живой и не принимает приехавших людей... Что он должен делать?

Фатима переживала, сама того не заметив, она бросила уничижительный взгляд на Ляйлю.

— Остров их должен прогнать, — сказала она с деланной приветливостью, — но почему он не должен любить моих сыновей?!

И почему должен любить, — подумала уже про себя.

А сама... — подумала Ляйля, — *сама-то всегда их любила? Не было что ли минут, когда ты их проклинала?* Но эти мысли она вслух не произнесла.

— Как он может прогнать? Он же не может крикнуть: «Я вас не люблю. Уходите отсюда».

— Он должен пугать их различными странными ситуациями, — сказал Искандер. — Он должен напугать их. Значит, работники теплохода...

— Да, — разгорячилась Ольга, — Юра! Когда мы были на берегу, он что-то увидел. От страха он уставился в одну точку и повторял одно и то же: «После ваших следов остается грязь, — сказал он голосом, как бы выходящим из-под земли. — Уходите и больше не приходите.

Уходите. Все!» — А если будет гнать, но прогнать не сможет... — Ляйля смутилась и уже проклинала себя, что сказала. Возможно, все так подумали, но никто не сказал вслух. Об этом говорить было еще рано. Но ее задела искусственная улыбка Фатимы и если уж начала, она решила договорить:

— Он собирает в себе отрицательную энергию, проклятия и превращает все это в сильное орудие.

Установилась тишина. Мертвая тишина. Показалось, что замерли мысли и чувства людей. Неожиданно Фатима вроде все поняла. Она всю жизнь ждала своих детей. Иногда готова была разорвать их на части. Если есть сила, способная собрать те ее проклятия. Если собрать только часть из них и то хватило бы уничтожить многих островов. Страшно! Немного погодя, она, поддавшись вперед, уцепилась за Искандера. Правой рукой стала рвать его волосы, а левой схватила около рта и начала трясти:

— Ты... Почему ты так поступил?! — ее слова были похожи на шипение змеи. — Какое ты имел право? Кто ты?!

Растерянный не столько от физического насилия, сколько от слов старухи, Искандер не сопротивлялся.

— Успокойтесь, — сказала Ольга, — вы мешаете вести машину.

Но старуха была разгорячена, она и не собиралась останавливаться.

— Фатима апа, — Ляйля обняла ее сзади. — Успокойтесь, все будет хорошо.

— А ты! — Фатима отпустила Искандера и вцепилась в Ольгу. — Ты почему оставила их на острове? Почему не увезла с собой?!

И она со всей силы начала трясти женщину.

— Искандер! — крикнула Ольга, — забери ее от меня! Пропадем...

Машина ехала прямо на столб у обочины дороги. Искандер видел это. Но не успел. Только он потянулся к старухе, послышался звук тормозов, и машина чуть было не врезалась в столб... Ольга неплохо водила машину. В самый последний момент она успела повернуть руль, и машина, не столкнувшись напрямую со столбом, только задела ее левой стороной. Все содрогнулось, послышался страшный крик. Вскоре все затихло.

Придя в сознание, Искандер потянулся к ране на голове, затем ощупал все тело. Не до конца веря в то, что жив, он осторожно поднял голову. Ольга молчала, положив голову на руль. Искандер правой рукой ощупал ее пульс. Женщина была жива. Она застонала, тихонько выпрямила туловище, села, прислонив спину к креслу, и уставилась в одну точку. Если не учитывать синяк на левой стороне лба, на лице у нее ран не было.

Услышав на заднем сиденье всхлипы, Искандер повернулся назад. Ляйля плакала, перебирая окровавленные волосы Фатимы, которая лежала на ее коленях.

— Ты как? — спросил ее Искандер.

— Хорошо — сказала Ляйля, вытерев глаза окровавленными руками. — Фатима апа... Она не дышит.

Искандер взял руку старушки.

— Она жива...

— Я жива, — прошептала Ольга, — И я жива...

Глаза ее осветились. На побледневшем лице появился румянец.

Казалось, что сама мысль о том, что осталась жива, заставляет человека жить.

— Я жива, — радостно крикнула Ольга и тут же начала плакать. — Я жива. А как вы? Вы как?

Искандер попытался успокоить Ольгу, судорожно обнимающую его. Потом потянулся к ручке двери.

— Фатима апа в тяжелом положении...

— Надо позвать врача, — Ольга очнулась, — скорую помощь...

Фатима падала в черную бездну. Здесь было пусто. Больше ничего не было. Через некоторое время на недостижимой высоте она вроде увидела седоволосого Хатмуллу. Промелькнула и тень окаменевшего с приподнятым хвостом Актуша. Но откуда-то появились тучи, и она опять погрузилась в темноту. Так прошла вечность, а может лишь мгновение. В темной пустоте не было счета времени. Здесь было спокойно. Хорошо. Но темнота начала медленно рассеиваться. Со светом появились и какие-то голоса. Они были вроде ей знакомы. Вскоре перед глазами появились тени людей...

Все остальное Фатима наблюдала сверху.

Носилки на колесах. На них лежит безобразная старуха. Когда-то светлые волосы приобрели густой красный цвет. Кровь и на лице.

На одежде... Фатима поняла, что это лежит она сама. Неужели была такой уродливой?! Если так, то совсем неудивительно, что сыновья не приезжали к ней. Тут она вспомнила все. Вспомнила, какую глупость совершила. Она не должна была так поступать. Кто эти дети для нее?!

Какое она имеет право поднимать руки на чужих детей?! Это же люди, которые хотели ей помочь! Например, Ляйля... По первому зову пошла за старушкой, которую видела впервые. Пошла за ней к черту на кулички. Да и сейчас она старается ватой убрать кровь с ее лица.

Эх, доченька. Это русская, что была за рулем. Ольга. Прислонилась к голой стене, дышит с трудом. Повредила, видимо, грудь. Бедненькая...

А этот... Когда-нибудь он снимает свою черную куртку? Как он энергичен. Размахивая руками, что-то пытается объяснить доктору. А тот не поддается, рукой показывает куда-то. Фатима сосредоточила все свое внимание, желая услышать, что они там говорят. Вскоре слова стали различимы. Они ругались.

— Ты знаешь, кто я, — горячится Искандер, — если эта старушка умрет, больше никогда и нигде не сможешь работать врачом! Она должна жить. И молю, чтобы ты принял ее в экстренном порядке...

— Я все понимаю, — говорит ему доктор. — Но в больнице нет больше специалистов. И вам придется подождать, пока будет сделана операция.

— Операцию сделаешь потом, — твердит свое Искандер. — Старуха при смерти, понимаешь?!

— Мужчина на операционном столе тоже при смерти и у него есть семья, дети.

— И у нее есть дети...

— Кто, ты что ли? — издевается над ним доктор. — Мужчина на операционном столе в твоём возрасте, и если он умрет, останутся два сына. А эта старуха уже свое пожила...

— Ты чудовище, — Искандер схватил его за ворот. — Ты...

— Хватит, — вышел из себя и доктор. — Ты отнимаешь мое время.

— Я не твоё время, я душу твою возьму!

В это время Ляйля повисла на его со сжатыми кулаками руке.

— Искандер!

Искандер легонько ее тряхнул, отпустил доктора. Ему стало неудобно из-за своей грубости.

— Извини, брат, — говорит он доктору, — извини...

В дверях появилась молодая женщина:

— Доктор, пожалуйста...

— Сейчас, — говорит доктор, быстро приводя себя в порядок. — Одну минуту.

Искандер дотрагивается до его плеча. Доктор показывает на дверь.

— Его жена, — говорит он, собираясь уйти. — Я тороплюсь, ждите.

Огорченный Искандер выходит из комнаты. Останавливается.

Смотрит на женщину с двумя детьми в возрасте четырех-пяти лет, шагающую за доктором.

— Мама, — говорит один из мальчиков, — папу по новой будут делать?

Женщина остановилась лишь на мгновение и погладила его по волосам.

Видеть все это для Фатимы было большим испытанием. Душа ее болела оттого, что человек, который так сражался за ее жизнь, был не ее сыном. Всю жизнь ее оберегали и защищали чужие дети. Свои даже и не думали. Толи живы, толи нет. И Хатмулла, стараясь не показывать жене, переживал в душе, да так и умер. *Одно яблоко поделим на пять, будем друг за друга до смерти стоять*, — пел он, когда растили сыновей. Когда они разъехались и пропали, он перестал ее петь...

Но так же не должно было быть... Это же были такие хорошие, милые дети... Маленькими лежали обернутые в мягкие одеяла... А Фатима, сев на край кровати, тихо их укачивала. И всегда рассказывала одно и то же:

Перед тем, как родиться дитя спросила у Бога:

— Зачем я иду на этот свет? Что я там должен делать?

Бог сказал:

— Я тебе подарю ангела. Он всегда будет с тобой и все тебе объяснит.

Это была хорошая притча. Только дети ее не поняли.

Она всю жизнь прожила одиноким ангелом.

Всю жизнь ждала детей. Мечтала увидеть хотя бы разочек.

Солнце вставало не ради рассветов для нее, а для того, чтобы она увидела детей своих. Дни были не для жизни, а для свидания с детьми.

Дни проходили за днями. Только сыновья не возвращались. Вот и к концу жизни подошла...

Душа ее была сплошь одна рана... И эта рана очень болела.

Боль охватила ее всю... Перед глазами промелькнули знакомые эпизоды... Со скалы вечности в мир живых смотрит старец. Нет, не старец, а дух. Показалось, что ветер потрепал и волосы Фатимы.

Послышался голос Хатмуллы:

— Если раньше в горах находили пещеры, то сейчас из пещер строят горы. Если раньше жили, думая о желудке, то и сейчас он правит человеком. Они такие... Что поделаешь... Остается только простить.

Фатима соглашалась с Хатмуллой, но тихонько покачала головой.

— Ми-и, — откуда-то послышался жалобный писк, вскоре показался и сам котенок. Фатима вздрогнула. Она была безмерно виновата перед Актушем.

— Ми-и, — уставился на нее Актуш, — я тебя простил, и ты их прости.

У Фатимы ком появился в горле. Глаза наполнились слезами.

Она знала... Она знала, что нужно прощать... Она должна была простить.

Неожиданно среди воспоминаний возник и голос Хадичи.

— Детям твоим угрожает опасность, — сказала она. — И ты должна спешить. Спасти их можешь только ты!

— Ми-и, — повторил опять Актуш, — я простил, и ты прости...

Прости...

Все голоса слились в единое целое и призывно звучали в ее ушах:

— Их можешь спасти только ты!

— Я тебя простил. И ты прости... Прости...

— Можешь только ты спасти...

— Прости...

Фатима понимала, что ей надо простить детей. Она хотела их простить. Но... Но в душе много было обид, о которых она никому не говорила, никому не показывала. Она перед ними была бессильна.

Чтобы победить эти обиды, ей нужно было лишь одно теплое слово сыновей.

— Нет, — застонала Фатима, понимая, какую ошибку она совершает. — Нет... Я не могу простить... Я не могу...

С этими словами она перешагнула невидимую линию.

Это была граница между жизнью и смертью.

— Ты могла спасти своих сыновей, — с такими словами встретила ее Хадича. — Для этого нужно было просто простить их.

— Понимаю, — застонала Фатима, — что уж теперь?

— Все в руках Божьих.

Неожиданно душа Фатимы успокоилась. Все ее страдания, обиды исчезли, будто их собрали и куда-то унесли. Она знала, куда ее обиды держат путь и к кому. Но она уже не могла ничего поделать.

Она уже не была ангелом.

— Не бросай их, боженька, — прошептала она, — только не лишай их своей милости.

И понимая, что ее желания не имеют значения, все же добавила:

— Дай им возможность выбора... Дай, мой Бог, им два пути...

Два пути...

— Мы поедем в другую больницу, сейчас придет машина, — сказал, входя в комнату Искандер и, увидев лежащую на полу Ляйлю, замер, — что случилось?

Ляйля уже пришла в себя. Вскрикнув, она встала.

— Не знаю, — сказала она грустно, — я протирали лицо Фатимы апа... Неожиданно она схватила меня за руку... Я упала... Из глаз посыпались искры, больше ничего не помню...

Ольга, словно окаменела, около Фатимы.

— Ты как? — повернулся к ней Искандер. — Терпеть можешь?

Ольга сильно удариалась грудью и ей становилось все хуже и хуже.

— Она умерла, — прошептала Ольга. — умерла...

Все замолчали.

8. Золотое яблоко

На острове слышались непрекращающиеся зовущие крики:

— Айгуль! Дочка!

— Анна! Сережа!

— Вы где?

Голоса слышались то в одной, то в другой стороне острова.

Сначала в них слышалась надежда, они звучали бодро, затем появилась тревога и страх.

А в конце в голосах осталась лишь усталость.

Вскоре изрядно подуставшие мужчины собрались у дома.

Казалось, что на их лицах больше, чем усталость отражается раздражение, вызванное тем, что им пришлось впустую потратить время. Все трое посмотрели исподлобья на Малика.

— Что, может, еще раз пройдемся? — Радик сплюнул на землю. — Остров небольшой.

Малик не ответил.

— Мы же не один камень не оставили, все перевернули. — Хамит отошел немного в сторону и сел. — Ничего нет.

— Так я же вам уже в начале говорил, — в голосе Халиля слышались нотки старшего брата, — они не на острове....

— Да, это все специально организовано... — Радик подсел к Халилю. — Это выходки Андрея Николаевича.

— Странно... — промолвил Малик.

— А что странного? — Радик не договорил, что хотел сказать.

— Все, — сказал Малик, как бы разговаривая сам с собой, — все...

Радик не мог в этот раз не согласиться с ним. Казалось, его ум затмила обида на братьев и стыд за свое прошлое. С момента, когда они узнали, что они братья, он ходил в каком-то непонятном состоянии. В его душе сменялись отвращение, жалость, тоска по детским годам, укор и еще непонятно какие чувства. Он чувствовал, себя словно больной: без причины обижался, по пустякам раздражался. Поэтому и голова его не всегда работала. Вот сейчас промелькнула вроде какая-то мысль, но закончить он ее не смог.

Действительно, было очень страшно. Люди ведь начали пропадать уже вчера вечером. Пропал сын Хамита. Его Айгуль... Она пропала в тот момент, когда они шли вместе и разговаривали! Он потерял сознание, когда побежал за ней и ушиб ногу. Кто-то зажал его рот. Дали что-то понюхать...

Зачем?

— Если подумать, уму непостижимо... — Хамит встал. — Вчера нас кто-то усыпил... Проснулись только сегодня утром... Четыре брата...

На одном острове... Семей нет... Мы говорим, что это кто-то организовал специально...

— Конечно, так... — Халиль попытался улыбнуться. — Вы же не думаете, наверное, что все мы здесь оказались случайно?! Нежданно- негаданно... Значит, это организовано кем-то.

Мы даже знаем, кто это.

Черная куртка.

— Но его же не было с нами...

— С нами был его представитель, Андрей Николаевич, — сказал Халиль. — По вашим словам, вчера они напугали вас в костюме призрака. Но это не ради смеха. Это для того, чтобы вызвать суматоху.

В то время, как вы, испугавшись призрака, забыли обо всем, они...

— Понятно, — эти слова Радика прозвучали как благодарность. — Когда мы, увидев призрак, всполошились, он по одному вылавливал наших детей.

— Извините, — сказал Хамит, — человеческое дитя — не цыпленок.

Он может сопротивляться, кричать...

— А мы смогли закричать, — Радик уставился на Хамита. — Нас обоих на крыльце уложили. И оба проснулись на своих кроватях. Я не помню, чтобы ты кричал. Да и не сопротивлялся вроде. Может, ты что помнишь?

— Нет, — казалось Хамит говорит спросонья, — значит...

— Да... — у Халиля немного испортилось настроение от того, что братья прервали его мысль. — Выходит, нас всех усыпили, а семьи куда-то вывезли. Мы же остались здесь.

— Все правильно, — Хамит посмотрел вокруг, — но зачем надо было возиться с призраком? Это непонятно.

— Для создания суматохи, естественно, — сказал Халиль, раздражаясь непонятливости брата, — говорят же в мутной воде рыбу ловить легче.

— Нас же и без суматохи можно было усыпить, — продолжал твердить свое Хамит. — Мы же и без того собрались уже спать. Во всяком случае, можно было в чай помешать снотворное...

— Да, можно и так сделать...

— Так даже и удобнее. — Хамит напоминал малыша, увлеченного своими идеями. — Усыпил и спокойно делай свои дела. И намного интереснее. Засыпаешь вместе, а просыпаешься один.

— И вправду, — добавил Радик, — так было бы легче.

— А если бы на теплоходе сказали, что мы родные братья, было бы и того легче. — Халиль слегка улыбнулся. — Значит, они не искали легких путей. Им хотелось сделать наше путешествие более интересным.

— Нет, — сказал Хамит, — все равно странно.

— Ладно, этот вопрос остается открытым. — Радик встал. — Есть еще один: как они ушли с острова?

— Это понятно, — сказал Халиль, — на теплоходе. Оставили нас на острове, а сами уехали, но недалеко. К тому времени, когда Андрей Николаевич завершил свою работу, они приехали и, погрузив всех, отправились в путь. Это даже глупому понятно.

На какое-то время все замолчали.

Если все так, как они думают, нет причин для беспокойства и страха.

— Есть еще вопросы? — спросил Халиль уже в более приподнятом настроении. — Если нет вопросов, пойдем перекусим.

— Об этом совсем забыли, — сказал Хамит, — обед-то, оказывается, давно прошел.

Только собрались пойти к дому, как заговорил молчавший до сих пор Малик.

— Все правильно, — сказал он спокойно, — но есть один вопрос.

Все как-то странно посмотрели на него.

— Спрашивай, — Халиль распростер свои объятия, — мы всегда готовы помочь другу христианину.

Братья захихикали.

Малик оставил это без внимания.

— Никто из вас ничего странного не заметил? — сказал он с каким-то странным спокойствием. — Сегодня с самого утра ничего странного не заметили?

Все на мгновение затихли.

Радик улыбнулся из-под тишка.

— Я заметил.

— Что?

— Брат стал попом.

— Ха-ха-ха.

По лицу Малика пробежала тень, но он постарался сохранить спокойствие.

— А другие странности?

— Ты о чем говоришь? — в голосе Халиля почувствовалось смятение.

— Значит, ты что-то почувствовал?

— Предположим, почувствовал и что?

— Еще кто?

На какое-то время установилась тишина.

Малик посмотрел на братьев.

— Вчера, когда вы приехали, каким был остров? Каким он был сегодня, когда вы проснулись? И сейчас? Заметили разницу?

Опять стало тихо.

— Что ты морочишь нам голову?

— Говоришь, так говори.

— Это не обычный остров, — сказал Малик, — это остров живой. Он меняется. Я не удивлюсь, если он заговорит человеческим голосом.

Этот остров обладает сверхъестественной силой.

— Что? — в голосе Радика отчетливо послышались враждебные нотки. — Покрестился в церкви и теперь тебе повсюду черти мерещатся?!

— Хи-хи-хи, — засмеялись остальные двое.

Малик на мгновение остался без слов. Он не ожидал этого.

Конечно, перед матерью, родной семьей он, наверное, виноват. Но об этом еще будет возможность поговорить... Если на то пошло, и они не святые. Все они забыли мать, родных. И никто из них не вправе его осуждать. Слова Радика он, возможно, пропустил бы мимо ушей, но его задел смех двух остальных братьев. Среди них он был чужим.

Какой бы хорошей не была его душа, какую бы пользу он не принес, к нему всегда будут относиться, как к чужому. Эти люди, хотя и были ему кровными родственниками, давно уже таковыми не являлись. От безысходности Малик сжал кулаки. Стараясь скрыть свое безграничное отвращение, он опустил глаза и отошел в сторону. Никто вроде не обратил на него внимания. Ладно... Нужно терпеть. В такое время нельзя ссориться. Надо проявить терпение. Что ни говори, они ведь дети одного отца. Возможно, так сильно предаваться пессимизму нельзя. Возможно, придет время — и они поймут друг друга, договорятся...

— Поп, твою мать... — выругался Радик, — продажная душа...

— Ладно, не горячись... — Халиль дотронулся до его плеча. — Не время ссориться.

— С утра повторяет одно и то же, — Радик сплюнул на землю. — «Остров нас не любит. Остров проклят». Так освяти его! Перекрести!

После этого он станет святым.

— Успокойся, — Хамит был сух, — договорились же, что обо всем поговорим потом.

Но Радик не хотел быстро успокаиваться.

— Сколько времени из-за него ходили по острову, как дураки.

Если бы послушались, что сказал Халиль абый...

— Ладно, — Халилю понравилось, что его называли братом, — пойдете в дом, пообедаем.

— Подождите, — в голосе Хамита слышался страх, — мы не выяснили, почему с острова увезли наши семьи?

— Ты, оказывается, любишь морочить голову разными пустяковыми вопросами, — сказал Халиль. — Недавно гадал, на чем увезли... Даже дураку понятно. Чтобы четыре брата нашли друг друга.

Чтобы они могли пообщаться наедине.

— Так-то оно так, — сказал Радик немного успокоившись, — и все же...

— Я вот о чем подумал, — Хамит был похож на ученого, который стоит перед открытием. — Скажи, Радик, ты нашел костюм призрака?

— Сколько уж можно об этом говорить...

— Ты сам его нашел, так?

Все притихли. Это, действительно, было открытие.

— А теперь попробуйте представить. Такая картина. Мы ночью видим призрак. Конечно, пугаемся. Призрак исчезает. Если даже мы будем искать его, все равно не найдем. Он больше не появляется, но начинают исчезать наши дети. Неожиданно, во время разговора с нами. И кого мы должны винить?

— Кого? Призрака что ли?

— Конечно, мы верим, что в этом доме происходит что-то сверхъестественное, верим в сверхъестественные силы. И думаем, что они способствовали исчезновению наших детей. Понятно?!

— Да, — Радик вроде удивился тому, что сам не додумался до этого, — и утром вынуждены думать, что призрак способствовал исчезновению наших детей.

— Конечно, так, — продолжил Хамит. — Мы должны были пережить горечь потери детей, жен. Мы должны были их искать. Не найти и тяжело переживать. Одновременно же выясняется, что мы родные братья.

— Удивительно, — сказал Радик, — замечательно!

— Но зачем это нужно? — удивился Халиль. — Зачем погружать нас в горе?

— Мы теряем своих детей, понимаешь?

Губы Халиля задрожали.

— Детей...

— Да, — Хамит продолжил, — мы остаемся в положении нашей матери...

— Но ведь она...

— И она нас потеряла... И они нас потеряли...

— Ужас...

— Вот так, — продолжил Хамит, — мы должны были остаться в страшном состоянии.

Но из-за Радика узнали, что призрака не существует. Мы раскрыли план Черной куртки. Мы победили.

— Значит, нашим семьям не угрожает никакая опасность. Мы просто должны ждать их возвращения или прихода теплохода за нами, чтобы повезти нас к нашим семьям. Без переживаний и страданий.

— Значит, победа!

— Победа!

Трое мужчин обнялись и, выкрикивая «Ура!», направились к дому.

С утра повторяет одно и то же. «Остров нас не любит. Остров заколдован». Так расколдуй. Перекрести. И остров станет святым.

Малик хотя и старался отвлечься, но не мог не услышать этих слов Радика. Сильная боль прожгла его душу. Конечно, он был грешен. Но свой брат не должен был так ранить. Что ни говори сейчас ведь не прежние времена. Человек сейчас живет без веры. Будь то русский это или татарин пьет водку, прелюбодействует и творит еще много чего. Нет верных Богу. А если так, придерживаешься ты религии или нет, какая разница? Не имеет значения и то, какой религии придерживаешься. А эти так себя ведут. Продажная душа...

— Остров нас не любит, — обиженно повторил он, — заговори его.

Неожиданно кто-то ответил ему.

— А ты это откуда взял? Почему у тебя появилась мысль, что остров вас не любит? — прошептал женский голос. — Почему остров не любит вас? Он вас любит.

Малик, желая увидеть женщину с таким приятным голосом, посмотрел по сторонам. Но вокруг никого не было. Удивившись тому, что с ним творится, он улыбнулся. Но долго предаваться раздумьям нельзя — сойдешь с ума. Возле дома братья о чем-то говорили. Вернее Хамит рассказывал о чем-то. О чем интересно он говорит? Наверное, о потере детей...

Вдруг об этом начал думать и Малик. Нет не начал думать, а нашел ответ на вопрос, который давно уже вертелся в голове. Почему их собрали на этом острове? Почему потерялись дети? Конечно, не для того, чтобы помочь братьям встретиться наедине, подарив им тем самым счастливые мгновения. Все это организовано с той целью, чтобы они на себе испытали горечь потери. И то, что старуха, которая снилась ему во сне, как две капли воды похожа на его мать, тоже не просто так.

С желанием поделиться своими мыслями он повернулся в сторону братьев.

— Остров очень любит вас, — прошептал опять женский голос. — Он не хочет вас никуда отпускать, он хочет жить с вами.

Малик посмотрел по сторонам. Это было странно. Голос слышался четко, но видно никого не было. И это было очень странно.

Если остаться с этим голосом наедине, то с ума сойдешь точно. Он зашагал быстрее.

— А ведь это прекрасный остров, — опять заговорил женский голос. — Жили бы вместе с Анной и Сережей. Никто не будет называть тебя продажной душой, никто не будет обвинять...

Малик руками закрыл уши:

— Нет, — простонал он, — нет, нам нужно уехать с этого острова...

— Только вы никуда не уедете...

— Уехать...

Вдруг он споткнулся обо что-то. Поцарапал локти, что-то ущипнуло лицо. От страха он быстро вскочил и собрался бежать. Но в тот же миг заметил, что в кустах что-то блестит. Оно было похоже на маленькое солнце. От резкого взгляда защемило в глазах. Малик сильно закрыл глаза, поморгал ими, а потом опять посмотрел на то же самое место. Ему не показалось: в кустах, действительно, лежало маленькое солнце. Малик немного наклонился и положил руку на солнце. Когда солнечные лучи приобрели совсем другое направление, он начал понимать, что лежит под кустом. Это было желтое яблоко размером с гирю в два пуда. Но Малик до сих пор не хотел верить своим глазам. Он хорошо понимал, что такого большого яблока не может быть. А потом... Потом они же обыскали остров очень тщательно. Такое большое и блестящее они должны были заметить.

Значит... Но яблоко не может быть таким большим... Яблоко не бывает блестящим... Это нереально. Как женский голос, который послышался ему, так и это яблоко — просто иллюзия.

Малик с этими мыслями поспешил дальше. Даже успел сделать несколько шагов. Но какая-то сила притянула его. Он опять посмотрел на яблоко... и повернулся обратно.

Яблоко лежало так, будто готово было само запрыгнуть к нему в руки. Малик наклонился к нему.

Где-то вдалеке послышался залиvistый смех той женщины.

Радик ходил под своим окном, смотрел в траве. Вчера же он выбросил ее в форточку. Должна была упасть где-то здесь. Никуда же уйти не могла. Должна быть где-то здесь.

Но он не смог найти то, что искал.

Нет, ему не хотелось пить. Он только в знак уважения хотел угостить своих братьев. Хотя и немного выпить совсем бы не помешало. Ведь не каждый день находишь своих братьев. Такие события не часто случаются. Зря он вчера ее выбросил. Лежала бы в кармане. Кушать ведь не просила. А сейчас вот... Ладно, что уж тут поделаешь...

Потеряв всякую надежду, он уже собрался войти в дом. Но в этот момент в траве увидел бутылку и быстро засунул ее в карман.

Губы растянулись в улыбке. Шаги и все его движения стали легки. И весело посвистывая, он зашагал к двери. Дойдя до крыльца, он заметил, что Малик что-то несет в руках. Он про себя, тихо, обматерился.

Радик почему-то не любил его. Он не мог ни понять, ни объяснить свои чувства. Но стоило увидеть Малика, как злость охватывала его. Хотелось подзадеть Малика. Хотя понимал, что так нельзя. Вот и тогда напрасно обидел. Не должен был так поступать.

Сейчас Радик ждал, когда Малик подойдет. Нет, не от того, что ему уж очень хотелось увидеть его, просто было любопытно, что тот несет.

Вон ведь как издалека блестит.

— Малик, ты не обижайся на меня, — сказал Радик, начиная разговор как бы от нечего

делать, — я не хотел тебя обидеть. Извини, Малик.

— Ладно, — извинение Радика растопило душу Малика, — может, ты и прав.

— Спасибо, — сказал Радик, не отводя взгляда от яблока, — что это?

— Яблоко, — Малик даже не посмотрел в сторону яблока. — Мы ведь родные братья...

Всякое может быть... Мы должны остаться братьями.

— Да. Где нашел?

— Под кустами... Все мы не без греха. Были бы безгрешными здесь бы не оказались.

Мы, конечно, пойдем друг друга и простим. А до этого постараемся не обижать никого.

— Блестит... — Радик спустился и потянулся к яблоку. — Из железа что ли?

— Это золотое яблоко. — Малик улыбнулся. — Я догадался, почему нас здесь собрали.

— Ладно... Действительно золотое?

— Золотое. Нас здесь...

— Золотое? А ты стоишь, будто нашел обыкновенный камень.

— А что я должен делать?! — Он еще что-то хотел сказать, но остановился. Через некоторое время продолжил, — найти братьев — это намного больше, чем найти золото...

Радик тихонько присел и, встав на четвереньки, попробовал откусить яблоко, но тут же вскочил. Он хотел закричать от неожиданной радости, но сдержался. Он устремил на Малика взгляд, наполненный безграничной радостью.

— Это же действительно золото, — прошептал он, — зо-ло-то!

— Я же уже говорил, — Малик хотел еще что-то сказать, но, увидев искры в глазах Радика, промолчал. — Ты что? Золото никогда не видел?

— Слушай, Малик, если бы я тогда к тебе не придрался, ты бы никуда не ушел, так? — И не дожидаясь ответа, продолжил, — Если бы я тебя тогда не обидел, ты бы тогда никуда не ушел. А если бы не ушел, не нашел бы яблоко. Так ведь?! А если так, то в этом яблоке есть и моя доля.

— Доля?! — Малику на мгновение показалось, что он его не узнает, — какая доля?!

— И я способствовал тому, что ты нашел золото. Это и мое золото.

В глазах Радика мелькнули страшные искорки.

— И мне положено...

Наконец Малик понял, что хотел сказать Радик, и громко засмеялся.

— Чего смеешься? — спросил Радик, — ничего здесь смешного нет.

— Бери его себе, — сказал Малик, — мне не жалко.

— Что?

Малик ухмыльнулся.

— Ты серьезно говоришь?

— Конечно серьезно, — Малик поднялся на крыльцо, — мне оно не нужно.

— Подожди! — Радик преградил ему путь, — а это действительно золото?

— Так ты же сам проверял, — улыбнулся Малик, — не веришь, не бери.

Радик посмотрел на яблоко, а потом на яблоко и снова зашептал.

— Постой. Ты про это никому не говори, ладно?

— Кого боишься, — засмеялся Малик, — братьев что ли?

— Нет... Но все же никому не говори, ладно?

— Хорошо. Не скажу. — Малик пошел вперед.

— Клянешься?

— Я не даю клятвы, — сказал Малик, улыбнувшись, — но никому не скажу. Слово

мужчины.

Конечно, для Малика тяжелее, чем потеря золота было беспокойство братишки. Но на данный момент выходка Радика его устраивала. Радик сейчас пойдет и спрячет яблоко в лесу и между братьями не возникнет раздора. Для него было важно только это.

— Но ты должен мне помочь, — сказал Малик, как бы ища повод для такой легкой передачи золота. — Если поможешь мне уехать с этого острова, никому не скажу.

— Только это, — Радик посмотрел ему в глаза и наклонился к яблоку. — Сначала я это хорошо спрячу. Ты пока иди, я тебе помогу.

Халиль и Хамит накрывали на стол. Войдя в дом, Малик какое-то время смотрел на них, а потом решил еще раз начать разговор.

Издаেকে, чтобы невидимая женщина ничего не почувствовала...

— Ты уж извини нас, — сказал Хамит, как только увидел его, — как-то не так вышло...

— Ладно, всякое бывает, — Малик вроде уже забыл свою обиду. — Но я должен продолжить то, что начал говорить. Вы не заметили ничего странного?

Халиль поставил чайник на стол и встал перед Маликом. Через его плечо посмотрел в окно.

— Мы поняли, почему мы здесь, — сказал он немного погодя, — и тебе...

— И я знаю, — Малик резко замолчал. Ему очень хотелось рассказать, что с ним произошло. Надо забыть. Забыть...

— А если так, — Халиль отошел от него и остановился, не дойдя до окна. — Ты, наверное, знаешь и о том, что нашим семьям ничего не угрожает.

— И это знаю. Если они не на острове, причин для беспокойства нет. Беда грозит нам.

— Что?

— Я вынужден повторить свой вопрос, — Малик был непреклонен, — вы ничего странного не заметили?

Халиль како-то время смотрел на него, а потом неуверенно начал говорить.

— Я... Если это можно так назвать... Утром, когда проснулся, я подумал, что оглох. На всем острове я не слышал ни звука.

Хамит резал хлеб, но вдруг остановился и посмотрел на них странным взглядом.

— Что?! — Халиль вроде обиделся на него, — я же это не утверждаю. Я просто говорю, что мне так показалось.

— Нет, — сказал Хамит, — это случилось и со мной. Я не могу точно сказать, когда. Но несколько раз меня посетила мысль: «Неужели время на острове остановилось? А может, все вымерли?» Но я не обратил на это внимания. Вернее, подумал и тут же забыл.

— Мы прошли остров вдоль и поперек несколько раз... — Малик понял, что начал говорить не то и замолчал, отошел и сел у стола. — Помните, мы вчера за столом говорили о том, что пойдем на рыбалку... А сегодня... Сегодня на острове мы не встретили ни одной живой души. Кто из вас увидел хотя бы одну птичку, муху?

Мужчины замерли, уставившись друг на друга.

— Я, вроде, ничего не видел, — сказал Хамит, — ничего...

— И я, — Халиль отошел от окна и подошел к столу. — Нет, ничего не видел...

— Странно, продолжил Малик, — но мы несколько не удивились этому. Мы даже не заметили. Я сейчас пришел с улицы, там удручающая тишина. А Радик тоже был на там, но он ничего не заметил...

Все вдруг замолчали и прислушались.

Действительно, было очень тихо.

— Но...

— Так не может быть...

— На этом острове что-то неправильно, — сказал Малик, — здесь слишком много странного. И мы их не замечаем. Как будто нами кто-то управляет.

— Интересно... — Халиль зашагал к двери, — на улице тоже тихо?

Другие последовали за ним. Когда они вышли на крыльцо, Радик вышел из-за деревьев.

— Где ты ходишь? — сказал Халиль с укором. — Что ты нашел там?

Радик бросил взгляд на Малика.

— День-то хороший, — сказал он потом, — вот дышу воздухом.

— Подойди-ка сюда, Радик, — позвал его Халиль и положил ему руки на плечо. — Действительно, мы живем на красивом острове, да?!

Обрати внимание, как красиво поют птицы, шелестят листья, кузнечики...

Радик попытался услышать то, о чем он говорит, и замер.

Напрягся до появления складок на лбу. И удивленно посмотрел то на одного, то на другого. А потом вскрикнул:

— Только я ничего не слышу...

Никто ничего не сказал.

— Я ничего не слышу, — сказал Радик, — неужели я оглох?

Никто ему не ответил.

— Я не слышу! — закричал Радик. — Пения птиц, шелест листьев...

Я не слышу ни звука...

— И мы не слышим, — сказал Малик, улыбнувшись, — и сами этого не замечаем...

— Как это?

— Вот так...

— Нам нужно быстрее убираться с этого острова и предупредить наши семьи, — сказал Малик. Конечно, он понимал, что так быстро уехать с острова не удастся. Но ему казалось, что если все мысли братьев направить в это русло, то значение золота упадет. — У кого какие предложения?

— Может, не следует так предаваться страху, — Халиль старался держаться как старший брат, — может подождем прибытия теплохода?

Эта тишина была ведь уже с раннего утра. И до этого она никому не мешала. А если так...

— Как говорится у каждого острова свой климат... — Радик взглянул на Малика. — Возможно, эта тишина — одна из особенностей этого острова.... Нельзя предаваться панике.

— Не знаю, — Хамит пожал плечами, — вчера вроде так не было...

— Да не бойтесь вы, — голос Радика был бодрым, — и вчера так же было. Я это заметил, как только ступил на остров. Только потом забыл...

— Хорошо, — подытожил Халиль, — давайте сначала пробуем.

Потом подумаем.

— О чем еще думать, — твердил свое Радик, — подождем, пока прибудет теплоход и поминай, как звали.

— Когда он еще придет?! — сказал Хамит. — И до наступления темноты уже осталось немного времени.

— А как ты собираешься уехать с этого острова?! — Радик торжествовал. — За несколько часов собираешься лодку сделать?! Ха- ха-ха!

— А если плот сделаем?

— Ты же не собираешься перебраться с одного берега реки на другой... Только плотом не обойтись...

— Что же будем делать?

— Остается только ждать...

Халиль отрыгнул.

— Что-то тошнит, — сказал он, как бы оправдываясь, — рыбу ел...

— Ладно, пройдет...

Вскоре они без звука зашагали к дому.

— А? — Радик посмотрел по сторонам, — что ты говоришь?

Но когда понял, что никто ничего не говорит, замолчал.

Незаметно посмотрел по сторонам, а потом побежал к двери.

— Что с ним случилось? — покачал головой Хамит, — не проносило же его?

— Он что — то слышит, — улыбнулся Малик, — а вы не слышите?

— Нет, — сказал Халиль и остановился, его тошнило, — вы идите, я сейчас.

Приготовившись вырвать, он зашагал к деревьям. Водя в лес, изобразил, будто его тошнит, а сам посмотрел в сторону. Никого не было. С ловкостью юноши он метнулся в лес.

Несколько назад, желая позвать кушать тех, кто был на улице, он подошел к окну. Увидев, что Радик разговаривает с Маликом, какое-то время наблюдал за ними. Вот тогда и увидел в кустах блестящее яблоко. Радик пытался его откусить. И Халиль сразу понял — золото!

Конечно, он не плохой человек и высоко ставит братские чувства. Но рядом с лошадиную голову золотом можно немного и отойти от своих принципов. И, не показывая Хамиту, он стал наблюдать. Через некоторое время Малик зашел в дом и, как ни в чем не бывало, завел разговор. Халиль выбрал удобное положение и продолжал наблюдать.

Естественно, он заметил, как Радик с золотом в руках направился в лес. По тому, сколько времени он пропадал, можно было догадаться, где он его припрятал. Должно быть выбросил под каким-нибудь кустом. Не стал хорошо припрятывать. Он ведь думает, что пока никто не знает про золото. Он решил убрать немного подальше от глаз братьев. А потом спрячет подальше. Халиль улыбнулся.

— Золото тебе больше не достанется, — сказал он, подумав про Радика, — До этого жил без него... И после проживешь...

Он совершенно не чувствовал себя виноватым. В этом нет ничего греховного. Он не собирается никого убивать, грабить... Он просто переложит в другое место золотое яблоко. В надежное место.

— Воровать нельзя, — прошептал какой-то женский голос. — Он же твой брат...

— Брат... — улыбнулся Халиль, — а я ему помогу, дам немного денег.

— Но это же не твое яблоко...

Только тогда Халиль понял, что он один, а значит не должен слышать ничьих голосов.

Он остоленел. Посмотрел по сторонам.

Никого не было. Наверное, ему просто послышалось...

— Ты же жил, тоскуя по родине, — сказал голос, — готов был отдать все нажитое, если встретишь на улицах Нью-Йорка говорящего по-татарски... Вот ты вернулся на родину... Здесь все говорят на родном языке. А ты вместо того, чтобы отдать свои богатства, заришься на чужое...

Халиль больше не мучился в поисках хозяина голоса. *Это голос совести, — подумал он, — пытается мне воспринять.* Ничего, не впервой. Душа у совести широкая...

В тот же миг опять послышался тот голос:

— Я не твоя совесть...

Халиль вздрогнул. Этот голос разговаривает с ним?! Но он не мог долго думать. Взгляд его упал на яблоко, которое лежало под кустом, слегка прикрытое травой.

— Нашел!

Он тихо нагнулся, сбросил листья и взял яблоко в руки.

Неожиданно женский голос распространился по всему острову и начал раздаваться из всех его уголков. Он о чем-то рассказывал:

— *Твой ангел все... все тебе объяснит, — сказал Бог.*

— *А как зовут этого ангела, как его зовут?*

— *Это не главное... не главное. У него много имен, разные имена...*

Журчание резко прекратилось и он четко услышал вопрос:

— Как зовут твоего ангела?

Халиль понимал, что обращаются к нему. Но он не понял, о каком ангеле идет речь. Какое-то время он стоял задумавшись, но ничего не смог вспомнить.

— Имя твоего ангела? — повторил голос. — Что для тебя главное в этом мире? Что самое главное?

Халиль бросил взгляд на яблоко. На данный момент это было самым главным. Но голос не давал ему покоя.

— Имя твоего ангела? — повторил он, как бы обижаясь на то, что Халиль даже этого не знает. — Ты не должен был этого забывать. Нигде и никогда... Имя твоего ангела?..

Халиль не знал.

В это самое мгновение яблоко в его руках пришло в движение.

Халиль так посмотрел на яблоко, что от удивления глаза его готовы были выскочить из орбит. Все мускулы на его лице напряглись, рот широко раскрылся и по позвоночнику побежал холодок...

— Что-то они задержались, — сказал Хамит, ставя чашку на стол, — может, сходить к ним?

Малик улыбнулся.

— Они не там, куда ходят толпой, — а потом, подумав, добавил, — а может, и вправду

сходить, проведать...

Стоило им сдвинуться с места, как из туалета показался Радик.

Взгляд его изменился, шаги стали неуверенными.

— Ну. Что, братья! — сказал он, некрасиво улыбнувшись, — закуски не осталось что ли?

— Уже остывает...

— Ой, друзья мои, друзья, друзья мои, товарищи, — пропел Радик, обняв Хамита. — Друзья мои, братья.... Кто бы мог подумать, а...

— Ты пьян... — сказал Малик с безграничным удивлением, — Радик, ты пьян...

— Встретились братья, — попытался пропеть Радик, — надо же было отметить..

— Но ты сильно пьян...

— Уфффф, — Радик буквально упал на стул, — вот вчера была одна чекушка, так... Дал себе слово больше не пить и выбросил ее в форточку... Да, скажи да... Сегодня нашел эту чекушку и выпил...

Ваше-то я хотел угостить вас... Но нечаянно выпил сам... Скажи да, да... Нечаянно выпил сам... А потом посмотрел в карман пиджака, там еще одна чекушка... Оф-фи-геть!..

— Тебе, Радик, нужно отдохнуть...

— Молчать, попа! — Радик кулаком ударил по столу, — христиан, мать твою... Ха-ха-ха!.. Знаешь, что... Мне, брат, горько... Несчастный я... Вот ты поп, да... А я — алкаш... Жена — тю-тю.... Дети — тю-тю...

Мать — тю-тю... Вот ты хоть и перешел в другую веру, а все же человек... А я- алкаш... Вот ты мне дал золото с лошадиную голову...

Ну, я взял... Ну, потому что нужно... Эх, братья... Если бы вы приезжали, если бы справлялись о том, как мы живем... Если бы сказали: «Братишка, не пей».... Может, и я бы был другим человеком.... А вы... Не приехали... Фули, ваше появление сейчас...

Отца уже нет... И матери пришло время умирать... Я — пропащая душа... Кому вы сейчас дороги, а?!

Радик локтями смел со стола чашки и положил голову на руки.

Ничего не сказали и Малик с Хамитом.

— Я дал слово больше не пить, — простонал Радик. Вскоре сотрясалось уже все его тело. — Обещал не пить... Но я от радости, что вас нашел...от того, что вас нашел... Почему вы не приезжали...

Почему...

Радик еще какое-то время всхлипывал и потом затих.

— О каком золоте он говорит? — спросил Хамит через некоторое время. — Ты что ли дал ему золото?

— Нет, — сказал Малик, стараясь скрыть свою ложь, — не видишь, он пьян...

Опять замолчали.

Хотя раньше и недолюбливал его за злой язык, но Малику было жаль Радика. Конечно, Радика можно было понять...Но его слова, сказанные сейчас... Хотя он и был в стельку пьян, но его слова были как никогда трезвы. В них его обида, укор. В этом, наверное, и причина его столь резкого отношения к ним. Дело совсем не в религии. Комок подступил к горлу, когда Малик понял это. К глазам подступили слезы. Он понимал Радика, чувствовал его боль и прощал его.

Малик посмотрел на Хамита.

Показалось, что и он плачет в душе. Но внешне Хамит был спокоен. Заметив взгляд Малика, он улыбнулся и встал с места:

— Ты побудь здесь... — в голосе Хамита не чувствовалось душевных переживаний, — я пойду посмотрю Халиля.

Малик кивнул.

Хамит закрыл за собой дверь и улыбнулся.

— *Нет, золота не давал,* — повторил он про себя, стараясь передразнить Малика, — *пьяный ведь, не знает, что говорит...*

Смотри, как они ведут себя! Хамита за дурака держат.

Подождите... Они думают, что он не заметил, как в то время, как накрывали на стол, Халиль что-то увидел в окне и метался, стараясь получше разглядеть. И то, как Радик бросал многозначительные взгляды на Малика. А Хамит — гадал, что это они скрывают. Вот Радик сам обо всем и рассказал. Хамит не дурак, он сразу представил всю картину. После того, как повздорил с Радиком Малик ушел в лес и нашел там золото, которое потом и передал Радик. Халиль же все это видел в окно... Его метания были связаны именно с этим. А Хамит в свою очередь приметил, куда пошел Халиль.

Хотя все и выходило очень легко, но стоило Хамиту войти в лес, как в душу закрался страх. Странная тишина. Больше, чем тишина, его мучил один вопрос. Почему Малик золото отдал Радик? Ведь отношения между ними были, скажем так, не совсем хорошими. Или они просто изображали это? Не зна.... Ничего нельзя сказать...

— Тебе то золото зачем? — прошептал женский голос. — Все равно не сможешь уехать с этого острова. Здесь тебе братья нужнее будут.

Не золото.

Хамит остановился. Прислушался. Никого не было видно. Он улыбнулся. Оказывается, есть страшные моменты и у тишины:

слышится непонятно что...

— Я не тишина, — прошептал приятный голос. — Не меняй родных на богатство.

Хамит опять остановился.

Действительно, на кой ему это золото?! В жизни — достаток, дети подрастают... А кто должен поставить их на ноги?! Хамит, конечно! А для этого, безусловно, нужны деньги. Золото — деньги. А деньги — надежда на будущее. Вот ведь как выходит, если подумать. А братья?..

Конечно, нужны и они. Но если будешь волочить нищенское существование, и братья отвернутся от тебя. Деньги и братья — две разные вещи. А потом... А потом, они просто когда-то росли вместе, а это такое родство... До этого же жили, не зная друг друга. Проживут и после этого...

— Что ты, собираешься убить Халиля? — спросил тот голос. — А если он будет возле золота? Если не захочет отдавать его тебе?

Хамит об этом не подумал. Нет, конечно, он не собирался его убивать. Да и Халиль этого не допустит. Он сразу отдаст ему золото.

Хамит пощупал нож, который он, завернув в носовой платок, спрятал в носках. А если будет сопротивляться? Нет, сопротивляться он не должен. Он же брат. И у него подрастает сын. Почему тогда он должен сопротивляться? Что он дурак из-за куса блестящего металла осиротить сына?! Халиль сопротивляться не будет. Как только увидит нож, сразу испугается. А если будет сопротивляться... Ну... Если будет сопротивляться... Это уже совсем другое...

— Ты не должен так поступать, — прошептал тот же голос, — своего брата...

— Я не знаю, кто ты, — геройствовал Хамит, — но заткнись, чтоб я больше не слышал твоего голоса, понятно?!

Послышался звонкий женский смех. Это еще больше рассердило Хамита.

— Что, сука, — закричал Хамит, — заткнешься или нет?!

— А ты помнишь, — голос звучал приветливо, — ты помнишь?

— Что?

— То предание... про ангела...

Нет, этого не должно было быть. Что-то невидимое идет и разговаривает с ним? Может, он сходит с ума? Может, это так?

Может, повернуть назад?

— Поворачивай назад, — поддакнул ему голос. — Повернись назад, и ты будешь жить.

— Тупица!

Он ругал сам себя. Нет никакого голоса. Он просто разговаривает сам с собой. Это просто его душевные сомнения.

— Я не сомнение, — сказал голос, — я есть на самом деле, и я вовсе не в твоей душе...

— *Где же ты, сука!*

Но он не успел произнести своего вопроса, как увидел блестящее в кустах яблоко. Золотое яблоко!

— Повернись назад, — повторил голос, — пока не поздно...

Но Хамиту было уже не до голоса. Он наклонился и взял в руки золото.

— Как имя твоего ангела? — спросил женский голос.

Хамит знал, что вопрос предназначен ему...

Радик, положив голову на стол, замолчал, но он не спал. Он понимал, что поступил плохо. Поэтому и болела его душа. Эх, и почему он не смог сдержаться?! Почему выпил? Он же дал слово не пить. Он должен был сдержать свое слово. В такой ответственный момент он должен был сдержаться. В такой момент необходимо иметь трезвый ум. А он... Напился в стельку и вот сидит перед братьями плачет. стыдно! Обидно!

Его же и братья начали было уважать...

И дочка беспокоилась из-за него, называла отцом... А если бы еще и разбогател, еще бы крепче стали бы отношения с детьми. Если бы он стал богатым, и братья приезжали бы к нему хотя бы изредка.

Даже не успел спрятать подальше яблоко. Подумал, что пока уберет в сторону, а потом спрячет подальше. А сейчас... Бестолочь! Напился и не заметил, как проговорился... Разиня! Если найдут братья, он останется с носом. Никому нельзя верить.

Подожди!

Он резко вспомнил что-то и хотел приподнять голову, но передумал. Не стал осматривать комнату. Думают, что он спит, пусть так и думают. Он слушал. Но никто ничего не говорил. Халиль вроде еще не показывался. Да, его не было. Американский буржуй знает, наверное, цену золота. Если оно попадется ему в руки, то он уж точно не бросит его под

кусты...

Радик захотел встать. Но тут же передумал. Претворился, что крепко спит, даже захрапел. Никто вроде не обратил на него внимания. Во всяком случае никто ему ничего не сказал. Это была раздражающая тишина.

— О каком золоте он говорит, — сказал через некоторое время Хамит. — Ты что дал ему золото?

— Нет, — ответил Малик, — видишь пьяный.

Опять замолчали.

Только Радик не мог успокоиться. Малик не предал его. Это он сам по пьяни сболтнул про золото. Ты дал мне золото, — сказал.

Глупец! Эх, не надо было пить. Когда водка до хорошего доводила...

Эх...

Но он понимал и то, что сидеть так и сокрушаться ни к чему хорошему не приведет. Халиль же не просто так ходит на улице...

Надо что-то придумать...

— Ты побудь здесь, — Радик даже вздрогнул от голоса Хамита. — Я пойду, посмотрю Халиля.

И Хамит оказался не простым человеком. Вон как разгадал он план Черной куртки?! Голова у него работает... Да и сейчас он не упускает своего. Не просто же так он пошел искать Халиля. Сначала спросил про золото, а потом... Ладно, пусть идет. То, что они помешают друг другу Радику было только на пользу.

После того, как ушел Хамит, Малик какое-то время сидел молча, а потом принялся собирать с пола осколки разбитой чашки. Потом убрал со стола. То ли, чтобы помыть чашки, несколько раз сходил в туалетную комнату. А в последний свой приход внес с собой какой-то странный запах. Как будто он испачкался в г... Во всяком случае, запах был знаком Радику. Когда был еще мальчишкой и чистил овчарню... В привокзальных туалетах... Вот где был силен этот запах.

Но здесь в доме этого запаха не должно было быть. Неожиданно Радик вроде что-то понял. Малик хочет, чтобы он задохнулся. Радик испугался. В голову пришли какие-то мысли. Может, их усыпил совсем не Андрей Николаевич, а этот Малик?! Он хотел вскочит, но не смог. Радик снова сел на стул и, приподняв голову, посмотрел вокруг.

Ничего не было видно. Противный запах полотенца в руках Малика заставил сжаться грудь, на глазах его проступили слезы. Желая избавиться от этого, Радик стал вращать головой. Но Малик держал его крепко, не давая возможности двигаться.

Запах распространившийся по всем клеточкам его тело через некоторое время рассеялся. Радик протер глаза. Показалось, что мир вокруг стал светлее. Но в то же время в нем пробудилась какая-то внутренняя волна и подошла к горлу. Он закрыл рот рукой и потянулся куда-то. Но он не смог никуда уйти. Рука Малика сильно схватила его и наклонила его голову к ведру, который стоял на полу возле стола. Волна, что была внутри Радику, рванулось наружу. Его рвало. Вскоре Радику показалось, что внутри у него ничего не осталось. Он обессиленный остался стоять на четвереньках около ведра. И, желая убедиться, что он жив, тихонько приподнял голову.

— Умойся, — Малик протянул ему ковш с водой. — Умойся, прополосни горло, помой лицо.

Радик хотел что-то сказать, но почувствовав тяжелый запах, принялся полоскать горло.

Он посмотрел по сторонам. И от радости вскочил. Он был трезв.

Малик в тот же момент подошел к нему и, приготовив чай, поставил перед ним.

— Пей, — сказал он голосом, не терпящим возражений, — тебе нужно протрезветь.

Радик бросил на него вопросительный взгляд и сам, устыдившись этого, потянулся к чашке. Душу его в тот же момент охватила какая-то светлая радость. *Вот ведь как хорошо с братьями!* Но радость в тот же момент сменило сожаление. *Почему вас не было рядом со мной?! Если бы вы были рядом, то не дали бы мне стать алкашом!* Потеря в душе перешла в обиду, а потом переросла во вражду. *Вы виноваты в том, что я алкаш! Вы виноваты и в безвременной смерти отца. Если бы вы не бросили его. Он не стал бы сердечником. Он бы и сегодня был жив. Сволочи!*

С неожиданно нагрянувшей злостью он бросил чашку.

— Что? — Малик удивленно уставился на него.

— Все вы сволочи! — голос Радика дрожал, — я ненавижу вас!

Малик ничего не ответил.

— Уехали... и пропали... — Радик вдруг перешел на шепот, — ненавижу!

Малик еще налил чаю и поставил перед Радиком.

— Пей. Успокойся, — сказал он терпеливо, — об этом поговорим после.

— Если бы вы были, все было бы иначе. — Он даже не посмотрел на чай. — Все было бы хорошо.

Малик не ответил. Только сжал губы.

— И отец был бы жив, — продолжил Радик, — он умер из-за того, что потерял вас.

— Успокойся...

— И я бы не стал алкашом, — Радик все более горячился. — Я пьяница, понимаешь ты это?!

Неожиданно Малик схватил его и прижал к стене.

— Ладно, я уехал и пропал — голос Малика звучал твердо. — А ты...

ты, мой младший брат искал меня? Ты меня искал? Ты хоть раз в жизни попытался меня найти?

От удивления Радик уставился на него широко раскрытыми глазами. И тихо покачал головой.

— Ты кого из нас искал? Хоть кого-то искал?

— Нет, — прошептал Радик, — нет...

Малик снова посадил его на место.

— Ты совершенно не думал о нас, — сказал Малик, садясь напротив него. — когда жил хорошо, забыл, когда стало плохо — испугался, а сейчас...

— А ты... — прошептал Радик, — Ты откуда знаешь?

— Знаю... Мы все такие....

Замолчали.

Через некоторое время Малик показал на чашку.

— Пей...

Чай немного остыл. Радик жадно выпил. Стало легче.

— И Халиль, и Хамит куда-то пропали, — сказал Малик. — Может, пойдем, поищем?

Радик вздрогнул. Вопрос заставил его вспомнить отступившее на второй план золотое яблоко. Братья же пошли именно за ним. Хотя и не было тому доказательств, но душой он это чувствовал. До сих пор ведь они не вернулись.

— Если ты устал, отдохни, — сказал Малик, — схожу сам.

Радик сам не заметил, как бросил на него предостерегающий взгляд.

— Подожди...

Радик удивился изменениям, произошедшим в нем. Ему показалось, что по отношению к Малику он переживает какие-то родственные чувства. Вдруг все сменилось враждебностью. Братья его не дураки. И этот очень хитрый. Смотри-ка, как гладко он смог завоевать доверие Радика. А сейчас хочет пойти на поиски золотого яблока. Сначала он его подарил. Без слов. Но Халиль об этом откуда-то узнал... Откуда? Конечно, не от Радика. Понятно... Но...

— Золотое яблоко, — Радик как будто сожалел, что затеяли разговор об этом, — ты же мог его спрятать уже в лесу... Почему принес сюда?

— Не знаю... Я совсем не собирался его прятать...

— Но оно ведь золотое...

— Он так красиво лежал под кустами, — сказал Малик, вставая с места, — и я не удержался, взял его... Только это...

— А ты... — встал и Радик, — ты про него никому не говорил?

— Нет, конечно. А что случилось?

— Не случилось... — Радик сомневался, говорить или нет. — Я его спрятал в лесу под кустом... Тогда... Когда испугался, что остался глухим, я шел оттуда...

— Я это почувствовал, — улыбнулся Малик, — дышит, видите ли, он воздухом...

— Не только ты один почувствовал... — улыбнулся и Радик, — братья даже с улицы не заходят.

Малик долго смотрел на него изучающее.

— А тебе жалко, — сказал он, улыбаясь, — свои же братья... Кто бы не разбогател, свои... И нас не оставят в стороне...

— Не знаю...

— Может, его надо было поделить поровну?

— Поделить?! — Радик странно посмотрел на него, — яблоко?

— Если не яблоко, то поровну можно поделить деньги, вырученные за него.

— На четыре части, да?

— Да...

— Но ты же подарил его мне, не так ли? Малик улыбнулся и кивнул в знак согласия.

— А если так, то яблоко мое. Так? — Радик не стал дожидаться его ответа. — Так. А братья хотят своровать мое яблоко. А можно разве воровать у своего брата?

Малик засмеялся. Он вроде не ожидал такого поворота.

— А если так... Надо было сразу занести его в дом и все предупредить: «Это, братья, мое яблоко. Не трогайте его».

Теперь засмеялся Радик.

— Они бы поинтересовались, откуда оно у меня и я должен бы был сказать им о тебе.

— Ну и что...

— Если бы они узнали, что ты золотое яблоко отдал мне, а не им.

Они бы стали считать тебя своим врагом. Понимаешь ты это?

Малик смог только кивнуть в ответ.

— Да и я стал бы их врагом. И если бы со мной случилось какое-нибудь несчастье, золото бы осталось им. Поэтому я и не стал заносить его в дом, а спрятал в лесу.

— Значит, ты не хочешь делиться?

— Нет, — резко отрезал Радик, — я не за раздел. Может, когда вернемся и будем сильнее общаться, я и подумаю. Но пока поднимать вопрос о золотом яблоке — опасное дело. Понимаешь?

Малик задумался.

— Мы же родные, — прошептал он потом, — братья...

— Рядом с золотом родство пропадает, — улыбнулся Радик, — ты думаешь просто так бродят по лесу Халиль с Хамитом?

Опять замолчали.

— Я пойду их поищу, — сказал Радик, — а ты оставайся здесь. Так будет лучше.

Малик кивнул.

— Ладно, — сказал Радик, — будь начеку, если что, я подам голос...

Малик смотрел на него из окна до тех пор, пока Радик не вошел в лес. В какой-то момент под впечатлением чего-то светлого, охватившего его душу, он даже хотел пойти за ним и окликнуть его, но почему-то передумал.

— Прощай, — прошептал он, когда Радик скрылся из глаз, — ты вроде был неплохим человеком... Но что поделаешь...

Затем, убрав посуду со стола, пошел в свою комнату.

Неожиданно душу его охватило чувство одиночества, какой-то безысходности. Ему показалось, что он остался один не только на этом острове, но и во всей вселенной. Они же были его родными братьями.

Они же могли жить вместе, деля поровну радости и горести. Они могли бы жить счастливо на зависть и восхищение другим. Но что поделаешь...

Придя в свою комнату, обессиленный, он лег на свою кровать.

Вспомнил сны, которые видел здесь, вспомнил, как бредил. «Нужно уехать с острова, — беспокоился он, — иначе нас ждет беда!» И гибель представлялась ему как какое-то другое природное явление, как что-то чудовищно страшное. А все вышло очень просто.

Погибель, оказывается, скрыта была в золотом яблоке. Самый обычный металл. И почему он пошел в этот лес и увидел это яблоко?!

Хотя, если бы не увидел он, увидели бы другие... Дело совсем не в этом...

Конечно, у Радика была возможность вернуться. Но Малик не верил, что брат вернется живым и невредимым. Такая возможность была и у Халиля, и у Хамита. У каждого из них был выбор. И они выбрали... И тут ничего уже не поделаешь...

Когда Радик увидел, что местность, где было спрятано яблоко, было полностью затоптано, он не на шутку испугался. Ему стало так горько... Тупица! Если тебе в руки попало такое богатство, разве можно было его так плохо прятать?! К тому же не смог держать язык за зубами. Выпил и забыл обо всем на свете. Вот теперь держи карман пошире...

— Не волнуйся, — успокоил его женский голос, — твое золото никто не возьмет...

— Твоими устами да мед бы пить, — сказал Радик, улыбнувшись. — Он верил, что голос говорит правду. — Спасибо тебе! Кем бы ты ни была...

Войдя в лес, он почему-то все перепутал и пошел совсем в другую сторону. И тут опять услышал тот же голос.

— Ты идешь не туда, — звонко засмеялась она. — Что забыл, куда сам спрятал?!

Радик сначала испугался. Ему показалось, что он и раньше несколько раз слышал этот голос. Но только сейчас, в лесу в душу его закрался страх. Голос слышался очень близко, у самого уха. Он осмотрелся вокруг, но, никого не найдя, испугался еще больше.

— Ты кто?

— Это не главное, — засмеялся голос, — главное КТО ТЫ?

Радик удивился.

— Я Радик, — сказал он, изображая безгрешного юнца, — иду искать золото.

— Это я знаю, — опять засмеялся голос, — ТЫ КТО? Вот в чем дело! Ладно, это прояснится позже. А золото...

— Спасибо! Вспомнил... — сказал Радик и, потеряв надежду, что найдет золото, зашагал к дому...

Когда дошел до того куста, голос опять попытался его успокоить.

— Однако, — сказал Радик, встав у того куста, — яблоко-то исчезло.

— Ты его найдешь, — сказал голос, — но дело не в этом.

Радик посмотрел по сторонам:

— В чем?

— Дома остался твой брат... — проговорил голос, — золото подарил ведь тебе он? Может, поделишься? Радик уже было присел, но поднялся и пошел искать этот голос. Его слова ему совсем не понравились. И хотя он понимал, что его мысль — плод его фантазии, тем не менее подумал: «Это Малик посадил кого-то на дерево, чтобы напугать меня». Но на деревьях, что располагались поблизости, никого не было видно.

— Нет, — резко отрезал Радик, — сейчас об этом даже не может быть и речи.

Голос опять засмеялся.

— А что, — звучал голос с кокетством девушки, — брат знает, что у тебя есть золото. Но он совсем не претендует на твое богатство. Он все равно откажется. Ты просто предложи. Он не возьмет.

Радика одолевало сомнение.

— А если он захочет поделить?

— Не захочет. Он не такой.

— А если он скажет, что надо делиться?

— Поделитесь, — засмеялся голос, — яблоко ведь большое. Хватит на двоих.

Если подумать, голос был прав. Яблоко было большое.

Действительно, надо было так и делать. Так было бы справедливо. Но в душе Радика засела совсем другая мысль. Спрятать яблоко в другое место, а Малику сказать, что не нашел. Потерялось. Братья куда-то перепрытали. И все... Изобразить на лице горе и сидеть, ругая себя, ему не составит трудностей. И без того настроение не из лучших...

Но он не торопился высказать свои мысли вслух.

— Яблоко ведь не нашлось еще, — сказал он, стараясь казаться приветливым. — Разве можно делить то, чего нет?!

— А если найдешь, делиться будешь?

Радик задумался. Он понимал, что, если не согласится, яблоко не найдет.

— Ладно, — он тяжело вздохнул, — делиться так делиться.

— Значит, ты согласен? — спросил голос. Радику показалось, что он запрыгал от радости. — Значит, ты будешь делиться с братом?

— Да, — ему даже произнести это слово было тяжело, — поделюсь...

Неожиданно недалеко от куста, куда сам прятал, он увидел яблоко. И почему он сразу не увидел его?! Под ногами же только лежало? И не надо бы было давать всякие клятвы. А сейчас... А что сейчас?! Исполнять желания какой-то невидимой женщины?!

Радик наклонился, поднял яблоко и с восхищением смотрел на него. Вот где была красота. Красота, богатство, счастье... Он стал хозяином своей судьбы. Когда в руках такая драгоценность, ты, действительно, превращаешься в лицо благородного происхождения.

— Ты хозяин своей судьбы, — сказал голос, как бы угадывая его мысли. — Твоя судьба в твоих руках...

— Да... Радик кивнул и облизнул засохшие губы. — Так...

— Ты будешь счастливым! — голос показался таким милым. — И брат твой будет счастливым.

— А я... — Радик опять облизнул губы — А я решил не делиться.

— Ты же клятву дал! — голос испугался. — Слово мужчины бывает крепким.

— Я передумал....

— Но...

— Ему же золото не нужно, да?

— Да, он откажется... Но ты предложи ему поделиться.

— Но если все равно не согласиться, зачем ему предлагать?

— Так надо, может, он не откажется...

— Вот именно! — Радик вроде бы сердился на братьев за их жадность. — Он не откажется от золота.

Радик помолчал, а потом добавил:

— Этот разговор стал меня утомлять... Все время повторяешь одно и то же. Я устал от тебя.

Послышался звонкий женский смех.

— Я лишь желаю сделать тебя счастливым, — приветливо сказал голос. — Я не хочу, чтобы ты исчез.

Радик взял яблоко и зашагал в лес.

— Я не хочу больше слушать тебя. Хватит.

— Твоя судьба — в твоих руках, — сказал голос, — я больше тебя не побеспокою...

Голоса, действительно, больше не было слышно.

Радик, стараясь подальше уйти от этого места и этого голоса, быстро зашагал в лесную чащу. Он был рад. Все приходит в норму.

Сейчас спрячет золото подальше и вернется к Малику.

— Не нашел, — сказал он, представив перед собой Малика, — кто-то перепрятал... Сейчас даже братьям нельзя верить...

Эти слова показались ему такими правдивыми, что он, удивившись своему таланту, громко засмеялся. И в тот же момент к его смеху присоединился какой-то звук. Шелест листьев... Нет, это был тот же женский голос. Но он теперь слышался со всех уголков острова. Прислушавшись к разрозненным звукам, Радик понял. Он знал эту легенду...

— Твой ангел все тебе... все объяснит, — сказал Бог.

— А как зовут... как зовут этого ангела?

— Это не главное... не главное... имен у него много...

Неожиданно эти голоса исчезли, и прямо над ухом он четко услышал:

— Как зовут твоего ангела?

Радик понял, что обращаются к нему. Но он не понял, о каком ангеле идет речь. Какое-то время стоял, задумавшись. Но ничего вспомнить не мог, в мозгах было лишь одно яблоко.

— Имя твоего ангела? — повторил тот голос. — Ты не должен был его забывать... Никогда и нигде... Имя твоего ангела?

Радик не знал, что сказать.

В тот самый момент яблоко в его руках пришло в движение.

Радик удивленно посмотрел на яблоко и на мгновение замер. В то же мгновение все мускулы на его лице напряглись, глаза расширились так, что готовы были вылезти из орбит, рот раскрылся до таких размеров, что вот-вот готов был разорваться.

В руках Радика было не яблоко, а человеческая голова с еще не остывшей кровью. Он посмотрел на эту голову и в страхе закричал. Но голоса не было, лишь в горле застрял какой-то ком. Показалось, что по волосам пробежался холодный ветерок. К страху, который охватил все его существо, добавилось и чувство вины. Он почувствовал себя убийцей. И он действительно был убийцей. Иначе откуда в руках у него появилась эта голова? Радик, пытаясь вспомнить, как убил этого человека, опять посмотрел на голову. Еще больший страх охватил его.

Голова была ему знакома. Он знает ее с тех пор, как помнит себя. И Радик его... убил... И он даже понимал, когда убил. «Как имя твоего ангела?» — спросил голос, а он не смог ответить. Вместо ответа у него в руке оказался кинжал. Если бы он ответил, кинжал пропал бы. Но он не ответил. Не ответил и кинжал пришел в действие... он убил... Тело исчезло, а голова осталась в руке Радика.

Прижав к груди, Радик погладил ее по волосам.

— Прости меня, мама, — сказал он и заплакал кровавыми словами, — прости меня, моя единственная...

Но голова ничего не ответила. Радик прижал ее к своему подбородку.

— Я всю жизнь жила в ожидании твоего теплого взгляда, доброго слова, — сказала голова, — но не дождалась. Ты меня не замечал, не чувствовал моей любви...

— Извини меня, мама, — навзрыд плакал Радик, — извини...

— Я прощаю тебя, сынок, — с обидой прошептала голова, — а сам, сам ты прощаешь?

— Мама, — Радик не смог ничего сказать и замер от удивления.

Голова, которую он прижимал к себе, вдруг куда-то исчезла. Ее не было лишь мгновение, а потом появилась вновь. В этот раз она была в образе красивой девушки. Радик не смог разглядеть ее, но понимал, что это та женщина, с которой он недавно разговаривал.

— Успокойся, — шептала ему женщина, — нет пользы от твоих сожалений. Сейчас ничего уже нельзя изменить.

Радик вышел из ее объятий и, не желая верить своим глазам, замер. Он и не предполагал, что увидит такую красавицу.

Распущенные черные волосы, кофта, подчеркивающая все ее прелести, способные свети с ума любого мужчину, короткая юбка, шоколадный цвет кожи — все это добавляло еще больше прелести всей ее сути. Ее хотелось попробовать, подчиниться ее привлекательным,

излучающим из-под черных ресниц свет глазам. Особую прелесть придавали ей губы, как спелые вишни, улыбающиеся так таинственно. Казалось, даже то, что находишься рядом с ней, вселяет в душу радость. Радик забыл обо всем. В этот момент ему не нужно было ни золота, ни матери.

— Кто ты? — прошептал он, облизывая высохшие губы, — ты...

Женщина звонко засмеялась.

— Ты знаешь...

— Нет, — Радик запнулся, — я тебя не знаю...

— Это был твой ангел — сказала женщина, укоризненно улыбнувшись. — Разве не помнишь?

Неожиданно Радик вспомнил, как испугался, и радостно спросил:

— Ты пришла меня спасти?!

Женщина улыбнулась:

— Нет...

— Почему... — сердце Радика пронзила боль. — Почему ты не спасаешь меня?

— Ты не смог уберечь своего ангела, — обиженно сказала женщина, — и она изменилась.

И сама женщина стала постепенно меняться. Из-под длинных черных волос сочилась густая кровь. На голове появилась корона из человеческих черепов, на шее — ожерелье змей. Из плеч выросли змеи и превратились в руки. В правых руках — блестящий кинжал, горящий факел и человеческий череп. От страха Радик не знал, что думать и что делать. Все тело его пронзил необъяснимый холод, когда он понял, что в руках этой чудовищной женщины голова Хамита. А он продолжал стоять, съежившись, как безропотная тварь. Одна из рук охватила шею Радика и тихонько притянула его к себе. Мужчина не сопротивлялся.

Он не мог сопротивляться. Женщина притянула его к себе, одной рукой нежно погладила по голове и начала целовать его нежными, как вишня, губами. Радик закрыл глаза. Нежность губ заставила забыть обо всем. Он даже забыл, что целуется с чудовищем, и полностью предался нежности, в нижней части живота вспыхнул огонь. Но в тот же момент что-то ущипнуло его за горло и острая боль, будто вынимали из него легкое, пронзила его тело. Его трясло. Но он никуда не смог уйти. Руки держали его крепко. Вскоре женщина отпустила его и отодвинула в сторону. Радик попытался что-то сказать, но вместо языка была пустота. Он сжал руками окровавленный рот и уставился на чудовище. Сквозь нежные губы женщины висел большой, словно змея, кровавый язык. Она облизнула кровь и сплюнула под ноги Радика. Радик посмотрел туда и не смог отвести взгляд, на полу лежал вырванный с корнем его язык. Черная кошка с белой грудкой, стоящая у правой ноги женщины, подошла, понюхала и отошла обратно.

Женщина улыбнулась.

— Язык вам не нужен, — сказала она. — Вы перестали понимать то, что говорят. Перед вами слова теряют свою силу. Вы не знаете цену словам.

Радик встряхнул головой. Это не было не соглашением, ни желанием угодить. Это было правдой, и мужчина не мог с ней не согласиться. Он вспомнил свои бесчисленные клятвы о том, что бросит пить, которые он давал матери, жене. Как дал слово поделить золотое яблоко... Значит, человек пользуется языком только для того, чтобы обманывать.

— В этом мире сначала было слово, — сказала чудовище — из слова появились вы.

Радик не понял ее. Она почувствовала это.

— Вы все забываете, — сказала, как бы чувствуя за это свою вину, — все... даже свою мать... Мать — часть Бога, его посланник на Земле...

Она пристально посмотрела на Радика и, поняв, что напрасно тратит время, махнула одной из правых рук.

Установилась тишина.

Кот под ногами чудовища пристально смотрел на Радика.

Радику показалось, что он его где-то видел, но вспомнить не мог.

Вроде, видал во сне... Кот, как бы поняв его мысли, поднял вверх хвост и улыбнулся. Радик вздрогнул. Ему казалось, что кот улыбается, понимая его. Желая избавиться от этой странной ситуации, он поднял глаза вверх. Женщина бросила голову, которую держала. Голова Хамита исчезла в какой-то пустоте. Женщина, грустно улыбнувшись, посмотрела на Радика.

— Я пришла не охранять, а казнить тебя. — сказала она, как будто продолжала давний разговор. У тебя еще много времени подумать, очиститься... Впереди — вечность. Вечность мучений.

Стоило услышать слово «мучения», как к Радику снова вернулась боль. Почувствовав боль во рту, он даже застонал.

Женщина, увидев это, улыбнулась.

— Надо было ценить, когда язык был, — сказала она, — безъязычие так больно...

Радик хотел что-то сказать. К боли в кровавом рту добавилась душевная боль. Он не мог сказать ни слова, он был в состоянии твари.

— Чего нет, то заставляет страдать, — сказала женщина, играя саблей. — Жалко, конечно...

Почувствовав теплое жжение в обоих плечах, Радик повернул голову и ахнул от ужаса: рук не было. Ему показалось, что у ног его змеи, и он даже подпрыгнул от страха, но потом заметил, что «змеи» — это его руки. Глаза его расширились, в горле раздался храп. В это время острая боль пронзила плечи и оттуда брызнула кровь.

В крови что-то блеснуло. Радик покатился по траве, ему показалось, что земля с небом танцуют вальс. Вскоре все остановилось, кто-то поднял его, и он увидел, как в траве вздрагивает его тело...

Женщина, завершив дела с Радиком, собрала в кучу руки-ноги, встала сверху и распростерла руки. В том месте, где она стояла, появился туман. Капли крови, разбрызганные вокруг, превратились в пар и смешались с туманом. Через некоторое время туман тихонько поднялся к небу и, постепенно рассеиваясь, совсем скрылся из глаз. На месте, где только что происходили страшные события, не осталось никаких следов.

Хотя Малик и понимал, что нужно пойти за братьями, и хотя бы для видимости поискать их, он не нашел в себе силы встать с кровати.

Безнадежность и бессилие сковали все его тело. Он даже боялся вспомнить, как до этого нашел золотое яблоко. Ему казалось, что кто-нибудь заподозрит его в предательстве и крикнет: «Продажная душа!» Во всяком случае, Малик думал так. И еще раз вспомнил, как

нашел тогда яблоко.

Сейчас страх прошел.

Оно было как маленькое яблоко. Если резко посмотреть, слепило глаза. Он хорошо понимал, что такого большого яблока не бывает. А потом они же проверили все уголки острова. Такое большое и блестящее яблоко они должны были заметить. Это не настоящее. Как голос женщины, который ему слышался, яблоко — тоже иллюзия.

С такими мыслями Малик решил идти дальше. Даже сделал несколько шагов. Но... Яблоко лежало, готовое само запрыгнуть ему на руки. Малик наклонился к нему.

Где-то вдалеке послышался звонкий смех женщины. Голос звучал все ближе и ближе. Малик взял яблоко в руки. Золото, естественно, его привлекало. Но он побоялся. Если узнают, что он нашел золото с лошадиную голову, и без того недолюбливающие братья возненавидят его. Договорившись втроем, могут и убить. Кусок хлеба разделить нетрудно... А вот для того, чтобы сохранить свои человеческие качества при таком богатстве, нужно действительно быть Человеком с большой буквы. Или глупцом. Малик глупым не был.

Он положил яблоко обратно на землю.

Нет... Это нельзя показывать никому. Иначе оно превратится в яблоко раздора. В страшное оружие. Пусть пока лежит здесь. Когда будут уезжать, незаметно заберет его с собой...

— Когда будете уезжать с острова? — спросил женский голос, — Вы с острова не уедите никуда.

— Не уедем? — Малик хотя до конца и не верил в реальность этого голоса, без ответа остаться не смог. — Как?!

Женский голос опять засмеялся.

— Я вас никуда не отпущу, — сказала она с таким спокойствием, что холод пронизывал душу. Вы будете ждать здесь встречи со своими детьми до самого судного дня, как ждала вас мать.

Холод пробежал по позвоночнику Малика. Он встал и, желая кого-то увидеть, посмотрел по сторонам. Никого не было. Это голос ненастоящий. Иллюзия. Прделки сатаны. Малик постарался вспомнить, какую молитву нужно читать в таких случаях. Но не вспомнил. А невидимая женщина только смеялась.

— У тебя была возможность, — сказала она через некоторое время.

— У тебя было много возможностей прогнать сатану. А сейчас уже поздно. Ничто не поможет.

— А Сережа?!

Голос опять засмеялся. Теперь он уже не казался иллюзией. Он был в действительности и издавался над Маликом.

— А чем ребенок виноват? — спросил Малик. — Он не должен расти сиротой.

Смех резко прервался.

— Забота о ребенке начинается с заботы о матери, — сказала спокойно голос. — У того, чья мать несчастна, не может быть счастливым ребенок.

К горлу Малика подступил ком. Казалось, он понял все. Он был человеком, который до конца жизни блуждал, не сумев найти своего места в жизни, не совершив ничего из того, что должен бы совершить.

И это было страшно. Его не мучила смерть. Его пугало то, что он проживет бессмысленную жизнь.

— Может, еще не поздно... — Малик запинаясь, — может, еще не поздно исправить ошибки...

— Если ты попал на этот остров, и слышишь мой голос, значит уже поздно.

— Но так ведь не должно быть, — простонал Малик, — я же еще живой. Я еще могу совершить что-то хорошее!

— Вы меня разбудили, — сказал голос холодно. — Я вас усыплю.

Навечно.

— Пожалуйста!.. Ради сына... Ради матери! — проговорил Малик, испугавшись, что голос может совсем исчезнуть. — Мы братья, только нашли друг друга. Сейчас все будет по-другому. Все будет к лучшему... Есть возможность устроить хотя бы последние дни нашей матери. Я умоляю тебя!..

Малик встал на колени, повернувшись в ту сторону, откуда слышался голос.

— Умоляю, — повторил он со слезами на глазах. — Дай нам возможность!

Установилась тишина. Малик начал бояться того, что голос совсем исчез.

— Только одну возможность! — горячо прошептал Малик. — Только одну...

Опять тишина. Малику показалось, что прошла целая вечность.

— Хорошо, — сказал голос со спокойной приветливостью, — чего ты хочешь?

— Не оставляй нас на этом острове... — Малик растерялся. — Пусть каждый опять вернется в свой мир. Если мы не сдержим слова, самой страшной смертью...

Голос засмеялся.

— Вы не сдержите слова, — слышался голос, стараясь сдержать смех. — Стоит вам уехать с острова, как вы все забудете.

— Мы не забудем...

— Хорошо, — голос прозвучал твердо, — Я согласна. Но у меня есть одно условие.

Малик затих готовый проглотить каждое слово. Но голоса не было слышно. Золото тихо поднялось с земли и устроилось на руках у Малика.

— Понеси в дом, — сказал голос.

— Что?! — Малик захотел выбросить золото, но оно не упало на землю. — Нет, нет, его нельзя брать домой...

Вдруг какая-то сила заставила его сжать золото.

— Если вы не превратите его в яблоко раздора, я вас освобожу.

Малик не ответил.

— Если случится обратное... Наказание и смерть...

Условие невидимой женщины не прибавило Малику радости.

— По-почему?! — заикаясь, проговорил он, — почему яблоко?

— Хочу узнать, как дороги вам ваши дети и мать, — сказал голос, — согласны?

— Если не согласен?

— Ты сам умолял, — голос начинал нервничать, — я ставлю перед вами выбор: или свобода, или...

— Согласен, — Малик испугался, что она передумает. — Я согласен.

— Но ты не должен говорить братьям о нашем разговоре. Если они догадаются, всех вас ждет смерть...

Малик был невесел. Условия не из легких. Самое трудное: он не до конца верил, что братья возле золота останутся спокойными.

...Его надежды не оправдались...

Малик встал с кровати. Скоро должен приехать Андрей Николаевич. Они не могут не приехать. Приедут. Но до них придет та женщина. И вынесет свой приговор. Теперь он уже не сможет уехать с этого острова. Это Малик понимал хорошо.

А может... Может, есть возможность как-то спастись? Нельзя сдаваться так легко. Надо бороться. В крайнем случае, сбежать. А если придет теплоход, ему обязательно помогут.

Может, помогут молитвы? Ведь в фильмах о страшных событиях есть результат от слова Божьего, да и вид креста уничтожает многое.

— Ха-ха-ха, — от неожиданно раздавшегося смеха Малик растерялся. — Это тебе не кино, — сказал женский голос. — И я не злое существо.

— Так кто ты?

— Кто ты, — повторил голос. — Вы слишком часто задаете этот вопрос, но никогда не можете получить правильный ответ. Потому что вопрос поставлен неверно. Вернее буде: «Кто же я?» Малик встал. В комнате никого не было. Он посмотрел на дверь.

Открытая до сих пор дверь, с шумом захлопнулась. Малик посмотрел на окно. Через двустворчатое окно он мог бы выпрыгнуть на улицу.

Но не успел он додумать это, как на окнах между стеклами появились решетки. Не было никакой возможности спастись. Малик стоял на месте и смотрел по сторонам. Неожиданно он вспомнил. И он начал читать молитву, первую, что пришло на ум:

— Избави мя, Господи, от обольщения богомерзкого и злохитрого антихриста, близгрядущего, и укрой меня от сетей его в сокровенной пустыне Твоего спасения...

К месту ли было читать эту молитву? Малик не допонимал это.

В его душе была лишь слепая надежда, и он продолжил:

— Дажь ми, Господи, крепость и мужество твердого исповедания имени Твоего святого, да не отступлю страха ради дьявольского, да не отрекусь от Тебя, Спасителя и Икупителя моего, от Святой Твоей Церкви.

В комнате раздался женский смех. Начавшись тихо он постепенно усиливался. Повысил голос и Малик:

— Но даждь мне, Господи, день и ночь плачь и слезы о грехах моих, и пощади мя, Господи, в час Страшного Суда Твоего. Аминь.

Смех не прекращался. Молитва не помогала. Собравшись, он вспомнил мусульманскую молитву:

— Бисмиллахи-раманир-рахим. Аллаху ля илляхи илла хуваль хаййул-катетум, ля таэхузухува ля Наум лаху мя фиссалиавати ва мя фил-ард...

Смех усиливался. Но Малик старался не терять надежды:

— Манн зал-лази йашфагу гыйндахуилла би-изних, йагъламу ва ля йухыйтуна би-шайэим-мин гыйлмихи...

— Их-ихи-хи-хи, — засмеялся голос, — Их-ихи-хи...

Малик не смог завершить молитву, он был вынужден спросить:

— Ты чего смеешься?

— Интересный ты человек... — голос прекратил смеяться. — Думаешь молитва спасет тебя от божьей кары...

— Ты не Бог! — сказал Малик. Но он не очень верил в свою правоту. — Ты Стана...

Опять послышался смех.

— У меня много различных имен. Но это ничего не меняет.

Мучение можно объяснить разными словами, но от этого оно не станет легче. И радость

так же. Я радость и горе, любовь и ненависть.

Я все...

— Ты зло, — сказал Малик с безграничным пренебрежением. — Как бы ты не называлась, ты — зло.

— Я зло, — согласился голос с неожиданной легкостью, — и для меня самое главное большое счастье — сон. Но вы не дали мне спать, вы прервали мой сон. Меня разбудила ваша нечестность и беспечность. Сколько лет ждал вас отец в тревогах и волнениях. Не дождавшись, он заболел и умер. Ночами мать не смыкала глаз, ожидая вас. Все это лишило меня спокойствия. И я собрала вас в одном месте.

Надеялась, что встреча братьев вызовет прекрасные чувства. Я ждала, что вы раскаетесь, ждала ваших теплых воспоминаний о родителях.

Но не дождалась. Вы забыли прошлое. Вы обрекли своего ангела на одиночество. И я решила ликвидировать вас. Но даже в таком состоянии я прислушалась к твоим словам. Я поставила вас перед выбором. А если так, то я не только зло. Перед вами было два пути...

Все зависело от вас самих. И вы выбрали...

Малик слушал, не в состоянии сделать ни одного движения.

Голос был прав. Не было возможности сказать что-нибудь существенное против. Они были виноваты все. Наказание было заслуженным.

Малик какое-то время стоял, потупив голову. Сейчас он уже не думал о необходимости борьбы или бегства. Он был спокоен.

Неожиданно воздух в комнате сгустился, стало трудно дышать.

Стараясь выяснить, причину этого, Малик поднял голову и вздрогнул.

Это, действительно, был Он. Имеющий миллион имен. Но в этот раз он был в облике палача. В руках он держал блестящий кинжал, горящий факел и человеческий череп. Голову Малик узнал сразу. Это была голова Радика. Малик постарался сглотнуть комок в горле.

Женщина, улыбаясь, смотрела на него. Потом она сделала невидимое движение, и голова в ее руке превратилось в золотое яблоко. Малик не удивился этому.

— Твои условия не были справедливыми, — Малик посмотрел на золотое яблоко. — Какое сейчас время. Все связано с деньгами, что бы ты не захотел сделать, все сводится к богатству, без денег и шага не сделаешь. Нет денег, нет и тебя. Людям такого времени ты не должна была ставить такое условие. В такое время никто не может отказаться от богатства...

Женщина кинжалом разделила яблоко на четыре части и одну отдала Малику. Часть была немаленькой. Это может хватить даже внукам, — подумал мужчина.

— Дело совсем не в богатстве, — сказала женщина, пытаясь улыбнуться. — И ты хорошо это знаешь. Дело совсем не в золотом яблоке.

Малик посмотрел на кусок яблока в руке и бросил его обратно.

Женщина улыбнулась. Яблоко в ее руке вновь стало целым.

— Что ты собираешься сделать со мной? — спросил Малик с потерявшим всякую надежду голосом.

Женщина не ответила.

Воцарилась тишина.

— Ты мне нравишься, — сказала женщина, уставившись в глаза Малика. Не знаю, почему... И я приготовила тебе подарок...

Малик вздрогнул. Он знал о великодушии великих, об их неожиданной снисходительности. На мгновение перед глазами предстало, как он стоял, обнявшись с

женой, сыном, матерью. И он ласково улыбнулся.

— Какой подарок?

Одно мгновение женщина смотрела на него, таинственно улыбаясь.

— Легкую смерть, — сказала она приятным голосом, и сделала неуловимое движение.

Малик в ответ на ее слова грустно улыбнулся. Он надеялся на большее. И увидев, что кинжал в ее руке испачкан в крови, насторожилась. Это ничего хорошего не обещало. Что объясняет кровь на кинжале? Малик свой вопросительный взгляд направил на женщину. Неожиданно почувствовав, что страшно чешется правая сторона шеи, потянулся туда. Он хотел сильно почесать это место. Но стоило ему дотронуться до правого уха, как голова покатилась вниз.

Послышался звук какого-то взрыва. Перед глазами возник яркий свет, все погрузилось в красноватый туман и исчезло.

9. Тебя съедят люди

Искандер и сам не понимал, то ли он шел куда-то, то ли возвращался, но остановился в центре какой-то группы. И хотя он точно не мог сказать, что это за люди, но они не были ему совершенно чужими. Искандеру казалось, что он видел их где-то, а с кем-то даже здоровался за руку. После встреч по случаю выхода его новой книги его окружали, просили автограф. Но люди, окружавшие его в этот раз, были из другого теста: в руках не было книг, а на лицах приятных улыбок. На лицах этих людей было холодное равнодушие, способное заморозить весь мир; в глазах — дикий голод; было такое состояние, что ощущал себя не человеком, а овцой, попавшей в когти волка.

Искандер понял, для них он не известный писатель, знаменитая личность, и вообще он для них не человек. Для этих людей, которые действовали с холодным расчетом, словно роботы, он был просто одним из видов пищи. Когда он понял это, холод пробежал по его телу. Но было уже поздно: он никак не мог вырваться из группы, которая встала вокруг него толстой стеной. Неожиданно кто-то, какой-то мужчина наклонился к его ногам, и Искандер, почувствовав резкую боль, закричал. Мужчина откусил его ногу и, не обращая ни на что внимания, продолжал кусать. В это время подросли и другие. Кто-то кусал за ногу, кто-то за руку, одни схватились за его спину, другие за грудь. Искандер уже не кричал. У него не было сил ни сопротивляться, ни кричать. Мозг его сверлила лишь одна мысль: «Меня едят...

Живьем едят...» Хотя все его тело нестерпимо болело и хотя он видел куски своего мяса в пасти окруживших его людей, Искандер боялся поверить в правдивость того, что происходит. Ему казалось, что такое не может происходить в жизни. Но он видел все очень отчетливо...

Рядом стояла женщина, которая жадно грызла его руку. А поодаль он увидел мужчину с его ногой в руках. Даже туфли снимать не стал, только приспустил штанину и грызет в свое удовольствие... Но неожиданно людоеды все, как один, замерли. Никаких чувств на их лицах не отразилось, но Искандер понял, что они чего-то испугались.

Какое-то время они стояли, как вкопанные, а потом, забыв даже прожевать то, что уже было во рту, резко повернулись назад. У некоторых даже кости выпали из рук. И Искандер повернулся в ту же сторону. Он увидел только ноги какого-то очень большого существа и поднял взгляд вверх. Людоедов напугала огромных размеров старуха.

Неожиданно она наклонилась и своими большими руками подняла за раз около пятнадцати людоедов. Искандер растерялся. Только тогда, когда чья-то голень шлепнулась на землю, он поднял голову и посмотрел. Старуха набрала полный рот чего-то и жевала...

Искандер проснулся в холодном поту и долго лежал, не веря тому, что это был просто кошмарный сон. И только до конца поверив, что лежит на своей кровати, в своей комнате, вздохнул облегченно.

Ему показалось, что он услышал голос Ляйли: «Тебя съедят люди. А людей съест старуха. Всех съест. Большая старуха». Два года тому назад, когда уезжали с того острова, Ляйля сказала ему именно так.

Возможно, эти слова и стали причиной его кошмаров.

Когда он вспомнил Ляйлю и остров, сердце его пронзила острая боль.

Тогда они не смогли никого найти. Через полчаса после смерти Фатимы, почувствовав в себе странные изменения, Ляйля поторопила:

— Способности Фатимы апы предвидеть, вроде, передались мне, — сказала она. — Кажется, я вижу ее детей. Они пока живы. Их можно спасти. Если мы увезем их подальше с острова, они останутся живыми.

Искандер поверил ее словам и, поставив на ноги все свои связи, достал вертолет. Они опоздали ненадолго... Но лишь Ляйля была без настроения. Она ничего не сказала. Какое-то время шла молча, а потом произнесла:

— Халиль... Что Халиль? Что с ним произошло?

Ляйля не ответила, только покачала плечами. Через некоторое время она опять заговорила: «Хамит...» И как бы, не веря своим глазам, спросила: «Хамит?!» Больше она ничего не сказала. Замолчала, углубившись в свои думы.

— Добрались до острова, — сказал пилот.

Искандер потянулся к иллюминатору, но, услышав всхлипывания сзади, повернулся туда.

— Мы опоздали, — бросилась ему на грудь Ляйля, — опоздали. Мы им уже не сможем ничем помочь.

Остров на самом деле изменился. Он был уже не таким, как тогда, когда на нем в течение недели жил Искандер. Казалось, что здесь не осталось ничего живого. Даже деревья казались неживыми, будто они не росли, не пили корнями влагу с земли, не качались на ветру, даже казалось, что вовсе и не деревья, а какая-то декорация, сделанная кем-то. Но думать об этом не было возможности. Ляйля торопила:

— Нам нужно как можно быстрее уехать отсюда, — сказала она. — Иначе пропадем и мы. На острове ходит темная половина Фатимы.

Хотя Искандер и предполагал, о чем идет речь, но он не смог не спросить. Ему показалось, что словам Ляйли невозможно верить.

— На острове ходят обиды, проклятия Фатимы апы, — объяснила Ляйля. — Я вижу это, как черный туман. В облике старухи, появившейся из черного тумана. Она может расправиться и с нами...

Но только потому, что говорит Ляйля, невозможно сбежать с острова. Надо было искать детей Фатимы, и они искали, но никого не нашли. Ни в доме, нигде вокруг ничто не говорило о том, что вчера- сегодня здесь были люди.

Ляйля несколько раз поторопила, но потом успокоилась. Она никого не искала, как будто знала, что здесь уже больше никого не найдешь. В конце концов, в это поверил и Искандер.

— Старуха нас не уничтожила, — улыбнулся он, когда повернулись к площади, где приземлился вертолет, — а ты боялась...

Ляйля улыбнулась.

— Она уже приблизилась к нам. Она была уже готова нас проглотить. Ее остановила Девушка.

— Нас проглотить?!

— Да... — сказала Ляйля очень убедительно. — Старуха проглотит и этот остров. Она уничтожит нас всех...

— Меня она не уничтожит, — улыбнулся Искандер.

Они опоздали из-за проблем с аварией... Не смогли связаться с Андреем Николаевичем. И у Искандера еще была надежда на то, что, возможно, Андрей Николаевич увез всех с острова. Хотя положение было очень странным, он старался не падать духом. И попытка подшутить над Ляйлей была связана именно с этим. Но Ляйля не обратила внимания на его шутку.

— Тебя люди съедят, — сказала она с твердой уверенностью, — людей проглотит старуха. Всех. Большая старуха.

— Хы-хы... — Искандер не смог сдержать смеха. Слова Ляйли больше были похожи бабушкины сказки. — А почему эта старуха нас сейчас не проглотит?

— Ее останавливает Девушка.

— Какая девушка? — улыбнулся Искандер. — Ты что ли?

— Нет, — покачала головой Ляйля, — у тебя есть карандаш и бумага?

— Здесь нет... А зачем?

— Я бы нарисовала ее портрет.

— Нарисуешь, когда приедешь...

— Ладно... А девушка тебя знает. Девушка знает нас всех. Но тебя она знает больше... — Ляйля вдруг улыбнулась. — Она тебя любит.

Но даже она тебя не спасет...

Ни тогда, ни после Искандер не придал значения ее словам.

Даже тогда, когда приехали и он увидел портрет, нарисованный Ляйлей, который как две капли воды был похож на любимую им Лолиту, он подумал, что это просто случайное совпадение... Хотя тогда думать об этом у него вроде и времени-то не было. Немало пришлось ему потоптаться и дорожку суда. В конце концов, из-за недостатка улик в доказательстве его вины в пропаже братьев его выпустили на свободу. Но дело было не только в том, к какому решению пришли правоохранительные органы. Уже то, что такой известный человек попал на скамью подсудимых, было подобно наказанию. Это вызвало довольно щекотливое положение и с издательствами, и с читателями.

Но дело было даже не в этом. Искандер не мог простить себя.

Это он организовал все и сможет суд доказать вину или нет, но в том, что пропало четверо мужчин и осиротели их семьи виноват только Искандер. Конечно, было немало тех, кто пытался его всячески утешить и доказать, что во всем этом совсем нет его вины. Но никто из них не смог убедить Искандера. Он обвинял себя. Надеясь оказать хоть какую-то помощь осиротевшим семьям, поделил почти все свое состояние на четыре и раздал им. Естественно, никто ему за это не сказал спасибо. Он по-прежнему остался виноватым. Но ему не нужна была ни благодарность, ни оправдание. Он хорошо понимал, что никакие миллионы не заменят близкого человека. Он сам был благодарен им за то, что не отказались. Он чувствовал косые взгляды людей, постоянно слышал слова обвинения и угрозы. Но Искандер терпел молча, и все мучения жизни воспринимал как святое наказание.

Конечно, это было нелегко. Он был писателем, личностью, очень тонко воспринимающий каждое дыхание человечества. Не мало было моментов, когда он чувствовал себя никому не нужным, лишним, чужим ребенком своего народа. В такие моменты он всегда думал о Лолите. Ему казалось, что он слышит слова, сказанные ею перед прощанием: «Никогда не обвиняй себя. Никогда». Но он не мог не обвинять себя. Если бы рядом была Лолита, если бы он видел ее приветливый взгляд, ощущал ее добрые чувства,

жить было бы легче.

Он пытался ее искать. Он искал ее. Привлек к поиску все свои связи.

Но не смог найти. В турагенстве ее не было и, оказалось, что и никогда не работала. На этом связь и прервалась. Нигде не появлялась женщина, похожая на Лолиту. И единственным утешением для Искандера остался портрет, сделанный Ляйлей. Он и сейчас стоит на столе Искандера. Он живет вместе с Искандером, являясь его единственным собеседником, утешителем, поддержкой. Хотя у него было много знакомых, друзей, почитателей его творчества, но секреты он мог доверять только ей. Лолита. Единственная и неповторимая.

Стоило Искандеру подумать о Лолите, как его душу охватывало что-то светлое. В это время он забывал о кошмарах, которые ему снились, и переживаниях наяву.

— Лолита... — губы его расплылись в улыбке, — Лолита...

Он подумал, сколько раз повторяет это имя. Каждое утро, когда просыпается. В минуты горя, минуты радости. Сосчитать невозможно.

Встав с места, он направился в ванную и тут обратил внимание на входную дверь. Грустно улыбнулся. Пошел и открыл дверь. В то же мгновение посмотрел на пол. И взял черный конверт, что лежал под ногами, прошел в кабинет. Искандер предполагал, что здесь должен был лежать черный конверт, и что примерно в нем написано, и даже то, от кого он. И все же он вскрыл конверт и пробежался глазами по написанному. Все, как и положено, нет никаких изменений.

— Смерть убийце! — повторил он, грустно улыбнувшись, — Жизнь нельзя купить...

Он открыл верхний ящик стола и положил туда письмо. Этот ящик был полон черными конвертами. Искандер опять вспомнил свой недавний сон. Ему показалось, что те странные люди вышли из этих черных конвертов...

Приближалось половина первого.

— Говорят, что он никогда не опаздывает...

Директор Детского дома начал беспокоиться. Он должен был прийти уже в двенадцать часов. Может, передумал? Возможно, из-за чего-нибудь настроение испортилось... Нет, так не должно быть, все сотрудники строго предупреждены. Знают, как необходимо его встретить. Не каждый день сюда приезжают миллионеры, а если приезжают, не спешат оказать помощь. А этот человек... Этот совсем другой... И он должен прийти... Он не из тех, кто обманывает...

Неожиданно открылась дверь. Директор вздрогнул. Это оказывается заместитель Танзиля. Наверное, и она беспокоится.

— До сих пор нет, — сказала она, как только вошла, — возможно...

Зная, что она хочет сказать, директор сразу перебила ее. Он боялся этой мысли. Это же целый миллион! Сколько можно сделать на эти деньги! Директор уже все до копейки рассчитал. Только бы деньги попали в руки, завтра же начали бы работы. Когда живешь с такими светлыми мечтами, не нужно никакое «возможно».

— Нет, Танзиля, — сказал директор, пытаясь улыбнуться. — На улицах ведь пробки.

Нет ничего больше машин. Возможно, он в нее и попал. А так... Он человек слова. Е в прошлом году без слов вручил миллион Дому престарелых.

— Это же дому престарелых, — Танзиля все еще пребывала в сомнениях.

— И семьям, потерявшим на острове мужчин... — директор на какое-то время замолчал.

Сегодня он не хотел вспоминать об этом. Он знал, что писатель виноват в том, что пропали мужчины и их семьи осиротели. Но коль уж начал, он завершил свою мысль.

— Он же каждого из их детей сделал миллионером. Если бы были живы их отцы, они бы никогда не увидели такого богатства.

— Так-то оно так, — протянула Танзиля, — но ведь его не видать...

— Говорю же, задержался в пути...

И хотя в душе было сомнение, директор не верил, что Искандер может не прийти без видимой причины. Этого писателя он уважал, так как был знаком с ним по его произведениям и через высказывания о нем других людей. Искандер сам себя сделал Человеком. Он понимает таких людей, они не бросают слов на ветер. Если что обещают, делают. Может, это качество и помогло им подняться с самых низов до высот. И директор очень верил, что Искандер обязательно придет и окажет материальную помощь. Ведь никто его не просил. Писатель сам предложил. Позвонил и сказал: «В такой-то день, в такой-то час приеду к вам. Поговорим о том-то. Будьте и сами». И он обязательно придет. А сомнения только оттого, что он уже не раз обжигался и привык успокаиваться только тогда, когда обещанное попадало в руки.

— Он придет, — директор пытался говорить увереннее, — я в это верю.

— И я верю, — сказала Танзиля печально. — Только бы на дороге ничего не случилось...

— Не случится...

В одиннадцать он выключил компьютер и встал из-за письменного стола. Вышел на кухню и сварил кофе. Сделав несколько глотков, вернулся в кабинет и положил нужные бумаги в папку. Все бумаги были уже готовы. Осталось только вручить их директору.

Пусть ставит свою подпись и бежит в банк. Искандер все предусмотрел и подготовил заранее. Конечно, он мог бы пригласить директора к себе и отдать ему бумаги. Почему-то ему еще раз захотелось увидеть детдом. Если честно, детдом сидел, как говорится, у него в печенках, с тех пор, как встал на ноги, он не переступил порог ни одного детского дома. Где бы ни находился, всегда старался обходить детские дома стороной. Причину этого не мог ни понять, ни объяснить. А в этот раз... В этот раз ему захотелось поехать и увидеть все своими глазами, поговорить с ребятишками, живущими там.

Может, кто-то нуждается в его помощи, теплом слове. В детстве счастье, если тебя дружелюбно похлопают по спине, погладят по голове. Во всяком случае, для Искандера это было именно так. Он до сих пор помнит, как сидел на коленях у какого-то дядьки, и тот ласкал его, приговаривая «сынок». «Если бы у меня был отец, он всегда бы так делал», — подумал Искандер тогда. Но у него не было ни матери, ни отца. Его подбросили к детдому в

плетеной корзине. Так говорят. Но он никогда не верил в это. И сейчас не может поверить. Как это люди могут так бросить маленького живого человека?! Конечно, нет. Никто его не бросал. Родители его просто потеряли. Потеряли и не смогли найти. Он всю жизнь верил, что родители его ищут и однажды обязательно найдут. И сейчас верит. Ему кажется, что его до сих пор ищут. Просто, наверное, не узнают...

Когда приготовил папку, вышел на кухню и, сделав два глотка кофе, подошел к портрету Лолиты на стене. Кончиками пальцев ласково провел по ее лицу и грустно улыбнулся. Причин для улыбок у него не было. Улыбнулся он только для того, чтобы не заплакать.

Постояв некоторое время возле Лолиты, тихонько пошел к двери, накинул черную куртку и вышел из дома. Лифт был где-то далеко. Он зажег сигарету и тихо начал спускаться по лестнице. Внизу кто-то шумел. Наверное, молодежь. Когда дошел до площадки третьего этажа, увидел шумную толпу молодежи. С ним поздоровались. Искандер кивнул. Он их не узнал.

— Вы, действительно, Искандер? — спросил на чисто татарском языке один из них. — Вы писатель?

— Да я действительно Искандер, — улыбнулся он. — А вы кто?

— Можно автограф... — одна из девушек протянула его новую книгу, — пожалуйста...

Писатель собрался было уходить, но повернулся обратно...

Подписал книгу... Книги были и у остальных.

На улицу вышел в приподнятом настроении. Эта молодежь, ожидающая его с книгами в руках, пробудила в его душе надежду на что-то светлое.

Посмотрел на свою машину у подъезда. В голове у него промелькнула мысль. А почему не пройтись пешком?! Детский дом находится недалеко. Даже при тихой ходьбе он будет в детдоме вовремя: ровно в двенадцать часов. Искандер улыбнулся и пошел пешком.

Когда едешь в машине, люди кажутся другими. Они какие-то чужие, не свои. А когда идешь пешком, совсем другое дело. И они, как ты. И ты, как они. Все одинаковые, родные. И как-то хорошо от этого... Шагаешь плечом к плечу одним потоком...

Когда он спустился на подземный переход, у самого уха послышался чей-то шепот.

— Искандер...

Искандер обернулся и посмотрел назад. Ему стало неловко.

Вокруг было много народу. Идут, почти прижавшись к нему.

Невозможно предположить, кто есть кто. В таком положении обернуться назад было похоже на то, что он хочет с кем-то поцеловаться. Неожиданно под левой лопаткой он почувствовал жжение.

Вначале показалось, что его легонько ущипнули. Вскоре почувствовал жгучую боль. Она распространилась по всему телу.

— Убийце — смерть! — прошептал кто-то.

Искандер был не в состоянии сказать хоть слово. Он не смог повернуться, посмотреть по сторонам. Он не узнал, кто вонзил ему нож в спину. Обессиливая больше и больше, он шагал в потоке людей, который его никуда не отпускала. Вскоре поток вытолкнул из своих рядов человека, который не мог уже шагать в одном темпе с ним.

Искандер, прислонившись к стене, тихонько сполз вниз. Из рук выпала папка. Как бы не хотел, Искандер не смог ее поднять, и она, болтаясь под ногами, исчезла из виду. Он никак не смог попросить о помощи.

Не то, что звать на помощь, дышать даже было тяжело. Из груди только вырвался стон.

В этом стоне были слова, которые он хотел бы высказать миру, его молитва Богу.

— Ма-а-ма, — простонал Искандер. — Мама...

Слово «мама» он произнес в первый и в последний раз...

Поток людей исчез и появился свет. Приближаясь все больше, этот свет приобрел вид человека. От переполнившего душу света Искандер улыбнулся.

— Лолита!

— Вернулся?! — прошептала Лолита, беря его в свои горячие объятия, — я тебя больше нигде не отпущу... Никогда...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Примечания

Поет народный артист Татарстана Салават Фатхутдинов

Апа (тат.) — тетя

«Тулпар» — (Пегас) татарский молодежный журнал, выходит в Уфе.

Унбер Алла — Одиннадцать богов.

Umbrella! — Зонтики!

Белогрудка

Откуда?

Салават Фатхетдинов — певец.